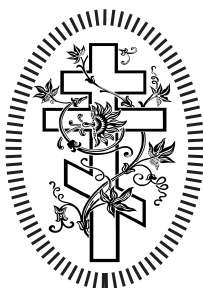

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Кавелин К. Д.	Суворин А. С.
Повесть Временных Лет	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Аскоченский В. И.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
Ростопчин Ф. В.	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Уваров С. С.	Игнатий (Брянчанинов)	Нилус С. А.
Магницкий М. Л.	Феофан Затворник	Меньшиков М. О.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Митр. Антоний Храповицкий
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Поселянин Е. Н.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Солоневич И. Л.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Шишков А. С.	Леонтьев К. Н.	Башилов Б.
Муравьев А. Н.	Победоносцев К. П.	Концевич И. М.
Киреевский И. В.	Фадеев Р. А.	Зеньковский В. В.
Хомяков А. С.	Киреев А. А.	Митр. Иоанн (Снычев)
Аксаков И. С.	Черняев М. Г.	Белов В. И.
Аксаков К. С.	Ламанский В. И.	Лобанов М. П.
Самарин Ю. Ф.	Астафьев П. Е.	Распутин В. Г.
Валуев Д. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Шафаревич И. Р.
Черкасский В. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Кожин В. В.
Гильфердинг А. Ф.	Тихомиров Л. А.	
Кошелев А. И.		

**ПОВЕСТЬ
ВРЕМЕННЫХ
ЛЕТ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014**

УДК 94(47+57)653

ББК 63.3(2)4

П 42

Повесть временных лет

П 42 Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.

Книга содержит полный текст (перевод) Лаврентьевской летописи, куда входит Повесть временных лет (основной источник по истории Киевской Руси) и ее продолжение – Суздальская летопись до 1305 года включительно. В приложении помещены известия, либо восходящие к Повести, либо отражающие иные летописные традиции. Вступительная статья характеризует основные этапы и направления русского летописания.

Бытовые подробности не занимают автора летописи. Его мысль парит над суетными попечениями, с любовью останавливаясь на деяниях святых подвижников, доблестях русских князей, борьбе с иноплеменниками-иноверцами. Но и все это привлекает внимание летописца не в своей голой исторической «данности», а как свидетельство промыслительного попечения Божия о России.

ISBN 978-5-4261-0071-8

© Институт русской цивилизации, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Русские летописи – уникальное явление в мировой культуре. Восемь столетий они являлись идеологическим стержнем, соединяющим прошлое и настоящее, поддерживающим идею единства народа и государственности – от легендарных Кия, Щека, Хорива и полулегендарных Рюрика с братьями до Московского царства XVI–XVII веков. Древо летописания ветвилось по городам и землям, честолюбие и тщеславие отдельных правителей силой врывалось на пергаменные листы, вытесняя суетным и преходящим нечто вечное, ценное для всего народа; летописцы и переписчики на свой вкус переписывали историю, устраняя одни «белые пятна» и создавая новые. Многие существенное выпало в результате тенденциозного редактирования, целые ветви исчезли в результате внешних набегов и завоеваний и внутренних усобиц. Но и ныне мы являемся обладателями огромного богатства, в полной мере далеко не учтенного. Только в московских рукописных хранилищах выявлено более тысячи рукописей, так или иначе связанных с летописной традицией. Представить все это в единой системе – задача более чем сложная. Тем более трудно дать представление о почти необозримом материале широкому читателю. А сделать такое представление необходимо хотя бы потому, что ни национальное, ни гражданское самосознание

невозможно без твердой опоры на традицию, понятую объективно и взвешенно.

Следует иметь в виду, что в большинстве своем летописи – это сборники, своды разнообразного материала. Такой характер их просматривается практически на всем протяжении от эпохи Владимира (или даже раньше) и до XVIII века, когда древние записи использовались часто в качестве своеобразного подхода к решению какой-то прагматической задачи современности. Всегда многое зависело от таланта летописца, от его политической и нравственной ориентации, от грамотности переписчиков. Но по крайней мере на протяжении XIII–XVI веков тексты более ранних летописных сочинений передавались с точностью, едва ли не благоговейной. Вообще в этот период допускалось больше свободы и произвола в трактовке современных событий и материалов, нежели тех, что стали достоянием истории. Позднее же переделкам будут подвергать как раз то, что считалось незыблемым: начало славян, начало Руси, истоки культуры.

«Канонизация» ранних текстов в летописании XIII–XVI веков позволяет с большой точностью восстанавливать исходные своды. Исследователи в таком случае, как геологи или археологи, снимают пласт за пластом, опускаясь все глубже и глубже. Но это ни в коей мере не означает, что сохранные тексты и изначально были «каноническими». Они тоже рождались как выражение представлений разных социальных и политических сил, часто в острой политической борьбе. В ходе этой борьбы полностью исчезали целые традиции, а о других некоторое представление дают лишь случайно уцелевшие в летописных сводах и других сборниках обрывки повестей и сказаний. Многих гипнотизирует то обстоятельство, что большинство древнейших лето-

писных сводов содержит одну и ту же, буквально повторяющуюся основу, обычно называемую Повестью временных лет или Начальной летописью. Но при этом не уделяется должного внимания тому обстоятельству, что все редакции Повести временных лет сохранились там, где княжили потомки Мономаха. Скажем, В. Н. Татищев или польские хронисты XV–XVII веков давали и существенно иную фактическую канву событий. Татищева на этом основании даже обвиняли в «фальсификациях». А объясняется все это достаточно просто: Татищев не имел под руками рукописей из центральных хранилищ, он не знал ни Лаврентьевской, ни Ипатьевской летописей. Но в его распоряжении оказалось много рукописей из провинциальных собраний и даже просто купленных на базарах или у гонимых властями старообрядцев. В центре летописи давно превратились в некие официозы, а на окраинах распространялся своеобразный самиздат.

Традиционно три летописи признаются за основные при обращении к событиям IX–XIII веков: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая. Именно их обычно привлекали для восстановления ранних этапов летописания, выявления первоначальных редакций Повести временных лет. Списки этих летописей являются и древнейшими среди летописных сводов, что само по себе как бы служит аргументом в их пользу. И хотя в позднейших (XV века) летописях оказываются в ряде случаев явно первоначальные тексты, в основу логично положить именно древнейшие.

Поскольку все дошедшие до нас летописи являются сводами предшествующих материалов, исследование обычно направлено на выявление таких же недошедших сводов. При сличении списков летописей XV–XVI веков обычно выясняется, что до какого-то

времени они (частично или полностью) совпадают, а затем расходятся. Совпадающий текст обычно указывает на то, что в разных списках отразился более ранний памятник, доведенный до определенного года. Но чем дальше продвигается исследователь в глубь веков, тем затруднительнее становится выявление этапов предшествующей работы. Во всяком случае, простого сопоставления текстов списков разных летописей будет недостаточно. Необходимо возможно более широкое привлечение «параллельных» внелетописных материалов, то есть сочинений, рассказывающих о тех же событиях, но находящихся за пределами летописной традиции или же извлеченных из летописей до появления ныне известных редакций. По ранним периодам много дает привлечение сведений иностранных источников (византийских, арабских, западноевропейских), а также данные материальной культуры.

Во все времена в условиях классового общества разные социальные слои придерживаются различных взглядов на прошлое и настоящее, различно воспринимают понятие социальной справедливости и неодинаковыми путями стремятся ее реализовать. На Руси различия углублялись многообразием исходных традиций, связанных с многоэтничностью ее с самого начала зарождения государственности. Эти различия неизбежно пробивались не только через внешние формы язычества, но и христианство не могло их полностью нивелировать. В быту многие традиции, идущие из глубочайшей древности, сохранялись до самого недавнего времени. Письменная традиция всегда более монолитна, тем более что увязывалась она у нас с христианством, которое мыслилось как нечто единое в пространстве и времени. Но при ближайшем рассмотрении и в нем можно увидеть разноречия, даже если они и не приводят к откры-

тому противостоянию (что, впрочем, тоже не редкость). В итоге чем глубже изучающий давние эпохи представляет ортодоксальный стержень тех или иных идей, тем вернее и легче он заметит отклонения от ортодоксии. А эти отклонения часто позволяют выделить и особые идейные течения, и даже индивидуальное мировоззрение какого-то автора.

Сказанное важно при проведении «раскопок» в глубоких шахтах текстов. Но в этом же заключается и главный смысл изучения любой эпохи: чем люди жили, каков их кругозор, сколь широка амплитуда воззрений, что перешло к следующим поколениям. Разумеется, много придется мысленно дорисовывать, «реконструировать». Ведь сохранившаяся часть текстов – лишь незначительная доля того, что имелось, а любой письменный документ предполагает не только раскрытие, но и сокрытие чего-то. Поэтому отрицание часто дает больше материала в пользу того, что отрицается, нежели даже и утверждение того же самого. Некоторые же существенные сведения об эпохе «выуживаются» из записей, вроде бы к делу не относящихся. Часто факты и события, в которых летописец или составитель сказания, жития никак не заинтересован, вернее всего и передают то или иное время.

Расслоению летописных текстов на первоначальные составные в большой мере помогает анализ хронологии. В языческую эпоху счет лет велся поколениями, а в рамках одного поколения – годами правления императора или князя. С христианством пришел абсолютный счет лет от «сотворения мира». Но время от сотворения мира до Рождества Христова в разных местах и разными авторами рассчитывалось различно. В итоге в христианском мире существовало до двухсот космических эр, и одно и то же событие могло быть датировано

совершенно разными годами от сотворения мира или Рождества Христова.

Помимо начала летосчисления различались и начала года. В Византии, например, год начинался с сентября. На Руси это начало будет принято лишь в конце XV века. А в эпоху Киевской Руси преобладал мартовский год. Были и отклонения от него: первое воскресенье марта, Благовещение (25 марта или 7 апреля по новому стилю), октябрь. Более всего путаницы в хронологию вносило соединение традиционного славянского мартовского стиля летосчисления с византийским сентябрьским. Разница в полгода либо выносилась вперед, либо отодвигалась назад. Так возникали стили (мартовский и ультрамартовский), обозначавшие одно и то же событие с разницей в год. Иногда использовались и источники, где одно и то же событие датировалось с разницей в восемь лет, четыре года; особый счет лет отразился в статьях, использующих какой-то болгарский источник.

Различия в хронологии в тех случаях, когда они выстраиваются в систему, позволяют ставить вопрос о культурных связях с разными областями христианского мира, а также о месте создания того или иного летописного произведения. Так, в Киеве применялся мартовский стиль и византийская космическая эра, считавшая время от сотворения мира до Рождества Христова в 5508 лет. Но в ранний период в Киеве же применялась космическая эра, по которой это время определялось в 5504 или 5505 лет, а также переписывались сочинения, где употреблялась антиохийская эра (5500 лет до Рождества Христова). Не исключено, что в разных монастырях и соборах различно вели счет лет. В Переяславле Русском, во всяком случае, устойчиво держался ультрамартовский стиль, и есть основания предполагать, что

при епископской кафедре год начинали с сентября, тогда как преобладало в переяславском летописании мартовское начало года.

Путаница в обозначениях года свидетельствует о том, что в быту этому счету не придавали значения, продолжая держаться языческих представлений об относительности времени, о его цикличности, повторяемости для каждого нового поколения. Может быть, поэтому и летописцы как будто не придавали особого значения хронологическим расхождениям, а позднее записи одних и тех же событий под разными годами воспринимали как сведения о разных явлениях. Так в летописях появлялось дублирование текстов, и летописцы тем скорее поддавались заблуждению, чем больше редакции записей отличались друг от друга.

Лаврентьевской летописи в летописном древе принадлежит особое место, поскольку именно ее текст обычно кладется в основу любого издания Повести временных лет. И он действительно в большинстве случаев содержит наиболее ранние чтения по сравнению с другими летописями. Само название «Лаврентьевская летопись» дается по списку, написанному в 1377 году под руководством монаха Лаврентия. Но Лаврентьевский список содержит множество пробелов, опусков, неверных прочтений. Испорченные места обычно восстанавливаются по Радзивилловской летописи – спискам собственно Радзивилловскому и Академическому, относящимся к XV веку, но доведенным лишь до 1206 года (в Радзивилловском списке на этом изложение кончается вообще, а в Академическом следует продолжение явно иной, нежели Лаврентьевская, традиции). В некоторых случаях привлекаются Троицкая (сгоревшая в 1812 году и восстанавливаемая по частичному изданию и отсылкам к ней у Карамзина) и Симеоновская

летописи. Этот отчасти реконструируемый текст и является Лаврентьевской летописью.

Лаврентьевский список, как следует из записи монаха Лаврентия в конце его, создавался при князе Дмитрие Константиновиче Суздальско-Нижегородском и, видимо, как-то на него и был сориентирован (может быть, делался по его заказу). Возможно, этим и объясняется, что позднее он нигде непосредственно не отразился в летописании: ни одна летопись, кроме Лаврентьевского списка, не знает Поучения Владимира Мономаха, которое, конечно, ни один переписчик не пропустил бы. Позднее список хранился в Рождественском монастыре в городе Владимире, где он, конечно, был доступен более широкому кругу читателей. Но, видимо, он попал туда сравнительно поздно, когда интерес к событиям киевского периода истории Руси уже угасал, а потому больше список и не переписывался.

Хотя Лаврентий в качестве переписчика называет только себя, в действительности рукопись написана несколькими почерками, и, следовательно, он был старшим (ответственным) группы переписчиков. Писцы явно различались и почерком, и тщательностью передачи оригинала, и грамотностью. Переписывали летопись с какой-то ветхой рукописи, доведенной до 1305 года и, видимо, около этого года и созданной. Протограф (то есть оригинал, с которого делалась рукопись) также стоял особняком в летописной традиции. В рукописи, как сообщает Лаврентий, были трудночитаемые места, что усугубляло трудности писцов, а параллельного летописного текста у них, видимо, не было.

Окончание протографа Лаврентьевского списка на 1305 годе побуждало специалистов искать следы летописного свода, составленного в это время. Были попытки поставить в зависимость от «полихрона начала XIV века»

практически все летописание XIV–XV веков (А. Х. Шахматов, М. Д. Приселков). Но для подобных мнений нет никаких оснований. Напротив. Наличие Поучения Владимира Мономаха в этом протографе свидетельствует о его уникальности: ни одна из летописей, возводимых к условному «полихрону», не содержит и намека на существование сочинений Мономаха. С другой стороны, обилие пропусков и неисправностей в изложении Поучения в Лаврентьевском списке говорит о том, что взято оно именно из ветхого протографа.

Из-за утраты ряда листов в Лаврентьевском списке трудно оценивать характер летописания конца XIII века, отраженного в летописи. Но можно указать на одного приметного летописца, чей почерк просматривается в описании событий с 20-х по 60-е годы XIII века. Этот летописец был близок Ростовскому епископу Кириллу, умершему в 1262 году. После разорения Владимира в 1238 году Ростов на какое-то время стал центром притяжения и сохранения письменной традиции; в Ростове, очевидно, и работал летописец, неоднократно проявлявший себя в комментариях.

Владимирское летописание середины и первой половины XIII века лучше сохранилось в летописных сводах XV века. Однако ранние его этапы с наибольшей полнотой переданы именно Лаврентьевской летописью. Радзивилловская летопись доведена до 1206 года, и примерно до этого времени и был доведен владимирский свод, отраженный также и в Лаврентьевском списке. Ценность Радзивилловской летописи (и Радзивилловского списка) в том и заключается, что содержащиеся в ней чтения не выходят за пределы начала XIII столетия. Тем не менее Лаврентьевский список имеет самостоятельную ценность потому, что в нем сохраняется более ранний владимирский свод, не затронутый редакцией

начала XIII века. В летописях этой традиции заметно присутствие летописца, обрабатывавшего материал в конце 80-х – начале 90-х годов XII века. Лаврентьевский и Радзивилловский списки с наибольшей полнотой совпадают до 1193 года.

Около этого времени во Владимире, видимо, составлялся какой-то свод, использовавший также южнорусское летописание. После этой даты уже не будет совпадающих известий в главных летописях северо-восточной и южной традиций – Лаврентьевской и Ипатьевской. А это значит, что общие чтения этих летописей не выходят за пределы XII столетия.

Предшествующее летописание довольно сложно. В Суздальской Руси неоднократно привлекали южнорусское летописание, на юге (в рамках Ипатьевской летописи) около 1193 года привлекли владимирское. Но есть одна закономерность: во Владимире, как правило, южнорусский материал используется через летописание Переяславля Русского. Само по себе это неудивительно: уже по «завещанию» Ярослава Мудрого (умер в 1054 году) Суздальская Русь относилась к переяславскому уделу. И на протяжении XII века эти связи оставались достаточно устойчивыми. Только периферия теперь возвышается над метрополией.

Переяславское летописание во многом (и даже в основном) строилось на киевском материале, сокращая и частично переделывая его. Эти сокращения часто нарушают логику изложения, а потому для прояснения содержания необходимо постоянно обращаться к тексту Ипатьевской летописи. Само владимирское летописание начинается как будто лишь после переезда на северо-восток Андрея Боголюбского(1155).

1156 год, как важный рубеж в истории летописания, был выделен еще Татищевым. И важен он имен-

но для Северо-Восточной Руси, потому что прибытие сюда Андрея Юрьевича было актом серьезной политической борьбы, в ходе которой с политической арены отодвигались одни силы и центры и поднимались другие. Внешне это проявлялось в оттеснении Ростова как ведущего идеологического и литературного центра Северо-Восточной Руси и выдвижении на первый план возникшего всего за полвека до этого Владимира. Именно в это время князь добивается устранения Ростовского епископа Нестора и начинает целенаправленную борьбу за выдвижение своих приверженцев и создание особой владимирской митрополии. Нестор вынужден был отъехать «в Русь». И хотя позднее он вернется на ростовскую кафедру, он уже не будет иметь ни той власти, ни того влияния, что имел при Юрии Долгоруком.

Лаврентьевская летопись практически ничего не говорит о деятельности Нестора Ростовского. Но ростовский летописец под 1231 годом вспоминает о нем как об одном из самых достойных ростовских святителей. Имеются внелетописные сведения о том, что в 40-е годы Нестор почитался и иерархами Новгорода. И весьма вероятно, что именно с ним связано создание «Летописца старого Ростовского», о котором упоминает в начале XIII века Владимирский епископ Симон в послании Поликарпу.

«Летописца старого Ростовского» и его содержания придется коснуться ниже в связи с выяснением истории создания Повести временных лет. Здесь же отметим, что во Владимире в 50-е годы, по-видимому, сознательно отказались от привлечения ростовского летописания, а может быть, даже и уничтожали рукописи неугодного князю, да и просто владимирцам, содержания. Что же касается летописца, прославлявшего Нестора в седи-

не XIII века, он, очевидно, в текст до начала XIII века вообще не вторгался.

Летописание Переяславля Русского, как было сказано, строилось в значительной степени на киевском, хотя со второго десятилетия XII столетия велись и собственно переяславские записи. В отличие от положения, сложившегося в Суздальской земле после прихода туда князя Андрея, в Переяславле Русском летописцы не претендовали на особое положение, поскольку и земля не претендовала на политическое лидерство. Поэтому здесь переделывают или просто сокращают (теряющие со временем актуальность) довольно пространные повествования киевских летописцев, но не ставят задачи дать особую интерпретацию истории Руси. Практически это означает, что и Повесть временных лет здесь передали примерно в том объеме, в каком получили в одном из киевских монастырей (Печерском или Выдубицком), а некоторые сокращения по сравнению с редакцией Ипатьевской летописи могут объясняться небрежностью переяславских летописцев или переписчиков. Но в сокращениях и изменениях текста за второе и третье десятилетие XII века усматривается и определенная закономерность. В этом случае может идти речь и о сознательном редактировании предшествующего текста, что может быть установлено лишь сопоставлением разных летописных сводов за эти годы.

Повесть временных лет – фундамент почти всего летописного древа и в большинстве случаев главная цель исследовательского поиска. Это и неудивительно: здесь поставлены основные вопросы, связанные с началом народности, государства, христианства; здесь спрессованы те идеологические и политические факты, которыми многие столетия питалось этническое и политическое сознание истекающей кровью Руси. И хотя

не так уж сложно заметить, что и на ранних этапах существования государства противоборствовали разные историко-политические традиции, велись разные по форме и содержанию исторические повествования, Повесть временных лет остается главным источником для суждения о первых веках русской истории.

Поскольку в основу реконструкции Повести временных лет кладется обычно Лаврентьевская летопись, то и 1110 год обычно принимается в качестве последнего, относящегося к первоначальной Повести. Именно после этого года в летописи следует запись Сильвестра о том, что он написал «книги си Лѣтописецъ» в 1116 году, будучи игуменом Выдубицкого Михайловского монастыря в Киеве. Ипатьевская летопись считается обычно более поздней редакцией той же Повести. Но в ней текст статьи 1110 года продолжается вполне логично, а под 1114 годом летописец проявляет себя, и эта статья перекликается с подобной под 1096 годом, которая есть в обеих летописях. При этом Хлебниковский список Ипатьевской летописи, относящийся к XVI веку, называет автором Повести печерского монаха Нестора. Поскольку в расчете лет при введении хронологической сетки конечной датой названа кончина Святополка, обычно предполагается, что в 1113 году и составлялась Повесть временных лет, причем автором чаще всего называют Нестора, инока Печерского, а Сильвестру отводят роль либо переписчика, либо редактора.

Таким образом, приоритет Лаврентьевской летописи как древнейшей оказывается относительным. Но и в Ипатьевской летописи нащупать древнейшую, «Несторову» основу не удастся: статья 1114 года написана явно не ранее 1118 года и приходится предполагать, что в это время составлялась еще одна редакция Повести, часто именуемая «третьей» (если считать, что была «первая»,

принадлежащая Нестору). Поскольку в обеих летописях в рассказе об ослеплении Василька (под 1097 годом) автор называет себя по имени (Василий), с ним стараются связать и предполагаемую третью редакцию.

Крупнейший и авторитетнейший исследователь русского летописания А. А. Шахматов (1864–1920) много времени потратил на реконструкцию первоначального текста Повести временных лет, но под конец вынужден был признать эту задачу неосуществимой. И неосуществима она оказалась потому, что задача все-таки была поставлена неверно. Шахматов искал свод, который, по его мнению, лежал в основе всего последующего русского летописания, и с этой точки зрения просматривал летописный и отчасти внелетописный материал. Между тем значительная часть этого материала не «втискивалась» в рамки предполагаемого свода. И этот, часто наиболее интересный и оригинальный материал ученому приходилось ставить под сомнение и даже отбрасывать как «поздний» и потому недостоверный.

Невозможным оказалось и размежевать «вторую» и «третью» редакции, то есть Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи: их явно нельзя было поставить в зависимость одну от другой, а предшествующий им текст вроде бы нигде определенно не просматривался. Для сопоставления Шахматов привлек младший извод Новгородской Первой летописи (старший, список которого датируется XIII–XIV веками, не имеет начала до 1015 года). Но он счел, что в этой летописи отразилась не Повесть временных лет, а предшествующий ей свод, названный им «Начальным». Этот свод он датировал 1095 годом и связывал также с Печерским монастырем. Но в новгородской летописи киевский источник доведен до 1115 года, и нет никаких признаков перерыва в летописании в середине 90-х годов. Сам старший список Новгородской Первой лето-

писи нет оснований как-то противопоставлять младшим: пропуск в начале этого списка вполне соответствует сохранившимся чтениям младших. А старший и Шахматов признавал сокращением Повести временных лет.

Трудности заключаются в том, что в новгородских летописях есть и явные сокращения текста киевской летописи, вплоть до замены отдельных сюжетов, и пропуски, относящиеся к самому киевскому оригиналу. Так, в Новгородской Первой летописи иначе, нежели в Повести временных лет, передано начало Руси, причем речь идет не просто о более раннем или более позднем, а о совсем другом представлении об этом «начале». Нет в новгородской летописи «четвертой» мести Ольги, нет всех четырех договоров Руси с греками. Шахматов и большинство его последователей полагали, что все переделки – творчество Нестора, ради чего и приходилось пренебрегать фактом доведения киевского источника, использованного в Новгороде, до 1115 года. Но, как было сказано выше, в Повести явно есть сюжеты, вошедшие в нее не ранее 1118 года, а некоторые относятся уже и ко времени после кончины Владимира Мономаха в 1125 году.

Ясное свидетельство летописной работы во второй половине 20-х годов XII века содержится в редакторском отступлении при изложении сказания об ослеплении Василька под 1097 годом. Само это сказание, видимо, с достаточным основанием датируется временем между 1112 и 1117 годами. Но в пересказе его дается оценка Владимира Мономаха, записанная уже после его смерти: «Владимир бо так бяше любезнив...» Комментарий этот имеется и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях и перекликается со статьей-некрологом о кончине Владимира Мономаха под 1125 годом.

Владимир скончался «на Лте» (то есть на реке Альте) при Борисоглебской церкви, созданной им и являв-

шейся чем-то вроде его резиденции. Рука переяславского летописца заметна и в этой, и в следующих статьях. Последняя, кстати, дана в Лаврентьевской летописи по принятому в Византии сентябрьскому летосчислению (уникальный случай для раннего русского летописания), что указывает на близость летописца к высшим греческим иерархам.

В литературе обращали внимание и на то, что в конце 20-х годов в Галицкой Руси составлялся летописный свод, связанный с сыновьями внука Ярослава, Ростислава Владимировича, отравленного греками в 1066 году в Корсуне. Сыновья князя-изгоя нашли прибежище в Галицкой земле, но сохранили память и о городе детства – Новгороде. Не случайно, что умерший в 1092 году сын Ростислава, княживший в Перемышле, носил имя Рюрик: это был первый Рюрик в генеалогическом древе русских князей.

Летописный свод конца 20-х годов, составленный в Галицкой Руси, активно использовался польскими хронистами, в частности Яном Длугошем (XV век). В Переяславле и в киевских обработках он использовался лишь отчасти. Но он помогает понять характер работы переяславского сводчика. Сохраняя в основном предшествующий летописный материал, летописец делал и вставки, затрагивающие и начальные страницы летописи. Так, едва ли не на этом этапе особое внимание было уделено русско-византийским отношениям. Дело в том, что в княжение Владимира Мономаха обострилась борьба Руси с Византией за нижнедунайские города.

Нижнедунайские города – одна из любопытнейших загадок ранней русской истории. Сюда в свое время стремился Святослав, намереваясь именно здесь сделать центр, «середу» своей земли. Пять столетий спустя в «Списке русских городов дальних и ближних»

именно с этих городов начнется перечень. Эти города непосредственно подчинялись в церковном отношении Константинополю (а не болгарскому митрополиту), и русский митрополит болгарин Киприан, приверженец константинопольских исихастов, ратовал за возвращение городов Русской (а не Болгарской) митрополии.

О том, что в низовьях Дуная существовала какая-то Русь, писал недавно Б. А. Рыбаков, помещавший здесь «остров русов» арабских источников. Вопрос об «острове» мы здесь затрагивать не будем, тем более что источники называют в Европе более десятка разных «Русий». Но претензии русских князей и Русской митрополии на Нижнее Подунавье имели под собой определенные и в известной мере международно признанные основания.

Владимир Мономах в 1116 году попытался утвердить на Нижнем Дунае своего зятя Леона Дигенича, которого в Византии считали самозванцем. Леон занял нижнедунайские города, но был убит подосланными императором Алексеем убийцами. Летописи дают точную дату покушения: 15 августа. После этого Владимир направляет туда Ивана Воитишича, который разместил по Дунаю посадников. Видимо, он там не удержался (Татищев прямо пишет об этом), и был снова направлен отряд во главе с Фомой Ратиборичем. Этот поход тоже успеха не имел, но сменивший умершего Алексея император Иоанн проявил заинтересованность в установлении дружественных отношений с Русью. По его инициативе в 1122 году был заключен брак его с дочерью Мстислава Владимировича. Предполагалось и заключение какого-то договора, который либо не дошел до нас, либо в итоге не был заключен. Именно в связи с этими переговорами должен был возникнуть особый интерес к предшествующим договорам Руси с греками.

Одно из главных отличий текста Новгородской летописи от Повести временных лет – полное отсутствие дунайских сюжетов. Именно на этом основании Шахматов считал, что этнографическое введение Повести временных лет с лежащим в его основе сказанием о славянской грамоте – творчество Нестора. Получалось так, что сказание это позднее и потому недостоверное. Между тем в нем самом достаточно ясно просматриваются черты, позволяющие относить время обработки русским летописцем западнославянского сказания о славянской грамоте ко времени Владимира, то есть к концу X – самому началу XI века. А значит это либо то, что новгородский летописец последовательно опустил дунайские сюжеты, поскольку последовательно держался версии варяжского происхождения Руси, либо источник времен Владимира был заново привлечен в 20-е годы.

Представление о привлечении в Новгороде киевской летописи конца XI века строилось Шахматовым главным образом на основе предисловия, содержащегося в младшей редакции Новгородской Первой летописи. Но он и сам позднее признал, что предисловие это привлечено новгородским летописцем лишь в XIII веке, правда, продолжая считать его киевским сочинением. Между тем новгородское происхождение «предисловия» видно и из подчеркивания приоритета Новгорода, и из связи с кругом хронографических памятников XIII века, переписывавшихся или создававшихся в Новгороде.

Предисловие новгородской летописи было навеяно трагическим событием – падением Константинополя под ударами крестоносцев в 1204 году. Но это не значит, что написано оно сразу же после события. Ведь Константинополь оставался под властью крестоносцев до 1261 года. Не исключено, что автор предисловия и пономарь Тимофей, названный в Новгородской летописи под 1230 годом

в первом лице, – одно лицо. Он был близок к архиепископу Антонию (ум. 1232), который в начале XIII века еще со светским именем Добрыни Ядрейковича побывал в Царьграде, а с 1220 по 1225 год был епископом в Перемышле. Сближает же новгородскую и перемышльскую (судя по Длугошу) одна деталь: и в той и в другой Олег Вещий признавался не князем, а воеводой Игоря. В этом проявляется отчетливая, хотя и не вполне понятная тенденциозность. Не исключено, что эта тенденциозность находится в связи с усобицей, развернувшейся после смерти Олега за киевский стол, в ходе которой, по некоторым данным, сын Олега (тоже Олег) был изгнан своим двоюродным братом Игорем, бежал в Моравию, откуда вернулся на Русь уже после смерти Игоря.

Надо сказать, что галицкие князья проводили самостоятельную политику в отношении Византии, поддерживали с ней тесные отношения и претендовали на те же нижнедунайские города, что и Владимир Мономах. В сказании об ослеплении Василька упоминается, что Василько намеревался захватить эти города (в конце XI века). В конце XII века «суды рядил до Дуная» Ярослав Осмомысл, воспетый в «Слове о полку Игореве». А там, где есть многолетнее соперничество и спор из-за «мест» – географических или политических, – обязательно вырабатывается и идеологическое обоснование тех или иных притязаний.

Новгородская Первая летопись сохраняет еще одну специфическую особенность: если исключить самые начальные статьи, начиная с Игоря она дает вплоть до 1115 года киевскую летопись. Между тем в Новгороде давно велись собственные записи и составлялись своды. Софийско-новгородские летописи XV века используют такой новгородский источник, который явно предшествует Повести временных лет и лишь частично (и

часто небрежно) использован в киевской летописи. Видимо, это связано с тем, что летописца интересовала не столько новгородская история, сколько вопрос о происхождении династии русских князей, и ее он постарался связать с Новгородом.

Неоднозначность новгородского летописания естественно вытекает из долговременного сосуществования различно ориентированных политических институтов: княжеской власти, представляющей обычно все-таки внешнюю для Новгорода силу, архиепископской кафедры – тоже не вполне новгородской, по крайней мере в ряде случаев, и собственно городской, связанной с институтом посадничества. Различались по направленности и новгородские монастыри, в каждом из которых тоже, конечно, велась та или иная литературная работа и где в условиях сравнительно более благоприятных, нежели в Южной или Северо-Восточной Руси, могли держаться разные традиции в течение длительного времени. Поэтому и киевский источник мог быть здесь привлечен, скажем, в окружении одного из князей, присланных из Киева (например, Всеволода, сына Мстислава Владимировича), но мог он попасть сюда и через Галицкую Русь.

Существенно, что включенная в Новгородскую Первую летопись киевская ближе всего именно к редакции Лаврентьевской летописи. Так, в описании кончины Ярослава Мудрого, различающемся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, новгородская повторяет даже очевидные ошибки первой: пропуск места княжения Изяслава, выделение Всеволода, как любимого сына Ярослава. Кстати, этот текст Шахматов включал в состав «Начального свода» конца XI века. Но тенденциозное возвеличивание Всеволода относится не к концу XI века, когда преемником Всеволода стал Святополк и никто

этого не оспаривал, а когда после смерти Святополка в 1113 году развернулась борьба за киевский стол, который в итоге занял Владимир Мономах. Примерно таким же образом внуки Ярослава Мудрого «подправляли» биографию деда, дабы доказать свое право на владение Киевом перед соперниками Изяславичами Полоцкими.

Таким образом, в Новгороде была привлечена летопись, содержащая до 1115 года тот же киевский источник, что отразился и в Лаврентьевской летописи. При этом в части до 945 года киевский материал был заменен отчасти собственно новгородским, отчасти галицким. Что же касается ряда других материалов – договоров Руси с греками, «четвертой» мести Ольги, рассказа о заложении Переяславля, – их появление может быть связано с редактированием Повести временных лет в Переяславле в 20-е годы. В распоряжении летописца были некоторые переяславские записи и предания, документы великокняжеского архива, галицкой и киевской (или киевских) летописей. Личность Сильвестра оказывается связующим звеном между Киевом и Переяславлем: Сильвестр писал в 1116 (или в 1115) году летопись в Выдубицком монастыре, причем в записи он говорит об этом как об относительно отдаленном прошлом, а затем с 1118 по 1123 год возглавлял Переяславскую епархию. Кстати, автор сказания об ослеплении Василька Василий тоже имел какое-то отношение к Выдубицкому монастырю. Именно в этом монастыре в Киеве останавливался князь Василько, которого сопровождал автор сказания. Монастырь этот был создан Всеволодом при своей загородной резиденции, и располагался он в получасе ходьбы от Печерского ниже по течению Днепра.

С XVIII века и до сих пор держится представление, что автором Повести временных лет является монах

Печерского монастыря Нестор. Мнение это, однако, исходит из оценки всего летописания как единого древа, в основе которого лежит единственный памятник начала XII века. А это заведомо неверно и попросту невозможно в условиях племенной и феодальной раздробленности, в условиях, когда даже летосчисление вели различно в соседних городах и даже соседних монастырях. Задача должна быть сформулирована иначе: что написали Нестор, Сильвестр, Василий и другие не названные по именам летописцы. Определить это трудно потому, что чаще всего нет сочинений, бесспорно принадлежащих тому или иному названному по имени летописцу. Лишь монах Нестор является автором двух бесспорно ему принадлежащих внелетописных сочинений: Чтения о Борисе и Глебе и Жития Феодосия, игумена Печерского. В этих сочинениях можно найти некоторые сведения об авторе, составить представление о его мировоззрении и «круге чтения», о языке и стиле. И уже отправляясь от этих объективных данных, искать в летописи следы тех же воззрений и знаний.

В огромной литературе о «Несторе» найдется немало работ, в которых задача так и ставилась и вывод всегда был достаточно определенным: если летопись писал Нестор, то это был не тот Нестор, что писал агиографические, житийные произведения. Но в популярных очерках летопись приписывалась именно Нестору-агиографу. На практике это приводило к отказу от выявления особенностей мировидения разных авторов киевской поры, к игнорированию идеологических различий и даже противостояний, свойственных любой исторической эпохе. В результате примитивизировалось само мышление писателей и вообще людей того времени, им отказывали даже в способности логически мыслить.

Если бы требовались доказательства несостоятельности такого самообольщения ценителей XX столетия, то достаточно было бы указать на Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона: немного и в современной литературе найдется произведений столь логически безупречно выстроенных. Да и сочинения Нестора говорят о том же. И если Нестору приписывают явные противоречия привлечением летописных текстов, то вина в этом не его.

Поскольку «проблема Нестора» совсем не частный вопрос, а понимание самого характера всей древнерусской письменности и даже идеологии, понимание истоков культуры и традиций, необходимо задержать внимание на тех сочинениях, где имя Нестора упоминается. Как уже было сказано, это имя есть в списке XVI века Ипатьевской летописи в заголовке. В самом Ипатьевском списке имя не названо, но летопись приписывается черноризцу Печерского монастыря. Татищев знал еще два списка, в которых упоминалось имя Нестора, причем в одном из них сохранялась и запись Сильвестра. Нестора-летописца называет также Патерик Печерского монастыря, причем особенно это подчеркивается в редакциях середины XV века.

Итак, Повесть временных лет, Печерский патерик, два жития. Можно ли их приписать одному лицу? Нетрудно заметить, что речь идет о разных авторах и разных традициях.

В Чтении о Борисе и Глебе и Житии Феодосия Нестор называет себя, причем во втором сочинении и в начале и в конце. Чтение было первым его сочинением, Житие – вторым. В Повести временных лет в ряде случаев заявляет о себе летописец «ученик Феодосия», и именно эти тексты обычно увязываются с Нестором. Однако биографические данные в житиях противоречат

такому допущению. «Ученик Феодосия» пришел в Печерский монастырь 17 лет от роду, был пострижен Феодосием, знал многих современников игумена лично. Нестор же «о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии оспытовая слэшах от древньиих... отець, бывших в то время». Принят же он был в монастырь игуменом Стефаном, «и яко же от того острижен быв и мьнишьскыя одежа съподоблен, паки же и на дияконьскый сан от него изведен сый».

Очевидно, Нестор был моложе «ученика Феодосия», которому в Повести временных лет принадлежит ряд больших текстов за вторую половину XI и начала XII века, в частности тексты, связанные с начальной историей Печерского монастыря. Нестор же писал свои жития явно позднее. Видимо, многое уже стерлось в памяти, и потому изложение как бы расплывается в пространстве и времени. У Нестора почти нет имен и дат, он не употреблял «индиктов», не пользовался для определения времени понятием «час». Он называет всего двух свидетелей времени Феодосия по именам: бывшего келаря Федора и монаха Илариона, и оба упомянуты в прошедшем времени. Последнее обстоятельство заставляет думать, что он писал не только много лет спустя после событий, но и за пределами Киева: в стольном граде наверняка нашлись бы свидетели и полвека спустя после кончины Феодосия.

Складывается впечатление, что и с текстом Повести временных лет Нестор не был знаком. Ведь и повествование о Борисе и Глебе, и рассказ о Феодосии и подвижниках Печерского монастыря имеются в летописи, занимая в ней немало страниц. И различия касаются не только стиля и языка, но и самого коренного содержания. У Нестора существенно иное представление о всех событиях, нежели у летописцев, редакциро-

вавших Повесть временных лет. Приведем здесь некоторые из них.

Чтение

1. Борис княжил во Владимире Волынском.
2. По смерти Владимира Святополк приходит в Киев.
3. Убийцы добились раненого Бориса, когда он выскок из шатра.
4. Глеб был с отцом в Киеве и с вокняжением Святополка бежал на «кораблеце» в «полуночные страны».

Летопись

- Борис княжил в Ростове.
- Святополк находился в Киеве.
- Бориса добились два варяга по приказу Святополка, когда его раненого везли на коляске.
- Глеб не был в Киеве и не знал о смерти отца.

Житие Феодосия

1. Ярослав погребен Изяславом.
2. Новый монастырь основан в 1062 году Феодосием.
3. Антоний ушел от дел, когда собралось 15 иноков.
4. Студийский устав получен из Константинополя от постриженника монастыря Ефрема, позднее переяславского митрополита.

Чтение

- Ярослав погребен Всеволодом.
- Новый монастырь основан Варлаамом (даты нет).
- Антоний ушел, когда собралось 12 иноков.
- Студийский устав принес монах Студийского монастыря Михаил, пришедший на Русь с митрополитом Георгием.

5. «С совета всех» Феодосий перед смертью ставит игуменом Стефана.	Феодосий предлагает выбрать кого-нибудь, кроме Николы и Игната. Братия оставляет выбор за игуменом. Феодосий предложил Иакова, но братия его отвергла как пришедшего «с Летьца». Согласившись благословить Стефана, Феодосий выговорил братии, что они творят свою волю, не считаясь с Божьим повелением».
6. До созыва братии Феодосий болел три дня.	Феодосий болел пять дней.
7. Феодосий поведал Стефану, что умрет в субботу после восхода солнца.	Феодосий умер «в час 2 дне» (7 часов утра). (О предсказании летопись не упоминает).
8. Нестор с особым почтением говорит о «Великом Никоне» (ум. 1088).	Старец Матвей видит на месте Никона осла, а старец Исакий «от игумена Никона примаше раны».
9. Умиравшему Дамиану явился образ Феодосия, который затем разъяснил, что приходил ангел.	Феодосий не раскрывает сути видения, заверяя умирающего, что обещанное ему будет исполнено.

Здесь воспроизведены расхождения при описании одних и тех же событий. Но и летопись, и жития приводят и достаточно существенные неповторяющиеся данные. Нестор явно сочувствует Изяславу и его дому,

как ученик к учителям относится к Стефану и к Никону. О первом он дает ряд оригинальных сведений, связанных с его деятельностью в качестве игумена, а затем епископа Владимира Волынского. Этот город вообще занимает особое место в сочинениях Нестора, в то время как «полуношные страны» ему и мало известны, и не слишком его интересуют. Вообще впечатление такое, что писал Нестор не в Киеве. Он, например, поясняет, что Василев – город, «отстоя от Киева, града стольного, 8 поприщ». Киевлянину пояснять этого не нужно было. Зато волынянину, никогда не бывавшему в «стольном граде», такое разъяснение было необходимо. В другом месте, говоря об основании нового монастыря в 1062 году, он напоминает, что этот монастырь «и ныне есть, Печерский наричем». Повторяется такое напоминание и в другом месте. Для некиевлянина дается и описание внутреннего расположения монастыря.

Из сказанного следует, что Нестор-агиограф не только не был автором Повести временных лет, но и не был знаком с этой летописью. В самом Печерском монастыре он находился, видимо, недолго. Похоже, что он ушел оттуда во Владимир Волынский либо вместе со Стефаном, либо вслед за ним. Лишь у Нестора, в частности, имеется упоминание о монастыре под Владимиром, называвшемся не без претензий «Святой горой» («Святой горой» именовали монастыри на Афоне).

В Патерике Печерского монастыря также упоминается имя Нестора и даются отсылки на ему принадлежащую летопись. При этом имя Нестора упоминается в послании Поликарпа Симону, а Симон называет «Летописец старый Ростовский». Патерик весьма богат оригинальными сведениями, в том числе летописного характера. Здесь, кстати, дается совершенно иная версия и начала, и дальнейшей истории монастыря, нежели в

Повести временных лет и в житиях Нестора. В основе здесь – несохранившееся Житие Антония, деятельность которого начинается задолго до Феодосия и даты, обозначенной в Повести временных лет (1051). Связанная с печерской письменной традицией Густинская летопись (XVII век) называет дату 1013 год, когда якобы Антоний вселился в «Варяжскую пещеру», от которой и пойдет Печерский монастырь.

Печерский патерик в гораздо большей мере, нежели Повесть временных лет, держится грекофильской ориентации: подчеркивается роль греческих мастеров, греческих постриженников в самом монастыре, упоминается о хранящихся там греческих книгах. Другой акцент – возвышение роли варягов в христианизации Руси. Варяги имели непосредственное отношение к созданию Печерского монастыря. В Патерике воспроизводится принадлежащее Симону Сказание о создании Печерской церкви Богородицы, главным героем которого является варяг Шимон, племянник известного и по Повести временных лет Якуна. Шимон бежал к Ярославу от дяди, захватив с собой «золотой пояс» с изображением Христа и имея внушение свыше о предстоящей миссии по созданию церкви Богородицы. Поначалу Шимон служил у Ярослава, затем тот его передал Всеволоду, который также окружал его почетом. Участвовал Шимон и в битве 1068 года, и Симон рассказывает о ней через восприятие Шимона. Антоний предсказал князьям и Шимону, что битва закончится поражением, но Шимону он предрекал спасение и погребение в той церкви, которая будет им создана. После битвы Шимон был пострижен Антонием в монастыре под именем Симона (Шимон – это и есть Симон: «ш» вместо «с») употреблялась в речи балтийских славян и отчасти в Северо-Западной Руси). «Золотой пояс» он передал в

монастырь, и пояс станет одной из монастырских святынь, обладающей целебными свойствами.

В связи с созданием церкви Богородицы упоминается и сын Шимона Георгий. Георгий Шимонович будет позднее воспитателем Юрия Долгорукого, отправится с ним на северо-восток в 1107 году и станет ростовским тысяцким. Именно ему поручал Юрий Долгорукий управление Суздальской землей после своего утверждения в Киеве.

Упоминаемый Поликарпом «летописец» Нестора также не идентичен Повести временных лет. В нем, в частности, имелся рассказ о Никите Затворнике, который был «прелщен... от врага»: «вся книги жидовьския сведяше добре, евангелиа же и апостола... сих николи же въсхоте видети, ни слышати, ни почитати». «Изгонять беса» пришли Никон, видные подвижники монастыря и среди них Нестор. В Повести временных лет Никита упомянут единственный раз мимоходом под 1096 годом, когда он был уже новгородским епископом. Не совпадают с Повестью и другие сюжеты, возводимые к «летописцу». В нем значительно весомее выглядит и политическая роль Печерского монастыря. Тот же Никита, обладая даром предвидения, заранее знал о гибели Глеба Святославича (1078) и предложил Изяславу отправить в Новгород на княжение Святополка. Постриженники Печерского монастыря тесно взаимодействуют с князьями, и князья неизменно почитают их. При этом знакомый Симону и Поликарпу летописный труд прославлял не только ветвь Всеволод – Владимир Мономах – Юрий Долгорукий, но и Святослава Ярославича, с потомками которого сам Мономах вел скрытую или открытую борьбу.

Симон с начала XIII века находился во Владимире сначала в качестве игумена Рождественского монастыря, а затем Владимирского епископа. Стремясь развеять со-

мнения Поликарпа, роптавшего на порядки в Печерском монастыре и тяготившегося монашеской жизнью, Симон напоминал ему о славе монастыря, о подвигах его постриженников. При этом он советовал почитать «Летописец старый Ростовский», будучи уверенным, что Поликарп может воспользоваться этим советом.

«Старым» называет Симон Ростовский летописец, видимо, для различения от «нового», составленного в его время. В Лаврентьевской летописи это «новое» ростовское летописание отражается после 1206 года. Ранее же ростовское летописание просматривается более всего в проростовских сводах XV века и отчасти в Ипатьевской летописи. И продолжают эти извлечения из ростовского источника до 50-х годов XII столетия. К этому же времени может быть отнесен и упоминаемый Симоном «Летописец».

Ссылка на Летописец сделана Симоном в связи с перечислением епископов, вышедших из Печерского монастыря. Он называет четырнадцать имен и добавляет: «Аще хочещи вся уведети, почти летописца стараго Ростовского: есть бо всех болий 30; а еже потом и до нас грешных, мню близ 50». Лаврентьевская летопись знает лишь девять из четырнадцати перечисленных, причем лишь о Стефане сказано, что он ранее был игуменом Печерского монастыря. Большинство названных Симоном епископов были поставлены на епархии в конце XI–начале XII века. Но здесь же назван Нифонт, занимавший новгородскую кафедру в 1136–1156 годах. Само соотношение «более 30» и около двадцати поставленных, видимо, на памяти Симона, тоже ведет к середине XII века. К тому же времени естественно отнести и особое внимание к Шимону и его сыну Георгию. Лаврентьевская летопись его вообще не упоминает. Но Тверской сборник (XVI век), использующий ростовское летописание,

сообщает, что Георгий тысяцкий в 1120 году возглавлял поход на болгар, а Ипатьевская летопись под 1130 годом говорит о важном вкладе его в Печерский монастырь: он оковал гроб Феодосия.

Юрий Долгорукий в первый раз занял Киев в 1149 году и затем до кончины там в 1157 году либо занимал его, либо вел за него борьбу. Согласно сообщению Симона, в это время Георгий Шимонович оставался в Суздале: Юрий Долгорукий своему тысяцкому «яко отцу предаст землю Суждальскую». С переездом на север Андрея Боголюбского положение здесь решительно изменится. И с этим обстоятельством естественно связывается само пресечение старой ростовской летописной традиции. О судьбе Георгия Шимоновича летописи ничего не сообщают: возможно, к этому времени его и не стало, если учесть, что было ему едва ли менее 80 лет. С ростовской кафедры был удален Нестор, а затем была изгнана гречанка, мачеха Андрея, с ее детьми. Означало все это резкий поворот от прогреческой ориентации к противоположной, нацеленной на освобождение от внешней зависимости Церкви.

Противоборство Изяслава Мстиславича со своим дядей Юрием Долгоруким в 40–50-е годы разделило русское общество. Изяслав Мстиславич стремился опереться на традиции самостоятельной Русской церкви, а союзников искал на Западе. Юрий Долгорукий обычно привлекал половцев, искал поддержки у Ольговичей, а в церковном отношении поддерживал противников митрополита русина Климента. В числе этих противников были игумен Печерского монастыря грек Феодосий (1142–1156), новгородский епископ Нифонт и, очевидно, Ростовский епископ Нестор, близкий Нифонту. С его именем и может связываться сам ростовский летописец, в котором акцентировалось внимание именно к церковной истории.

Вопреки мнению Шахматова и некоторых его последователей, «Летописец старый Ростовский» представлял совсем иную традицию, нежели Повесть временных лет, а в Лаврентьевской летописи он даже и косвенно практически не отразился. В отличие от Повести временных лет, в нем последовательно проводится прогреческая и проваряжская тенденция. Именно здесь первыми святыми на Руси признаются отец и сын варяги, а ростовский епископ печерянин Леонтий «третий гражданин бысть Рускаго мира: с онема варягома венчаяся от Христа, его же ради пострада».

В позднейшей традиции Леонтий будет отодвинут аж на седьмое место в перечнях ростовских епископов. У Симона, ссылающегося на Летописец, он «пръвый престолник, его же невернии много мучивше и бивше». Удревнение истории христианства в Суздальской земле связано с проводимым Андреем и его окружением идеологическим обоснованием правомерности утверждения здесь особой митрополии. «Старый летописец Ростовский» еще не знал этих легенд, давая более достоверную картину. Да и в комментарии летописца под 1231 годом предшественниками Кирилла названы лишь Леонтий, Исая и Нестор. Первые два печерских постриженника возглавляли Ростовскую епархию в 60–80-е годы, то есть позднее перенесения останков Бориса и Глеба Ярославичами в 1072 году. Но в традиции ростовского летописания братья-мученики не называются. Между тем именно их чаще всего в древнерусской письменности называют первыми русскими святыми.

Таким образом, в Ростове до середины XII века существовала оригинальная летописная традиция, связанная с епископской кафедрой и Киевским Печерским монастырем. Традиция эта заметно отличается от основных ветвей киевского и переяславского летописания

и совершенно не совпадает с новой письменной традицией, зарождающейся во Владимире. К ростовскому летописанию середины XII века явно имел отношение епископ Нестор. Может ли этот Нестор быть отождествлен с Нестором-агиографом? Маловероятно. И дело не в возрасте: Нестор постриженник Стефана, и Нестор, епископ Ростовский, – современники Георгия Шимоновича. Оба приверженцы византийской трактовки православия. Но Нестор-агиограф тяготеет к дому Изяслава и Юго-Западной Руси, а Нестор Ростовский – к младшему сыну Владимира Мономаха и его союзникам из потомков Святослава. В позднейшей письменной традиции Печерского монастыря двух Несторов, по-видимому, сплели в одного, перенеся это имя также и на переписывавшиеся в монастыре списки Повести временных лет.

Следует считаться и с тем обстоятельством, что сама история Печерского монастыря изображалась вышедшими из него писателями совершенно различно. Даже в сохранившихся памятниках отражены целых три версии, известные уже в XII веке, когда вроде бы еще много было и живых свидетелей. Вполне вероятно, что существовали и какие-то иные. И причины этого могут быть две, и обе они так или иначе сказываются. Во-первых, в Печерском монастыре шла скрытая и открытая борьба существенно разных направлений, в том числе ориентирующихся на Константинополь (к этой ориентации, видимо, принадлежал Антоний) или на собственно русское христианство, выразителями которого был Иларион и в какой-то мере Феодосий. Спор вокруг кандидатур Иакова и Стефана – вероятных преемников Феодосия – также предполагает различия в воззрениях братии. Во-вторых, по-видимому, все три версии предназначались не для печерской братии, а для паствы мест новых назначений. «Ученик Феодосия», давший свою версию истории Печерского мо-

настыря в Повести временных лет, тоже пишет не для своих коллег, это припоминание о том времени, когда он был в Печерском монастыре.

В этой связи показательна запись о «знамении» над Печерским монастырем 11 февраля 1110 года: «весь мир видел», как с запада на восток передвигался огненный столп, закрывая строения, пока не остановился над гробом Феодосия. Наблюдать такое можно было лишь со стороны, например из Красного двора Всеволода, располагавшегося над Выдубицким монастырем. А это может значить, что «ученик Феодосия» и Сильвестр – одно лицо, что Выдубицкий монастырь – одно из назначений печерского постриженника, за которым вскоре последует Переяславская епархия.

«Ученику Феодосия», бесспорно, принадлежат статьи 1051, 1074, 1091 годов, рассказывающие об истории Печерского монастыря. Под 1074 годом, говоря о кончине Феодосия, летописец называет и некоторых подвижников, живших в конце XI века. Примечательно заключение этого описания: «Тази ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко светила, и молятъ Бога за сде сущюю братью и за мирьскую братью, и за приносящая в манастырь, в немже и доныне добродетелное житье живут, обще вси вкупе, в пеньи и в молитвах и послушанья». Здесь чувствуется и временное расстояние – новому поколению надо рассказать о тех, примеру которых надо следовать, и отдаленность от монастыря, в котором «добродетелное житье» сохраняется и ныне.

В статье 1091 года, где летописец и называет себя «учеником Феодосия» и рассказывает об активном участии в перенесении останков учителя, сказано о дружбе Феодосия с семьей Яна, а под 1106 годом говорится о кончине Яна, от которого летописец «много словеса

слышах, еже и вписах в летописанье семь». В этой же статье опять явно со стороны отмечено, что «его же и гроб есть в Печерском монастыря, в притворе, идеже лежит тело его».

Следует обратить внимание и на этический момент: Сильвестр, епископ Переяславский, в прошлом игумен Выдубицкого монастыря, заявляет, что именно он написал «летописец». Для древнерусской литературы вообще свойственна анонимность, а для монаха обязательна и личная скромность. И мы, пожалуй, не сможем привести ни одного примера, когда бы чужой труд кем-то был сознательно присвоен. Другое дело – определить, что именно написано этим летописцем, поскольку использование предшествующего летописания было обычным и обязательным элементом работы сводчика. Помимо сведений о Печерском монастыре этому же летописцу принадлежали какие-то записи, сделанные со слов Яна. Сюда, видимо, следует отнести изложение разновременных событий и размышления о них под 1071 годом, изложение Поучения о казнях Божьих под 1068 годом, весьма близкое аналогичному Поучению Феодосия, ряд других статей. Но в летописи сохранено и более раннее повествование, доведенное примерно до 80-х годов XI столетия, а в записях начала XII века чувствуется и некоторая путаница, вызванная соединением разных источников и записей по разным стилям и космическим эрам.

В связи с работой над летописью Сильвестра возникает и еще ряд проблем. Во-первых, запись указывает на 1115 или 1116 год (в зависимости от того, какой стиль здесь подразумевается), а последняя статья оканчивается 1110 или 1111 годом, причем она как будто оборвана. Во-вторых, как быть со статьей 1096 года, связанной со статьей Ипатьевской летописи под 1114 годом,

и вероятностью того, что обе они внесены в летопись в 1118 году? И наконец, почему Сильвестр говорит о своем труде и пребывании в Выдубицком монастыре в прошедшем времени?

Последнее обстоятельство может иметь большое значение. Если запись сделана лишь после 1118 года в Переяславле, когда Сильвестр стал епископом Переяславским, то в Выдубицком монастыре его труд мог сохраняться и переписываться как анонимный. Может быть, поэтому имя Сильвестра сохраняют лишь те летописи, которые опираются на переяславскую летописную традицию. С другой стороны, вторично обратившись к летописи, Сильвестр мог делать и какие-то добавления в нее. При вторичном обращении и могли появиться статьи 1096 и 1114 годов. Примечательно, что как некое наслоение на принятый в основном тексте Повести временных лет мартовский стиль появляется ультрамартовский, употреблявшийся именно в Переяславле, причем этот стиль выявляется прежде всего в статье 1096 года (вперемежку с мартовским).

Незаконченность летописи, отсутствие ряда статей перед записью Сильвестра вряд ли могут быть объяснены механическим повреждением. Скорее речь идет о сознательном редактировании текста. Дело в том, что в статьях 1096, 1111 и 1114 годов содержатся неортодоксальные с точки зрения православия представления: летописец проявляет знакомство с каким-то хронографом или иными памятниками, испытавшими влияние иудейской литературы. В статье 1096 года летописец поясняет, что волжские болгары – это «сынове Амонове», а «хвалисы» – «сынове Моавли». Половцев летописец отнес к потомству Измаила, полемизируя с теми, кто и их считал «сынами Амоновыми». В этих рассуждениях сказывается влияние иудаизма хазарского толка, в рам-

ках которого этнонимия Ближнего Востока накладывалась на Восточную Европу.

В статье 1111 года Ипатьевской летописи выявляется влияние сочинения еврейского автора X века, жившего в Италии Иосиппона (Иосифа бен Гориона), откуда, в частности, заимствовано утверждение, что ангелы могут быть и у «поганных». И ссылка летописца на «хронограф» в статье 1114 года также предполагает памятник не вполне ортодоксальный.

Побудительным мотивом для редактирования летописи могли послужить события в Киеве в 1113 и 1124 годах. После смерти Святополка в Киеве произошло восстание, направленное главным образом против иудеев-ростовщиков, которым покровительствовал Святополк. Татищев располагал летописями, в которых об этом рассказывалось более обстоятельно, нежели в Ипатьевской летописи, в частности говорилось о требовании изгнания иудеев из Киева. Владимир Мономах стремился как-то смягчить недовольство, ограничив «резы» – проценты по займам; с осуждением высоких процентов выступал митрополит Никифор. Но в 1124 году в связи с большим пожаром в Киеве конфликт возобновился. Ипатьевская летопись сообщает об этом глухо (Лаврентьевская не упоминает вовсе), у Татищева были источники, по которым выселение иудеев датировалось 1124, 1125 или 1126 годами (последняя дата, видимо, неверный перевод с ультрамартовского стиля). Кстати, именно в 1124 году аналогичное решение было принято чешскими князьями (частичное выселение и ограничение деятельности иудеев, в частности запрещение обращать в рабство христиан).

Пристрастное редактирование летописи относится, очевидно, ко времени после Сильвестра и может связываться с работой про греческого переяславского лето-

писца конца 20-х годов. Ипатьевская летопись избежала этой редакции, хотя и она дает не самый обстоятельный рассказ о сути конфликтов 1113 и 1124 годов.

Надо иметь в виду, что обвинения в иудаизме в конце XI – начале XII века не обязательно связывать именно с иудаизмом. Это обвинение папа Григорий VII (ум. 1085) инкриминировал Ирландской церкви, долгое время соперничавшей с Римом в Центральной Европе и даже на севере самой Италии. Ирландская церковь была монастырской (аббат монастыря почитался выше епископа), сохраняла многие черты раннего христианства и уже потому в чем-то соприкасалась с иудаизмом. Так, в ирландской традиции почитали Ветхий Завет, а изучая библейские тексты, предпочтение отдавали ивриту, на второе место ставили греческие тексты и лишь на третьи латинские. Вместе с тем ирландские миссионеры, в отличие от римских, всюду вводили богослужение на родном языке и способствовали переводам священных книг на языки неофитов.

«Прельщение» Никиты, о котором говорится в Печерском патерике, совсем не обязательно связывать с уклоном в иудаизм. Предпочтение книг Ветхого завета Евангелию и Апостолу, предпочтение «закона» «благодати», о чем беспокоился в середине XI века митрополит Иларион, было традиционным у ирландцев в силу особого переплетения восточной мистики и западного практицизма. Через Моравию и вообще славянское Подунавье, где особенно сильно было влияние Ирландской церкви, свойственные ей традиции проникали и на Русь.

В том же Печерском патерике рассказывается о «бесноватом» киевлянине, который вдруг забыл свой язык и стал говорить по-еврейски, по-латыни и по-гречески. Очевидно, в среде русского духовенства XI

века поддерживалось знание этих языков, хотя уже проявляется и определенная настороженность: соблюдается ли мера.

«Еретик» Никита позднее станет новгородским епископом (ум. 1108). В Лаврентьевской летописи имя его упоминается лишь один раз (под 1096), но с явным почтением и при описании событий, где без этого упоминания вполне можно было обойтись. Видимо, «ученик Феодосия» не придавал значения «ереси» Никиты, которого он, несомненно, знал лично, поскольку до 90-х годов находился в монастыре. И в этой связи любопытна одна деталь, отмеченная выше при сопоставлении фактических данных Нестора и Повести временных лет: у Нестора монастырь утверждается после того, как собралось пятнадцать человек, по летописи же их было двенадцать. Нестор был ортодоксальным византинистом, а византийские уставы не имели жесткого регламента в этом отношении. Ирландская же церковь требовала, чтобы численность монахов в монастыре всегда была кратной двенадцати, и начинался монастырь лишь тогда, когда собиралось двенадцать человек.

Из сказанного не следует, что «ученик Феодосия» (Сильвестр?) сам склонялся к какой-нибудь ереси. Скорее можно говорить о том, что он бессознательно выразил многие отклонения от «истинного православия», свойственные его времени. Так, у него же просматривается влияние и богомильской литературы, причем богомильские представления он переносит на язычество (статья 1071 года). Свойственный ирландцам интерес к фантастическому и чудесному мог быть у него и чисто личным, причем «земля» и «небо» у него практически не разделены. Сам стиль писаний его (пропадающий в переводах) довольно сумбурный в силу опять-таки особенностей характера (а не литературной подготовки).

Шум, поднятый Римом по поводу уклона в иудаизм ирландцев, прямое натравливание правоверных христиан на ирландские монастыри, естественно, дошли и до Руси, где к тому же сохранялись и общины хазарских иудеев. Но официальному преследованию сторонники Ирландской церкви не подвергались и в Византии (куда, кстати, бежали многие ирландские монахи и вообще приверженцы этой церкви), и тем более на Руси. Сама «ересь» Никиты по времени совпадает с акциями, предпринятыми папой Григорием VII, являясь своеобразной формой протеста против насилия над христианами Подунавья, с которыми на Руси поддерживались традиционные связи. И суровое наказание его монастырскими ортодоксами не помешало «отступнику» занять новгородскую кафедру. Вряд ли случайно также, что именно сюда, в Новгород, в начале XII века «приплыл на скале» (как это делали кельтские святые) Антоний Римлянин, явно искавший убежище от насилий со стороны Римской церкви, а в созданном Антонием монастыре долго будут жить свойственные Ирландской церкви традиции.

Политическое противостояние и идеологическое противоборство в начале и в середине XII века естественно вызывали к жизни и литературные средства борьбы, в разряд которых входили и летописные своды, и более локальные исторические сочинения. Киев, Переяславль, Галицкая земля, Ростов, Новгород – это только главные центры, участие которых в идейной борьбе просматривается по источникам. Другим, в частности Смоленску, Полоцку, Чернигову, повезло меньше, и их точку зрения мы в большинстве случаев не знаем. А расхождения затрагивали сами кардинальные основы. Достаточно сопоставить представления о начале Руси в «Слове о полку Игореве» с летопися-

ми, чтобы понять, насколько древнерусское общество было далеко от осуществления принципа «единой веры и единой меры». К счастью, «ученика Феодосия», похоже, не очень интересовали события далеких времен, и он не слишком вторгался в текст предшествующего летописания. В результате в составе Повести временных лет уцелели следы полемических бурь других, более ранних эпох.

Как было сказано, Новгородская Первая летопись, использовавшая Повесть временных лет в редакции 1115 года (то есть Сильвестра), совершенно не знает дунайских сюжетов и преданий о происхождении славянской Руси, об их расселении из Норика. В дошедших редакциях летописи эти предания также, видимо, записаны и внесены в летопись не одним автором: само сказание о славянской грамоте дублируется, а славянская тема разными летописцами воспринимается неодинаково. Повторное обращение к уже вроде бы объясненным обстоятельствам свидетельствует о соединении и разных источников, и, может быть, разных традиций. В этой связи необходимо считаться с тем, что в конце 20-х годов переяславский летописец привлекал летописный свод, созданный в Галицкой Руси, где интерес к Подунавью и западным славянам был выше хотя бы в силу постоянного взаимного общения этих областей. Но основные вопросы, обозначенные в заголовке летописи, ориентированы на Киев и составляют традицию киевского летописания. С этой традицией в той или иной степени были знакомы и летописцы, начинавшие ведение летописей в других городах, хотя существовали и заметные различия в ответах на все вопросы заголовка Повести временных лет. Сильвестр имел возможность непосредственно использовать наличный материал двух авторитетных монастырей и переяславской епи-

скопской кафедры. И использовалась эта часть материала без переработки, с сохранением не только идей, но языка и стиля предшественников.

Как и все общественные процессы, общественная мысль подчиняется определенным объективным законам (от познания которых в целом мы еще весьма далеки). Так, любой властный центр стремится обосновать свое положение идеологически, и это стремление многократно возрастает, когда на власть и влияние кто-то покушается извне. Главным христианским центром Киева и Руси при Владимире являлась Десятинная церковь Богородицы, которой Владимир дал десятину и предоставил другие привилегии. В усобице 1015–1019 годов настоятель храма Анастас Корсунянин оказался на стороне Святополка и ушел в Польшу вместе с польским князем Болеславом, а заодно и казной. Понятно недоверие Ярослава Мудрого к главному храму Владимира и стремление его создать альтернативный центр, которым и стал храм Софии, на базе которого в 1037 году была создана митрополия с греческим митрополитом и подчинением Константинополю. Сам храм Богородицы был заново освящен в 1039 году, чем как бы перечеркивалась предшествующая его деятельность.

К сожалению, мы не знаем всех перипетий развернувшейся борьбы, но сами провалы информации часто свидетельствуют о ее остроте. К тому же все-таки кое-что до нас дошло. Так, от литературной традиции Десятинной церкви сохранились «Слово о том, како крестился Владимир, возмья Корсунь» и цикл сказаний, в котором прославляется Климент Римский, чьи мощи хранились в храме. Эти сочинения дают достаточно твердую основу для суждения об идеологической направленности клира главного храма Владимира. Еще больше дает летописный материал, поскольку в Пове-

сти временных лет также обнаруживается весьма мощная струя той же направленности.

Давно было замечено, что в Повести временных лет и вообще в древнерусской письменности пересекаются две традиции: одна оптимистическая, связывающая большие надежды с самим актом крещения и не требующая от человека чрезмерных усилий для «спасения», другая – аскетическо-пессимистическая, настаивающая на постоянном обуздании человеческих страстей и даже естественных потребностей. Первая традиция идет от эпохи Владимира и концентрируется вокруг Десятиной церкви, вторая все более утверждается с середины и особенно второй половины XI века. Естественно, что длительное время они сосуществуют, противоборствуя и приспосабливаясь друг к другу.

В эпоху утверждения христианства на Руси в Европе противоборствовал целый ряд центров – каждый со своими трактовками сущности христианства. Помимо Рима и Константинополя и упомянутой выше ирландско-британской церкви сохранялось местами арианство, богомилство, монархианство, просматривались различия в трактовке отдельных вопросов разными патриархиями – Антиохийской, Александрийской. На Дунае, в землях западных славян шла борьба разных направлений, и своеобразный синтез некоторых из них – в рамках кирилло-мефодиевской традиции. Именно с кирилло-мефодиевской традицией и увязывался в первую очередь клир первого храма Владимира.

Сама кирилло-мефодиевская традиция еще нуждается в более глубоком исследовании, особенно с точки зрения места ее в достаточно широком спектре мнений и прочтений основ христианства. В общих чертах близость традиции к ранним идейным и организационным формам христианства вполне очевидна. Иначе и не

могло быть: славянское общество VIII–X веков иных форм и не могло бы воспринять. Но была и определенная специфика, порождаемая политической ситуацией в большом Подунайском районе. Во-первых, ранее здесь уже существовали христианские общины разной направленности, во-вторых, за этот район вели борьбу Франкская и затем Германская империи, Рим и Византия. Наиболее агрессивно вела себя первая, и против нее, естественно, объединялись общины, отстаивавшие свою религиозную, да и политическую независимость. Так, в рамках кирилло-мефодиевской традиции удерживаются элементы и ирландской, и арианской церковных организаций: и та, и другая не признавали зависимости от внешнего церковного центра.

Влиянием кирилло-мефодиевской традиции объясняется культ Климента Римского, поддерживавшийся клиром Десятинной церкви. Кирилл имел непосредственное отношение к созданию этого культа в самом Корсуне, где именно по его настоянию были обретены мощи убитого здесь в начале II века римского папы (в данном случае не имеет значения непосредственная достоверность связанных с ним преданий). Кирилл захватил с собой и часть останков Климента, возил их по славянским подунайским землям и в конечном счете оставил в римском соборе Климента, где и сам Кирилл был похоронен в 869 году. В Византии к этим подвигам Кирилла интереса не проявили, но в славянских землях культ Климента получил распространение. На Руси этого святого пытались возвысить до ранга заступника Русской земли, и эта идея длительное время сохранялась как выражение права Русской церкви на самостоятельность. Не случайно, что избрание в середине XII века на Русскую митрополию русина Климента сопровождалось напоминанием о мощах Климента Римского, равнозначных

святому Иоанну, именем которого возводились патриархи Константинополя.

В традиции Десятинной церкви культ Климента имел специфическую направленность, поскольку само крещение Владимира связывали с Корсунем, а не с Византией. Корсунь же в составе Византийской империи стоял особняком, временами вообще выходя из-под власти Империи. Так было, в частности, в 60–80-е годы XI столетия, когда и оформлялась корсунская легенда о крещении Владимира.

Само название храма Богородицы – Десятинный – указывает на западнославянские связи христианского окружения Владимира. Понятие десятины свойственно западной церкви, а сам термин этот буквально совпадает с принятым, например, в Хорватии. С западными, подунайскими славянами увязываются и многие церковные термины («церковь», «пост», «пастырь», «алтарь», «Спас» и др.). После разрыва церквей в 1054 году борьба между «восточной» и «западной» трактовками христианства должна была обостриться. Это обострение как-то задевало и институт десятины. И в летописи появляется весьма показательный защитительный выпад: рассказывая о создании церкви и учреждении десятины в соответствии со «Словом о том, како крестился Владимир...», летописец добавил от себя, будто князь Владимир, «написав клятву в церкви сей, рек: “аще кто сего посудит, да будет проклят”».

Надо отметить, что полемика между разными трактовками идейных и организационных основ христианства чаще всего была скрытой. Прозападные (имея в виду западных славян) авторы не выступают прямо против некоторых нововведений эпохи Ярослава. Они просто возвышают Владимира, настаивают на его канонизации. В свою очередь, прогреческие оппоненты не возража-

ют прямо против канонизации Владимира, но напоминают о таких эпизодах жизни князя, которые никак не согласуются с представлениями о его святости. В итоге канонизацию Владимира удалось осуществить лишь в XIII веке, когда прочно забыли о том, вокруг чего шел спор двумя столетиями ранее.

Прославление Владимира в условиях XI века означало и прославление существовавших в его эпоху порядков. Для Десятинной церкви это прежде всего ее особое положение. Но не только. Во времена Владимира существовала весьма своеобразная форма организации церкви, в которой переплетались элементы организации Ирландской церкви и арианских общин. У ариан епископы выбирались общиной, у ирландцев они часто становились наследственной должностью (целибата Ирландская церковь не признавала). Выше епископов у ирландцев стояла должность аббата монастыря или настоятеля ведущего в городе храма. Анастас Корсунянин возглавлял Русскую церковь не будучи даже епископом. Будущий митрополит Иларион также никогда не был епископом: он фактически возглавлял Русскую церковь в 40-е годы XI столетия, будучи пресвитером. В Новгороде в 30-е годы церковь возглавлял Ефрем, также не посвященный в сан епископа.

Ранняя Русская церковь ни в коей мере не претендовала на политическую власть, ограничивая свою деятельность сугубо духовными задачами. Иначе и быть не могло: у Владимира и его окружения была возможность свободного выбора веры (никто ему ее не навязывал), и он, естественно, выбирал такую, которая укрепляла, а не ослабляла его власть. Децентрализованная общинная церковь вполне удовлетворяла этим желаниям.

В Повести временных лет отражен летописный свод, составленный при Десятинной церкви или близким к ней

летописцем, видимо, в 80-е годы XI столетия (последняя статья – рассказ об убийстве Ярополка Изяславича, при-
верженного, по летописи, к Десятинной церкви). Летописец был расположен к Изяславу и его сыну Ярополку – к самым «прозападным» киевским князьям, не слишком почитаемым киевлянами. Ему принадлежит основная канва повествования о распространении христианства на Руси, в том числе описание крещения Ольги и принятия христианства Русью во времена Владимира. Он же осуществлял соединение ряда самостоятельных внелетописных сочинений, в том числе сказания о Борисе и Глебе и упомянутого выше «Слова» о крещении Владимира в Корсуне. Летописец довольно точно передавал предшествующий текст, сопровождая его своими комментариями. Он постоянно обращается к ветхозаветным сюжетам, охотно цитирует Соломона, используя какой-то неизвестный в настоящее время перевод Библии (перевод Мефодия?). Христианство он склонен воспринимать как единое целое, не склоняясь ни к западной, ни к восточной его интерпретации и уклоняясь от определения позиции в порожденном расколом споре. Возможно, благодаря бережному отношению к предшествующим текстам сохранил он и «омийский» (арианский или «полуарианский») символ веры, известный в сходном варианте в рукописи XII века. Сохранение же его в последующих редакциях Повести временных лет может объясняться тем, что борьба с арианством в XII веке утратила актуальность, а епископы и митрополиты-греки в редактировании данной летописной традиции не участвовали.

Близкий Десятинной церкви летописец отличается и литературным талантом, возвышенностью и некоторой высокопарностью. У него (в отличие от «ученика Феодосия») практически не встречается грамматически неверных фраз, а образы хотя и носят книжный харак-

тер, вполне гармонируют с содержанием изложения. Терпимое отношение к язычеству и языческой поре русской истории у него, как и у Илариона, сочетается с оптимистическим взглядом на крещение как на акт, почти равнозначный спасению.

Именно летописец Десятинной церкви воспел «книжную мудрость» и книги, которые «напоют вселенную». Отчасти это восторженное отношение к книгам – хотя имелись в виду, конечно, книги Священного Писания – побуждало летописца бережно относиться и к предшествующим текстам, которые под его пером, как правило, легко выделяются.

Летописца Десятинной церкви более всего интересовала история утверждения на Руси христианства: Владимир «вспахал», Ярослав «засеял», а следующее поколение пожинает плоды. Один из отдаленных предшественников задавался другим вопросом: откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить, когда устроилась Русская земля. Именно этому летописцу принадлежит и заголовок: «Се повести временных лет». Когда он писал? Целый ряд датирующих признаков указывает на конец X столетия время, когда Русь в правление Владимира достигает большого могущества, позволяющего Киеву соперничать с Константинополем. В распоряжении автора были сочинения, распространенные у подунайских славян, в том числе сказание о славянской грамоте. Видимо, сохранились еще и устные предания о каких-то переселениях с Дуная. Так, совсем не случайно летописец связывает прародину славян-полян с Нориком: Норик входил в Ругиланд (Русиланд немецких саг), откуда, видимо, в начале X века (судя по киевским могильникам с трупоположениями) часть моравских «русов» переселилась на Днепр. Здесь, на Днепре, сохранялась память о каких-то дунайских

событиях, в том числе о насилиях, которые совершали над славянами волохи и авары-обры. Полянскими князьями Кием и его братьями и начинал летописец историю династии киевских князей.

В дошедшем варианте Повести временных лет поляно-славянская концепция начала Руси и династии русских князей перебивается вставкой сказания о призывании варягов и утверждении в Северо-Западной Руси Рюрика с братьями, а затем установлении варяжской династии и в Киеве. Новгородское, северное происхождение варяжского сказания не вызывает сомнений. В киевской летописи оно явно наслаивается на предшествующее летописание. Это не решает вопроса его достоверности или недостоверности, поскольку сказание длительное время могло существовать вне летописания вообще и киевской летописи в частности. Судя по новгородско-софийским летописям, в Новгороде с середины XI века велось летописание, а на новгородском столе побывали отпрыски всех соперничавших ветвей Ярославичей. Но в домонгольской Руси представление о происхождении династии князей от Рюрика так и не стало всеобщим. «Слово о полку Игореве» придерживается иной версии, да и в польских хрониках сохранялось представление о местном происхождении династии киевских князей. В литературе обращалось внимание на возможную связь включения в киевскую летопись варяжского сказания с творчеством летописца, побывавшего в начале XII века в Ладоге и, видимо, Новгороде, а также с длительным пребыванием на княжении в Новгороде Мстислава Владимировича. Но, как было сказано, и князья Ростиславичи Галицкие, потомки Ростислава Владимировича, оказавшиеся изгоями после смерти Владимира Ярославича в Новгороде в 1052 году, могли хранить давние новгородские предания.

Разумеется, выше намечены только некоторые основные этапы и традиции древнерусского летописания. При ближайшем рассмотрении и в составе Повести временных лет, и за ее пределами могут быть выявлены и отдельные летописцы, и редакторы, и целые летописные традиции. Поскольку текст Повести временных лет воспроизводится лишь по Лаврентьевской редакции, в приложении даются некоторые известия, либо восходящие к Повести, либо отражающие специфические летописные традиции. Воспроизводятся, в частности, статьи Ипатьевской летописи за 1111–1114 годы, имеющие немаловажное значение для понимания характера работы летописцев начала XII века, даются также образцы начального новгородского летописания из софийско-новгородских сводов XV века, а также начальная часть Новгородской Первой летописи.

В летописных сводах XV века встречаются также отдельные включения в тексты до начала XII века оригинальных сведений, обычно отражающих местный интерес сводчиков. В большинстве случаев эти сведения вполне достоверны, хотя заимствованы не обязательно из летописей. Во всех сводах использовались и материалы житий, и синодики, и иные записи для памяти или поминания.

Наиболее принципиальное значение имеют оригинальные известия Ипатьевской летописи (в пределах 1110 года), отсутствующие в Лаврентьевской. Здесь мы находим сообщения: 942 год – рождение Святослава Игоревича, 1050 год – княгиня Ярославна скончалась *10 февраля*, 1054 год – Изяслав княжил *в Турове*, 1076 год – Всеволод сел в Киеве *1 января* и родился Мстислав, 1086 год – Всеволод построил церковь и монастырь Святого Андрея, где постриглась его дочь Янка, и ходил к Перемышлю, 1098 год – Владимир за-

ложил в Переяславле на княжем дворе церковь Богородицы, а также город Востри, 1099 год – знамение над Владимиром Волынским, 1101 год – Владимир заложил каменную церковь Богородицы в Смоленске, 1102 год – у Владимира родился сын Андрей, 1105 год – обвалился верх церкви Андрея; появление «звезды хвостатой» на западе; Боняк, придя зимой на Заруб, победил торков и берендеев.

По-видимому, все приведенные известия содержались в первоначальном варианте Повести временных лет. Исключение, может быть, составляет лишь дата рождения Мстислава. Дело в том, что многие сведения о Мстиславе вносились в летописный свод во времена Ростислава Мстиславича в 50–60-е годы XII столетия и имели целью укрепить авторитет младшего Мстиславича через заслуги его отца.

Всякий перевод – это так или иначе и реконструкция. Не случайно, что многие расхождения специалистов объясняются разным прочтением одного и того же источника. В данном же случае приходится иметь дело с разными списками, в свою очередь восходящими к не вполне исправным спискам.

В основу настоящей публикации положен текст Лаврентьевского списка летописи, опубликованный в I томе Полного собрания русских летописей, издаваемого постоянной историко-археографической комиссией Академии наук СССР (Л., 1926; репринт: М., 1961; издание подготовлено Е. Ф. Карским). Текст в этом издании сохраняет все особенности Лаврентьевского списка, в том числе и те неточности, и «явные ошибки», которые в других изданиях Лаврентьевской летописи и Повести временных лет по Лаврентьевскому списку чаще всего исправляются. Одновременно использовалось и не потерявшее своей научной ценности издание, подготовленное А. Ф. Бычко-

вым (1872 и 1897 годы). Пропуски, содержащиеся в тексте Лаврентьевского списка, восстанавливаются по возможности по тексту Радзивилловского и Академического списков. Мелкие пропуски и отдельные пропущенные слова набраны курсивом; более крупные пропуски (такие, как, например, пропуск с середины статьи 894 года и до статьи 921 года включительно) заключены в квадратные скобки. Курсивом набраны и те немногочисленные слова, которые исправлены по другим спискам. В переводе же летописного текста на современный русский язык в ряде случаев использованы более точные чтения из других летописных списков (прежде всего Радзивилловского; в исключительных случаях – из Ипатьевского списка и других). Этим объясняются отдельные случаи отступления перевода от параллельного ему летописного текста. В подобных случаях слова, переведенные на основании иных чтений, нежели в Лаврентьевском списке, выделяются в тексте курсивом. Иногда переводчику приходилось исправлять тексты, заимствованные из Библии по современным изданиям.

Но летописцы пользовались иными редакциями, до нас не дошедшими, а нередко и понимали текст не совсем так, как он воспринимается нашим временем.

Переводчика всегда подстерегают трудности: сделать текст максимально понятным – значит лишить его и колорита эпохи, и авторских особенностей; сохранить особенности – значит затруднить понимание, тем более что многие дожившие до нашего времени слова и понятия в той или иной степени наполнены иным содержанием. Разумеется, возможны и спорные прочтения. Поэтому все возможные сомнения лучше всего разрешать обращением к оригиналу.

А. Г. Кузьмин

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ

***ЭТО ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА
ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ
ПЕРВЫМ НАЧАЛ КНЯЖИТЬ И С КОИХ
ПОР ИЗВЕСТНА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.***

Итак, начнем повесть сию. По потопе* *трое* сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет. И достался Симу Восток: Персия, Бактрия, вплоть до Индии в длину, а в ширину до Ринокорура, то есть от Востока и до Юга, и Сирия, и *Мидия* до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, Ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Килисирия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался Юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, *Фиваида*, *Ливия*, соседящая с Киринией, Мармария, *Сирсис*, другая *Ливия*, Нумидия, Масурия, Мавритания, лежащая против Гадира. На востоке же находятся: Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Кавалия, Ликия, Кария, Дидия, другая Мисия, Троада, *Еолида*, Вифиния, Старая Фригия и некоторые острова: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, *Армения* Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхис, Босфор, Меотия, Деревня, *Сарматия*, Таврия, *Скифия*, Фракия, Македония, *Далматия*, *Малосия*, Фессалия, Локрида, Пеления, называемая также Пелопоннес, Аркадия, Ипиротия, Иллирия, Словене, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корсика, часть *Азии*, называемая Иония, и река Тиф, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинскис горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в удел Сима. В уделе же Иафета находятся русь, чудь и все (чудские) племена: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь (ливы). Ляхи же и пруссы, чудь живут у моря Варяжского*. По этому морю селятся варяги: отсюда к востоку – до предела Симова, и по тому же морю к западу – до земли Английской и Волошской*. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны (норвежцы), готы, русь, англы*, галичане*, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы*, генуезцы, и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата*, и жили каждый в своей части. Был единый народ. И когда умножились люди на земле, задумали они построить столп до неба, было это в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и город около него Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не был он закончен. И сошел Господь Бог

посмотреть на город и столп, и сказал Господь: «Вот единый род и единый язык». И смешал Бог языки, и разделил на 70 и 2 языка* и рассеял по всей земле. По смешении же языков Бог сильным ветром разрушил столп. И находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки. После же разрушения столпа и деления языков сыновья Сима получили восточные страны, а сыновья Хама южные страны, Иафетовы же – получили запад и северные страны. От этих же 70 и 2 языков произошел и народ славянский, от племени Иафета, норики – это и есть славяне*.

Много времени спустя расселились славяне по Дунаю, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались своими именами, где кто на каком месте поселился. Так, одни, придя, поселились по реке именем Морава и прозвались моравами, а другие назвались чехами. И еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских и поселились среди них, притесняя их, эти славяне перешли и поселились на Висле. И прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лютичи, иные – мазовшане, иные – поморяне*. Так же и эти славяне пришли и поселились по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, поскольку селились в лесах, а еще другие поселились между Припятью и Двиной и назвались дреговичами, иные расселились по Двине и прозвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и называется Полотой. Те же славяне, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своим именем – словенами (славянами), и построили город, и назвали его Новгородом*. А другие расселились по Десне, и по *Сейму*, и по Суле и назвались северянами.

И так разошелся славянский народ, и грамота его прозвалась «славянской»*.

Поляне же жили обособленно по горам этим. Тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти войдешь в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно пройти до Рима, а от Рима можно пройти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно пройти в Понт-море, в которое впадает Днепр-река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, а идет на север и впадает в море Варяжское. Из этого же леса течет Волга на Восток и впадает семьюдесятью рукавами в море Хвалисское. Так и из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима*, а по Двине – в землю Варягов, от Варягов до Рима*, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, по нему учил, как сказано, апостол Андрей, брат Петра*.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни – устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и направился в устье Днепровское и оттуда пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и остановился под горами на берегу. И утром поднялся и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей». И поднялся на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев и пошел по Днепру вверх. И прибыл к словенам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и

как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну Варягов, и пришел в Рим*, и доложил о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Словенской земле на пути своем. Видел бани деревянные, и разожгут их сильно, и разденутся догола, и обольются квасом кожевенным, и возьмут молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что вылезут еле живые, и обольются водою студеною, и так оживут. И делают это постоянно, никем не мучимые, сами себя мучат, совершая таким образом омовенье себе, а не мученье». Слушавшие это – удивлялись. Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили обособленно* и владели своими родами; ибо и до той братии* были уже поляне и жили они родами на своих местах, владея каждый своим родом. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий Хорив, а сестра их была Лыбедь. Кий сидел на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековицей, а Хорив на третьей горе, прозванной по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сего дня в Киеве.

Иные же, не зная, говорят, будто Кий был перевозчиком. Был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, как говорят; великие почести воздал ему тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел на Дунай и облюбывал место, срубил небольшой город и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близ живущие. Так и доньше называют придунайские

жители городище то – Киевец*. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на речке Полоте, где полочане. От них же произошли кривичи, расселившиеся в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск. Там и поселились кривичи. От них же* происходят и северяне. А на Бело-озере живет весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине-озере также меря. А по Оке-реке, у впадения в Волгу, – мурома со своим языком, и черемисы со своим языком, и мордва со своим языком. Вот лишь кто славяне на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем названные волынянами*. А вот другие племена, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимигола, корсь, нарова, либь – эти имеют свои языки. Они – колено Иафета, живущее в северных странах*.

Когда славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары и поселились по Дунаю уже после славян. Затем пришли белые угры и завладели землей славянской, *прогнав волохов, которые еще раньше захватили славянскую землю**. Эти угры появились при царе Ираклии*, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В то же время были и обры, ходившие на царя Ираклия и едва его не захватившие. Эти *обры* воевали и против славян и покорили дулебов – также славян, и чинили насилья женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но повелевал впрячь в телегу три,

четыре или пять жен и везти его – обрина. И так мучили дулебов. Были же обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, и вымерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть поговорка на Руси до сего времени: «Погибли как обры», – нет их ни племени, ни потомства. Вслед за обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, уже после – при Олеге*.

Поляне же, жившие особо*, как мы уже говорили, были славянского рода и прозвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и прозвались древлянами. Радимичи же и вятичи – от рода ляхов*. Были два брата у ляхов – Радим и другой – Вятко; и пришли и поселились: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко поселился с родом своим на Оке, от него прозвались вятичи. *И жили* мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты*. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и тиверцы селились по Днестру, примыкая к Дунаю. Было их множество: расселялись они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне, и называли их греки «Великая Скифь»*.

Все они имели обычаи и законы своих отцов и предания, и каждые – свой нрав. Поляне, по обычаю отцов, кротки и тихи, стыдливы перед своими снохами и сестрами, матерями и родителями; глубоко стыдливы также перед свекровьями и деверьями*. Имеют брачный обычай*: не ходит зять за невестой*, но приводят ее вечером, а наутро приносят за нее – что дают*. А древляне жили зверинским образом, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не бывало, но умыкали девиц у воды. И радимичи, и вятичи, и северяне имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, а были игрища между селами.

И сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по договоренности с ними. Имели же по две и по три жены. И когда кто-то умирал, устраивали по нем тризну, а затем раскладывали большой костер*, возлагали на него умершего и сжигали, после чего, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как это и теперь еще делают вятичи*. Такого же обычая придерживались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе уставляющие закон.

Говорит Георгий в летописании*: Одни народы имеют письменный закон, другие – обычай, ибо не знающие закона считают законом предания отцов. Первые из них – сирийцы, живущие на краю земли. Законом они признают обычай *отцов*: не любодействовать и не прелюбодействовать, не красть, не клеветать, не убивать, не причинять зла. Закон же у бактриан, называемых брахманами и островитянами*, поддерживаемый наказом прадедов и благочестием, – не есть мяса и не пить вина, не творить блуда, не делать зла, ради великого страха Божия. Соседние же с ними индийцы – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры. Во внутренних же областях их страны едят людей и убивают странников и даже поедают как псы. Свой закон у халдеев и у вавилонян: брать на ложе матерей, творить блуд с детьми братьев и убивать, и всякое *бесчестное дело* они считают добродетелью, даже если будут и вдали от своей страны. Иной закон у гилий: жены у них пашут и созидают храмы, вершат мужские дела, но и любви предаются сколько хотят, не слишком сдерживаемы своими мужьями и не испытывая стыда. Среди них есть храбрые жены, искусные в ловле зверей, и властвуют жены над мужьями и возвышаются над ними. В Британии же многие мужи с одной женой спят, и многие жены с одним

мужем вступают в связь, и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но как бессловесный скот однажды в году *к весенним* дням уходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужами, считая то время за некое торжество и великий праздник. Когда же зачнут от них в чреве, снова отсюда разбегутся. Приспел же время родить, если родится мальчик – погубят его, если же девочка – прилежно вскормят ее и воспитают. Так же и при нас ныне половцы держат закон отцов своих: кровь проливают и похваляются этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут в жены своих мачех и свекровей, и иные обычаи своих отцов исполняют. Мы же, христиане всех стран, верующие в Святую Троицу и в единое крещение и исповедующие единую веру, имеем единый закон, поскольку во Христа крестились и во Христа облеклись*.

После же тех лет, по смерти братьев этих, обижали полян древляне и иные окольные. И напали на них, живших на горах этих, в лесах, хазары, и сказали: «Платите нам дань». Подумали поляне и дали по мечу от дыма. И принесли их хазары к своему князю и старейшинам, и сказали им: «Вот добыли мы дань новую». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же сказали: «В лесу на горах над рекою Днепровскою». Вновь спросили те: «Что же вам дали?» Они же показали меч. И молвили старцы хазарские: «Не добра дань эта, княже: мы добыли ее саблями – оружием, острым лишь с одной стороны, их же оружие – меч – обоюдоостро; будут они собирать дань и с нас, и с других земель». И все это сбылось. Не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению*. Как и при Фараоне, царе египетском. Когда привели Моисея к Фараону, сказали старейшины Фараона: «Вот тот, кто хочет усмирить Египет». Так и случилось: погибли

египтяне от Моисея, а прежде работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после ими самими владеют; как и случилось, владеют русские князья хазарами до нынешнего дня*.

В лето 6360 (856), индикта 15 день*, когда начал царствовать Михаил, стала называться Русская земля*. Узнали мы об этом, ибо при этом царе приходила русь на Царьград, как пишется в летописании греческом. Поэтому отсюда начнем и числа положим.

От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до Рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до сего Михаила 542 года*. А от первого года княжения Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, после того, как он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого лета Ярополкова 28 лет. А Ярополк княжил 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет, от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет*. Но мы возвратимся к прежнему и расскажем, что в эти годы произошло, как уже начали, с первого лета царствования Михаила, и расположим по порядку даты.

В лето 6361 (853).

В лето 6362 (854).

В лето 6363 (855).

В лето 6364 (856).

В лето 6365 (857).

В лето 6366 (858). Царь Михаил с воинами направился берегом и морем на болгар. Болгары же, узнав об этом, не смогли противостоять им, попросили их крестить и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр, и заключили мир с болгарами.

В лето 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди и славян, и с мери, и с всех кривичей*, а хазары брали с полян и с северян, и с вятичей по горностаю и белке от дыма.

В лето 6368 (860).

В лето 6369 (861).

В лето 6370 (862). Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и были между ними усобицы, и начали воевать сами с собой. И сказали они себе: «Поищем себе князя, который управлял бы нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались те варяги – *русь*, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англыв, другие готы, эти же – так. Сказали руси чудь, словене, кривичи все*: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и управлять нами». И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам *первым*, и срубили город *Ладогу*, и сел в *Ладоге* старейший Рюрик, а другой – Синеус – на Бело-озере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же, люди новгородские – от рода варяжско-го, прежде же были словене*. Два года спустя умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть *один* Рюрик, и пришел к *Ильмену*, и срубил городок над *Волховом*, и назвал его *Новгород*, и сел тут княжить, раздавая *воло-сти* и *города рубя*, – тому Полоцк, другому Ростов, этому Бело-озеро. И по тем городам варяги – пришельцы, а из-

начальное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и всеми ими обладал Рюрик. И было у него два мужа, не племени его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и, проходя мимо, увидели на горе городок. И спросили: «Чей это городок?» И сказали им: «Было три брата: Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и погибли, а мы, их потомки, сидим здесь и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали около себя много варягов и стали управлять землей полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде.

В лето 6371 (863).

В лето 6372 (864).

В лето 6373 (865).

В лето 6374 (866)*. Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли туда в 14-е лето царствования Михаила*. Царь же был в это время в походе на агарян и дошел уже до Черной речки, когда епарх прислал весть, что Русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. И те вошли внутрь Суда*, убили много христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и с патриархом Фотием всю ночь молился в церкви святой Богородицы во Влахерне. И вынесли они с *песнями* божественную ризу святой Богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но внезапно поднялась буря с ветром, и вновь поднявшиеся огромные волны смели корабли безбожных русов, отбросили их к побережью, и избili их, так что мало их избежало такой беды и вернулось восвосяи.

В лето 6375 (867).

В лето 6376 (868) Начал царствовать Василий.

В лето 6377 (869)*. Крещена была вся земля Болгарская.

В лето 6378 (870).

В лето 6379 (871).

В лето 6380 (872).

В лето 6381 (873).

В лето 6382 (874).

В лето 6383 (875).

В лето 6384 (876).

В лето 6385 (877).

В лето 6386 (878).

В лето 6387 (879). Умер Рюрик, передав княженье свое Олегу, своему родичу, которому отдал на руки и сына Игоря, ибо тот был еще совсем мал.

В лето 6388 (880).

В лето 6389 (881).

В лето 6390 (882). Пошел в поход Олег, набрав с собой много воинов: варягов, чуди, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и взял город, и посадил в нем мужа своего. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и посадил мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат здесь Аскольд и Дир. И спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся малолетнего Игоря. И подплыл под Угорское, укрыв своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им: «Гость я, и идем мы в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, своим родичам». Когда же Аскольд и Дир пришли, воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжеского рода, я же княжеского рода». И вынесли Игоря: «А это сын Рюриков». И убили Аскольда и Диру, и отнесли на гору, и погребли его [Аскольда] на горе*, которая зовется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле поставил Ольга церковь святого Николая. А Динова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал

Олег: «Это будет мать городам русским». И были у него варяги и словене, и прочие – прозавшиися русью. Именно Олег начал ставить города и установил дани словенам и кривичам, и мери, и уставил давать дань варягам от Новгорода по 300 гривен на лето ради сохранения мира, которая и давалась варягам до смерти Ярослава*.

В лето 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, возложил дань на них по черной кунице*.

В лето 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и освободил их от дани хазарам, сказав: «Я им противник, а вам – незачем».

В лето 6393 (885). Послал к радимичам, спрашивая: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но дайте мне». И дали Олегу по щелягу*, как раньше хазарам давали. И владел Олег полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В лето 6394 (886).

В лето 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, царствовавший 26 лет.

В лето 6396 (888).

В лето 6397 (889).

В лето 6398 (890).

В лето 6399 (891).

В лето 6400 (892).

В лето 6401 (893).

В лето 6402 (894).

В лето 6403 (895).

В лето 6404(896).

В лето 6405 (897).

В лето 6406 (894)*. Шли угры (венгры) мимо Киева горою, которая называется теперь Угорской, и пришли к

Днепру, и стали вежами: они кочевали так же, как теперь половцы. И придя с востока, устремились через высокие горы, которые прозвались Угорскими, и начали воевать с жившими там волохами и славянами. Ибо тут прежде сидели славяне, а затем славянскую землю взяли волохи. После же угры прогнали волохов, и поселились со славянами, покорив их. И с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков, и попленили земли Фракийскую и Македонскую до самой Селуни*. И стали воевать против моравов и чехов. Был единым народ славянский: словене, сидевшие по Дунаю, которых покорили угры, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которые ныне называются Русью. Им, моравам, первым были переведены книги грамотой, прозванной славянской. Эта же грамота на Руси и в Болгарии Дунайской.

Славяне были крещеными, когда их князья Ростислав, Святополк и Коцел* обратились к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и учил нас, и растолковал священные книги, ибо не знаем мы ни греческого, ни латинского языка. Одни нас учат так, другие – иначе, мы же не знаем ни написания букв, ни их значения. Пошлите нам учителей, которые могли бы рассказать нам о книжных словах и о их смысле». Услышав это, царь Михаил созвал философов и пересказал им все, что передали славянские князья. И сказали философы: «В Селуни есть муж именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык, два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь со словами: «Направь к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав это, Лев вскоре же послал их. И пришли они к царю, и сказал им царь: «Славянская земля прислала ко мне послов, испрашивая себе учителя, который мог бы истолковать священные

книги. Этого они хотят». И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Придя же, братья начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величье Божьем на своем языке. Затем они перевели Псалтирь и Октоих и другие книги. И некие люди восстали на них, возмущаясь и говоря, что якобы «ни одному народу не следует иметь своей азбуки, помимо евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав: «Да исполнится слово Писания: “Пусть восхвалят Бога все народы”. И другое: “Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить”. Если же кто хулит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится. Это волки, а не овцы, их надо распознавать по плодам и беречься их. Вы же, дети, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которому наставлял вас учитель ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии* на столе святого Андроника – одного из 70 апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов скорописцев и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте и закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику апостола Андроника, ибо учитель славянскому народу – апостол Андроник доходил до моравов. И апостол Павел учил здесь. Тут расположен Иллюрик*, до которого доходил апостол Павел* и где первоначально

жили славяне. Поэтому и славянскому языку учитель – Павел. От этого же языка и мы – Русь, поэтому и нам, Руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил после себя для славян епископом и наместником Андроника. А славянский язык и русский – одно и то же. Ибо от варягов прозвалась Русь, а прежде были славяне. Хотя и полянами звались, но речь была славянская. Полянами же прозваны потому, что жили в поле, а язык славянский был единым для всех них.

В лето 6407 (899).

В лето 6408 (900).

В лето 6409 (901).

В лето 6410 (902)*. Леон царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Дерестр*.

В лето 6411 (903). Игорь вырос и ходил в походы под началом Олега, слушаясь его. И привели ему жену из Пскова, именем Ольга.

В лето 6412 (904).

В лето 6413 (905).

В лето 6414 (906).

В лето 6415 (911). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве. Взял же с собой много варягов и словен, и чудь, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, которые являются толковинами*: их всех называют греки «Великая Скифия». И со всеми с ними пошел Олег на конях и кораблях, и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду, и греки замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города, и разбили множество палат, и церкви пожгли,

а тех, кого пленили, одних иссекли, других мучили, иных же поражали стрелами, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как это обычно бывает в войнах. И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и передали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему яства и вино, и он не принял этого, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег взыскать дань на 2000 кораблей по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей. И согласились на это греки, и стали греки просить мира, дабы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от города, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром, и послал к ним в город Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь дадим тебе». И приказал Олег дать воинам его на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину*, а затем выдать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для прочих городов*, ибо по этим городам сидели великие князья, подвластные Олегу. И еще: «Когда же приходят русские, пусть берут сколько хотят посольского содержания, а если придут гости, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть моются в банях сколько хотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты и что им нужно*». И согласились греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не

берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, – первыми пришедшие из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов.

Царь же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязавшись платить дань, и приносили взаимную присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его заставляли присягать по закону русскому: клялись оружием своим и Перуном, их богом, и Волосом, богом богатства, и утвердили мир.

И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а словенам из шелка». Так и сделали. И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а словене шелковые, и разодрал у них их ветер. И сказали словене: «Возьмем свои простые паруса, не для словен паруса шелковые»*. И вернулся Олег в Киев, с золотом и паволоками, плодами, вином и всяким узорочьем. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и не знавшими грамоты.

В лето 6416 (908).

В лето 6417 (909).

В лето 6418 (910).

В лето 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В лето 6420 (911)*. Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Противень* другого списка, составлен-

ного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд*, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, находящихся под его рукой, светлых и великих князей и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину*, великим в Боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению всех находящихся под его рукой русских. Наша светлость превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, многократно соединявшую христиан и русских, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Главы же договора, которым мы себя обязали по Божьей вере и дружбе, таковы. По первому слову, помирился с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим свершиться, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от находящихся под рукой наших светлых князей, но постараемся, как только можем, сохранить в будущие годы и навсегда с вами непрерывную и неизменную дружбу, открытым объявлением и преданием письму с закреплением клятвой удостоверяем. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукой нашего светлого князя и во все годы. А о главах, если случится какое злоумышление, урядимся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися.

А какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили. И когда поклянется сторона та, пусть будет наказание в меру прегрешения.

Следующее: если кто убьет – русский христианина или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же бежавший убийца окажется неимущим, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра* по закону русскому. Если же совершивший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Следующее: если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского, и потерпевшим пойман будет вор в тот момент, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет при этом убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских, и пусть пострадавший возьмет свое, что у него украдено. Если же вор отдастся добровольно, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Следующее: если кто из христиан или из русских прибегнет к силе и явно насильно возьмет что-либо из принадлежащего другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и кто соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в христианскую землю, то проводим ее через любое опасное место, пока не придет в место безопасное. Если же ладья эта бурей или встречным ветром задерживается и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с куплею их поздорову. Если же случится около Греческой земли такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю, и пусть продадут товары той ладьи, если можно что-то продать из той ладьи, то пусть позволено будет нам, русским, вынести (на продажу). И когда приходим мы в Греческую землю для торговли или посольством* к вашему царю, то пропустите с честью проданные товары с их ладьи. Если же случится кому-нибудь из нас, прибывших с ладьей, быть убитому, или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Следующее: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если будет обнаружен русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут заплаченное его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Так же, если и на войне он будет взят теми греками, – все равно пусть возвратится он в свою страну* и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше, существующая в обычном торге.

Если же будет набор в войско и набранные захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание.

Еще о плененных русскими. Явившиеся из какой-нибудь страны на Русь и продаваемые в Грецию, или пленные христиане, приведенные в Русь из какой-либо страны, – все должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Следующее: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо из тяжущихся не позволит произвести дознание, тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающих куплю*...

О различных людях, ездящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские христианскому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием* на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и Святою Единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему,

поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и обычаю народа нашего не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мира и любви. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Царь же Леон почтил русских послов дарами – золотом и паволоками и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческой землей и Русской, и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни русским.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «Отчего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе умереть!» Запали слова эти в думу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его более». И повелел кормить и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев, и по прошествии четырех лет, на пятый год*, помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал:

«Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь, конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Посмотрю на кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и голый череп, слез с коня, посмеялся и сказал: «Не от этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И оттого разболелся и умер он. Плакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековицей. Есть могила его и доньне, слывет могилой Олегавой*. И было всех лет княжения его тридцать и три*.

Это не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство*. Так же было в царствование Доментиана. Некий волхв именем Аполлоний Тианский был знаменит тогда тем, что, переходя по городам и селам, всюду творил бесовские чудеса. Когда из Рима пришел он в Византий, его упросили здесь живущие сделать следующее: отогнать от города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, обуздать конскую ярость, когда сходились бояре. Так же и в Антиохию пришел, и упрошенный антиохиянами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел людям взять трости и ходить по городу и выкликать, потрясая тростями: «Без комара городу!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его также о грозивших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке: «Увы тебе, грешный город, много будет трясти тебя земля, и огнем будешь опален, оплачет тебя и Оронтия на берегу». Об Аполлонии и великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, совершенные Аполлоном, даже и доньне

в некоторых местах сбываются: одни предназначенные отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли вредить людям, другие же для удержания речных потоков, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и во вред людям, на обуздание их. Не только при жизни его творили бесы такие чудеса, но и по смерти у гроба его творили чудеса его именем, прельщая грешных людей, более всего уловляемых дьяволом.

И кто же что скажет о творящих волшебным прельщением делах? Ведь Аполлоний искусен был в волшебстве и вовсе не смущался тем, что в безумстве воспринял философскую хитрость. А следовало бы ему творить только то, что он хотел, а не побуждать к действию.

То все попущением Божиим и творением бесовским бывает, такими вещами искушается наша православная вера, сколь тверда она и крепка, пребывая в Господе и не увлекаясь дьявольским наваждением и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла.

Бывает же, что некоторые и именем Господа пророчествуют, как Валаам и Саул и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют. Ибо Валаам был чужд и праведного жития, и веры, но тем не менее действовала в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему было также открыто будущее многих последующих поколений, тем показывая, что многие, имеющие превратный разум, еще до пришествия Христа творят знамения не по своей воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было сказано: «Не чудесами прельщат»*.

В лето 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В лето 6422 (914). Пошел Игорь на древлян, и победил их, и возложил дань больше Олеговой. В то же лето приступил Симеон Болгарский к Царьграду и, заключив мир, возвратился домой.

В лето 6423 (915). Печенеги впервые пришли на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и уже собирались выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что те сами между собой ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Адрианополь, который первоначально назывался городом Ореста – сына Агамемнона. Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни; от этого назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В лето 6424 (916).

В лето 6425 (917).

В лето 6426 (918).

В лето 6427 (919).

В лето 6428 (920). У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В лето 6429 (921)].

В лето 6430 (922).

В лето 6431 (923).

В лето 6432 (924).

В лето 6433 (925).

В лето 6434 (926).

В лето 6435 (927).

В лето 6436 (928).

В лето 6437 (929)*. Пришел Симеон к Царьграду и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостью. И сотворил мир с Романом-царем, и возвратился домой.

В лето 6438 (930).

В лето 6439 (931).

В лето 6440 (932).

В лето 6441 (933).

В лето 6442 (934). Угры впервые пришли на Царьград и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В лето 6443 (935).

В лето 6444 (936).

В лето 6445 (937).

В лето 6446 (938).

В лето 6447 (939).

В лето 6448 (940).

В лето 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И известили болгары царя, что идут русские на Царьград, 10 тысяч ладей. И те приплыли и начали воевать Вифинскую страну, и воевали земли по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, Суд весь сожгли. А кого захватили, одних распинали, а других, поставив напротив, расстреливали*, хватали, связывали руки, вбивали в макушки голов гвозди. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон (Суда) захватили немало имущества. Затем пришли с востока войска: Панфир деместик с сорока тысячами, Фома патрикий с македонянами, Федор стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, и окружили русь. Русы же, посовещавшись, вышли, вооружившись, против греков, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русы же к вечеру возвратились к дружине своей

и ночью, погрузившись в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на русские ладьи. И было видно страшное чудо. Русы же, увидев пламя, бросались в воду морскую, хотя спастись, и так оставшись, возвращались домой. И придя в землю свою, поведали – каждый своим – о происшедшем и огне корабельном. «Будто молнию небесную, – говорили они, – имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас. Оттого и не одолели их».

Игорь же, вернувшись, начал собирать большое войско и послал за море ко многим варягам, призывая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В лето 6450 (927)*. Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарями.

В лето 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, заключив мир с Романом, возвратились восвояси.

В лето 6452 (944). Игорь собрал большое войско: варягов и русь, и полян, словен, и кривичей, и тивирцев, и нанял печенегов и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Идут русы, не счесть кораблей их, покрыли все море корабли». Также и болгары послали весть, сообщая: «Идут русы и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь послал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и стал с ней думать, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, – не бившись взять золото и серебро, и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть, нам ли, им ли? Или с морем кто сговорился? Не по земле ведь ходим, но по

глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь, и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, повернул назад и возвратился в Киев.

В лето 6453 (945). Прислали Роман и Константин и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире, и послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию.

«Противень другого списка с договора, заключенного при царях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянника Игоря, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн от Сфандры, жены Улеба, Прастен от Тудора, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен от Акуна, племянника Игорева, Кары Тудков, Каршев Тудоров, Егри Евлисков, Воист Воиков, Истр Аминодов, Прастен Бернов, Ятвяг Гунарев, Шибрид от Алдана, Кол Клеков, Стегги Этонов, Сфирка...*, Алвад Гудов, Фудри Туадов, Мутур Утин; купцы: Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фурустен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубксарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли*. И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и князь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и

Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто от русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те, кто принял крещение, получают возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, кто не крещен, да не имеют помощи от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во весь век будущий.

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли сколько хотят, с послами и купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные, ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посланы ими, пусть приносят грамоту, написав ее так: послал столько-то кораблей; чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю *вашему*. Если же не подчинятся нам и окажут сопротивление, то уьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем *мы*, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину, послы – посольскую, а купцы – месячину, сперва те, кто от города Киева,

затем из Чернигова и из Переяславля*, и из прочих городов. Да входят они в город только через одни ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад. Муж же *наш* царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков поступит несправедливо, то пусть рассудит это дело. Когда же русские входят в город, то пусть не чинят вреда и не покупают паволоки дороже, чем по 50 золотников. И если кто купит тех паволок, то пусть покажет цареву мужу, а тот наложит печать и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и снаряжение к ладьям, как это было условлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну *нашу*, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши крещеные русские по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как было установлено прежде, – по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов *наших* царских или города *нашего*, или из иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть возвратят его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто из русских попытается взять что-либо у *наших* царских людей, то тот, кто сделает это, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и его цену; если же окажется,

что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы подвластных нам пленников христиан ни привели русские – за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дают им 8 золотников и берут их, если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если это пленники, – пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену – сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не должен князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать [обороняя корсунян]*, – дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-то возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство, или убьет, то будет обвинен по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют право русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья, а с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то повелеваем князю русскому, дабы не пускал их, иначе причинят зло и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков – наших царских подданных*, – да не имеете

права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть примет тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет он имущим – пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его, пока не найдется, а когда найдется, да убит будет.

Если же ударит мечом или копьем или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за преступление пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому. Если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что можно, вплоть до одежд, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть поклянется по своей вере, что не имеет ничего, и лишь тогда пусть будет отпущен.

Если же возникнет нужда у царства нашего получить у вас воинов против наших неприятелей, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и из этого узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, – на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой – имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут – пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и к его людям, и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании чест-

ного креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заколот собственным оружием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем и всеми боярами и всеми людьми Русской страны во все будущие годы постоянно.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин смерти от своего оружия, и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот – да хранит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, направленные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, радующийся миру, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун. И сложили оружие свое, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его, – сколько было язычников среди русских. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Козарского урочи-

ща: это была соборная церковь, так как было много христиан среди варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и войском. Послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них больше дани.

В лето 6453 (945)*. В то лето сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда разodelись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы». И послушал их Игорь, пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Возвращаясь же назад, поразмыслив, сказал он своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем снова идешь? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего дня.

Ольга же была в Киеве с ребенком сыном своим Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мистиши*. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского, возьмем жену его за князя нашего Мала, и Святослава возьмем и сделаем с ним, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали

в ладье под Боричевым въездом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не селились люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора а княжий двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а перевесища находились вне города; вне города был и другой двор, где стоит сейчас двор Деместика позади церкви святой Богородиц [Десятинной]; над горою был теремный двор – был там каменный терем*.

И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе и сказала им: «Добрые гости пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с таким наказом: “Мужа твоего мы убили, ибо муж твой как волк расхищал и грабил, а наши князья добрые, привели к процветанию Деревской земли. Пойди замуж за князя нашего Мала”». Было ведь имя ему, князю древлянскому, – Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша. Мужа мне моего уже не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми моими. Ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: “Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье”, и понесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму большую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним, и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись в больших нагрудных застежках. И понесли

их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили вместе с ладьей в яму. И, прикинув, спросила их Ольга: «Добра ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела Ольга закопать их живыми, и засыпали их. И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав это, древляне выбрали лучших людей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней.

Когда же древляне пришли, Ольга повелела приготовить им баню, говоря так: «Помывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться. И заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все. И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда много у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав это, свезли множество медов и заварили их, Ольга же, взяв с собою малую дружину, двигаясь налегке, прибыла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу* и, когда насыпали, повелела начинать тризну. Затем сели древляне пить, и распорядилась Ольга, чтобы ее отроки прислуживали им. И спросили древляне Ольгу: «Где дружина наша, которую посылали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиной мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла в сторону и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княжения Святослава*, сына Игорева.

В лето 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Де-

ревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска, Святослав бросил копьё в сторону древлян, и копьё пролетело между ушей коня и ударило в ногу, ибо был Святослав совсем ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном к городу Искоростеню, так как именно те убили мужа ее, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко бились из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так – послала к городу, говоря: «До чего хотите досидеться? Ведь ваши города все уже сдались мне и обязались выплачивать дань, и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга: «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своему мужу. Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас небольшую дань, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы готовы дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немногого: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья. Я не хочу возлагать на вас тяжкую дань, как муж мой, поэтому и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости»*. Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы уже и покорились мне и моему детяти. Идите в город, а я

завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в платочки и привязывая ниткой к каждой птице. И когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как загорелись сразу все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин взяла в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань. И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги*. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Деревской земле, устанавливая распорядок сборов и повинностей. И сохранились становища ее и охотничьи гоны и до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и побыла здесь год*.

В лето 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила погосты и дани по Мсте и оброки и дани по Луге. Ловища ее сохраняются по всей земле, следы и места ее пребывания, и погосты, а сани ее стоят в Плескове и поныне, и по Днепру, и по Десне находились ее перевесища*, и есть село ее Ольжичи и доселе. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там пребывала с ним в любви.

В лето 6456 (948).

В лето 6457 (949).

В лето 6458 (950).

В лето 6459 (951).

В лето 6460 (952).

В лето 6461 (953).

В лето 6462 (954).

В лето 6463 (959?)*. Направилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь *Константин, сын Льва*, и пришла к нему Ольга. И увидел царь, что она прекрасна лицом и разумна, удивился, беседуя с ней, ее разуму, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл сказанного, ответила царю: «Я – язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам. Иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом*.

Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские сыновья и твои потомки». И дал ей заповеди о церковном уставе и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, внимала учению, как губка напояемая, и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду хранима от сетей вражеских». И было наречено ей имя в крещении Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как же ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и называл дочерью. А христианский закон этого не допускает – ты сам знаешь». И сказал царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее, назвав своей дочерью. Она же, собравшись домой,

пришла к патриарху и попросила у него благословения своим домашним, и сказала ему: «Люди мои – язычники, и сын мой – тоже. Да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась, и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от Фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, – так и тебя избавит он от дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Случилось это, как и при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, дабы послушать премудрость Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса. Так же и блаженная Ольга искала настоящей Божественной мудрости, но та – человеческой, а эта – Божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на шествиях поется, на путях отвагу направляет, на городских стенах проповедует, в городских воротах смело возглашает: доколе невежды будут любить невежество». Блаженная же Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в этом свете, и нашла многоценный жемчуг – Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных услаждает душу»; и: «Обрати сердце твое к разумению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Ольга же пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов с наказом: «Много даров дал я тебе. Ты же обещала: когда возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск и меха, и воинов на помощь». И отвечала Ольга, обратившись к послам: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда тебе дам». И, сказав это, отпустила послов.

Жила же Ольга с сыном своим Святославом, и учила его мать креститься, но он пренебрегал этим и не принимал в уши. Но если кто желал креститься, то не запрещал, а насмехался над ним. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть». «Ибо не знают, не разумеют те, что ходят во тьме, и не ведают славы Господней». «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых *далеки* от разума», «поскольку звал вас, и не послушались меня, обратил слова, и не внимали мне, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли». «Возненавидели премудрость, а страха Господня не восприняли, не пожелали внять моему совету, презрели мои обличения». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь, если и ты познаешь – будешь радоваться». Он же не внимал этому, отговариваясь: «Как мне одному принять новую веру, а дружина моя станет над этим смеяться?» Она же сказала: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, следуя обычаям языческим, не ведая, что кто матери не слушает – в беду попадет. Как сказано: «Если кто отца или матери не слушает, то смерть примет». Он же за это гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых, наживет *себе* обиду, обличающий же нечестивого, опорочит себя; ибо обличение нечестивых – язвы есть». Но Ольга любила своего сына Святослава и говорила: «Да будет воля Божья. Если захочет помиловать Бог род мой и народ русский, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И так говоря, молилась за сына и за людей каждую ночь и каждый день, воспитывая сына до его возмужания и совершеннолетия.

В лето 6464 (956).

В лето 6465 (957).

В лето 6466 (958).

В лето 6467 (959).

В лето 6468 (960).

В лето 6469 (961).

В лето 6470 (962).

В лето 6471 (963).

В лето 6472 (968?)*. Когда Святослав вырос и возмужал, начал он собирать множество воинов храбрых, и легко, как пардус, передвигаясь в походах, много воевал. В походах же не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но тонко нарезав конину или зверину или говядину, жарил на углях и так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и, встретив вятичей, сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам – по щелягу от рала даем»*.

В лето 6473 (969?). Пошел Святослав на хазар. Услышав об этом, хазары вышли навстречу со своим князем Каганом*, и сошлись биться, и одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов*.

В лето 6474 (968?). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В лето 6475 (971?)*. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце*, беря дань с греков.

В лето 6476 (971?)*. Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силой великой – было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогли люди от голода и жажды. И

собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали печалиться люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и передать им: если не подступите утром к городу – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь». И ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ничего с ним сделать. На том берегу заметили это, подплыли к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «*Люди* той стороны». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем – бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы напугать печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Будет так». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу

коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня и напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старрой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиной быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сожалел об ущербе, нанесенном печенегами. И собрав воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В лето 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне в Киеве быть, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь, – я больна; куда хочешь уйти от меня?» Ибо уже разболелась она. И добавила: «Когда похоронишь меня – иди куда хочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не творить по ней тризны, ибо имела при себе священника, который и похоронил блаженную Ольгу. Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем и как заря перед светом. Она сияла, как луна в ночи, так и она светилась среди язычников, как бисер в грязи, запачканы были люди грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась святой купелью, и сбросила греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть

в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало примирения с Ним». Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее и восхваляют сыны русские как зачинательницу, ибо по смерти молит Бога за Русь. Ведь души праведных не умирают. Как сказал Соломон: «Веселится народ восхваляемому праведнику». Память праведника бессмертна, ибо признается и Богом, и людьми. Все люди прославляют это, видя, что она лежит много лет, не затронутая тлением. Ибо сказал пророк: «Прославляющих меня – прославлю». Именно о таких сказал Давид: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа, утверждено сердце его и не поколеблется». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки, наград им от Господа и попечение от них Всевышнего. Поэтому примут они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо Он покроет их десницею и мышцею защитит их». Защитит же он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата – дьявола.

В лето 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега в Древлянской земле. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами найдем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши, ключницы Ольгиной. Малуша же была сестрой Добрыни, отец же им был Малко Любечанин, и приходился Добрыня Владимиру дядей. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрыней, *дядей* своим, в Новгород, а Святослав – в Переяславец.

В лето 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары

на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав воинам своим: «Здесь нам и пасть! Встанем же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Мы не сдюжим против вас; так возьми с нас дань на всю дружину и скажи, сколько вас, чтобы выдали вам по числу дружинников». Так говорили греки, намереваясь обмануть русских, ибо греки лживы и до наших дней*. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч»*. Десять тысяч он прибавил, ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – весьма испугались столь великого множества воинов. Но сказал Святослав: «Нам некуда деться, волей или неволей мы должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костью. Ибо мертвые срама не знают, а если побегим – покроемся позором. Так не побегим, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то сами решите, как вам быть». И ответили ему воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали*. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать, не можем противостоять ему?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары, испытаем его, любит ли он золото и паволоки». И послал к нему золото и паволоки, и мудрого мужа, наказавши ему: «Следи за его взором, лицом и мыслями!» Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с

поклоном, и сказал Святослав: «Ведите их сюда». Войдя, они поклонились ему и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, не глядя на дары: «Уберите». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал унести». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и поднесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, посылая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и рассказали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря: «Не ходи к столице, но возьми дань какую хочешь». Ибо лишь немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не погубили коварством и дружину мою и меня». Так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу больше дружины». И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря: «Хочу иметь с тобой твердый мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать со своей дружиной, говоря: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами воюют, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – этого с нас и хватит. Если же перестанут платить нам дань, то снова, собрав множество воинов, пойдем из Руси на Царьград».

И была любя речь эта дружине, и послали лучших людей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена”». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все сказанное Святославом на хартию. И стал посол говорить, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Противень другого списка договора*, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле **месяца июля, 14 индикта, в лето 6479 (971)**. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и совершенную любовь с любым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не поведу иноплеменников на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я буду ему противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, и со мною бояре все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – от Перуна, и Волоса, бога богатства, и да будем исколоты, как это золото*, и пусть посечет нас собственное оружие. Не сомневайтесь в искренности того,

что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заклучив мир с греками, Святослав пошел в ладьях к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд*: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы* послали к печенегам сказать: «Идет мимо вас русь, Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и без числа пленных». Услышав об этом, печенеги обступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и кончилась у них пища, и настал великий голод, так что по полугривне стояла конская голова. И тут перезимовал Святослав.

С началом весны, **в лето 6480 (972)**, двинулся Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убил Святослава, и взял голову его, и сделал чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 20 и 8*.

В лето 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В лето 6482 (974).

В лето 6483 (975). Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, ибо сам там охотился. И восстала оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подбивал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В лето 6484 (976).

В лето 6485 (977). Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в сражении победил Яро-

полк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Вручий. Через ров к городским воротам вел мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей попадали туда с конями, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата. И искали его и не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк искать брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра до полудня, и нашли Олега под трупами, вынесли его и положили на ковре. И подошел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты хотел!» И похоронили Олега в поле* у города Вручего, и есть могила его у Вручего до сего времени. И захватил волость его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, бывшая до этого монахиней. В свое время Святослав, отец его, привел ее и выдал за Ярополка, красоты ради лица ее. Владимир же в Новгороде, услышав о том, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и один владел Русской землей.

В лето 6486 (978).

В лето 6487 (979).

В лето 6488 (978?)*. Пришел Владимир в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовясь с ним биться». И сел в Новгороде. И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни*, но хочу Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и владел Полоцком, а Туры – Туровом, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и передали ему ответ Рогнеды – дочери по-

лоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А тем временем уже собирались вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и его двух сыновей, а дочь его взял в жены. И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выступить против него и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожичи – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лестью, говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе».

О злая лесь человеческая! Как говорил Давид: «Тот, кто ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, Боже, да откажутся от замыслов своих. По множеству нечестия отвергни их, ибо прогневали они Тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто побуждает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить своего князя: хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь, потому и виновен он в крови той.

Блуд затворился в городе вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя именно в это время убить Ярополка, так как иначе, опасаясь го-

рожан, убить его он не мог. Не найдя способа погубить его, Блуд придумал хитрость, уговаривая Ярополка не выходить из города на битву. И сказал Блуд Ярополку: «Киевляне ссылаются с Владимиром, говоря ему: “Приступай к городу, предадим тебе Ярополка”. Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родни в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родни сильный голод, и жива до наших дней поговорка: «Беда, как в Родне»*.

И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам их не перебороть. Мирись с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть будет так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбывается замысел твой: приведу к тебе Ярополка, приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремный, о котором мы уже упоминали*, и сел там с воинами и дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: “Что ты мне дашь, то я и приму”». Ярополк собрался, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь *воинов*». И не послушал его Ярополк, и пришел к Владимиру. Когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того к печенегам и многожды воевал с ними против Владимира. Едва уговорил его Владимир, дав ему клятву. Владимир же вступил в связь с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил

Святополка отец его, что был он двух отцов: от Ярополка и от Владимира. После этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его взяли, хотим взять выкуп по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И отобрал из них мужей добрых, умных и храбрых, и роздал им города, остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же впереди них направил послов к царю с предупреждением: «Идут к тебе варяги, не держи их в городе, иначе причинят тебе зло, как и здесь, но рассели их по разным местам, а к себе не пускай ни единого».

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и осквернили землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий Бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, о чем расскажем после. Теперь же возвратимся к прежнему. Владимир посадил Добрыню, дядю своего, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

И был Владимир побежден плотским вожделением, и были у него жены: Рогнеда, которую посадил на Лыбеди, где ныне стоит сельцо Предславино. От нее он имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей. От гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной – Свя-

тослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба. А наложниц у него было 300 в Вышгороде, 300 в *Белгорode* и 200 на Берестове в сельце, которое называют ныне Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя замужних женщин и растляя девиц. Был он женолюбив, как и Соломон, ибо сказано, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был неграмотен, а под конец обрел вечное спасение. «Велик Господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца». Зло есть женская прелесть, как сказал Соломон о женах, покаявшись: «Не внимайте злой жене; ибо мед капает с уст ее, жены любодейной. Мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его...» * Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, плотские вожделения ее неблагоприятны». Это сказал Соломон о прелюбодейках. А о добрых женах сказал: «Дороже она многоценного камня. Радуетя на нее муж ее, ибо делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, все нужное делает своими руками. Как корабль, ведущий торговлю, издалека собирает богатство. И встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и задания рабыням. Увидев полезное – покупает, трудами рук своих увеличивает достояние, крепко подпоясав стан, укрепит мышцы свои на дело. И познав, что труд есть благо, не гасит светильник свой всю ночь. Руки свои простирает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не беспокоится муж ее о доме своем, ибо где бы он ни был, все домочадцы одеты будут. Двойное одеянье сделает для мужа, а червленые и багряные – для себя самой. Виден муж ее у ворот, когда сядет на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст на продажу. Уста свои открывает разумно, кстати

скажет языком своим. Крепостью и красотой облеклась она. Милости ее превозносят дети и ублажают ее, муж ее хвалит. Разумная жена благословенна, ибо похвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В лето 6489 (981). Пошел Владимир к полякам и занял города их: Премышль, Червен и другие города, которые и доньше под Русью*. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань от плуга*, как и отец его брал.

В лето 6490 (982). Восстали вятичи, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В лето 6491 (983). Пошел Владимир на ятвягов, и победил, и взял землю их. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы*, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын прекрасный лицом и душою. На него и пал жребий по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный, и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына твоего пал жребий, соизволили его себе боги, да свершим жертвоприношение». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево. Нынче есть, а завтра сгниет. Не едят они, не пьют и не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один. Ему служат греки и поклоняются. Сотворил Он небо и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Послан-

ные пошли и поведали людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Отдай сына, да отдадим его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вам какая нужда?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили, ибо были тогда люди бесписьменные и язычники. Дьявол же радовался тому, не зная, что уже близка его гибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. Здесь же, думал окаянный, здесь обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки не предсказывали, не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми». Об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной – слова их». Если и не были *здесь* апостолы телесно, то учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной. Их учением побеждаем врага-дьявола, попирая его под ноги, как попирали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками*.

В лето 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост. И послал Владимир Волчьего Хвоста впереди себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и укоряют русские радимичей: «Пищанцы от волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут, и платят дань Руси, повоз везут и донине.

В лето 6493 (985). Пошел Владимир на болгар с *дядей* своим Добрынею, а торков привел берегом на конях. И победили болгар. И сказал Владимиру Добрыня: «Осмотрел колодников – все в сапогах. Этим дани нам не давать, пойдем поищем себе лапотников». И за-

ключил мир Владимир с болгарами и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель – тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В лето 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, вина не пить, по смерти же, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти прекрасных жен, и изберет из них одну красивейшую, и воплотит в ней красоту всех. Она и будет ему женой. И *здесь*, говорит, можно вволю предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том». И иным прельщали, о чем и писать стыдно. Владимир же слушал, ибо и сам любил жен и безмерное блужение, и сладко было ему слушать. Но что было ему нелюбо – обрезание, запрещение употребления свиного мяса. А о питье отверг напрочь: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть».

Потом пришли немцы *из Рима* и сказали: «Пришли мы, посланные папой». И сказали ему: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя, как и наша, а вера ваша не такая, как наша. Наша вера – свет. Кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц, и все, что дышит, а ваши боги – суть дерево”». Владимир же спросил: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пощение по силе. Кто пьет или ест – все во славу Божию, как сказал учитель наш Павел». Владимир сказал немцам: «Идите обратно, ибо отцы наши не приняли этого»*.

Услышав об этом, пришли хазарские иудеи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют

в Того, Кого мы распяли, а мы верим в единого Бога Авраамова, Исаакова, Иакова». И вопрошал Владимир: «Каков ваш закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же ответили: «В Иерусалиме». И вновь спросил он: «Там ли?» И ответили те: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по разным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». И сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны. Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа, который сказал: «Слышали мы, что приходили болгары и наставляли тебя принять их веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. И этих ожидает день гибели, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, омываясь, они вливают эту воду в рот, мажут ею бороду и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну и даже большую, от совокупления вкушая». Услышав это, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Философ же говорил: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на оплатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Се есть Тело Мое, ломимое за вас”. Так же и чашу взял и сказал: “Сия есть Кровь Моя Нового Завета”. Те же, кто не творит этого, — неверно веруют». Сказал же Владимир: «Приходили ко мне иудеи и сказали, что веруют немцы и греки в Того,

кого Они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в Того. Это еще пророки прорицали, что Бог родится. А другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества, когда сошел он на землю, был распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал Бог покаяния от них 40 и 6 лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир же спросил: «Зачем же Бог сошел на землю и принял страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю», Владимир же сказал: «Послушаю, рад». И начал философ говорить*.

«В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь посреди воды. В тот же день разделились воды – половина их возшла на твердь, а половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день – солнце, луну, звезды, и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов – старейшина чина ангельского и подумал: “Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных”. И тотчас же был свергнут с небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом, десятый чин. Было имя врагу – Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись изначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в пятый день, сотворил Бог китов, рыб, гадов и птиц пернатых. В шестой день сотворил Бог зверей, скотов, гадов земных, сотворил же и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил Бог от дел своих. И насадил Бог

рай на востоке, в Едеме, и ввел в него человека, которого сотворил, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева – познания добра и зла – не есть. И был Адам в раю, видел Бога и славил Его вместе с ангелами. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену и ввел в рай к Адаму. И сказал Адам: “Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою”. И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам, и дал имена самим ангелам. И подчинил Бог Адаму зверей и скот, и обладал он всеми, и все его слушались. Дьявол же, увидев как почтил Бог человека, стал ему завидовать, перевоплотился в змия, пришел к Еве и сказал ей: “Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?” И сказала жена змию: “Сказал Бог: не ешьте; если же съедите, то смертью умрете”. И сказал жене змий: “Смертью не умрете, ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как Бог, познав добро и зло”. И увидела жена, что дерево съедобное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе перепоясание из листьев смоковницы. И сказал Бог: “Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни жизни твоей”. И сказал еще Господь Бог: “Когда прострете руки и возьмете от дерева жизни – будете жить вечно”. И изгнал Господь Бог Адама из рая. И поселился он против рая, плача и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля. Каин был пахарь, а Абель пастух. И принес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Абель же принес первенца ягненка, и принял Бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал под-

стрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: “Пойдем в поле”. И послушался его Абель. И когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не умел это сделать. И сказал ему Сатана: “Возьми камень и ударь его”. Он взял камень и убил Авеля. И сказал Бог Каину: “Где брат твой?” Он же ответил: “Разве я сторож брату моему?” И сказал Бог: “Кровь брата твоего вопиет ко Мне, будешь стонать и дрожать до конца жизни своей”. Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: “Того, кого Бог почтил, я заставил отпасть от Бога, и вот ныне плач ему навязал”. И плакали по Авелю тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божиим прилетели два птенца, один из них умер, другой же выкопал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем.

Когда Адаму было 230 лет, родил он Сифа и двух дочерей. И взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, всякой нечистоты, убийств, зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде людском. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: “Не будет дух мой пребывать среди людей”. И еще: “Истреблю то, что сотворил, от человека до скота”. И сказал Господь Бог Ною: “Построй ковчег 300 локтей в длину, 80 в ширину, а в высоту 30»; *египтяне* же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: “Войди в него сам с твоей женой, и сыновьями твоими, и снохами, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов”. И ввел Ной всех, кого приказал ему Бог. Навел Бог потоп на землю, потонуло все живое,

а ковчег плавал по воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали они друг другу: “Построим столп до неба”. Начали строить, и был старейшина их Неврод. И сказал Бог: “Умножились люди – и замыслы их суетные”. И сошел Бог, и смешал их языки на 70 и два языка. Только у Евера не был отнят язык Адама, один он из всех остался непричастным к их безумному делу и сказал так: “Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы словом своим – как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое”. Вот почему не переменялся его язык. От него пошли евреи. Разделились люди на 70 и один язык и разошлись по всем странам, и каждый народ приобрел свой нрав. По наущению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали истинного Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до деления языков 529 лет.

Затем дьявол ввел людей в еще больший соблазн, и стали они создавать кумиров: одних – деревянных, других – медных, третьих – мраморных, а некоторых золотых и серебряных. И кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторые ставил прежним царям, другие – храбрым людям и волхвам, и женам-прелюбодейкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиров, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо и увидел звезды и небо, и сказал: “Воистину тот Бог, Кто создал *небо и землю*, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: “Испытаю богов отца своего”. И обратился к отцу: “Отец! Зачем обма-

нываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот Бог, кто сотворил небо и землю”. Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но и сам тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына. И с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: “Выйди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения земные”. И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам племянника своего Лота. Этот Лот был ему и шурином, и племянником, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона – Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: “Потомству твоему дам землю эту”. И поклонился Авраам Богу. Аврааму же было 75 лет, когда вышел он из Харана. Сара же была неплодной, болела бесплодием. И сказала Сара Аврааму: “Войди к рабе моей”. И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом. Аврааму же было 86 лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара и родила сына, и назвала его Исааком. И приказал Бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, отделив его от других народов. Когда возмужал Исаак, Авраам, прожив 175 лет, умер и был погребен. Когда же Исааку было 50 лет, родил он двух сыновей: Исава и Иакова. Исав был лукав, а Иаков – праведен. Иаков работал у своего дяди семь лет, добываясь его младшей дочери. И не дал ее ему Лаван, дядя его, сказав: “Возьми старшую”. И дал ему старшую, Лию, а ради другой сказал ему: “Работай еще семь лет”. Он же работал еще семь лет ради Рахили.

И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Иссахара, Завулону, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Неффалима, Гада и Асира. И от них расплодились иудеи. Иаков же отправился, когда ему было 130 лет, в Египет вместе со всем родом своим, числом 65 душ. Прожил он в Египте 17 лет и умер, а потомство его находилось в рабстве 400 лет. По прошествии же этих лет усилились иудеи и умножились, а египтяне держали их в рабстве. В эти времена родился у иудеев Моисей, и сказали волхвы египетские царю: “Родился ребенок у иудеев, который погубит Египет”. И тотчас повелел царь всех рождающихся иудейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого избиения, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла и поставила его на заливном лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его и пощадила, назвала Моисеем и вскормила. Был мальчик красив, и когда исполнилось ему четыре года, привела дочь фараона его к своему отцу. Фараон же, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей же, ухватившись за шею царя, уронил с царской главы венец и наступил на него. Увидев это, волхв сказал царю: “О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет”. Царь же не только не послушался его, но приказал не губить иудейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же в Египте заступил иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обижавшего иудея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и когда шел через пустыню, узнал от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него, и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд, и о числе их, и о

мере земли всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог в горящем терновом кусте и сказал ему: “Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди к фараону, царю египетскому, и скажи ему: “Выпусти Израиля, дабы три дня совершали они потребу Богу”. Если не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими”. Когда пришел Моисей, не послушал его фараон. И напустил на него Бог десять казней: 1) кровавые реки, 2) жабы, 3) мошки, 4) песьи мухи, 5) мор скота, 6) язвы, 7) град, 8) саранча, 9) трехдневная тьма, 10) мор на людей.

Потому десять казней пало на них, что десять месяцев топили они детей иудейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: “Скорее уходите!” Моисей же, собрав иудеев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди их ночью огненный столп, а днем облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и притиснул их к морю. Увидев это, люди иудейские возопили на Моисея: “Зачем повел нас на смерть?” И возопил Моисей к Богу, и сказал Господь: “Что взываешь ко Мне? Ударь жезлом по морю”. И сделал Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними. Сыновья Израиля перешли море посуху, и когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыни, и пришли в Мерру. Вода здесь была горькой, и возроптали люди на Бога. И показал им Господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона: “Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта”. И сказал Господь Моисею: “Слы-

шал ропот сынов Израилевых”. И дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди отлили голову тельца и поклонялись ей как Богу. И Моисей иссек их три тысячи. И затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: “Ударь жезлом в камень”. И сказал тот: “А если не испустит воду?” И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа. И не вошел он в землю обетованную, но возвел его на гору Вамьскую и показал землю обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин. Он прошел дальше, вошел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на его место сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда, и иных судей было 14. При них, забыв Бога, выведшего их из Египта, стали служить иудеи бесам. И разгневался Бог и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда они начинали каяться – Бог их миловал, когда избавлял их – снова уклонялись на бесослужение. Затем был судья Илья-жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: “Поставь нам царя”. И разгневался Господь на Израиля и поставил ему царя Саула. Но Саул не подчинился закону Господню, и избрал Господь Давида, и поставил его царем Израилю, и угодил Давид Богу. Этому Давиду обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божьем, говоря: “Из чрева прежде денницы родил Тебя”. Так он пророчествовал 40 лет и умер. А за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его святая святых. И был он мудр, но под конец впал в соблазн. Царствовал 40 лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось иудейское царство надвое: в Иерусалиме одно, а другое в Самарии. В Самарии

царствовал Иеровам, холоп Соломона. Сотворил он два золотых *тельца* и поставил одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: “Вот боги твои, Израиль”. И поклонялись им люди, а Бога забыли. Также и в Иерусалиме начали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, или Арею. И забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же начали избивать обличающих их пророков. Разгневался Бог на Израиля и сказал: “Отвергну от Себя, призову иных людей, которые будут послушны Мне. Если и согрешат – не помяну беззакония их”. И стал он посылать пророков, говоря им: “Пророчествуйте об отвержении иудеев и призвании новых народов”.

Первым стал пророчествовать Осия: “Положу конец царству дома Израилева... Сокрушу лук Израилев... Уже не буду более отпускать прегрешения дому Израилеву, но, отмечая, отвергну их”, – говорит Господь. “И будут блуждать между народами”. Иеремия же сказал: “Если и сами Самуил и Моисей предстанут – не помилю их”. И еще сказал тот же Иеремия: “Так говорит Господь: На этом поклялся именем Моим великим... если будет имя Мое произносимо устами иудеев”. Иезекииль же сказал: “Так говорит Господь Адонай: рассею вас, и весь остаток ваш развею по всем ветрам за то, что осквернили святилище Мое всеми мерзостями *вашими*, отрину тебя и не помилю тебя”. Малахия же сказал: “Так говорит Господь: уже нет моего благословения к вам. Ибо от востока до запада прославится имя мое между народами, и всюду будут курить *фимиам* имени моему и приносить жертву чистую, так как возвеличено будет имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов”. Исая же великий сказал: “Так говорит Господь: простру руку

Свою на тебя, источу и рассею тебя, и вновь не возвращу тебя”. И еще сказал тот же пророк: “Возненавидел Я праздники ваши и начала месяцев ваших, и суббот ваших не принимаю”. Амос же пророк сказал: “Слушайте слово Господне: я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более”. Малахия же сказал: “Так говорит Господь: пошлю на вас проклятие и проклянущу благословенье ваше... разорю его, и не будет его в вас”. И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел Бог пророчествовать и о призвании на их место иных народов. И начал призывать Исайя, так говоря: “От Меня изыдет закон, и суд Мой осветит страны. Приближается правда Моя, исходит... и на мышцу Мою уповают народы”. Иеремия же сказал: “Так говорит Господь: заключу с домом Иудиним новый завет. Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу, и буду им Богом, а они будут мне народом”. Исайя же сказал: “Прежнее миновало, а новое возведу, – прежде возвещения оно было явлено вам. Пойте Богу новую песнь”. “Рабам Моим назовется новое имя, которое будет благословляться по всей земле”. “Дом Мой назовется домом молитвы всех народов”. Тот же пророк Исайя говорит: “Обнажит Господь святую мышцу Свою перед глазами всех народов, и все концы земли увидят спасение Бога нашего”. Давид же говорит: “Хвалите Господа все народы, прославляйте Его все люди”.

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним Сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И начали пророчествовать о воплощении Бога. Раньше других – Давид: “Сказал Господь Господу моему: сядь одесную Меня, доколе положу врагов Твоих к подножию ног *Твоих*”. И еще: “Сказал мне Господь: Ты Сын мой, Я ныне родил Тебя”. Исайя же

сказал: “Ни посол, ни вестник, но Сам Бог, пришедши, спасет нас”. И еще: “Родится нам Младенец, символ власти на плечах его, и наречется имя Ему великого Света ангел. Велика власть Его, и миру Его нет предела”. И еще: “Некая Дева во чреве зачнет, и нарекут имя Ему *Еммануил*”. Михей же сказал: “Ты, Вифлеем – дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами Иудиными? Из тебя же произойдет Тот, Который должен быть владыкою во Израиле и происхождение Которого от дней вечных. Посему дано будет до времени, пока не родит тех, кто родят, и тогда обратятся оставшиеся братья их к сынам Израилевым”. Иеремия же сказал: “Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее Иакову, отроку своему. После этого Он явился на земле и жил среди людей”. И еще: “Человек он: кто узнает, что Бог? Ибо умирает как человек”. Захария же сказал: “Не послушали Сына Моего, а Я не услышу их, говорит Господь”. И Осия сказал: “Так говорит Господь: плоть Моя от них”. Прорекли же и страдания Его, говоря, как сказал Исайя: “Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника”. И еще сказал тот же пророк: “Так говорит Господь: ...Я не воспротивлюсь, не буду возражать. Тело Мое отдал Я для нанесения ран, а щеки Мои на заушение, и лица Своего не отвратил от постыдного оплевания”. Иеремия же сказал: “Придите, положим дерево в пищу Его и отторгнем от земли жизнь Его”. Моисей же сказал о распятии Его: “Увидите жизнь вашу, висящую перед глазами вашими”. И Давид сказал: “Зачем волнуются народы”. Исайя же сказал: “Как овца был веден Он на заклание”. Ездра же сказал: “Благословен Бог, распростерший руки Свои и спасший Иерусалим”.

И о воскресении сказал Давид: “Восстань, Боже, суди землю, ибо Ты наследуешь во всех странах”. И еще:

“Как бы от сна воспрянул Господь”. И еще: “Да воскреснет Бог, и да расточатся враги Его”. И еще: “Воскресни, Господи Бог мой, да вознесется рука Твоя”. Исайя же сказал: “Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас”. Захария же сказал: “И ты ради крови завета Твоего освободил узников Своих изо рва, в котором нет воды”. И много пророчествовали о нем, что все сбылось».

Спросил Владимир: «Когда же это сбылось и сбылось ли все это? Или еще только сбудется?» Философ же ответил: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда иудеи избивали пророков, а цари их преступали законы, преданы они были на расхищение и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, взявшего власть над ними.

В его правление, в лето 5500, послан был Гавриил в Назарет к Деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать Ей: “Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою!” И от слов этих понесла Она в утробе Слово Божие, и родила Сына, и назвала его Иисус. И пришли с востока волхвы, говоря: “Где родившийся Царь Иудейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться Ему”. Услышав об этом, царь Ирод смутился, и весь Иерусалим с ним. Призвав книжников и старцев, он спросил их: “Где рождается Христос?” Они же ответили ему: “В Вифлееме Иудейском”. Ирод же, услышав это, послал со словами: “Избейте всех младенцев до двух лет”. И избивали младенцев. Мария же, испугавшись, спрятала ребенка. Затем Иосиф с Марией, взяв ребенка, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте явился Иосифу ангел и сказал: “Когда встанешь, возьми ребенка и мать его и иди в землю Израилеву”. И, вернувшись, поселился в Назарете.

Когда Иисус вырос и было Ему 30 лет, начал Он творить чудеса и проповедовать Царство Небесное. И избрал двенадцать, назвав их учениками Своими, и стал творить великие чудеса: воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым – и иные многие чудеса, которые были прежними пророками предсказаны о нем: “Тот исцелил недуги наши и болезни наши взял на Себя”. И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошел под видом голубиным, и голос сказал: “Это Сын Мой возлюбленный, к Нему Мое благоволение”.

И посылал он учеников своих проповедовать Царствие Небесное и покаяние для прощения грехов. И собирався исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает Сыну Человеческому пострадать, быть распятым и в третий день воскреснуть. Когда же учил Он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти и стремились убить Его и, захватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, установив, что привели Его без вины, захотел Его отпустить. Они же сказали ему: “Если отпустишь его, то не будешь другом цезарю”. Пилат же повелел, чтобы Его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на Лобное место и тут распяли Его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, многие мертвые восстали, которым повелел войти в рай. Сняли Его с креста, положили Его в гроб и печатями запечатали гроб иудеи, приставили стражу, сказав: “Как бы не украли ученики Его”. Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам Своим и сказал им: “Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа”. Пробыл Он с ними сорок дней,

приходя к ним после воскресения. По прошествии сорока дней велел идти им к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил, и сказал: “Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование Отца Моего”. И, сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились Ему, и возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил: «Зачем родился Он от женщины, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил: «Потому, что вначале род людской женщиною согрешил: дьявол прельстил Адама Евою и отпал от рая. Так и Бог отомстил дьяволу: через женщину первоначально победил дьявол, через женщину первоначально был изгнан Адам из рая, через женщину же воплотился Бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него изгнан был из рая. Бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом победить дьявола, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водой совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою. Потому и сказал Бог: “Водою погубил Я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от их грехов – водою обновления”. Ибо и иудеи в море очистились от египетских злонравий, ибо первой была сотворена вода. Сказано ведь: Дух Божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое преобразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз. Когда пришел к нему ангел, веля ему идти к Мадиам, он же, испытывая, сказал Богу: положу руно на гумно, и если будет по всей земле роса, а руно сухо... И было так. Это означает прообраз, что все иные стра-

ны были прежде без росы, а иудеи – роса, после же на другие страны пала роса, которая есть святое крещение, а иудеи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление придет через воду.

Когда апостолы учили во всем мире веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам, – Царство Небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное, грешникам же – мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Эти мучения ожидают тех, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу, в огне будут мучиться те, кто не крестится».

И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой написано было судилище Господне; направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Добро тем, кто справа, горе же этим, слева». Философ же сказал: «Если хочешь стать с праведниками, то крестись». Владимиру же запала в сердце мысль эта, и сказал: «Подожду еще немного», – желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В лето 6495 (987)*. Созвал Владимир бояр своих и старцев градских* и сказал им: «Приходили ко мне болгары, говоря: прими закон наш. Затем приходили немцы и хвалили свой закон. Затем пришли иудеи. После всех пришли греки, хуля все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая о начале мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать. Рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему вовеки.

Если же иной закон примет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы к уму приложите, что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь лучше разузнать, то есть у тебя мужи, пошли их, пусть проведуют, у кого какая служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям.

Выбрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились и, придя к ним, увидели их скверные дела и поклонение в мечети и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, также приглядитесь, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил, с какой целью они пришли. Они же обо всем ему рассказали. Услышав их рассказ, царь обрадовался и оказал им в тот же день великую честь. А на следующий день послал к патриарху, говоря ему: «Пришли русские, разузнать о вере нашей. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Выслушав это, патриарх повелел созвать клир, совершил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, устроили пение и хоры. И пошел с ними в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же изумились, удивляясь, хвалили службу их. И призвали их цари Василий и Константин и сказали им: «Идите в землю вашу». И отпустили их с дарами великими и честью. Они же вернулись в землю свою.

И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Пришли посланные нами мужи, послуша-

ем же их». И обратился к послам: «Говорите дружине». Они же сказали: «Ходили к болгарам, смотрели как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса, сделав поклон, сядет и оглядывается туда и сюда, как бешеный, и нет в них веселия, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах многие их службы, а красоты никакой не видели. И пришли мы в Греческую землю и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как рассказать об этом, знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем в иных странах. Не можем забыть красоты той, ибо каждый, кто вкусит сладкого, не возьмет потом горького. Так и мы не можем уже оставаться прежними». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрейшая из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И минуло лето, в лето 6496 (988) пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И остановился Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко горожане. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, приготовив войско, приказал *присыпать насыпь* к стенам. И когда *насыпали* они, корсунцы, сделав подкоп под городской стеной, выкрадывали насыпанное и носили к себе в город и ссыпали среди города. Воины сыпали еще больше, а Владимир стоял.

И вот муж корсунянин именем Анастас* пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, иду-

шую по трубам из колодцев, которые находятся за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это – крещусь!» И тотчас же повелел копать поперек труб, и переняли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Ваш славный город уже взял. Слышал, что имеете сестру девицу. Если не отдадите ее за меня, то сделаю и вашему городу то же, что и этому». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему ответ: «Не положено христианам выдавать за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царство Небесное обретешь, и с нами единовен будешь. Если же этого не сделаешь, то не отдадим сестру за тебя».

Выслушав это, сказал Владимир посланникам царей: «Скажите царям вашим: я крещусь, ибо прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и уговорили сестру свою, именем Анна, и послали к Владимиру со словами: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрой вашей и тогда крестите меня». И согласились цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти. «Как в полон иду, – говорит. – Лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, благодаря тебе обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от жестокой войны. Видишь же, сколько зла принесла грекам Русь. И если не пойдешь теперь, и нам сделают то же, [что в Корсуне]». И едва принудили ее. Она же села в корабль, расцеловалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И прибыла в Корсунь, и вышли корсуняне навстречу ей с поклоном, и внесли ее в город, и посадили в палате.

По Божественному промыслу, разболелся в то время Владимир глазами и ничего не видел. И весьма затужил, и не разумел, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь преодолеть болезнь эту, то крестись скорей; если же не крестишься, то не избавишься от своего недуга». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же курсунский с попами царицы, огласив, крестили Владимира. И как только возложил руку на него, Владимир тотчас прозрел. Осознав же внезапное исцеление, Владимир прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Увидев это, многие из дружины крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуне посреди града, где собираются курсуняне на торг. Палата же Владимира стоит у края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу на бракосочетание. Несведущие же говорят, будто крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Василеве, а другие и иначе скажут. Когда же Владимира крестили и научили вере христианской, сказали ему: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

“Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, до конца [принимаю] веру сию. И еще: верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Дух Святой исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности, ибо разделяется Бог нераздельно и соединяется неслитно. Отец, Бог Отец, извечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старейший*, нежели Сын и Дух, от него же

рождается Сын прежде всех времен. Дух же Святой исходит вне времени и вне тела. Вместе Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосушен и собезначален Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же Святой подобосушен Отцу и Сыну и вечно существует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец не переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или Отца, ибо неизменны их свойства. Не три Бога, но один Бог, так как Божество едино в трех лицах. Соизволением же Отца и Духа спасти свое творение, родительского семени его не изменяя, сойдя, и, как божественное семя в девичье ложе пречистое войдя, приняло плоть одушевленную, словесную и наделенную разумом, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство Матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как им был и став каким не был, приняв вид рабский – истинно, а не в воображении, всем, кроме греха, представ подобен нам... По Своей воле родился, по Своей воле взалкал, по Своей воле возжаждал, по Своей воле печалился, по Своей воле устршился, по Своей воле умер – истинно, а не в воображении: все присущие человеческому естеству неложные страдания принял. Распятый же вкусил смерть, безгрешный, – и воскрес в Своей плоти, не зная тления, взошел на небеса и сел справа от Отца, и придет снова со славою судить живых и мертвых, как вознесся со Своей плотью, так и сойдет...

К этому исповедую и единое крещение водою и Духом, приступаю к пречистым Тайнам, верую воистину в Тело и Кровь [Христову], приемлю церковные предания и поклоняюсь пречистым иконам, поклоняюсь пречистому древу и всякому кресту, святым мощам и

священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, первый из которых был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших единосущную Троицу. Третий же собор в Эфесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедовали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтихия и Диоскора, которых прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кира, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам.

Не принимай же ученья от латинян – ученье их искажено: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но стоя кланяются; и поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами. Так что, ложась, целуют, а встав, попирают его. Этому не учили апостолы. Апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы*. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: почитание иконы переходит на ее прообраз. К тому же и землю называют матерью*. Если же земля им мать, то отец им небо: ибо искони сотворил Бог небо, а также землю. Так говорят: “Отче наш, Иже еси на небеси”. Если же, по их разумению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Лобызаете и тут же ее оскверняете? Прежде римляне этого не делали, но правильно постановляли на всех соборах, сходясь из Рима и со всех

епархий. На первый собор в Никее против Ария папа римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров, от Александрии – Афанасий, а от Царьграда патриарх Митрофан послали от себя епископов. И так исправляли веру. На второй же собор – от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем соборе – римский Келестин, Кирилл Александрийский, Ювеналий Иерусалимский. На четвертом же соборе – папа римский Лев, *патриарх* константинопольский Анатолий, Ювеналий Иерусалимский. На пятом соборе – римский Вегилий, константинопольский Евтихий, александрийский Аполлинарий, антиохийский Домнин. На шестом соборе – от Рима Агафон, Георгий из Константинополя, Феофан Антиохийский, от Александрии – монах Петр. На седьмом соборе от Рима – Адриан, Тарасий из Константинополя, Политиан Александрийский, Феодорит Антиохийский, Илья Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, александрийского, константинопольского и антиохийского. Возмутил он всю Италию, сея враждебное учение*. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие – до семи раз женившись служат. Следует стеречься их учения. Прощают же они и грехи на дару, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

После этого Владимир взял царицу и Анастаса, и попов корсунских с мощами святого Климента и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь на горе, которую насыпали посреди города, вынося землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Захватил он, уходя, и двух

медных идолов и четырех медных *коней*, что и ныне стоят за церковью святой Богородицы и про которые несведущие думают, что они мраморные. Корсунь же вернул как вено за царицу, а сам прибыл в Киев. Возвратившись же, повелел испровергнуть идолов: одних изрубить, а других – сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил 12 мужей *колотить* его жезлами. Это не потому, будто дерево может чувствовать, но на поругание бесу, который обманывал людей в этом образе, дабы принял он возмездие от людей. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!» Вчера был чтим людьми, а ныне поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения. И притащив, кинули его в Днепр, и приставил Владимир людей с наказом: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. И только когда пройдет пороги – оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на *отмель*, и оттого прослыло место то Перуня Рень [отмель], как и до сего дня зовется.

Затем послал Владимир по всему городу, извещая: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый или бедный, или нищий, или раб – будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, радуясь и говоря: «Если бы это не было добрым, не приняли бы его князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и собралось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, малые же у берега – по грудь, некоторые держали младенцев, а более взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И виделась радость на небе и на земле о столь-

ких спасенных душах, а дьявол причитал стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками, не смогу уже царствовать в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир радовался, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Боже, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны. Утверди в них правильную и непорочную веру и мне помоги, Господи, против врага-дьявола, дабы одолел козни его, надеясь на Тебя и Твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где стояли кумиры*. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стояли идол Перуна и другие, где творили им жертвоприношения князь и люди. И по другим городам стали воздвигать церкви и ставить попов к ним, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Послав, начал он брать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них как о мертвых.

Через них, отданных на учение книгам, сбылось и пророчество на Русской земле, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше словес книжных, но по Божьему устройению и по милости своей помиловал их Бог. Как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший новых

людей и Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Поэтому и мы поклоняемся ему со словами: «Господи Иисусе Христе! Чем смогу воздать Тебе за все, что воздал нам, грешным. Не знаем, какое воздаяние дать Тебе за дары Твои». «Ибо «велик Ты, и чудны дела Твои», нет предела величию Твоему. Род за родом восхвалят дела Твои. Скажу вместе с Давидом: «Придите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу и Спасителю нашему. Предстанем перед лицом Его с признанием». «Воздадим Ему, ибо Он благ, ибо вовек милость Его», ибо избавил нас от врагов наших, то есть языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: «Воспойте Господу песнь новую, воспойте Господу вся земля, пойте Господу, благословляйте имя Его, благовествуйте со дня на день спасение Его. Возвещайте в народах славу Его, во всех людях чудеса Его, ибо велик Господь и достохвален», «и величию Его нет конца». Сколько радости! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приблизились к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водою чистою, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто, как Бог, отпускает грехи и прощает неправды? Милостив тот, кто желает такого. Тот исправит и помилует нас и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть Его крестились и погребены с Ним крещением в смерть, дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение, ночь прошла, а день приблизился». «Через Него обрели мы

верою приобщение к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, освободившись от греха, стали рабами Господа, плод ваш есть святость». Вот почему мы должны служить Богу, радуясь Ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом». Мы же воскликнем к Господу Богу нашему: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Сеть расторгнулась, и мы избавились от обмана дьявольского». «И исчезла память их с шумом, но Господь пребывает вовек», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаемы благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние и отпущение грехов, — новые люди, христиане, избранные Богом.

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. По смерти же старейшего Вышеслава в Новгороде посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире*, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Не добро, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как шла война с печенегами. И воевал с ними и одолевал их.

В лето 6497 (989). Затем, живя в законе христианском, Владимир задумал воздвигнуть церковь святой Богородицы и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить,

украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, передав ей все, что взял перед этим в Корсуне: иконы, сосуды и кресты.

В лето 6498 (990).*

В лето 6499 (991). Владимир заложил город Белгород и набрал в него много людей из иных городов, ибо любил этот город.

В лето 6500 (992)*. Пошел Владимир на хорватов. Когда же он вернулся с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы. Владимир выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались ни наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выставь ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись, Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по стану со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не нашелся таковой. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему. И пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один меньшой сын дома: я вышел с четырьмя, а он дома остался. С детства никто еще не ударил его оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался. И послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться. Испытайте меня: нет ли большого и сильного

быка?» И нашли быка большого и сильного, и повелел разъярить его, возложив на него раскаленное железо, и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали взывать: «Есть ли муж? Наш, вот он, готов!» Владимир же той ночью повелел вооружиться, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко сжимать друг друга, и удавил печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот*. И сделал его Владимир великим мужем и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В лето 6501 (993).

В лето 6502 (994).

В лето 6503 (995).

В лето 6504 (996). Владимир увидел, что церковь завершена, вошел в нее и помолился Богу, говоря: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри, и посети сад Свой. И охрани то, что насадила правая рука Твоя, — новых людей этих, сердце которых Ты обратил к истине познать Тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь Твою, которую воздвигнул я, недостойный раб Твой, во имя родившей Тебя Матери Приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой — услышь молитву его, молитвы ради Пречистой Богородицы».

И, помолившись Богу, сказал: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав клятву в церкви этой: «Если кто это осудит, то будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным раздал много имущества.

Затем пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшой дружиной. И схватились, и не смог устоять против них, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал Владимир обет поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо в день, когда случилась сеча, было Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великий праздник, наварив меду 300 провар. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов, и много всяких людей, и раздал бедным 300 гривен. И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения святой Богородицы, и здесь снова устроил великое празднование, созывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душою и телом. И так делал постоянно.

Будучи любителем книжного чтения, услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут». И еще: «Продайте имущество ваше и раздайте нищим». И еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут». И Давид говорит: «Благословен человек, который милует и займы дает». Слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все,

что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он такое и сказал: «Немощные и больные не могут добраться до двора моего». И повелел снарядить телеги, и наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, и развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий, или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое.

И еще нечто большее делал он для людей своих. Каждое воскресенье на дворе своем и в гриднице установил устраивать пир, чтобы приходили туда бояре и гриди, и сотские, и десятские, и лучшие мужи – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и зверины, в изобилие были всякие яства. Бывало, что, когда подопьются, начнут роптать на князя: «Горе головам нашим: едим деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, повелел Владимир исковать серебряные ложки для дружины, сказав: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиной добуду серебро и золото, как дед и отец мой с дружиной доискивались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве земли, и о войнах, и об уставе земляном. И жил он в мире с окрестными князьями – с Болеславом Польским и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским*. И были между ними мир и любовь*.

Владимир же жил в страхе Божьем. И весьма умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Умножились разбойники, почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали: «Ты поставлен от Бога для наказания злым, а добрым на милость. Тебе следует казнить разбойников, но после дознания». Владимир же отверг виру* и начал казнить разбойников. И сказали епископы и старцы: «Много войн; была бы вира, пошла бы на оружие и коней».

И сказал Владимир: «Будет так». И жил Владимир по заветам отца и деда*.

В лето 6505 (997). Владимир пошел к Новгороду собирать воинов верхних земель против печенегов, так как шла беспрестанная великая война. Печенеги же узнали, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Уже скоро умрем от голода, а помощи от князя нет. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам – кого пусть умертвят, а кого оставят в живых: все равно уже помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на вече том, и спросил он: «Зачем собиралось вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаваться печенегам». Они же ответили: «Не вытерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они с радостью обещали послушаться. И сказал он: «Соберите хотя бы по горсти овса или пшеницы или отрубей». Они с радостью пошли и собрали. И повелел он женщинам сделать мучной раствор, на котором варят кисель, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить кадь раствором. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было схоронено в княжеской медуше. И повелел сделать из нее сыту и вылить в кадь в другом колодце. Наутро повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с

десять в город, чтобы посмотреть, что делается в городе нашем». Печенеги обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Будете стоять и десять лет – что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите – посмотрите своими глазами. И привели их к колодцу, где была заготовка для киселя, и зачерпнули ведром, и разлили в горшки. И когда сварили кисель, пришли с ним к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу мучного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали о происшедшем. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских отпустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В лето 6506 (998).

В лето 6507 (999).

В лето 6508 (1000). Преставилась Малфредь. В это же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава*.

В лето 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В лето 6510 (1002).

В лето 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В лето 6512 (1004).

В лето 6513 (1005).

В лето 6514 (1006).

В лето 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В лето 6516(1008).

В лето 6517 (1009).

В лето 6518 (1010).

В лето 6519 (1011). Преставилась царица Владимирова Анна.

В лето 6520 (1012).

В лето 6521 (1013).

В лето 6522 (1014). Ярослав находился в Новгороде и, по условию, давал Киеву две тысячи гривен ежегодно, а тысячу раздавал в Новгороде гридям. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав отказался давать это в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте путь и мостите мост», – ибо хотел на Ярослава идти, на сына своего, но разболелся.

В лето 6523 (1015). Хотел Владимир идти на Ярослава, Ярослав же, послав за море, привел варягов, опасаясь отца своего. Но Бог не дал дьяволу радости: Владимир разболелся. В это время был у него Борис. Печенеги пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам же сильно разболелся и от этой болезни и скончался 15 июля. Умер он на Берестовом, и утаили смерть его, так как в Киеве находился Святополк. Ночью же, сделав проем в мосту между двумя клетями, завернули его в ковер, спустили веревками на землю, возложили на сани, перевезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам он создал. Узнав об этом, люди сошлись без числа и плакали о нем, бояре как о заступнике земли, бедные же как о своем заступнике и кормильце. И положили его в мраморный гроб, и схоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

Это новый Константин великого Рима: как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил подобно ему. Если же и склонялся он прежде к скверным вожделениям, то после прилежал в покаянии, по

слову апостола: «Где умножится грех, там изобилует благодать». Удивляться можно, сколько добра сотворил он Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем почестей, достойных его деянию. Если бы он не крестил нас, мы и ныне были бы в прелести дьявола, погибнув, как и прародители наши. Если бы имели старание и приносили мольбы Богу за него в день его кончины, Бог, видя наше к нему усердие, прославил бы его. Ибо нам следует молить за него Бога, поскольку через него познали мы Бога. Пусть даст тебе Господь по сердцу твоему, и все прошения твои исполнит, и даст желанное тобой Царство Небесное. Пусть даст тебе Господь венец вместе с праведными, усладу пищи райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибает надежда». Поэтому память его чтут русские люди, поминая святое крещение, и прославляют Бога в молитвах, песнях и в псалмах, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды нашей великого Бога и Спасы нашего Иисуса Христа, который придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, надлежащую получить всем христианам.

Об убийстве Бориса. Святополк сел в Киеве после отца своего и созвал киевлян, и начал раздавать им имущество. Они же принимали, но сердце их было не с ним, так как братья их были с Борисом. Борис возвращался с войском назад, не настигнув печенегов, когда к нему пришла весть: «Отец твой умер». И плакался он об отце безутешно, ибо был любим отцом своим более всех, и остановился, дойдя до Альты. И сказала ему дружина отцовская: «У тебя отцовская дружина и войско: пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старейшего: если отец мой умер, то этот мне будет вместо отца».

Услышав это, воины разошлись от него. Борис же стоял со своими отроками. Святополк же, замыслив беззаконие, восприняв Каинов замысел, послал сказать Борису: «Хочу с тобой любовь иметь и к завещанному отцом придам тебе еще». Сам же намеревался его погубить. Святополк ночью пришел в Вышгород, тайно призвал Путьшу и вышегородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли мне всем сердцем?» И сказал Путьша с вышегородцами: «Можем головы свои сложить за тебя». Святополк же сказал им: «Не разглашая никому, идите и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему вскоре все исполнить. О таких Соломон сказал: «Скоры они на пролитие крови... без правды. Обещающие пролить кровь навлекают на себя несчастье. Таковы пути всех творящих беззаконие, ибо нечестием опустошают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью и, подступивши ближе, услышали, как блаженный Борис поет заутреню, ибо была уже ему весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! Почему умножились вредящие мне? Многие восстают на меня». И еще: «Ибо стрелы Твои вонзились в меня, ибо я на беды готов и скорбь моя предо мною». И еще говорил: «Господи! Услышь молитву мою и не войди в суд с рабом Своим, так как не оправдается перед Тобою никто из живущих, так как гонит враг душу мою». И окончив Шестопсалмие, и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... И скопище злобивых обступило меня. Господи, Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей избавь меня». Затем начал он канон петь. Затем, кончив заутреню, помолился и, глядя на икону, на образ Владыки, сказал так: «Господи Иисусе Христе! Как этим образом явился на земле спасенья ради нашего, собственною волей позволив пригвоздить руки Свои на

кресте, и принял страдание за наши грехи, так и мне сподоби принять страдание. И принимаю это не от врагов, но от брата своего, не вмени ему это, Господи, в грех». И, помолившись, возлег на постель свою. И напали на него, как звери дикие из-за шатра, и воткнули в него копья и пронзили Бориса, и слугу его, прикрывавшего его, пронзили с ним. Ибо был тот любимцем Бориса. Был отрок этот родом венгр, именем Георгий. Его особенно любил Борис и возложил на него большую золотую гривну, в ней он и служил ему. Избили и иных отроков Бориса многих. С Георгия же не могли быстро снять гривну и отрубили голову его и так сняли гривну, а голову отбросили прочь. Поэтому-то и не нашли позднее тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли его, и он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что тот еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Они пришли и увидели, что еще жив Борис, и один из них извлек меч и пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис, приняв венец от Христа Бога с иными праведными, соединяясь с пророками и апостолами, переходя в сонм мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его, тайно принеся в Вышгород, у церкви святого Василия. Окаянные же убийцы пришли к Святополку, как будто хвалу заслужили, беззаконные. Имена же этим законопреступникам: Путьша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Такими слугами бесы бывают. Ибо бесов посылают на злое, ангелы же на доброе посылаются. Ангелы человеку зла не творят, но всегда желают ему добра, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата дьявола. А бесы всегда улавливают человека на злое, завидуя ему, поскольку видят, что чело-

век от Бога в чести, и, завидуя ему, посылаемые на злое, спешат исполнить это. Злой человек, усердствующий во зле, – хуже беса; ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни человека не стыдится; бесы креста Господня боятся, а злой человек и креста не боится.

Святополк же окаянный размышлял: «Бориса убил, как бы убить Глеба?» И, восприняв Каинов замысел, с коварством послал к Глебу: «Иди скорее, отец тебя зовет: он сильно болен». Глеб вскоре сел на коня и отправился с малой дружиной, ибо был послушен отцу. И когда пришел на Волгу, споткнулся его конь о яму и повредил ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска на видимое взору расстояние, и остановился на Смядине в насаде. В это же время от Предславы пришла весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав предупредить Глеба: «Не ходи: отец твой умер, а брат твой убит Святополком». Услышав это, Глеб громко возопил со слезами, плача об отце и еще более о брате, и стал молиться со слезами, говоря: «Увы мне, Господи! Лучше было бы умереть мне с братом, нежели жить на этом свете. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же чего ради остался я один? Где слова твои, которые ты говорил мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, дабы и я принял те же страдания. Лучше было бы мне умереть с тобою, чем жить на этом коварном свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли те, кого послал Святополк, чтобы погубить Глеба. Посланные немедленно захватили корабль и обнажили оружие. Отроки же Глеба пали духом. Окаянный Горясер, один из посланных, повелел быстрее зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в

жертву Богу, вместо фимиама благоуханного, жертва словесная, и принял венец, войдя в небесные обитатели, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченной радостью, которой удостоился благодаря братолюбию своему. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Придя же, они сказали Святополку: «Сделали приказанное тобой». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Убитого же Глеба бросили на берегу между двумя колодами. После же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия. И соединились они телами и еще более – душами, пребывая у Владыки, Царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном, и подавая дары исцеления Русской земле, и всем приходящим с верою из иных стран давая исцеления: хромым – возможность ходить, слепым прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они Русской земли, светильники, сияющие и вечно молящиеся Богу о своих людях. Поэтому-то и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями Богу, единообразной четой, святым единокорной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как струи из колодца живоносной воды ис-

целения, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие лукавого змия, явившиеся подобно лучам светозарным, как светильники, озаряющие всю землю Русскую, всегда отгоняющие тьму, являющиеся верою неуклонною. Радуйтесь, заслужившие недремлющее око, души свои склонившие к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих, блаженныи. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах златозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, на виду у всех божественным светом озаренные, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда осененные, доблестные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь. Через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, ибо напоете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями своими кровавыми святыми обагрили свою багряницу, прославленные, прекрасно ее нося, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей, сродников своих. Благословилаь земля Русская кровью вашей и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы ее духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, стяжавшие светозарное солнце церкви, всегда восход просвещая, в страдании своем во славу мученикам. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие. Христолюбивые страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь Владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, единении и здоровье, избавляя их от усобных войн и от

пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающим ваше славное торжество, во все веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Венгрию. И начал Святополк думать: «Перебью всех своих братьев и буду один владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цесаря и князя Всевышний тому, кому захочет дать». Если какая-нибудь земля будет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего суд и закон, и властителя, и судью, правящего суд. Ибо если князья справедливы в земле, то много прегрешений прощается земле той; если же злы и лживы, то еще большее зло насыляет Бог на землю эту, потому что князь глава земли. Ибо так сказал Исайя: «Согрешили от головы и до ног», то есть от цесаря и до простых людей. «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино с гуслиями вместе с молодыми советниками. Такие даются Богом за грехи, а старые и мудрые – отнимаются. Как сказал Исайя: «Отнимет Господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. Поставлю же им юношу князя и обидчика, обладающего ими».

Святополк же окаянный начал княжить в Киеве. Созвав людей, он стал раздавать им кому плащи, другим деньгами, и раздал много богатств. Ярослав же не знал еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и чинили они насилия новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромони. И разгневался Ярослав, и ушел в Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать:

«Уже их мне не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, иссек. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, особенно берегись его». Услышав это, опечалился Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав оставшихся новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и посечены наши братья, – можем за тебя бороться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000*, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели, говоря: «Не я начал избивать братьев моих, но он. Да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, ибо без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. А если и со мной это сделает? Рассуди меня, Господи, по правде, да пресекутся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве

В лето 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали тот и другой по обе стороны Днепра, и не смели начать бой ни эти против тех, ни те против этих, и стояли три месяца друг против друга. И начал воевода Святополков, разъезжая вдоль берега, дразнить новгородцев: «Чего пришли с хромцом этим, эй, вы, плотники? Вот поставим вас хоромы рубить нам!» Услышав это, сказали новгородцы Ярославу: «Завтра мы переправимся к ним; если никто другой не пойдет с

нами – сами ударим по ним». А уже наступили заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же, приготовив дружиную свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли вперед, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь, и прижали Святополка с дружиною к озеру, и отступили они на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство, и одолел Ярослав. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу 28 лет*.

В лето 6525 (1017). Ярослав вошел в Киев, и погорели церкви*.

В лето 6526 (1018). Пришел Болеслав со Святополком и с поляками на Ярослава. Ярослав же, собрав русь и варягов и словен, пошел навстречу Болеславу и Святополку, и пришел к Вольтю, и стали они по обе стороны Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода по имени Буды, и начал он насмехаться над Болеславом, говоря: «Вот проткнем тебе жердью брюхо твое толстое!» Ибо был Болеслав велик ростом и грузен, так что и на коне не мог сидеть, но был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не задевает эта насмешка, я один погибну». Сев на коня, пустился он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел собрать воинов, и победил Болеслав Ярослава. Ярослав же с 4 мужами бежал в Новгород. Болеслав со Святополком вошел в Киев. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм». И было это исполнено. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин Добрынич с новгородцами разрубили ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим еще биться с Болеславом

и Святополком». Начали собирать деньги от мужа по 4 куны, а со старост по 10 гривен, а с бояр по 18 гривен. И привели варягов и отдали им деньги, и собрал Ярослав множество воинов. Болеслав же сидел в Киеве, окаянный же Святополк подстрекал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же бежал из Киева, захватив с собой ценности и бояр Ярослава и сестер его, и Анастаса, вкравшегося к нему в доверие, приставил к вывозимому имуществу. И людей множество увел с собой, и занял города Червенские, и вернулся в свою землю. Святополк же начал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В лето 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами силой громадной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел ему навстречу на Альте. Стал Ярослав на месте, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к Тебе, Владыка! Отомсти за кровь праведника этого, как отомстил Ты за кровь Авеля, осудив Каина на стенание и содрогание – так поступи и с этим». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть телом вы отошли отсюда, но молитвой помогите мне против врага этого – убийцы и заносчивого гордеца». И когда сказал он это, пошли они друг против друга и покрыли поле Альтское множеством воинов. Была же тогда пятница, всходило солнце, и сошлись оба войска, и бой был жестокий, какого не было на Руси. За руки хватая друг друга, рубились и сходились трижды, так что по долинам кровь текла. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И во время бегства напал на него бес, и расслабились суставы его, не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. Убегавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть:

«Не гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался по следам их, и продолжали бежать с ним. Он же в бессилии лежал и, привставая, говорил: «Вот гонятся, ой, гонятся, бегите». Ему нестерпимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бесчестно кончил жизнь свою. Праведный суд настиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного. Показало явно... посланная ему свыше смертельная рана немилостиво в смерть его вогнала, и по смерти он связанный терпит муки вечные. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит от нее смрад неприятный. Это Бог явил в поучение князьям русским – да если, зная об этом, они еще раз совершат такое, ту же казнь примут, даже еще большую, потому что совершат такое злое убийство, уже зная об этом. Ибо семь местей принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять месть от Бога, а Ламех, зная о казни, постигшей прародителя его, совершил убийство. «Ибо сказал Ламех женам своим: мужа убил во вред себе и, юношу убив, нанес сам себе рану, потому, сказал он, и 70 мщений положено мне, что, зная, я сделал это». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их, Святополк же – новый *Ламех*, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; таков был и Святополк. Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, являя победу и труд великий.

В лето 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и называли его Владимиром.

В лето 6529 (1021). Напал Брячислав Изяславич, внук Владимиров, на Новгород и захватил Новгород и, взяв с собой новгородцев и имущество их, направился

в Полоцк обратно. И когда дошел он до Судомири-реки, Ярослав из Киева догнал его здесь на седьмой день. И победил Ярослав Брячислава, и вернул новгородцев в Новгород, а Брячислав бежал в Полоцк.

В лето 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, владевший Тмутороканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, – возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Пусть будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились крепко бороться, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О Пречистая Богородица, помоги мне! Если одолею его, построю церковь во имя твое». И сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмуторокани*.

В лето 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В лето 6532 (1024). Ярослав находился в Новгороде, Мстислав же пришел из Тмутороканя к Киеву, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове, Ярослав же был тогда в Новгороде. В то же лето поднялись волхвы в Суздале*, избивали зажиточных людей, по дьявольскому научению и бесовскому действию, говоря, что они держат обилие. Был мятеж великий и голод по всей той стране, и пошли по Вол-

ге все люди в Болгарскую землю, и привезли хлеба и ожили. Услыхав о волхвах, Ярослав пришел в Суздаль. Захватив волхвов, одних он изгнал, а других казнил, говоря: «Бог посылает за грехи на любую землю голод или мор, или засуху, или иную казнь, а человек ничего не знает о том». И возвратившись, Ярослав пришел в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун этот *красив*, и плащ у него был золотом выткан. И пришел он к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, узнав об этом, вышел к ним навстречу к Листвену*. Мстислав с вечера выстроил дружину, поставив северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею на обоих крыльях. И наступила ночь, темная, с молнией, громом и дождем. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошел Мстислав, и Ярослав навстречу ему, и сошлись чело северян с варягами, и бились варяги, отсекая северян, и потом пошел в наступление Мстислав с дружиною своею и начал сечь варягов. И шел бой сильный, при свете молнии блистало оружие, и была гроза великая и сеча сильная и страшная. Видя, что терпит поражение, Ярослав побежал с Якуном, князем варяжским, и уронил тут Якун свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун вернулся за море. Мстислав же рано утром, увидев посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве, ты – старший брат, а мне пусть будет эта сторона». И не посмел Ярослав идти в Киев, пока не заключили мира. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, а в Киеве были мужи Ярослава. *В том же году* родился у Ярослава второй сын, и назвал он его Изяславом.

В лето 6533(1025).

В лето 6534 (1026)*. Ярослав собрал множество воинов и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И стали жить в мире и братолюбии, и кончилась усобица и мятеж, и настала тишина великая в земле.

В лето 6535 (1027). Родился третий *сын* у Ярослава, и назвал он его Святославом.

В лето 6536 (1028). Знамение змиево явилось в небе, и видно его было отовсюду.

В лето 6537 (1029). Мирно было*.

В лето 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и назвал его Всеволодом. В то же лето ходил Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше*, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди избили епископов и попов и бояр своих, и было среди них несогласие.

В лето 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав много воинов, пошли на поляков, и заняли вновь города Червенские, и повоевали Польскую землю, и много поляков привели, и поделили их между собою. Ярослав посадил своих по Роси, где они и до сего дня.

В лето 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.

В лето 6541 (1033). Умер Евстафий Мстиславич.

В лето 6542 (1034).

В лето 6543 (1035).

В лето 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; стены ее были возведены в высоту, сколько можно достать рукою, стоя на коне. Был же Мстислав дороден телом, румян, с большими глазами, храбр в бою, милостив, весьма любил дружину, не жа-

лея для нее имущества, не ограничивая ни в питье, ни в пище, После этого Ярослав завладел всей его волостью и стал самовластцем Русской земли. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту*. В это время родился у Ярослава сын, и назвали его Вячеславом. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенегы обступили Киев. Ярослав собрал множество воинов, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав вышел из города и построил дружину, поставив варягов посредине, на правой стороне – киевлян, на левом крыле – новгородцев. И стали они перед городом. Печенегы пошли в наступление, и сошлись противники на том месте, где теперь стоит церковь святой Софии, митрополия Русская, а тогда было поле вне города. И была битва жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенегы в разные стороны, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли*, иные в других реках, а остальные бегают, неизвестно где, и до сего дня*. В то же лето посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове, был тот оклеветан перед братом.

В лето 6545 (1037). Заложил Ярослав большой город, у которого Золотые ворота. Заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь святой Богородицы Благовещения на Золотых воротах, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. При нем начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться и монастыри возникать. Любил Ярослав церковные уставы, попов весьма жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам прилежал, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов множество, и переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым правоверные люди учатся и наслажда-

ются учением Божественным. Как бывает, некто землю распашет, другой ее засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил, этот же засеял книжными словами сердца верующих, а мы пожинаем, принимая учение книжное.

Ибо великая польза бывает от учения книжного. Книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это – реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах – неизмеримая глубина, ими мы в печали утешаемся, они – узда воздержанию. Мудрость велика, как и Соломон, прославляя, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя крепость. Мною цесари царствуют, а сильные пишут правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Я любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если поищешь прилежно в книгах мудрости, то найдешь великую пользу для души своей. Кто часто книги читает, тот беседует с Богом или святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем великую пользу для души.

Ярослав же, как мы сказали, любил книги и, много их переписав, положил в церкви святой Софии, которую сам создал. Украсил он ее золотом, серебром и сосудами церковными, в ней возносят к Богу установленные песни в установленные часы. И иные церкви ставил он по городам и по местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им Богом, и посещать часто церкви. И увеличилось число пресвитеров и людей крещеных, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

В лето 6546 (1038). Ярослав ходил на ятвягов.

В лето 6547 (1039). Освящена церковь святой Богородицы митрополитом Феопемптом, которую построил Владимир, отец Ярослава*.

В лето 6548 (1040). Ярослав ходил на литву.

В лето 6549 (1041). Ходил Ярослав в ладьях на мазовшан.

В лето 6550 (1042). Ходил Владимир Ярославич на ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых. Когда кони еще дышали, с них уж сдирали шкуру – такой был мор на коней.

В лето 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков, и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яна*. И пошел Владимир в ладьях и дошел до Дуная, и направился к Царьграду. И поднялась сильная буря, и разбила корабли русские, и княжеский корабль разбило ветром, и взял князя к себе в корабль Иван Творимирович, воевода Ярославов*. Прочие же воины Владимировы, числом до шести тысяч, были выброшены на берег, и захотели возвращаться в Русь, но никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И сошел с корабля и сказал: «Если останусь жив, то с ними, если погибну, то с дружиною». И пошли, направляясь в Русь. И дошла до греков весть, что русь разбита морем, и послал царь, именем Мономах, 14 ладей за русью. Владимир же, увидев с дружиною своею, что за ними идут, повернул назад, разбил ладьи греческие, сел на корабли свои и вернулся на Русь. Вышату же взяли вместе с выброшенными на берег воинами и привели в Царьград, и там ослепили многих русских. Спустя три года, по заключении мира, Вышата был отпущен на Русь к Ярославу. Тем временем выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и Казимир отдал за вено 800 русских, плененных еще Болеславом, когда он победил Ярослава.

В лето 6552 (1044). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега Святославичей, окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы*. В то же лето умер Брючислав Изяславович, внук Владимира, отец Всеслава, и сел на столе сын его Всеслав, которого мать родила от волхвования. Когда мать родила его, у него на голове была кожица. Волхвы же сказали матери его: «Эту кожицу навяжи на него, пусть носит ее до конца дней своих». И носит ее на себе Всеслав и до сегодня, потому и немилостив на кровопролитие*.

В лето 6553 (1045). Заложил Владимир церковь святой Софии в Новгороде.

В лето 6554 (1046).

В лето 6555 (1047). Ярослав ходил на мазовшан, и победил их, и князя их Моислава убил, и покори́л их Казимиру.

В лето 6556 (1048).

В лето 6557 (1049).

В лето 6558 (1050). Скончалась княгиня, жена Ярослава.

В лето 6559 (1051). Поставил Ярослав русина Илариона митрополитом, собрав для этого епископов*.

Теперь же расскажем, чего ради прозвался Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и тамошнюю церковь святых Апостолов, и покровительствовал попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, человек добрый, книжник и постник. И приходил Иларион из Берестового на Днепр, на холм, где теперь находится старый монастырь Печерский, и там молился, ибо был там большой лес. Выкопал он небольшую пещерку, в две сажени, и, приходя из Берестового, отпевал там часы и тайно молился Богу. Затем Бог внушил князю мысль поставить его митрополитом в церкви святой Софии, а пещерка

эта так и осталась. И некоторое время спустя некий человек, мирянин из города Любеча, задумал, по Божьему внушению, идти странствовать. Отправился он на Святую гору*, осмотрел и обошел тамошние монастыри, и полюбил монашеский образ, и пришел в один монастырь и упросил игумена постричь его в монахи. Тот, выслушав, постриг его, дал ему имя Антоний, наставил и научил, как жить по-монашески, и сказал ему: «Возвращайся на Русь, и да будет тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя пойдет много чернецов». Благословил его, отпустил и сказал: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и начал думать, где бы поселиться. И ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось – не хотел этого Бог. И стал ходить он по дебрям и по горам, в поисках места, которое бы ему Бог указал. И пришел он на холм, где Иларион выкопал пещерку, и полюбил место это, и поселился в ней, и начал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Устрой меня на этом месте, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, постригшего меня». И начал жить тут, моля Бога, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды умеренно вкушая, копая пещеру, и не давая себе покоя, день и ночь в трудах пребывая, в бденье и молитвах. Потом прознали добрые люди и стали приходить к нему, принося ему необходимое. И прослыл он как великий Антоний: стали приходить к нему за благословением. Тем временем, после смерти великого князя Ярослава, принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же был прославлен в Русской земле. Изяслав, узнав, как он живет, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И узнали все великого Антония и чтили, и начали приходить к нему братья, и стал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии 12 человек, и выкопали они пещеру большую и церковь,

и кельи, которые и теперь имеются в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословию Святой Горы: Им меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постриг – да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же без меня, и поставлю вам игумена, а сам хочу взойти на эту гору один, чтобы, как уже привык, жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал пещеру, которая теперь под новым монастырем, в которой и окончил дни свои, живя в добродетели, не выходя из пещеры 40 лет никуда. Там лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в своей пещере. И когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, задумали поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали: «Отец! Умножилась братия, и мы не можем поместиться в пещере. Пусть бы по твоей молитве Бог повелел поставить церковку вне пещеры». И повелел им это Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. И стал Бог, по молитве святой Богородицы, умножать число черноризцев, и, посоветовавшись, решили братия с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же с радостью сказал: «Благословен Бог во всем, и молитва святой Богородицы и святогорских отцов да будет с вами». И сказав это, послал одного из братьев к Изяславу-князю со словами: «Князь мой! Это Бог умножает братию, а местечко мало; дал бы ты нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же, выслушав это, с радостью послал своего мужа, и отдал им ту гору. Игумен с братиею заложили церковь большую,

и монастырь огородили столбами, поставили келий много, достроили церковь и украсили ее иконами. С того времени и получил начало Печерский монастырь: жили чернецы прежде в пещере, оттого и прозвался Печерским. Начался же монастырь Печерский от благословения Святой Горы. И когда монастырь устроился, при игумене Варлааме, Изяслав поставил монастырь святого Дмитрия и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая поставить этот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Ибо много монастырей устроено царями и боярами и от богатства, но не такие они, как те, что поставлены слезами, постом, молитвою, бессонными ночами. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, посоветавшись, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же сказали: «Кого хочет Бог и ты». И сказал он им: «Кто же из вас более, нежели Феодосий, послушный, кроткий, смиренный. Пусть он и будет вам игуменом». Братья же, обрадовавшись, поклонились старцу и поставили Феодосия игуменом, и было братии 20 человек. Приняв же монастырь, Феодосий начал вводить воздержание, строгие посты и молитвы слезные, и стал собирать в монастырь многих черноризцев и собрал братии числом 100. И начал искать устав чернеческий, и объявился здесь в это время Михаил, чернец Студийского монастыря, приехавший из Греческой земли с митрополитом Георгием, и у него испрашивал Феодосий устав студийских монахов. И получил от него, и списал, и ввел устав в монастыре своем, как совершать службы церковные в монастыре и как класть поклоны, как читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный и сиденье на трапезе, и в ка-

кие дни что есть – все это по уставу. Обретя этот устав, Феодосий и ввел его в монастыре. От Печерского же монастыря все монастыри переняли этот устав. Оттого и почитался Печерский монастырь старше всех.

Феодосий жил в монастыре, ведя добродетельную жизнь и соблюдая монашеские правила и принимая всякого, приходящего к нему. К нему же и я пришел, худой и недостойный раб, и принял он меня 17 лет от роду. Это я написал и определил, в кое лето начался Печерский монастырь и почему прозывается Печерским. А о житии Феодосия после скажем.

В лето 6560 (1052). Скончался Владимир, сын Ярослава старейший, в Новгороде и положен был в церкви святой Софии, которую сам создал.

В лето 6561 (1053). У Всеволода родился сын от гречанки царицы, и назвали его Владимиром.

В лето 6562 (1054). Скончался великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наказ сыновьям своим, сказав им: «Вот я отхожу из мира сего, сыны мои; живите в любви, потому что вы братья от одного отца и одной матери*. И если будете жить в любви между собою, Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших. И будет мир с вами. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим. Пребывайте же в мире, слушая брат брата. И я поручаю вместо себя стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он будет вместо меня. А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил он между ними города, наказав не преступать пределов братних и не сгонять, и сказал Изяславу: «Если кто будет обижать брата своего,

ты помогай обижаемому». И так наказал он сыновьям своим жить в любви. Сам он уже был болен тогда, и, приехав в Вышгород, еще более разболелся. Изяслав тогда был...,* а Святослав во Владимире, Всеволод же был тогда при отце, ибо был любим отцом больше всех братьев, и тот всегда держал его при себе. Ярославу же пришел конец жизни, и отдал он душу свою Богу в первую субботу Федоровского поста*. Всеволод же убрал тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, в сопровождении попов, певших обычные песнопения. Плакали по нем люди, и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакал по нем Всеволод и все люди. Жил же всего 76 лет*.

Начало княжения Изяслава в Киеве*. Изяслав пришел и сел в Киеве, Святослав сел в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В то же лето ходил Всеволод на торков зимою к Воиню и победил торков. В том же году приходил на Русь Болуш с половцами, и Всеволод заключил мир с ними, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

В лето 6564 (1056).

В лето 6565 (1057). Скончался Вячеслав Ярославич в Смоленске. И посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В лето 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В лето 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из темницы, в которой он просидел 24 года, приведя его к кресту. И принял он монашество.

В лето 6568 (1060). Скончался Игорь Ярославич. В это же лето Изяслав и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали бесчисленное войско и отправились в поход на торков, одни на конях, а другие в ладьях. Торки же, услышав об этом, в страхе бросились в бегство, и нет их

до сего дня*, перемерли, перебегая, Божьим гневом гонимые, одни от стужи, другие от голода, иные от болезней и суда Божия. Так Бог избавил христиан от поганых.

В лето 6569 (1061). Пришли половцы впервые на Русскую землю войною, Всеволод же вышел навстречу им 2 февраля. И бились, и победили они Всеволода, и повоевав, ушли. Это было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.

В лето 6570 (1062).

В лето 6571 (1063). Скончался Судислав, Ярославов брат, и погребли его в церкви святого Георгия. В то же лето в Новгороде Волхов шел вспять в течение пяти дней*. Это знамение не к добру было, ибо на четвертое лето пожег Всеслав город.

В лето 6572 (1064). Бежал Ростислав Владимирович, внук Ярослава, в Тмуторокань, и с ним бежали *Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя в Тмуторокань, выгнал оттуда Глеба, а сам сел на его место.*

В лето 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же вышел из города: не из боязни, а не желая поднимать оружие против дяди своего. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил там сына своего Глеба и вернулся домой. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему. Ростислав же сел в Тмуторокани. В это же лето Всеслав начал усобицу.

В эти времена было знаменье, на западе явилась звезда великая, с лучами как будто кровавыми, с вечера выходила на небо после захода солнца, и так продолжалось 7 дней. Это явление было не к добру, ибо после этого было усобиц много и нашествие поганых на Русскую землю. Звезда эта была как бы кровавая и предвещала кровопролитие. В это же время в речку Сетомль был

выброшен ребенок. Этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, рассматривали его до вечера и снова бросили его в воду. Был же он таков: на лице у него были срамные уды, об ином и сказать нельзя срама ради. Пред этим и солнце изменилось, и не было светлым, но как луна стало: о нем невежды говорят, что оно съедаемо. Подобные знамения бывают не к добру, и мы это вот почему разумеем. Так, в древности при Антиохе в Иерусалиме случилось: вдруг по всему городу 40 дней являлись в воздухе всадники скачущие, вооруженные, в золотых одеждах, разбившись на два полка, размахивали оружием, и это предвещало нашествие Антиоха на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме воссияла звезда в виде копья над городом: это предвещало нашествие римского войска. И так же было при Юстиниане цесаре, звезда воссияла на западе, испуская лучи, за что прозвали ее «блистаницей»; и так блистала она дней 20. После же того на небе было звездотечение с вечера до утра, так что все думали, что падают звезды, и снова солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, смертельные болезни людям. И при Маврикии цесаре было такое: женщина родила ребенка без глаз и без рук, а к животу у него рыбий хвост прирос; и пес родился о шести лапах; в Африке же двое детей родились один о четырех ногах, а другой о двух головах. Затем при царе Константине иконоборце, сыне Леоновом, было звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие это ожидали конца. Тогда же воздух обильно изливался. В Сирии же было землетрясение сильное, так что земля разошлась на три поприща, и из земли чудом вышел мул, человеческим голосом предсказавший нашествие иноземцев, что и случилось: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе или со звездами, или с солнцем,

или с птицами, или с чем иным не к добру бывают, но знамения эти ко злу бывают: предвещают или войну, или голод, или смерть*.

В лето 6574 (1066). Ростислав сидел в Тмуторокани и брал дань с касогов и с иных земель. Испугавшись этого, греки подослали с коварством котопана. Он пришел к Ростиславу, вошел к нему в доверие и чтил его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, сказал котопан: «Князь, хочу выпить за твое здоровье». Тот же сказал: «Пей». Он же выпил половину, а вторую половину дал пить князю, окунув палец в чашу, имея под ногтем яд смертельный, и дал князю, предрекая смерть до седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, объявил, что именно в этот день умрет Ростислав, что и случилось. Котопана же побили камнями корсунцы. Был же Ростислав муж доблестный, искусен в ратях, прекрасно сложен и красив лицом, милостив к убогим. И умер он 3 февраля, и похоронен был в Тмуторокани в церкви святой Богородицы.

В лето 6575 (1067). Начал междоусобицу Всеслав Брючиславич Полоцкий и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в разгар зимы. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же взяли Минск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой в качестве военной добычи, и пошли к Немиге, и Всеслав пошел им навстречу. Встретились они на Немиге 3 марта, и был снег великий, и войска пошли друг на друга. И была злая сеча, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод. Всеслав же бежал*. Затем 10 июля Изяслав, Святослав и Всеволод, целовав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приходи к нам, не сделаем тебе зла». Он же, положившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же

Изяслав, идя впереди, вел его в шатер, схватили Всеслава на Рши у Смоленска, нарушив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу вместе с двумя его сыновьями.

В лето 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же и Святослав и Всеволод вышли им навстречу на Альту. И когда настала ночь, они пошли друг на друга. За грехи наши напустил Бог на нас поганных, и побежали русские князья, и победили половцы.

Ибо наводит Бог, в гневе Своем, иноплеменников на землю, и, таким образом наказанные, вспоминают люди о Боге. На междоусобную же войну соблазняет людей дьявол. Бог ведь не желает зла людям, но добра, а дьявол радуется злему убийству и кровопролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавистничество, клевету. Когда же впадет в грех какая-то земля, карает Бог ее смертью, или голодом, или нашествием поганных, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, дабы мы обратились к покаянию, в котором Бог наставляет нас жить. Ибо Он говорит нам через пророка: «Обратитесь ко Мне всем сердцем вашим в посте и в плаче». Если мы сделаем это, то все грехи нам будут прощены. Но мы упорствуем во зле, как свинья, пребывающая вечно в греховных нечистотах, и мы также пребываем. Через тех же пророков нам говорит Бог: «Знаю, что ты жесток, и шея твоя, что железо», поэтому «не допустил к вам дождя, одно место оросил дождем, а другого не оросил, и оно иссохло». «И Я поразил вас зноем и разными казнями, и то вы не обратились ко Мне». «Потому сады ваши, смоковники ваши, нивы и дубравы ваши истребил Я, – говорит Господь, – а злоб ваших не мог из вас вытравить». «Послал на вас различные болезни тяжкие и смерти, и на скот казни Свои послал, но и тут вы не

обратились, а сказали: “Не сдадимся”. Доколе не насытитесь вы злобами вашими? Вы же уклонились от пути Моего, – говорит Господь, – и соблазнили многих. Поэтому буду обвинителем скорым врагов и прелюбодеев, клянущихся именем Моим ложно, не платящих за труд наемникам, обижающих сирот и вдов и направляющих суд на несправедливость. Почему не воздерживаетесь от грехов ваших? Но уклоняетесь от законов Моих и не соблюдаете их? Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам, – говорит Господь, – и разверзну вам хляби небесные, и отвращу от вас гнев Мой, пока не настанет у вас изобилие, и никогда не истощатся ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушились на меня словами вашими: “Напрасный труд – служить Богу!” Поэтому: «На словах чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня». Поэтому, чего просим, не получаем. «Будет же так, – говорит, – что призовете Меня, Я же не стану вас слушать. Будете искать Меня в беде и не найдете, ибо не пожелали ходить путем Моим», отчего и закрывается или жестоко разверзается небо, град испуская вместо дождя или морозом плоды побивая и землю зноем томя, за наши злодеяния. Если же раскаемся в злодеяниях наших, то, как родным детям Своим, даст Он нам все просимое, и пошлет нам дождь в любое время, «и наполнятся гумна ваши пшеницею, и заработают давила винные и масляные, и воздам вам за годы, которые отняли у вас саранча и хруст, и гусеницы. Сила Моя, которую Я обратил против вас, велика», – говорит Господь Вседержитель. Слыша все это, устремимся к добру. Взыщите праведного суда, защитите обижаемого. Покаемся, не будем воздавать зло на зло, клевету за клевету, но возлюбим Господа Бога нашего, постом и слезным рыданием смывая все прегрешения наши, а то лишь словом называемся христианами, на деле же живем как поганые. Разве не поганые

мы, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается домой, равно встретив отшельника или свинью, – разве это не по-язычески? Это же по наущению дьявола держатся этой приметы. А другие в чих веруют, который бывает на здравие голове. Но этими и другими способами вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от Бога, трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим же игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что пихают друг друга, взирая на бесом задуманное действие, – а церкви стоят пусты, и когда приходит время молитвы, мало людей оказывается в церкви. Потому и принимаем от Бога всяческие казни и набеги врагов, по Божьему повелению принимаем наказание за грехи наши*.

Мы же на предлежащее снова возвратимся. Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Киевляне же прибежали в Киев и устроили вече на торгу и, обратившись к князю, сказали: «Половцы рассыпались по земле; выдай, князь, оружие и коней, еще будем биться с ними». Изяслав же этого не послушал. И начали люди *наговаривать* на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, остановились у двора Брячислава и сказали: «Пойдем, освободим дружину свою из погреба». И разделились надвое: половина их пошла к погребу, а половина пошла по Мосту, эти же пришли на княжий двор. Изяслав в это время на сенях держал совет с дружиною своею, и стоящие внизу заспорили с князем. Князь смотрел в оконце, а дружина стояла около него, и сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди разъярились; пошли постеречь Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от погреба, отворив его. И сказала дружина князю: «Это беда; пошли ко Всеславу, пусть, призвав его

к оконцу обманом, пронзят его мечом». И не послушал этого князь. Люди же закричали и пошли к темнице, где сидел Всеслав. Изяслав же, видя это, вместе со Всеволодом побежал со двора. Люди же освободили Всеслава из темницы 15 сентября и прославили его среди двора княжеского. Двор же княжеский разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

После этого половцы воевали по земле Русской, а Святослав находился в Чернигове. И когда половцы появились около Чернигова, Святослав собрал небольшую дружину и вышел на половцев к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и выстроились навстречу. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Поборемся, нам уже некуда деться». И пришпорили коней, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч. Часть их тут же перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли живым 1 ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сидел в Киеве. Это Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом захватил его. Потому и навел Бог поганых, его же явно освободил крест честной. Ибо в день Воздвижения* Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, избавь меня от этой ямы». Бог же показал силу креста в поучение земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его. Если же преступит кто, то и на земле примет кару и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила креста: крестом побеждаются силы бесовские, крест князьям в битвах помогает, на поле брани, крестом охраняемые, верные люди побеждают противников супостатов, крест скоро избавляет от напастей, призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если являются пред человеком

бесовские видения, их отгоняют, осенив лицо крестом. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В лето 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же вышел им навстречу. И пришел в Белгород Всеслав, и ночью тайком от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же киевляне, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, собрали вече и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже сотворили зло, князя своего прогнав, и вот он ведет на нас Польскую землю. Так идите же в город отца своего, если же не хотите, то нам остается зажечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал Святослав: «Мы пошлем к брату своему: если он пойдет на вас с поляками, чтобы погубить вас, то мы пойдём на него войною, не дадим уничтожить город отца своего, если же хочет мира, то пусть придет с малой дружиною». И успокоили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу со словами: «Всеслав бежал, не води поляков в Киев, здесь противников у тебя нет. Если же держишь гнев и намерен уничтожить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Услышав это, Изяслав покинул поляков и двинулся с Болеславом, взяв с собою немного поляков, а вперед послал сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил 70 человек киевлян, освободивших Всеслава из темницы, а иных ослепил, иных же без вины погубил без расследования. Когда же Изяслав приближался к городу, вышли киевляне с поклоном встречать его и приняли князя своего, и сел Изяслав на столе своем 2 мая. И распустил он поляков на покорм, и тайно избивали их, и возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору и, прогнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке, где тот вскоре умер. И посадил на его место брата его Святополка, а Всеслав бежал.

В лето 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и называли его Ростиславом. В то же лето заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодом.

В лето 6579 (1071)*. Воевали половцы у Ростовца и у Неятина. В это же лето выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В это же лето победил Ярополк Всеслава у Голотичска.

В те же времена явился волхв, одержимый бесом. Придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет обратно и что земли начнут менять свои места, что Греческая земля станет на Русской, а Русская – на Греческой, и прочие земли изменят местоположение. Невежды слушали его, а крещеные смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель твою». Это и сбылось: в одну ночь он пропал без вести. Ибо бесы подстрекают людей на зло, а потом насмеваются, свергнув их в пропасть смертную, научив, что говорить. Мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и действии.

Однажды во время голода в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря: «Мы знаем, кто запасы прячет». И пошли они по берегу Волги, и, приходя в погост, называли лучших женщин, говоря, что эта жито прячет, а эта – мед, а эта – рыбу, а эта – меха. И стали приводить к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, насылая наважденье, взрезали тем заплечья, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, таким способом убивали многих женщин, и имущество их захватили себе. И пришли они на Бело-озеро, и было с ними 300 человек. В это время случилось Яну Вышатичу прийти от Святослава собирать дань, и рассказали ему белозерцы, что два кудесника перебили уже многих женщин по Волге и Шексне и пришли сюда. Ян же, допытавшись, чьи смерды эти кудесники, и узнав, что это смерды его князя, послал к сопровождающим их и

сказал: «Выдайте волхвов этих, потому что они смерды мои и моего князя». Они же этого не послушали. Ян же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же приказал отрокам взять оружие и с 12 отроками двинулся к ним к лесу. Они изготовились к бою. Когда Ян двинулся к ним с топориком, выступили от них вперед три мужа, подошли к Яну и сказали: «Видишь сам, что идешь на смерть, не ходи». Ян же приказал бить их и пошел к остальным. Они же бросились на Яна, один из них замахнулся топором. Ян же, перехватив топор, ударил того обухом и повелел отрокам сечь их. Они же побежали в лес и убили тут Янева попа. Ян же, вернувшись в город к белозерцам, сказал им: «Если не захватите этих волхвов, не уйду от вас целое лето». Белозерцы же отправились за ними, схватили и привели их к Яну. И сказал он им: «Зачем погубили столько людей?» Те же сказали: «Они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие. Если же хочешь, мы перед тобой вынем жито или рыбу или что другое». Ян же сказал: «Ложь это. Сотворил Бог человека из земли, состоит он из костей и кровяных жил, и нет в нем ничего больше, и никто ничего не знает, один только Бог знает». Они же сказали: «Мы знаем, как сотворен человек». Он же сказал: «Как?» Они же сказали: «Бог мылся в бане, вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с неба на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Потому, когда умирает человек, в землю идет его тело, а душа к Богу»*. И сказал Ян: «Воистину опутал вас бес. Какому богу веруете?» Те же сказали: «Антихристу!» Он же сказал: «А где он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал Ян: «Какой же это бог, если сидит в бездне? Это бес, а Бог пребывает на небе, восседая на Престоле, славимый

ангелами, которые предстоят Ему с трепетом, не смея на Него взглянуть. Один из этих ангелов и был свергнут, тот, кого вы называете антихристом, за высокомерие свое низвергнут с неба и теперь сидит в бездне, как вы и говорите, в ожидании, когда сойдет с неба Бог, свяжет антихриста узами и посадит его в бездну, взяв его вместе со слугами его и верующими в него. Вам же и здесь предстоит принять муку от меня, и по смерти – там». Волхвы же сказали: «Нам боги говорят, что ты с нами не можешь ничего сделать!» Он же сказал: «Лгут вам боги». Они же сказали: «Мы должны предстать перед Святославом, а ты ничего сделать не можешь». Ян же приказал бить их и вырывать им бороды. Когда били их и вырывали расщепом бороды, говорил им Ян: «Что вам боги говорят?» Они же говорили: «Стать нам перед Святославом». И приказал Ян вложить им брусы в рот, привязать их и пустить вниз по течению перед собою в ладье, а сам шел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Ян: «Что вам боги говорят?» Они же сказали: «Так нам боги говорят: не быть нам живыми от тебя». И сказал им Ян: «Это они вам правду сказали». Но волхвы же сказали: «Если отпустишь нас, много тебе добра будет, если же погубишь – много горя примешь и зла». Ян же сказал: «Если отпущу вас, то плохо мне будет от Бога, а если погублю, то награда мне будет». И сказал Ян гребцам: «У кого из вас кто из родственников убит ими?» Они же сказали: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив волхвов, убили их и повесили на дубе: по справедливости получили они возмездие от Бога. После же того, как Ян ушел домой, на другую ночь медведь влез на дуб, растерзал их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим предвещая гибель, своей не предвидели. Если бы знали, не пришли

бы на место это, где суждено им было быть схваченными, а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», когда Ян уже решил убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, но влагают помыслы человека, тайны человека не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо они немощны и невзрачны.

Скажем же о виде их и о заблуждениях их. В это время, в те же лета, случилось одному новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел он к кудеснику, хотя получить волхвование. Тот по обыкновению начал вызывать бесов в свой дом. Новгородец сидел на пороге того дома, кудесник же лежал в оцепенении, и ударил им бес. Кудесник же, встав, сказал новгородцу: «Боги не смеют прийти, что-то есть на тебе, чего они боятся». Новгородец же, вспомнив, что на нем крест, отойдя в сторону, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь вызывать бесов. Бесы же, сотрясая его, поведали, чего ради пришел новгородец. Затем тот стал спрашивать кудесника: «Почему бесы боятся Того, Чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знак небесного Бога, Которого наши боги боятся». Новгородец же спросил: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же ответил: «В безднах. А на вид они черны, крылаты, хвостаты, поднимаются и под небо послушать ваших богов: ваши ведь *боги* на небе. Если кто из ваших людей умрет, то его возносят на небо, если же кто из наших умрет, его несут к нашим богам в бездну». Так и есть: грешники ведь в пребывают в ожидании муки вечной, а праведники в небесное жилище водворяются с ангелами. Такова тебе, бесовская сила, и красота, и немощь. Тем они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в забытии, и так волхвуют по внушению бесов. Осо-

бенно же через женщин бесовские волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, а она – мужчину. Потому у этих родов много волхвуют женщины чародейством, отравою и иными бесовскими кознями. Но и мужчины некрещеные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена при апостолах, когда был Симон волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески, и сам превращался то в старика, то в юношу, или кого-то обращал в иной образ в людском воображении. Так поступали Ананий и Маврий: они волхвованием чудеса творили против Моисея, но скоро уже были бессильны что-либо против него сделать. Так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходят. И иные видения внушал, соблазняемый бесом на погибель себе и другим.

Такой волхв явился при князе Глебе в Новгороде. Он говорил с людьми, будто бы бог, и многих обманул, чуть не весь город, уверяя, будто наперед знает все, что произойдет, и хуля веру христианскую, говорил: «Переиду Волхов на глазах у всех». И смятение охватило весь город, и все поверили в него и собирались убить епископа. Епископ же с крестом в руках и в облачении вышел и сказал: «Кто хочет поверить волхву, пусть идет за ним, кто же истинно верует, пусть идет ко кресту». И люди разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли и встали за волхвом. И начался мятеж великий в людях. Глеб же с топором под плащом подошел к волхву и сказал ему: «Знаешь ли, что случится утром и что до вечера?» Тот же сказал: «Знаю наперед все». И сказал Глеб: «А знаешь, что будет с тобой сегодня?» «Чудеса великие совершу», – ответил тот. Глеб же, выхватив топор, рассек волхва, и тот пал замертво, и люди разошлись. И погиб так телом и душой, отдав себя дьяволу.

В лето 6580 (1072). Перенесли тела святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи Изяслав, Святослав, Всеволод, бывший тогда митрополит Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий, игумен Печерский, Софроний, игумен монастыря святого Михаила, Герман, игумен монастыря святого Спаса, Никола, игумен Переяславского монастыря, и прочие игумены. И устроили праздник, и праздновали радостно, и перенесли тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и ныне. И сначала взяв Бориса, в деревянном гробу, Изяслав, Святослав, Всеволод, возложив гроб на свои плечи, понесли, следуя за черноризцами со свечами в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за всеми этими шли с гробом. И внося его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась благоуханием церковь, и видевшие это прославили Бога. И митрополита ужас объял, ибо не твердо верил он в них, и пал он ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Бориса, уложили их в гроб каменный. После этого, взяв Глеба в гробу каменном, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли. В дверях остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их 2 мая. И отпев литургию, обедали братья все вместе, каждый с боярами своими, с великой любовью. И держал тогда Вышгород Чудин, а церковь Лазарь. После этого же разъехались по домам.

В лето 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю между братьями Ярославичами. И были в распре Святослав и Всеволод заодно на Изяслава. Изяслав ушел из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев 22 марта и сели на столе в Берестовом, преступив завещание отцовское. Святослав положил начало изгнанию брата, стремясь

к большей власти, Всеволода же он соблазнил, наговаривая, будто «Изяслав сговаривается с Всеславом против нас, и если его не упредим, он нас выгонит». И так настроил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу с богатством многим, говоря: «С этим найду воинов». Но все это поляки отняли у него, а самого выгнали*. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив завет отцовский и еще более Божий. Великий грех это – нарушать завет отца своего. Ибо впервые наступили сыновья Хамовы на землю Сифову, а через 400 лет приняли возмездие от Бога. От племени ведь Сифова идут евреи, которые, перебив хананейское племя, вернули свой удел и свою землю. Так же Исав преступил завет отца своего и был убит. Не добро это – преступать пределы чужого.

В это же лето была заложена церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом. Митрополит же Георгий тогда был в Греческой земле, а Святослав сидел в Киеве.

В лето 6582 (1074). Скончался Феодосий, игумен Печерский. Расскажем же о его кончине немного. Феодосий обычай имел с наступлением поста, в воскресенье на Масленой неделе вечером, по обыкновению прощаясь с братией, наставляя ее, как проводить Великий пост, в молитвах дневных и ночных, как охранять себя от помыслов скверных, от бесовского наваждения. «Бесы ведь, – говорил он, – навевают черноризцам помышления, желания лукавые, распалая им воображение и тем повреждая их молитвы. Следует ограждать себя от таких мыслей знамением крестным, говоря: “Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь”. И надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от обильной еды и питья чрезмерного рождаются помыслы лукавые, а из зародившихся помыслов случается грех».

«Поэтому, – говорил он, – противьтесь бесовскому воздействию и пронырству их, остерегайтесь лености и долгого сна, бодрствуйте для пения церковного и усвоения предания отеческого, и чтения книжного. Более же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы, ими прогонять бесовское уныние, больше хранить в себе любовь ко всем меньшим, и к старшим покорность и послушание. Старшим же к меньшим проявлять любовь, наставлять их и служить им примером воздержания, бдения, трудолюбия и смирения, учить этому меньших и утешать их, и так проводить пост». И так говорил: «Бог дал нам эти 40 дней для очищения души. Это – десятина, даваемая от лета Богу: дней в году 365, а от этих дней отдается Богу десятый день как десятина – это и есть пост сорокадневный. В эти дни, очистившись, душа празднует светло день Воскресения Христова, радуясь Богу. Ибо постное время очищает ум человека. Пост же искони имел свой прообраз: Адам первым не вкушал плодов от одного дерева, Моисей, постившись 40 дней, сподобился получить закон на горе Синайской и увидел славу Божию, постом Самуила мать родила, постом ниневитяне избавились от Божьего гнева, постясь, Даниил сподобился великого видения, постясь, Илья как бы на небо взят был в пищу райскую, постом трое отроков погасили силу огненную, постился и Господь 40 дней и тем показал нам время поста, постом апостолы искоренили бесовское учение, постом явились отцы наши как светила в мире, которые сияют и по смерти, явив примеры трудов великих и воздержания, как великий Антоний, или Евфимий или Савва и прочие отцы, примеру которых мы ревностно следуем, братия». Итак, поучив братию, Феодосии прощался, называя каждого по имени, а затем уходил из монастыря, взяв несколько коврижек, и, войдя в пещеру, затворял

двери в пещере, и засыпал их землею и не разговаривал ни с кем. Когда же возникало к нему нужное дело, то он через оконце малое разговаривал в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, строго воздерживаясь. И возвращался он в монастырь в пятницу в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровской недели; кончается же пост в пятницу Лазареву, а Страстная неделя установлена для поста в память страданий Господних.

Феодосий же по обычаю, вернувшись, приветствовал братию и праздновал с ними Вербное воскресенье. Когда же пришел день воскресения, по обычаю отпраздновал его радостно – и заболел. Разболевшись и проболев пять дней, он вечером повелел вынести себя во двор. Братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он повелел собрать братию всю, братья же, ударив в било, собрались. И Феодосий сказал им: «Братия моя, и отцы мои, и дети мои! Вот я уйду от вас, как объявил мне Господь во время поста, когда я в пещере был, что мне предстоит отойти от света этого. Кого хотите вы иметь игуменом, я бы благословил его?» Они же сказали: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и слушаться его как тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Идите, без меня обговорите, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната. Из прочих – кого хотите, от старейших до меньших». Они же, послушавшись, отошли немало к церкви, подумали и послали к нему двух братьев, говоря: «Кого захочет Бог и твоя честная молитва; кого тебе угодно, того и назначь». Феодосий же сказал: «Если от меня хотите игумена получить, то я сделаю не по своему желанию, а по Божьему устройению». И назначил им Иакова пресвитера. Братии же это не понра-

вилось, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты вместе с братом своим Павлом*. И стала братия просить Стефана деместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». И сказал им Феодосий: «Я вам по Божьему повелению назначил Иакова, а вы по своей воле хотите сделать». И, послушавшись, дал им Стефана в игумены. И благословил его, и сказал ему: «Сын мой, поручаю тебе монастырь, бережно храни его и держи службы так, как я уставил. Не изменяй преданий монастырских и устава, но делай все по закону и чину монастырскому». После этого братья, взяв его, отнесли в келью и положили на постели. И на шестой день, когда он совсем разболелся, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели около него, сказал ему Феодосий: «Вот отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на соблюдение, если будет некое смятенье в нем. И вручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же целовал его, обещал заботиться о монастыре и ушел. На седьмой день Феодосий призвал Стефана и братию, чувствуя приближение смерти, и стал говорить им так: «Если я Богу угодил и после моего отшествия примет меня Бог, тогда монастырь будет расти и строиться, если же после моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и всем необходимым, то будете знать, что не угодил я Богу». И когда он говорил это, братия плакала, говоря: «Отец! Молись за нас Богу, ибо мы знаем, что Бог труда твоего не презрит». И просидела братия ту ночь возле него, и когда наступил день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, Феодосий отдал душу Богу, месяца мая 3-го, индикта в 11-е лето. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить его в пещере, где показал труды многие, наказав: «Ночью

похороните тело мое», как они и сделали. Когда наступил вечер, братья взяли тело его и положили в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, честно, во славу Богу нашему Иисусу Христу.

Стефан же правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием. Такие чернецы как светила на всю Русь светят: одни ли постники крепкие, другие – крепки бдением, третьи – преклонением коленным, четвертые – пощением, через день и через два дня, иные же ели хлеб с водою, иные – овощи вареные, другие – сырые. В любви пребывая, младшие слушались старших и не смели при них разговаривать, всегда в покорности и послушании великом. Также и старшие с любовью относились к младшим, учили их, утешали, детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой-нибудь грех впадал, его утешали, а эпитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо, в знак великой любви. Такие царили любовь в братии и воздержание великое. Если брат некий уходил из монастыря, вся братия бывала этим опечалена, посылали за ним, звали вернуться в монастырь, шли всей братией к игумену на поклон и молили его и принимали брата в монастырь с радостью. Такими были они, исполненные любви, воздержники и постники. Из них я упомяну нескольких мужей чудных.

Первый – Демьян пресвитер. Он был такой постник и воздержник, что кроме хлеба и воды ничего не ел до смерти своей. Если кто-то больного ребенка, одержимого каким-нибудь недугом, приносил в монастырь, или взрослый человек, одержимый каким-нибудь недугом, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тот приказывал этому Демьяну молитву творить над больным. И тотчас творил молитву и совершал помазание елеем, и получали приходящие исцеление. Ког-

да он разболелся и лежал при смерти, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему Царство Небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братией и сели около него, а он, уже изнемогая, посмотрев на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосий, что тому было видение, и сказал: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, сомкнув очи, дал дух в руки Божий. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, по имени Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дан дар Богом: предсказывал будущее, и если кого видел в задумчивости, втайне от других обличал его, наказывая блюстись дьявола. Если кто-нибудь из братии намеревался уйти из монастыря и Еремия замечал это, то, придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если он кому что говорил, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда стоял он в церкви на месте своем, он поднял глаза, обзрел братию, стоявшую и певшую по обе стороны на клиросе, и увидел обходившего их беса в образе поляка, в плаще, с цветком, называемым лепком, под полою. И обходя братию, бес, вынимая из-за пазухи цветок, бросал его на кого-нибудь. Если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, расслаблялся умом, придумывал какую-нибудь причину, выходил из церкви, шел в келью, засыпал и не возвращался в церковь до конца службы. Если же бросал цветок на другого и к нему не прилипал цветок, тот оставался крепко стоять и пел, пока не отпоют заутреню, и тогда уходил в келью свою. Заметив это, старец поведал об этом братии своей. А вот другой случай. Как обычно, отстояв заутреню, братия перед рассветом расходилась по келиям своим, а этот

старец последним уходил из церкви. Однажды шел он, сел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от и церкви, и видит, как толпа идет от ворот; он поднял глаза и увидел одного сидящего на свинье и других идущих рядом с ним. И сказал им старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знаменем и вернулся в келью свою. Когда рассвело и он уяснил случившееся, он сказал келейнику: «Пойди спроси, в келье ли Михаль?» И сказали «Давеча, после заутрени, он прыгнул с ограды». И рассказал старец о видении игумену и братии. При этом старце Феодосий скончался и Стефан стал игуменом, а после Стефана – Никон, и при нем жил старец. Стоит он как-то на заутрени, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте, и понял он, что не встал еще игумен. Много и других видений было у старца, и умер он в глубокой старости в этом монастыре.

И еще был черноризец, именем Исакий. Был он в мирской жизни богат, ибо был купцом, из Торопца родом. И задумал он сделаться монахом, роздал имущество свое нуждающимся и монастырям и пошел к великому Антонию в пещеру с просьбой постричь его в монахи. И принял его Антоний и облачил в одеяние чернеческое и назвал его Исакием, ибо было ему имя Чернь. Этот Исакий воспринял суровый образ жизни: надел власяницу и велел купить ему козла, ободрал его шкуру и надел на власяницу, и обсохла на нем кожа сырая. И затворился в пещере в одном из проходов в малой келье в 4 локтя, и там молился Богу со слезами. Пищей же его была одна просфора, и та через день, и воды мало пил он. Носил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце, величиною только руку просунуть, так и принимал пищу. И жил он так семь лет, на свет

не выходя, никогда не ложился, но спал немного сидя. И однажды, по обыкновению, с наступлением вечера Исакий начал класть поклоны и петь псалмы до полуночи, – когда же он трудился, то сидел на своем сиденье, – и когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно засиял свет, словно от солнца, в пещере, ослепляя глаз человеческий. И подошли к нему двое юношей прекрасных с сияющими, как солнце, лицами и сказали ему: «Исакий, мы – ангелы, а там идет к тебе Христос, пади ниц и поклонися Ему». Он же, не поняв, что это бесовское дело и забыв перекреститься, встал и поклонился, как Христу, бесовскому деянию. Бесы же завопили: «Наш ты, Исакий, уже!» И введя его в келью, посадили его и стали сами рассаживаться вокруг него и заполнили келью и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, которого называли Христом: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали Исакием играть. И, утомив его, оставили едва живого и ушли, надругавшись над ним. На другой день с рассветом, когда приспело время вкусить хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отец Исакий». И не было ответа, и сказал Антоний: «Он уже преставился». И послал Антоний в монастырь за Феодосием и братией. И откопав засыпанный вход, вошли они и взяли Исакия, думая, что он мертвый, вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий: «Это случилось от бесовского действия». И положили его на постель, и стал ходить за ним Антоний. В это же время случилось князю Изяславу прийти из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И прислав, Святослав ночью взял Антония в Чернигов; Антоний же, придя в Чернигов, облюбовал себе Бол-

дины горы. Выкопав пещеру, там он и поселился. И есть там на Болдиных горах монастырь святой Богородицы и до сего *дня*. Феодосий же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо он ослабел так, что не мог сам ни перевернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, а лежал на одном боку, ходил под себя, и от этого у него под бедрами завелись черви. Феодосий же своими руками омывал и переодевал его, и делал это в течение двух лет. Это было дивное чудо: за два года тот ни хлеба не съел, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни слова не произнес, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молил Бога за него, и молитву творил над ним день и ночь, пока тот на третье лето не заговорил, и не начал слышать, и на ноги начал вставать как младенец, и начал ходить. И пренебрегал он ходить в церковь, и силою принуждали его к церкви, и так мало-помалу приучили его ходить туда. И затем научился он в трапезную ходить, и сажали его в стороне от братии, и клали перед ним хлеб, и он ел его только тогда, когда клали его в руку ему. Феодосий же с же сказал: «Положите хлеб перед ним, а не вкладывайте в руки ему, пусть сам ест». И тот неделю не ел, и, понемногу оглядевшись, откусывал хлеб. Так он научился есть, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же вновь воспринял жестокое воздержание. Когда же скончался Феодосий и на его месте был уже Стефан, Исакий сказал: «Ты уже обманул меня, дьявол, когда я сидел на одном месте. Теперь же я не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, оставаясь в монастыре». И надел на себя власяницу, и на власяницу накидку из дерюги, и начал юродствовать, и стал помогать поварам, готовя на братию. И приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо, не шелохнувшись. Когда же

приходила зима и морозы лютые, стоял в протоптанных башмаках, так что примерзали ноги к каменному полу, и не двигал ногами до тех пор, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, после чего приходили прочие повара из братии. Один повар, тоже Исакий по имени, сказал раз, насмехаясь, Исакию: «Вон сидит ворон черный, иди, возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему на глазах у всех поваров. И ужаснулись те, и поведали о том игумену и братии, и начала братия чтить его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать, начал вредить то игумену, то братии, то мирянам, дабы принять побои от других. И начал по миру ходить, так же юродствуя. Поселился в пещере, где раньше жил, – Антоний уже умер к этому времени, – собрал к себе молодых и одевал их в одежды монашеские и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей этих отроков. Он же все это терпел, принимал побои и выносил наготу и холод днем и ночью. Однажды же ночью разжег он печь в истопке у пещеры, и запылала печь, ибо была она ветхой и вырвалось пламя через щели. Не имея чем заложить их, он стал на огонь босыми ногами и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда только слез. И многое иное рассказывали о нем, а другому и сам я очевидец. И так победил он бесов, как и мух, ни во что не ставя их запугивания и наваждения, говоря им: «Если вы меня и прельстили в пещере поначалу, ибо я не знал козней ваших и лукавства, но теперь со мною Господь Иисус Христос и Бог мой, и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили ему, говоря: «Ты наш, ты поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил: «Ваш старейшина – антихрист, а вы – бесы». И осенял лицо свое

крестным знаменем, и они оттого исчезали. Иногда же снова в ночное время приходили к нему, запугивая его видением, будто идет много народу с мотыгами и кирками, со словами: «Раскопаем пещеру и засыплем его здесь». Другие же говорили: «Беги, Исакий, они хотят тебя засыпать». Он же говорил: «Если бы вы были люди, то пришли бы днем, а вы – тьма и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял их крестом, и они исчезали. Иной раз они стращали его, принимая образ то медведя, то лютого зверя, то вола, то змеями вползали к нему, или жабами, или мышами и прочими гадами. И не могли с ним ничего поделаться, и сказали ему: «Исакий, ты победил нас». Он же сказал: «Поначалу вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, которых вы недостойны, а теперь, как и подобает, вы являетесь в образе зверином и скотском, и в виде змей и гадов, какие вы и есть, скверные и злые обликом». И тотчас сгинули бесы от него, и не было больше ему пакости от бесов, как он и сам рассказывал об этом: «Была у меня с ними война эта 3 лета». Потом начал он жить в крепкой вере, соблюдая воздержание, пост и бдение. И в таком житии кончил дни свои. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю он в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братья убрали тело его и похоронили его. Таковыми были черноризцы Феодосиева монастыря. Они и по смерти сияют как светила, и молят Бога за здешнюю братию, и за мирских братьев, и за жертвующих на монастырь, в котором и поныне живут добродетельной жизнью все вместе, сообща, в пенье, и в молитвах, и в послушанье, на славу Богу всемогущему, молитвами Феодосия хранимые, которому и слава вечная, аминь.

В лето 6583 (1075). Начата была постройкой церковь Печерская над готовым основанием Стефаном

игуменом. С основания начал строить ее Феодосий, а над основанием продолжал Стефан. И завершена она на третье лето, 11 июля. В это же лето пришли послы из Германии к Святославу. Святослав же, похваляясь, показал им богатство свое. Они же, видя бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это мертво. Лучше этого войны: люди добудут и больше этого». Так похвалялся Езекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон, и по смерти самого все имущество пошло прахом.

В лето 6584 (1076). Ходили Владимир Всеволодович и Олег Святославич в помощь полякам на чехов. В это же лето скончался Святослав Ярославич 27 декабря от разрезания желвака, и положен в Чернигове, в церкви святого Спаса. И после него сел на столе Всеволод, 1 января.

В лето 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел ему навстречу. Сел Борис* в Чернигове 4 мая, княжил 8 дней и бежал в Тмуторокань к Роману. Всеволод же вышел против брата Изяслава на Волынь, и там они заключили мир, и Изяслав, прийдя, сел в Киеве 15 июля. Олег же Святославич был у Всеволода в Чернигове.

В лето 6586 (1078). Бежал Олег Святославич от Всеволода в Тмуторокань 10 апреля. В это же лето убит был Глеб Святославич в Заволочье. Был Глеб щедр на милостыню нищим, любил странников, радел о церквах, тепл к вере, был кроток, красив лицом. Тело же его положили в Чернигове за церковью Спаса 23 июля. Вместо него в Новгороде сел Святополк Изяславич, Ярополк [Изяславич] сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске. В это время привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли против Всеволода вместе с половцами.

Всеволод же вышел против них на Сожицу. И победили половцы русь, и многие наши убиты были, тут: убит был Иван Жирославич и Туки, Чудинов брат, и *Порей*, и многие другие, 25 августа. Олег же с Борисом пришли в Чернигов, думая, что победили. Земле же Русской они великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет с них Бог, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев, расцеловались и сели. Всеволод рассказал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат! Не горюй. Видишь, чего только со мной ни приключалось: в первый раз не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имущество? И снова: в чем провинился я вторично? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего, не сделав зла никакого? И ныне, брат, не тужи: если будет нам место в Русской земле, то обоим, если будем лишены – то оба; я сложу голову свою за тебя». И сказав это, он утешил Всеволода, и повелел собирать в поход всех, от мала до велика. И пошли Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И пошли на Чернигов, а черниговцы затворились в городе, Олега же и Бориса там не было. Черниговцы не отворяли ворот, и князя обложили город. Владимир же пошел на приступ восточных ворот от Стрежени и захватил их и занял внешний город, и сжег его, люди же бежали во внутренний город. Изяслав же со Всеволодом узнали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. Олег же сказал Борису: «Не пойдем навстречу, не можем стать против четырех князей, пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим». И сказал Борис: «Смотри, я готов, и стану против них всех». Похвалился он, не зная, что Бог гордым противится, а смиренным помогает, чтобы не хва-

стался сильный силою своею. И пошли они навстречу, и сошлись у села на Нежатиной ниве, обе стороны пошли друг на друга, и была злая сеча. Первым убили Бориса Вячеславича, похвалявшегося перед тем. Когда же Изяслав стал среди пещцев, некто, внезапно наехав, ударил его копьем в плечо. Так убит был Изяслав Ярославич. Сеча продолжалась, и бежал Олег с остатками дружины и едва спасся бегством в Тмуторокань.

Убит был князь Изяслав 3 октября, и взяли тело его, привезли его в ладье и поставили у Городца. Навстречу ему вышел весь город Киев, и, положив тело его на сани, повезли его, и внесли его в город попы и черноризцы с песнопениями. И не слышно было пения от плача великого и вопля, ибо оплакивал его весь Киев. Ярополк же шел за ним, плача вместе с дружиною своею: «Отец, отец мой! Сколько прожил ты без печали на свете этом, много напастей претерпев от людей и братьев своих? И вот погиб не от брата, но за брата сложил голову свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив лицом и велик телом, незлобив нравом, коварство ненавидел, любил правду. Не было в нем хитрости, но был он прямодушен, не воздавал злом на зло. Сколько зла сделали ему киевляне! Самого выгнали, дом его разграбили – и он не воздал им зло на зло. Если же кто скажет, что «воинов посек», то не он это сделал, а сын его. И снова братья его прогнали, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда он вновь сидел на столе своем, а Всеволод, побежденный, пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом на зло, но утешил его словами: «Если ты, брат мой, явил мне любовь, возвел меня на стол мой и назвал меня старейшим себя, я не припомню тебе прежнего зла. Ты мне брат, а я тебе брат, и я положу голову свою за тебя». Что

и случилось. Не сказал он ему: «Сколько зла причинили мне, и теперь вот с тобой случилось то же», не сказал: «Это меня не касается», но взял на себя горе брата, являя любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Воистину, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, ибо положил голову свою за брата своего, не из желания получить большую волость и больше богатства, но за обиду брата. О таковых Господь сказал: «Да кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья те, кто в беде помогают друг другу». Ибо превыше всего любовь. Так же и Иоанн говорит: «Бог – это любовь, пребывающий в любви в Боге пребывает, а Бог пребывает в нем». Так вершится любовь, дабы было нам что предъявить в день судный, чтобы и мы на свете этом были такими же, как он. Боязни нет в любви, истинная любовь изгоняет боязнь, ибо боязнь есть мучение. «Боящийся не совершенен в любви. Если кто говорит: люблю Бога, а брата своего ненавижу – это ложь. Как может не любящий брата своего, которого видит, любить Бога, Которого не видит? Эту заповедь мы получили от Него, чтобы любящий Бога любил и брата своего». Ибо все в любви совершается. Любви ради и грехи рассыпаются, любви ради и Господь сошел на землю и распял Себя за нас грешных, взяв грехи наши, пригвоздил Себя ко кресту, дав нам крест, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою, любви же ради и этот князь пролил кровь свою за брата своего, выполняя заповедь Господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть по всей Русской земле. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка Изяславича во Владимире, придав ему Туров.

В лето 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и заключил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы 2 августа. И доселе лежат там кости его, сына Святослава, внука Ярославова. А Олега Святославовича хазары схватили и отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В лето 6588 (1080). Торки переяславские пошли войной на Русь. Всеволод же послал против них сына своего Владимира. Владимир же пошел и победил торков.

В лето 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, 18 мая. И пришли к Тмуторокани, захватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В лето 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.

В лето 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани и захватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, замысливших убийство брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В лето 6592 (1084). Приходил Ярополк Изяславич ко Всеволоду на Пасху. В это же время бежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка. И послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал он Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В то же лето Давыд захватил греков в Олешье и отнял у них имущество. Всеволод же, послав, привел его и дал ему Дорогобуж.

В лето 6593 (1085). Ярополк хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Лучьске, бежал в Польщу. Владимир же пришел к Лучьску, и сдались лучане. И посадил Владимир Давыда во Владимире вместо Яро-

полка, а мать Ярополка и жену его и дружину привел в Киев, и имущество его взял.

В лето 6594 (1086). Пришел Ярополк из Польши и заключил мир с Владимиром, и возвратился Владимир в Чернигов, Ярополк же сел во Владимире. И несколько дней спустя пошел Ярополк к Звенигороду. И, не дойдя до города, был пронзен проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Ярополк лежал на возу, и Нерадец с коня пронзил его саблей, 22 ноября. И тогда поднялся Ярополк, исторгнул из себя саблю и закричал громким голосом: «Ох, уловил меня этот враг!» Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки Радко, Вонкин и многие другие, положили на коня впереди себя и везли его так к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод, со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и пресвитерами. И все киевляне великий плач совершили над ним*, и проводили его с псалмами и молитвами до святого Дмитрия, убрали тело его и с честью положили в гроб мраморный, 5 декабря, в церкви святого апостола Петра, которую сам прежде начал строить. Многие беды принял, без вины изгнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, наконец и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный сей князь тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давая церкви святой Богородицы* от всего своего имущества каждое лето, и молил Бога всегда, говоря: «Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, дабы омыл грехи все своею кровью и избавился от суетного сего света и волнений, от сети вражеской». Испрошенного же им не лишил его мило-

стивый Бог: получил он такие блага, какие ни око не видит, ни ухо не слышит, ни сердце человека не предчувствует, какие уготовил Бог любящим его.

В лето 6595 (1087).

В лето 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила Всеволодова монастыря митрополитом Иоанном и епископами Лукою, Исаем, Иваном, а игуменом тогда был в том монастыре Лазарь. В то же лето пришел Святополк [Изяславич] из Новгорода в Туров жить. В это же лето умер Никон, игумен Печерский. В это же лето взяли болгары Муром.

В лето 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом, и Лукою, Белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном князе Всеволоде, властителе Русской земли, и детях его Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Ян, а игуменство Печерского монастыря держал Иоанн.

В это же лето скончался Иоанн митрополит. Был же Иоанн искусен в книгах и знаниях, милостив к нищим и вдовицам, ласков ко всякому богатому и убогому, смиренен же и кроток, молчалив, речист, святыми книгами утешая печальных, и такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого. В то же лето отправилась в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, упомянутая прежде*. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, и все видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыл он год и умер*. Был же сей муж не книжен, но обыкновенный и умом и речью.

В то же лето освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом той церкви*, которую он построил больших размеров (ибо прежде была в Переяславле митрополия), и снарядил ее большой

пристройкою, украсив ее различными украшениями, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопцом, высок ростом. Много он тогда зданий воздвиг: достроив церковь Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Феодора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и каменные бани, чего прежде не было на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Феодора, и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В лето 6599 (1091). Игумен и черноризцы собрали совет и решили: «Нехорошо лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, поскольку именно он основал церковь и черноризцев собрал». Посовещавшись, повелели устроить место, куда положить мощи его. И спустя три дня, когда наступил праздник Успения Богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия. Повелению же его я, грешный, был первый свидетель. Об этом и расскажу не по слухам, а как очевидец. Пришел ко мне игумен и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я же пришел с игуменом, не известив никого; и рассмотрели, где копать, и отметили место, где копать, в стороне от входа. Игумен же сказал мне: «Не говори никому из братии, чтобы никто не знал, но возьми кого хочешь, дабы тебе помог». Я же приготовил *в тот же день* кирки, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял я с собою двух братьев, не извещая никого, пришел в пещеру и, отпев псалмы, начал копать. И, изнемогая, дал копать другому брату. Так мы копали до полуночи, трудились и не могли докопаться, и я начал сомневаться, не копаем ли в сторону. Взяв кирку, я начал усердно копать, а друг мой, спавший перед пещерой, сказал мне: «Ударили в било!» И в тот же момент я докопался до мощей Феодосиевых. Он мне сказал: «Ударили в било», я же сказал ему: «Уже докопался».

Когда же докопался, объял меня ужас, и я стал взывать: «Господи, помилуй!» В этот момент, когда игумен еще не говорил, с кем он будет переносить его тайно, сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры. Когда ударили в било, они видели, как три столпа, словно сияющие дуги, передвигаясь, стали над верхом церкви, где был положен Феодосий. В это же время Стефан, который был игуменом вместо него, а сейчас был епископом, видел в своем монастыре через поле великую зорю над пещерою. Думая, что несут Феодосия, ибо ему днем раньше было извещено об этом, и сожалея, что переносят без него, Стефан, сев на коня, скоро поехал, взяв с собою Климента, которого он поставил игуменом вместо себя. И в дороге видели великую зорю. Когда же приблизились, увидели свечей множество над пещерой, а подошли к пещере и не увидели ничего, и вошли внутрь пещеры, когда мы сидели у мощей Феодосия. Когда я докопался, то послал к игумену: «Приходи, да вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями, и я раскопал больше, и мы влезли и увидели мощи Феодосия: составы не распались и волосы на голове слиплись. И, положив его на мантию, подняв на плечи, вынесли его и положили перед пещерою. На другой день собрались епископы Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные, и взяли мощи Феодосия с ладаном и со свечами. И принеся, положили его в церкви, в притвор на правой стороне, 14 августа в четверг, в час дня, индикта 14-го лета. И праздновали торжественно в тот день.

Теперь расскажу немного, как сбылось предсказание Феодосия. Еще при жизни, когда Феодосий держал игуменство и правил стадо черноризцев, порученных ему Богом, он пекся не только о них, но и мирских ду-

шах, дабы спаслись, особенно же о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходящих к нему, или же в дома их приходя и благословение им подавая. Однажды, прийдя в дом к Яну и к жене его Марии – ибо Феодосий любил их, поскольку они жили по заповеди Господней и пребывали в любви между собой, – однажды, придя ним, он наставлял их о милостыне бедным, о Царствии Небесном, которое ожидает праведников, а грешников – мука, и о смертном часе. И говорил об этом, и о положении их во гроб, а жена Яна сказала: «Кто знает, где меня похоронят?» Сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты положена будешь». Это и сбылось. Игумен умер прежде, на 18-е же лето это сбылось: ибо в это лето, 16 августа, скончалась жена Яна, именем Мария, и пришли черноризцы, отпели по обычаю песнопения, и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был положен 14-го, а эта – 16-го.

Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и охраняя их, молясь за порученное ему стадо и за людей христианских, за землю Русскую, за которых и по отшествии из этой жизни ты молишься, за людей верующих и за учеников. Они же, глядя на гроб твой, вспоминают учение твое и воздержание твое, и прославляют Бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как воздать хвалу доброму твоему житию и воздержанию. Но немного скажу: «Радуйся, отец наш и наставник! Мирскую суету отринув, молчание возлюбив, Богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, все себе Божие дары приносил, пощением превознесся, плотские страсти и соблазны возненавидел, земные красоту и желания света сего отринул, следуя стопам мудрейших от-

цов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирен-
нием украшаясь, радуясь писаниям книжным. Радуйся,
укрепившись надеждою на вечные блага, их же принял,
умертив плотскую похоть, источник беззакония и мя-
тежей. Ты, преподобный, избежал бесовских козней и
сетей, почил с праведниками, отче, получив по трудам
твоим вознаграждение, быв наследником отцов, после-
довав учению их и нраву их, воздержанию их и правила
их блюдя». Более всего подражал великому Феодосию в
нравах и житии, уподобляя его житию свое, усердствуя
в воздержании, следуя его обычаю и переходя от одного
дела к другому и обычные молитвы Богу воздавая, вместо
благоухания принося кадило молитвенное, ладан благо-
вонный. Победив мирскую похоть и миродержца-князя
века сего, врага поправ дьявола и козни его, победителем
явился, вражеским его стрелам и гордым помыслам вос-
противившись, укрепился оружием крестным и верою
непобедимую, Божьей помощью. Молись за меня, отче
честный, дабы избавлен был я от сети вражеской, и от
противника врага соблюди меня своими молитвами*.

В то же лето было знамение на солнце, как бы погиб-
нуть ему; мало его осталось, как месяц было, во втором
часу дня, 21 мая. В то же лето, когда Всеволод занимался
ловлей зверей за Вышгородом и были раскиданы тенета
и кличане* начали кричать, с неба упал громадный змей,
и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула,
так что многие слышали. В это же лето волхв объявился
в Ростове, который вскоре погиб.

В лето 6600 (1092). Предивное чудо пригрезилось
в Полоцке. Ночью раздавался шум, будто люди стеная,
по улице рыскали бесы. И если кто выходил из дома,
желая увидеть, тотчас невидимо поражался бесами яз-
вой и с того умирал. И никто не осмеливался выходить
из дома. Затем и днем стали появляться на конях, и не

было их самих видно, видны были только копыта их коней. И так они уязвляли людей в Полоцке и его области. Люди же говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В то же время было знамение в небе – как бы громадный круг посреди неба. В это же лето стояло ведро, так что земля выгорела, и многие леса и болота возгорались сами собой. И много было знамений по местам. И войны были большие от половцев и отовсюду: взяли три города – Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел разорили по обе стороны реки. В то же лето половцы с Васильком Ростиславичем воевали против поляков. В то же лето умер Рюрик Ростиславич. В то же время много людей умирало от различных недугов, так что продавцы гробов говорили, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, повелевая нам покаяться и воздержаться от греха и от зависти и от прочих злых дел вражеских.

В лето 6601 (1093), индикта в 1-е лето, скончался великий князь Всеволод Ярославич, внук Владимиров, 13 апреля, а погребен был 14-го; была тогда Страстная неделя и был день четверг, когда был он положен в гробу в великой церкви святой Софии. Этот благоверный князь Всеволод с детства был боголюбив, любил правду, заботился об убогих, почитал епископов и пресвитеров, безмерно любил черноризцев и одаривал их всем необходимым. Он и сам воздерживался от пьянства и плотских утех, за что любим был отцом своим, который говорил ему: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь мою старость. Если Бог даст тебе получить стол мой, после братьев своих, по праву, а не насилием, то, когда Бог приберет тебя из мира этого, ляг, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя

больше братьев твоих»*. И сбылись слова отца его, сказанные ему, ибо получил он после всех братьев стол отца своего, по смерти брата своего. Княжение в Киеве доставляло ему больше огорчений, чем тогда, когда сидел он в Переяславле. Когда сидел он в Киеве, огорчали его племянники, которые начали ему досаждать, желая волости этот – одной, тот – другой. Он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях подбирались к нему недуги, а за ними приспевала и старость. И начал он любить разум молодых, советуясь с ними. Они же начали настраивать его, чтобы он отверг дружину свою старую, и люди не могли добиться суда княжьего. Эти молодые начали грабить и продавать людей, а князь из-за болезни своих не знал о том. Когда же он совсем разболелся, послал за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев, что он совсем болен, расплакался. Владимир и Ростислав, сын его младший, были рядом, когда пришел час и Всеволод скончался тихо и кротко и присоединился к предкам своим, прокняжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле лето* и в Чернигове лето. Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплакали и убрали тело его. И собрались епископы и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простолюдины, и, взяв тело его, с обычными песнями положили в церкви святой Софии, как было сказано раньше.

Владимир начал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то придется мне воевать со Святополком, так как стол этот прежде принадлежал его отцу». И, подумав, послал за Святополком в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав в Переяславль. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, 24 апреля, пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киявяне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел он на столе отца своего и дяди своего. В это время

пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, направили они послов к Святополку, предлагая мир. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, по совету пришедших с ним схватил послов и запер их в избе. Узнав об этом, половцы начали воевать. И вторглось множество половцев, и обступили они Торческий город. Святополк же отпустил послов половецких, желая мира. Половцы же не захотели мира и наступали, разоряя. Святополк начал собирать воинов, чтобы выйти против них. И сказали ему мужи разумные: «Не покушайся на них, так как мало имеешь воинов». Он же сказал: «Я имею 700 своих отроков, которые могут им противостоять». Другие же, неразумные, стали говорить: «Иди, князь». Разумные же говорили: «Если бы ты выставил их и 8 тысяч, и то не много: наша земля оскудела от войн и от продаж. Но обратись к брату своему Владимиру, дабы он тебе помог». Святополк же послушал их и послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал за Ростиславом, братом своим, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, князья встретились у святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, пока не договорились, целуя друг другу крест. Так как половцы продолжали разорять землю, то сказали князьям мужи разумные: «Зачем вы ссоритесь между собой? А поганые губят землю Русскую. После договоритесь, а ныне идите против поганных— либо мириться, либо воевать». Владимир хотел мира, Святополк же хотел воевать. И пошли Святополк и Владимир и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же и Владимир и Ростислав созвали дружину свою на совет, желая переправиться через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир: «Пока стоим здесь под защитой реки, заключим мир с

ними». И присоединились к этому совету разумные мужи, Ян и прочие. Киевляне же не приняли этого совета, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И согласились с этим советом, и перешли Стугну реку, а была она тогда весьма многоводной. Святополк же и Владимир и Ростислав, построив дружину, пошли вперед. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посередине же был Ростислав. И миновав Треполь, прошли вал*. И половцы выступили навстречу, выставив впереди стрелков. Наши же, став между валами, подняли свои стяги, и стрелки пошли из-за вала. И половцы, приблизившись к валу, подняли стяги свои и налегли сперва на Святополка и взломали полк его. Святополк же держался крепко, а люди его побежали, не выдержав натиска воинов, после чего побежал и Святополк. Потом половцы наступили на Владимира, и была брань лютая; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И прибежали к реке Стугне, и бросились в реку Владимир с Ростиславом, и начал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. И хотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов*. Владимир же, переброя реку с остатками дружины – ибо многие пали из полка его и бояре его тут пали, – и перейдя на ту сторону Днепра, оплакал брата своего и дружину свою и пошел в Чернигов безмерно опечаленный. Святополк же вбежал в Треполь, заперся там, пробыл до вечера и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что одержали победу, одни пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Эта беда приключилась в день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, 26 мая. Ростислава же искали и нашли в реке, и принесли его в Киев, и оплакала его мать его, и все люди горячо сожалели о нем, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев по обы-

чаю песни, положили его в церкви святой Софии рядом с отцом его. Половцы же осадили Торческ, а торки сопротивлялись и крепко бились из города, убивая многих из противников. Половцы же усилили натиск. И отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь пищи, мы сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов. И стояли половцы около города девять недель, и разделились надвое: одни стали у города, воюя, а другие пошли к Киеву, совершив набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желаню, и пошли друг другу навстречу, и сошлись, и разгорелась битва. И побежали наши перед иноплеменниками, и падали раненые перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, нежели у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третий, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда 23 июля. Наутро же, 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, в городе был великий плач, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Ибо это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от скверных дел. Так наказывает он нас нашествием поганых, это батог его, дабы мы опомнились и воздерживались от дурного пути своего. Ради этого в праздники Бог нам наводит сетование, как в это лето случилась первая беда на Вознесение Господне у Треполя, вторая – в праздник Бориса и Глеба, – новый праздник Русской земли. Об этом пророк сказал: «Обращу праздники ваши в печаль и песни ваши в рыдание». Ибо раздался великий плач в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бегали мы от врагов наших. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не

гонимы, сокрушу наглость гордыни вашей, и тщетна будет крепость ваша, убьет вас приходящий меч и опустеет земля ваша и дворы ваши пусты будут. Так как вы дурны и лукавы, и Я приду к вам с яростью лукавой». Так говорит Господь Бог Израилев. *Ибо* лукавые сыны Измайловы сжигали села и гумна и многие церкви запалили огнем; пусть никто не удивляется этому: «Где множество грехов, там и зрелище всяческого наказания». Поэтому вселенная была предана, поэтому и гнев распростерся, поэтому земля пережила мучения: одних ведут в плен, других убивают, других выдают на месте, и они горькую смерть приемлют, другие трепещут, глядя на убиваемых, других морят голодом и жаждою. Одно наказание, одна казнь, многообразные имеющая раны, различны горести и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и терзают. И это тем более неприятно и страшно, что в христианском роде страх и колебание и беда распространились. Справедливо и достойно так нас наказывать, так веру возродим, если примем наказание: подобало нам «преданным быть в руки врага иноземного и самого беззаконного на всей земле». Мы говорим громкогласно: «Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои». Говорим как тот разбойник: «Мы достойное за содеянное приняли». Говорим и с Иовом: «Как Господу угодно было, так и случилось; да будет имя Господне благословенно навеки». В нашествии поганых и мучениях от них познаем Владыку, которого мы прогневали. Мы прославлены были и не прославили его, почтены были и не почтили его, просветились и не уразумели, куплены были и не поработали, родились и устыдились, как будто Он не отец, согрешили и наказаны. Как поступили, так и страдаем: города все опустели, села опустели, пройдем по полям, где паслись стада коней, овец и волов, – и все бесплодным увидим, нивы заросшие стали

жилищем зверям. Но все-таки надеемся на милость Божию. Наказывает нас милосердно благой Владыка, «не по беззаконию нашему содеял нам, но по грехам нашим воздал нам»*. Так подобает благому Владыке наказывать по множеству грехов. Так Господь сотворил нам: создал Он нас, падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и кровь Свою за нас пролил. Видя нас неправедно живущими, навел на нас эту рать и скорбь, дабы и те, кто не хочет, в будущей жизни получили милость, потому что душа, здесь наказанная, всегда найдет в будущей жизни милость и освобождение от мучений, ибо не мстит Господь дважды за одно и то же. О несказанное человеколюбие! Потому что Он видел нас, поневоле к Нему обращающихся. О безграничная любовь Его к нам! Ибо по своей воле уклонились мы от заповедей Его. И уже не хотим, а терпим, по необходимости, и хотя поневоле, но уже терпим по своей воле. Ибо где было у нас умиление? А теперь все полно слез. Где у нас было воздыхание? Ныне же плач простерся по всем улицам по убитым, которых избил беззаконные.

Половцы много поразорили и возвратились к Торческу. И обессилели люди в городе от голода и сдались нападавшим. Половцы же, взяв город, подожгли его огнем, а людей поделили и увели в вежи к семьям своим и сродникам своим многих из крещеного народа. Страдающие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и бедах, с осунувшимися лицами, почерневшие телом, в незнакомой стране, с языком воспаленным, голые и босые, с израненными тернием ногами, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я жил в этом городе», а другой: «Я из того села». Так вопрошали они друг друга со слезами, называя свой род, вздыхая и взоры обращая на небо к Вышнему, ведающему тайное. Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы Богом!

Да не будет этого! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил Он? Кого так почтил Он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому и большой гнев простер на нас, что больше всех почтены были и худшие всех совершили грехи. Ибо, больше всех будучи просвещенными, зная волю Владычную и презрев ее и красоту, больше других наказаны. И я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю повседневно.

В то же лето скончался Ростислав Мстиславич, внук Изяслава Ярославича, 1 октября, а погребен был 16 ноября в церкви святой Богородицы Десятинной.

В лето 6602 (1094). Заключил мир Святополк с половцами и взял в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В то же лето пришел Олег с половцами из Тмуторокани* и подступил к Чернигову. Владимир же затворился в городе, а Олег, подойдя к городу, пожег окрестности и монастыри пожег. Владимир же установил мир с Олегом и ушел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же начали воевать около Чернигова, а Олег не запрещал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже третий раз навел он поганых на землю Русскую, да простит Бог грех ему, поскольку много христиан погублено было, а другие взяты в плен и разведены по землям. В то же лето пришла саранча на Русскую землю, 26 августа, и поела всякую траву и много жита. И такого не слышно было с первых дней в земле Русской, что видели очи наши, за грехи наши. В то же лето 27 апреля, в 6-м часу ночи скончался епископ Стефан Владимирский, прежде бывший игуменом Печерского монастыря.

В лето 6603 (1095). Пошли половцы на греков с Девгеневицем, воевали в Греческой земле, и цесарь захватил Девгеневица и повелел его ослепить*. В то же лето пришли половцы Итларь и Кытан к Владимиру

мириться. Итларь пришел в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами. И дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь с лучшей дружиной был в городе. В это же время пришел из Киева Славята к Владимиру от Святополка по некоторому делу, и начала думать дружина Ратибора с князем Владимиром о погублении Итларевой дружины. Владимир же не хотел этого делать и отвечал: «Как я могу сделать это, дав клятву им?» Дружина же отвечала Владимиру: «Князь! Нет тебе в том греха: они же всегда, дав тебе клятву, разоряют землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками к валам. И, выкрав сперва Святослава, они убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, и Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сотворили с Кытаном. Наутро же, в воскресенье, в час заутрени, приготовил Ратибор отроков с оружием и приказал им натопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой дружиной, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, наказав так: “Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приедете ко мне”». И сказал Итларь: «Будет так». И как они вошли в избу, так были заперты. Взобравшись на избу, проделали дыру в крыше, и тогда Ольбег Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, пустил ее Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так жестоко лишился жизни Итларь, в неделю сыропустную, в 1-й час дня месяца февраля 24-го. Святополк же и Владимир послали к Олегу, повелевая ему идти с ними на половцев. Олег же, обещав идти с ними и выйдя, не пошел с ними одним путем. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и людей,

и привели их в землю свою. И возымели гнев на Олега, поскольку не пошел с ними на поганых. И послали Святополк с Владимиром к Олегу со словами: «Ты не пошел с нами на поганых, которые разорили землю Русскую, и держишь у себя Итларевича; либо убей его, либо отдай нам. Он враг наш и Русской земли». Олег же этого не послушал, и восстала между ними вражда. В это же лето пришли половцы к Юрьеву, и простояли около него все лето, и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы пошли за Рось, юрьевцы же выбежали и направились в Киев. Святополк же приказал строить город на Витичевском холме, в свою честь назвал его Святополчим городом и повелел епископу Марину с юрьевцами поселиться здесь, и засаковцам и другим, из других городов; а опустевший Юрьев половцы сожгли. На исходе этого же лета Давыд Святославич пошел из Новгорода в Смоленск, новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И возвратился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав Владимирович из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и захватил он посадника Олегова. В то же лето напала саранча, 28 августа, и покрыла землю, и было смотреть страшно, и шла она на север, поедая траву и просо.

В лето 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу со словами: «Приходи в Киев, да урядимся о Русской земле перед епископами и перед игуменами и перед мужами отцов наших и перед горожанами, дабы оборонить Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзости и высокомерия, отвечал: «Недостойны суди меня ни епископ, ни игумены, ни смерды». И не захотел идти братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Ты

потому не идешь ни на поганых, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и хочешь помогать поганым; пусть Бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову, Олег же побежал из Чернигова 3 мая в субботу. Святополк и Владимир погнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и затворился там. Святополк и Владимир осадили его в городе и крепко бились из города, а эти шли приступом на город, и много было пораженных с обеих сторон. И была между ними лютая брань, и стояли около города 33 дня, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, сказав: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев, на стол отцов наших и дедов наших, так как старейший город во всей земле – Киев; там достойно собраться и договор заключить». Олег же обещал сделать это, и на том целовали крест.

В это же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева и сжег княжий двор на Берестовом. В это же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег 24 мая. Олег же вышел из Стародуба и пошел в Смоленск, и не приняли его смольняне, и пошел он к Рязаню*. Святополк же и Владимир пошли восояси. В том же месяце, 30 мая, пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него этой стороной Днепра, пришли к Зарубу и там перешли брод, и не заметили их половцы. Бог сохранил их, и, построившись, пошли к городу. Горожане, увидев их, обрадовались и вышли к ним навстречу, а половцы стояли на той стороне Трубежа, готовые к бою. Святополк и Владимир устремились вброд через Трубеж на половцев. Владимир хотел привести в порядок полк, воины же не послушались и на конях ударили на противника. Увидев это, половцы побе-

жали, а наши погнались им вослед, посекая неприятеля. И даровал Господь в тот день спасение великое: 19 июля побеждены были иноплеменники, и князя убили Тугоркана и сына его и других князей; многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя к Киеву, погребли его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим в монастырь*. И 20-го того же месяца, в пятницу, в 1 час дня, пришел вторично Боняк безбожный, шелудивый, украдкой, хищник, к Киеву внезапно, и едва не ворвались в город половцы, и зажгли поречье перед городом, и повернули на монастырь, и зажгли Стефанов монастырь и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и бросили клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, мы же – одни бежали задом монастыря, другие – взбежали на полати. Безбожные же сыны Измайловы вырубилы ворота монастырские и пошли по кельям, вырубая двери, и вынося, если что-то находили в келье. Затем они зажгли дом святой Владычицы нашей Богородицы и пришли к церкви, и подожгли двери, устроенные к югу, и вторые – к северу, и, вторгшись в притвор у гроба Феодосиева, хватили иконы, зажигали двери и укоряли Бога и закон наш. Бог же терпел, ибо еще не пришел конец грехам их и беззакониям их, потому они и говорили: «Где Бог их? Пусть поможет им и избавит их!» И иными бранными словами обращали хулу на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог наказывает рабов Своих бедствиями ратными, дабы делались они как золото, испытанное в горне, ибо христианам через множество скорбей и напастей предстоит войти в Царство Небесное, а эти поганые и хулители, обретшие на этом свете веселие и приволье, на том свете примут муку, дьяволом уготова-

ны они огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, поставленный благоверным князем Всеволодом на холме, называемом Выдобичи, – все это окаянные половцы зажгли огнем. Потому мы вслед за пророком Давидом и возопием: «Господи, Боже мой! Поставь их колесом, как огонь на ветру, который испепеляет дубравы, так погонишь их бурей Твоею, искажи лица их досадой». Ведь они осквернили и сожгли дом Твой и монастырь матери Твоей, и трупы рабов Твоих. Ибо убили нескольких из братии нашей оружием, безбожные сыны Измайловы, посланные в наказание христианам.

Вышли же они из пустыни Етравской между востоком и севером, вышло их 4 колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий* же свидетельствует о них, что 8 колен бежали, когда иссек их Гедеон: 8 колен бежало в пустыню, а 4 он посек. Другие же говорят о них: сыны Амоновы. Но это не так: сыны Моава – это хвалисы, а сыны Амона – это болгары*. А сарацины от Измаила, потомки Сарины, и назвали себя сарацины, что значит «Сарины». Итак, хвалисы и болгары происходят от дочери Лота, зачавшей от отца своего, потому нечисто племя их. А Измаил родил 12 сыновей, от которых пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, выходящие из пустыни. И после этих 8 колен, в конце века, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди.

Поучение*. Я, недостойный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный во крещении Василий, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею – Мономах... и ради людей христиан, ибо сколько их сохранил по милости своей и по отцовской молитве от всяких бед! Сидя на санях*, pomysлил я в душе своей и восхвалил Бога, Который меня грешного сохранил до этих дней. Вы же, дети мои, или

иной кто, услышав эту грамотку, не посмейтесь, но кому она из детей моих будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не лениться будет, а трудиться.

Прежде всего, Бога ради и для души своей имейте страх Божий в сердце своем и милостыню подавайте щедрю, ибо это начало всякого добра. Если же кому эта грамотка не понравится, то пусть не смеются, а так скажут: в далеком пути, да на санях сидя, пустое молвил.

Ибо встретили меня на Волге посланные от братьи моей и сказали: «Присоединись к нам, чтобы выгнать Ростиславичей и волость их отнять. Если же не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты – сам по себе». И сказал я: «Хотя вы и гневаетесь, не могу я с вами идти, преступить крестное целование».

И отпустил их, взяв Псалтирь в печали, раскрыл его, и вот что мне открылось: «Почему печальна ты, душа моя, почему смущаешь меня?» – и прочее. И потом выбрал слова эти любезные, расположил их по порядку и написал. Если вам последние не нравятся, то примите первые. «Почему печальна ты, душа моя, почему смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо я все открою Ему». «Не ревнуй злодеям, не завидуй творящим беззаконие, ибо злодействующие истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю. Еще немного, и не станет нечестивого, будешь искать его место – и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и наслаются богатством мира. Нечестивый выслеживает праведного и скрежещет на него зубами своими. Господь же посмеивается над ним и предвидит, что день его придет. Извлекая оружие, нечестивые натягивают лук свой, чтобы стрелять нищих и убогих, поразить правых сердцем. Оружие же их поразит их же сердца, и луки их сломаются. Малое у праведника лучше, чем великие богатства нечестивых. Ибо мышцы нечестивых сокрушатся, а праведных укрепляет

Господь. И так нечестивые погибнут, праведных же милуя, Он им даст. Так благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господь стопы человека направляет. Если будет и падать – не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Был я молод, состарился – и не видел праведника покинутым или потомков его просящих хлеба. Всякий день праведник милует и займы дает, и потомство его благословенно будет. Уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и гони зло, и живи во веки веков». «Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас, когда прогневалась бы на нас ярость Его, вода бы потопила нас».

«Помилуй меня, Боже! Ибо попирает меня человек, нападая всякий день, угнетает меня. Попрали меня враги мои, ибо много борющихся со мной свыше». Возрадуется праведник, когда увидит отмщение, омоет руки свои в крови нечестивого. И скажет человек: «Если есть вознаграждение праведнику, значит, есть Бог, творящий суд на земле». «Избавь меня, Боже, от врагов моих, защити меня от восстающих на меня, избавь меня от творящих беззаконие, спаси от кровожадных, ибо они подстерегают душу мою». «Ибо, как гнев в ярости Его, так и жизнь в воле Его: вечером водворится плач, а на утро радость». «Ибо лучше милость Твоя, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя в жизни моей, во имя Твое вознесу руки мои». «Укрой меня от сонма лукавых и от множества делающих неправды». «Возвеселитесь все праведные сердцем». «Благословлю Господа во всякое время, непрестанно хвала Ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей, иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую, соблюдая слово Господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старших молчать, премудрых

слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими любовь иметь, беседуя без лукавства, а больше размышляя, не дерзить, не хулить в разговоре, не смеяться безудержно, стыдиться старших, не беседовать с непотребными женщинами, очи держать долу, а душу ввысь, избегать их, не раздражать поучениями, не воспринимать падких до власти, не ставить ни во что всеобщее почитание. Если кто из вас может принести другим пользу, пусть надеется на воздаяние от Бога и наслаждение вечными благами». «О, владычица Богородица! Отведи от бедного сердца моего гордость и буйство, чтобы мне не возноситься суетою мира сего в ничтожной этой жизни».

Научись, верующий человек, быть творцом благочестия, научись, по евангельскому слову, «иметь очам управление, языку воздержанность, уму смирение, телу порабощенье, гневу погибель, блюсти чистоту мысли, побуждая себя к добрым делам ради Господа. Будучи лишаем – не мсти, ненавижим – люби, гоним – терпи, хулим – моли, умертви грех. Избавьте обижаемого, дайте суд сироте, оправдайте вдовицу, придите соединиться, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряные, обелю их как снег», и прочее. «Воссияет весна воздержания и цветок покаяния, очистим себя, братья, от всякой крови телесной и духовной. Взывая к Светодавцу, скажем: «Слава Тебе, Человеколюбец!»

Поистине, дети мои, подумайте, как Человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам зло причинит, то мы тотчас хотим его поглотить и кровь его пролить. А Господь наш, владея жизнью и смертью, грехи наши, превышающие головы наши, в течение всей жизни нашей терпит. Как отец, любящий свое дитя, бьет его и снова привлекает к себе, так и Господь наш показал нам, как побеждать

врагов, как избавиться от них и побеждать их тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, чтобы теми тремя делами избавиться от грехов и не лишиться Царствия Небесного.

И Бога ради, не ленитесь, не забывайте этих трех дел, ибо не трудны они: это не затворничество, не монашество, не голодание, которые иные добродетельные претерпевают, но малыми делами можно добиться милости Божией.

«Что есть человек, как подумаешь о нем?» «Велик Ты, Господи, и дивны дела Твои! Разум человеческий не может постигнуть чудес Твоих». И снова скажем: «Велик Ты, Господи, и дивны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Кто же не воздаст хвалу и не прославит силу Твою и Твои великие чудеса и блага, устроенные на свете: как небо устроено, как солнце или как луна или как звезды, и тьма и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим Промыслом, звери различные и птицы и рыбы украшены Твоим Промыслом, Господи! Дивимся и этому чуду, как из праха создал Ты человека, как разнообразны человеческие лица, если и весь мир собрать, не все на одно лицо, но у каждого свой облик, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, чтобы попасть в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные, и слабые расселяются по всем странам, Божьим повелением, чтобы наполнились леса и поля. А все это Бог дал на благо людям, на пищу и на потеху. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как Ты сотворил эти блага человека ради грешного. И те же птицы небесные научены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и веселят людей, а когда не повелишь им, то, имея голос, они немеют. «Благословен Ты, Господи, и прославлен весьма!» «Всякие

чудеса и эти блага сотворил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, воздайте хвалу Богу, подавшему нам милость Свою, таков наказ от скудоумия моего. Послушайте меня, если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: как блудницу, разбойника и мытаря Ты помиловал, то и нас грешных помилуй. И в церкви это исполняйте, и отходя ко сну. Ни одну ночь не грешите; если можете – поклонитесь до земли, а если вам неможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь: ибо этим ночным поклоном и службой человек побеждает дьявола, и что согрешит днем, тем избавляется. Если и на коне едучи, не будет у вас какого дела, то, если других молитв не умеете произносить, взывайте про себя беспрестанно «Господи помилуй», ибо эта молитва в устах лучше, нежели думать о пустом в дороге.

Всего же более убогих не забывайте, но сколько можете по силам кормите и подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни невинного, ни виновного не убивайте и не велите убивать; хотя он и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души. Ведя разговор – о дурном ли, о хорошем ли, не клянитесь Богом и не креститесь, ибо нет в том никакой необходимости. Если же вам придется крест целовать к братии или кому-либо, то, сверившись с сердцем своим, на чем можете стоять, на том целуйте, а поцеловавши, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите и с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, и по силам любите и обещивайте их, чтобы получить по их молитве милость от

Бога. Более же всего гордости не держите в сердце и уме, но скажем: сегодня живы, а завтра в гробу; все же то, что Ты нам дал, не наше, но Твое, порученное нам на малое время. И в земле это не хороните, это нам великий грех. Старших чти как отца, а молодых как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите, не полагайтесь на тиуна или на отрока, дабы не посмеялись посещающие вас ни над домом вашим, ни над обедом вашим. Выходя на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; не предавайтесь ни питью, ни еде, ни сну, сами наряжайте стражей, и ночью, нарядив их со всех сторон, ложитесь около воинов и рано вставайте. А оружия снимать с себя не спешите, ибо не оглядевшись, из-за лени, внезапно человек погибает. Блюдите себя от лжи, пьянства и блуда, от них ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни шли по своим землям, не давайте отрокам, ни своим, ни чужим причинять вред ни жилищам, ни посевам, дабы не стали вас проклинать. Куда пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего и странника. И наиболее почтите гостя, откуда бы он ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете почтить его дарами, то пищей и питьем: ибо они, путешествуя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пройдите мимо человека, не поприветствовав его и не одарив его добрым словом. Жену свою любите, но не давайте им над собой власти*. А вот вам заключение всего – страх Божий имейте превыше всего.

Если начнете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам хорошо. Что умеете доброго, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, как отец мой, дома сидя, научился пяти языкам, что вызывает почет от других стран. Ибо леньность мать всех пороков: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не учит-

ся. Творя добро, не ленитесь ни в чем добром. Прежде всего – к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи, исполненные достоинств. Воздав на заутрени Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надлежит прославить Бога с радостью, говоря: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Свой красный». И еще: «Господи, присоедини мне лето к лету, чтобы впредь в остальных грехах своих покаявшись». И оправдав жизнь, так похваляю Бога. И после этого сесть думать с дружиной или творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: ибо сон назначен Богом на полдень; в это время отдыхают и звери, и птицы, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о делах своих, как трудился я в походах и на охотах с 13 лет.

Первый раз ходил я к Ростову, сквозь землю вятичей, послал меня отец, а сам пошел к Курску. Во второй же раз ходил я к Смоленску со Ставком Гордятичем, который с Изяславом затем пошел к Берестью, а меня послал в Смоленск, а из Смоленска я перешел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пепелище, что поляки пожгли, и там охранял я те города. Потом пошел я в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир – заключать в Сутейске мир с поляками. Оттуда на лето вновь вернулся во Владимир.

Потом послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса и проходил по земле их 4 месяца. И в то же лето дитя родилось старейшее новгородское*. Потом оттуда шел я в Туров, затем на весну в Переяславль и снова в Туров.

И Святослав умер, и я вновь пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород, на весну же – Глебу в помощь. А летом с отцом под Полоцк, а на следующую зиму со Святополком под Полоцк. Пожгли Полоцк, и он

пошел в Новгород, а я с половцами на Друцк, воюя, затем в Чернигов. И вновь из Смоленска пришел я к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, выведенный из Владимира, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал я отцу 300 гривен золота. И вновь, из Смоленска же придя, прошел я с боем сквозь половецкое войско к Переяславлю, и застал там отца, вернувшегося из похода. Затем снова ходили мы в то же лето с отцом и с Изяславом биться с Борисом, и победили Бориса и Олега. И снова пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами погнался на двух конях, и не застали... в Смоленске. Следуя за Всеславом, пожег землю и с боем прошел до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк с боем же, затем к Чернигову.

А на ту зиму разорили половцы Стародуб весь, и я пошел с черниговцами и половцами, на Десне захватили князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И наутро за Новым городом разогнали сильное войско Белкатгина, а семечей* и пленников всех отняли.

А на вятичей ходили две зимы на Ходоту и на сына его, и к Корьдну ходил одну зиму. И снова гнались за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну к Ярополку на встречу в Броды.

В то же лето гнались вслед за половцами за Хорол, которые Горошин взяли.

И на ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, разграбили город, и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

На ту зиму ходили к Ярополку на встречу в Броды и утвердились в великой дружбе.

И на ту весну послал меня отец к Переяславлю впереди всей братии и ходили за Супой. И на пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья с 8 тысячами, и мы рады бы были с ними биться, но ору-

жие было отослано вперед на повозках, и мы вошли в город. Только семца захватили одного живого да смердов несколько, наши же половцев более убили и захватили, и не смели они сойти с коней, и бежали на Сулу той же ночью. И на следующий день, день Богородицы, пошли мы к Белой Веже, и Бог нам помог и святая Богородица: избили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсова брата Асиня и Сакая, и лишь два человека утекли.

И потом на Святославль гнались за половцами, потом на Торческ город, и потом на Юрьев вслед половцам. И вновь на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И потом ходил во Владимир, снова Ярополка там посадили, и Ярополк умер.

И снова, после смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера у Халепа, и потом мир заключили с Тугорканом и с иными князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег пришел с Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ним 8 дней у малого вала и не дала им войти в острог. Жалея христианские души, горящие села и монастыри, я сказал: «Пусть не похваляются поганые!» И отдал брату место его отца, а сам пошел на место своего отца в Переяславль. И вышли на день святого Бориса из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие менее 100 человек, включая женщин и детей. И половцы облизывались на нас как волки, стоя и у перевоза, и на горах. Бог и святой Борис не дали меня им в добычу, невредимыми дошли мы до Переяславля. И сидел в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиною своею, и много бед приняли от войны и от голода. И ходили на их войско за Римов, и Бог помог нам, избили их, а других пленили. И снова Итлареву чадь избили, и вежи их взяли, пройдя за Голтав. И к Стародубу ходили на Олега, так

как он присоединился к половцам. И на Бог* ходили со Святополком на Боняка, за Рось. И к Смоленску ходили, помирившись с Давыдом. И снова вторично ходили с Вороницы. Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, мы же шли им навстречу на Сулу. И потом снова шел к Ростову на зиму, и три зимы ходил к Смоленску, из Смоленска шел к Ростову. И снова со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось и не настигли его. И на зиму в Смоленск пошел. Из Смоленска после Пасхи вышел, и мать Юрия умерла*. В Переяславль пришел на лето и собрал братию. И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину, мы же пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей пленили лучших, и после Рождества заключили мир с Аепю, и, взяв у него дочь*, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову. Вернувшись из Ростова, снова пошли со Святополком на половцев на Урусову, и Бог помог нам. И потом снова ходили на Боняка к Лубьну, и Бог нам помог. И потом к Воиню ходили со Святополком, и потом снова ходили на Дон со Святополком и Давыдом, и Бог нам помог. И к Вырю было пришли Аепа и Боняк, намереваясь взять его; и пошли мы с Олегом и с детьми на них к Ромну, и они, узнав об этом, бежали. И потом к Минску ходили на Глеба*, который захватил наших людей. И Бог нам помог, и осуществили задуманное. И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злобы его. А из Чернигова в Киев раз сто ездил к отцу, выезжал утром и приезжал до вечерни. А всех походов было 83 больших, а остальных меньших не вспомню. И мир заключил с половецкими князьями без одного 20 и при отце, и без отца, а дарил много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых 2 братьев, Багубарсовых

3, Осеневых братьев 4, а всех иных лучших князей 100. А самих князей Бог живыми в руки передавал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, Таревский князь Азгулуй, и иных воинов молодых 15, коих я, приведя живыми, иссек и бросил в ту речку Сальню. И поодиночке перебито их в то время до 200 лучших воинов.

А так трудился я охотясь, пока сидел в Чернигове... А из Чернигова выйдя и до этого лета по сту загонял... и брал легко*, кроме иного лова, кроме ловли туров, ибо охотился я с отцом на всякого зверя.

А вот что в Чернигове я делал: коней диких своими руками связывал в пущах, по 10 и 20 живых коней, а кроме того, объезжая ямы*, брал своими руками тех же диких коней. Два тура бросали меня на рогах вместе с конем. Олень один меня бодал, а два лося – один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил мне на бедра и опрокинул вместе с конем. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много раз падал, голову разбивал дважды, и руки и ноги повреждал, в юности своей повреждал, не забываясь о жизни своей, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, я делал сам – на войне и на охотах, ночью и днем, в зной и стужу не давая себе покоя. Не полагаясь ни на посадников, ни на биричей, сам делал что требовалось: весь наряд и в дому своем вел сам. И распорядок для ловчих и конюхов, о соколах и ястребах – определял сам.

Также и простого смерда и убогую вдовицу не давал я в обиду сильным, и за церковным распорядком и за службой следил сам.

Не упрекайте, дети мои, или иной кто, это прочитав: не хвалю я ни себя, ни своей смелости, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что он меня,

грешного и худого, столько лет сохранял от смертного часа и не ленивым меня, худого, создал, а пригодным для всяких человеческих дел.

Прочитав эту грамотку, устремитесь на все дела добрые, славя Бога со святыми Его. Не боясь смерти, ни на войне, ни от зверя, исполняйте, дети, мужественно дело, как вам Бог пошлет. Ибо если я на войне, и от зверя, и от воды, и падая с коня не пострадал, то и никто из вас не пострадает и не лишится жизни, если не будет повеления от Бога. А если от Бога придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее. И хотя и хорошее дело – соблюдать себя, но Божья охрана лучше, чем человеческая.

О я, многострадальный и печальный!* Много боролась с сердцем и одолела душа сердце мое, потому что все мы тленны, и я размышляю, как предстать перед Страшным Судьею, не покаявшись и не примирившись между собою. Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю» – ложь это. И еще: «Если не отпустите прегрешений брату, то и вам не отпустит Отец ваш Небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся с лукавствующими, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе?»

А все дьявольское наущение! Были ведь рати при умных дедах наших, при добрых и блаженных отцах наших. Ибо дьявол не желает добра роду человеческому, ссорит нас. А написал я это тебе, потому что понудил меня сын твой*, которого ты крестил, который и сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего с грамотой, говоря: «Договоримся и помиримся, а братцу моему суд пришел*. А мы не будем за него мстителями, но возложим на Бога. Они станут сами перед Богом, а мы Русской земли не погубим». И я, видя смирение сына своего, сжалился и, побоявшись Бога, сказал: «Он от юности и

неразумения так смиряется – на Бога возлагает, я же человек, грешный более всех людей».

Послушался я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее с добром или с поруганием, и то, и другое увижу из твоего письма. Этими словами я предупредил тебя, чего я жду от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения старых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, что захочет, во мгновение ока все сотворит, а Сам претерпел хулу и оплевание, и удары, и на смерть отдал Себя, имея власть над жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и злые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в почете, а завтра в гробу и в забвении, и другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они взяли или на что им одежды? Только и осталось сделанное для души своей. Такими словами следовало бы тебе, брат, послав ко мне, опередить меня. Когда же убили дитя мое и твое, у тебя на глазах, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело увянувшее, как цветок, только что раскрывшийся, как агнца закланного, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его несмышленостью, ради неправды света сего призрачного принял я грех на себя, а отцу и матери его – слезы!»

Надо было бы сказать тебе подобно Давиду: «Я знаю свой грех, он всегда передо мною». Не из-за пролития крови, совершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал пеплом голову свою и горько плакал, и в тот час Бог отпустил ему согрешения его. Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную, да сноху мою послать ко мне, потому что нет в ней ни зла, ни добра, чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни

венчания их, по грехам моим. А ради Бога пусти ее ко мне скорее, с первым же послем, чтобы я, наплакавшись с нею, поселил ее у себя, и она села бы, как горлица на сухом дереве, горюя, а я найду утешение у Бога.

Таким путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда свое желание исполнил и взял Муром, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы здесь бы и уладились. Но сам рассуди: мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Посоветуйся с отцом», я бы десять раз послал.

Удивительно ли, что муж погиб в бою? Так умирали лучшие из предков наших. Но не надо было ему искать чужого и меня в стыд и в печаль вводить. Это научили его отроки, чтобы себе приобрести, а получили для него зло. И если начнешь каяться перед Богом и ко мне отнесешься добросердечно, послав своего посла или епископа, напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром и наше сердце обратишь к себе, и будем жить лучше, чем прежде: я тебе ни враг, ни мститель. Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба, но не дай Бог видеть мне крови от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если я лгу, то Бог свидетель и крест честной! Или тот грех мой, что пошел на тебя к Чернигову из-за поганых? В этом я каюсь, я выражал сожаление об этом перед братьями, и снова повторил, потому что ведь человек я.

Если тебе хорошо, то с тем*... или тебе плохо, то подле тебя сидит сын твой крестный с малым братом своим, едят хлеб дедовский, а ты сидишь в своей волости, об этом и рядись. А если хочешь их убить, то вот у тебя они оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. Что же ты хочешь взять насильно, то мы, милосердствуя, давали тебе и у Стародуба отчину твою.

Бог свидетель, что мы рядились с братом твоим, да он не мог рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, но сказали ему, посылай к брату, пока не уладимся.

Не от нужды пишу я это, не от беды некой, посланной Богом, сам услышишь. Но душа мне моя дороже всего света этого. «На Страшном Суде без обвинителей обличаюсь», и прочее*.

«Премудрости наставник и разума податель, учитель неразумных и нищих заступник! Утверди в разуме сердце мое, Владыка! Дай мне, Отче, слово и устами моими не возбрани взывать к Тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Надежда моя – Бог, прибежище мое – Христос, защита моя – Святой Дух! Надежда и защита моя, не презри меня, Благая, ибо Ты моя помощница в печали и в болезни и против всякого зла, и Тебя славлю, воспетая! Разумейте и смотрите, что Я Бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, очищающий грехи, дающий суд сироте и убогому и нищему». «Преклонись, душа моя, и подумай о содеянных тобою делах, воскреси их перед очами твоими, и каплю слез своих испусти, и поведай откровенно все дела свои и мысли Христу, и очистишься». Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не оставь молиться за нас, почитающих тебя, да избавимся от гнева и печали и тления и греха и бед, верно чтущие память твою. Сохрани Свой град, Дева-Мать чистая, который Тобою честно царствует, Тобою укрепляется и на Тебя надеется, побеждает в бранях, ниспровергает противных и держит их в послушании. О прославленная Мать, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее послушание, защити нас, взывающих к тебе, от всякой напасти и грядущей муки. Молимся Тебе, рабы Твои, и преклоняем колена сердца нашего. Преклони слух Твой, чистая, и спаси нас, всегда в скорбях погружающихся,

и соблюди от вражеского пленения град Твой, Богородица! Пощади, Боже, наследие Твое, и прегрешения наши прости, видя, что мы молимся теперь Тебе на земле, родившей Тебя без семени, земную милость, Тебя, Христе, изволившего вообразиться в человека. Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую Тебя нетленною после Твоего рождения, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как Бог и человеколюбец! Дева пречистая, неискушенная браком, богообрадованная, верным направленьем! Спаси меня, погибающего, к Сыну Твоему вопиющего: «Помилуй меня, Господи, помилуй! Если будешь судить, не предавай меня огню, не обличи меня яростью Твоею, – молит тебя Дева чистая, родившая Тебя, Христе, и молит множество ангелов и сонм мучеников. Во имя Христа Иисуса Господа нашего, Которому подобает честь и слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда и ныне и присно и во веки!»

Теперь я хочу рассказать о слышанном 4 года тому назад от Гюряты Роговича новгородца*, говорившего так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а от них пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди, говорящие немым языком, и соседят они с самоедью в северных странах». Югра же сказала отроку моему: «Дивное чудо мы обнаружили, о котором не слышно было раньше, и идет этому третье лето: есть горы, заходящие в луку морскую, высотой до неба, и в горах тех раздается клич великий и говор, и секут гору, желая высечься из нее. И в горе той просечено небольшое оконце, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и подают знаки руками, прося железа, и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и

леса, потому и не доходим до них всякий раз. Идет он и далее на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные царем Александром Македонским, как рассказывает о них Мефодий *Патарский*, говоря: “Александр, царь Македонский, вошел в восточные страны до моря, называемого Солнечное место, и увидел там людей нечистых из племени Иафетова, и нечистоту их видел: ели они всякую скверну, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не хоронили, а поедали, как и женские выкидыши и скотов всяких нечистых. Видев это, Александр убоился, как бы они не размножились и не осквернили землю, и загнал их в северные страны, в горы высокие. И по повелению Божьему сомкнулись над ними горы великие, осталось между ними лишь 12 локтей, и тут возникли ворота медные и покрылись сунклитом. И если кто попытается их взять – не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо таково свойство сунклита: ни огонь его не может сжечь, ни железо не берет. В последние же дни после сих выйдут 8 колен из пустыни Етвивской, выйдут и эти скверные племена, пребывающие в горах северных, по повелению Божию”».

Но мы на предшествующее возвратимся, о чем прежде говорили. Хотя Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск и прийти с братом своим в Киев и урядиться, Олег не захотел этого сделать, но, придя в Смоленск и захватив воинов, пошел к Мурому, где находился тогда Изяслав Владимирович. Изяслав же получил весть, что Олег идет к Мурому, и послал за воинами в Суздаль и Ростов и за белозерцами, и собрал много воинов. И послал Олег послов своих к Изяславу со словами: «Иди в волость отца своего Ростов, а это – волость отца моего. Да хочу я, сев здесь, урядиться с отцом твоим. Ибо он меня выгнал из города отца моего. Или и ты здесь мне моего же хлеба не хочешь дать?» И не послу-

шал Изяслав слов этих, надеясь на множество воинов. Олег же надеялся на правду свою, так как прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом на поле. Олег пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была битва лютая. И убили Изяслава Владимировича, внука Всеволодова, 6 сентября; прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вступил в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святого Спаса, оттуда же перенесли его в Новгород и положили в церкви святой Софии на левой стороне. Олег же по взятии города захватил ростовцев, белозерцев и суздальцев, заковал их, и устремился к Суздалию. И пришел к Суздалию, и суздальцы сдались ему. Олег же, смирив город, одних заточил, других изгнал и имущество их отнял. И пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил он всю землю Муромскую и Ростовскую, посадил посадников по городам и начал собирать дань. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода со словами: «Уходи из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиной своей пошлю с мольбой к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Если и брата моего убил, то это неудивительно: в бою и цари и мужи погибают». Олег же не захотел прислушаться к этому, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег брата своего Ярослава в сторожу, а сам стал на поле близ Ростова. Мстислав же, посоветовавшись с новгородцами, послал Добрыню Рагуиловича впереди себя в сторожу, и Добрыня прежде всего захватил даньщиков. Ярослав же, стоя на Медведице в стороже, узнал, что даньщики захвачены, и бежал в ту же ночь. Прибежав к Олегу, он поведал ему, что идет Мстислав, а сторожи захвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пошел на Волгу, и сказали ему, что Олег отступил к Ростову, и Мстислав по-

шел за ним. Олег же пришел к Суздалью и, узнав, что за ним следует Мстислав, повелел зажечь Суздаль-город, и уцелел только двор монастырский Печерского монастыря и церковь святого Димитрия, которую придал Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сидя здесь, посылал к Олегу просить мира, со словами: «Я моложе тебя, обращайся к отцу моему, а дружину, которую захватил, возврати; я же тебе во всем послушен». Олег же послал к нему, лицемерно прося мира. Мстислав же, поверив обману, распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и во время обеда пришла Мстиславу весть, что Олег на Клязьме, приблизившись сюда тайком. Мстислав, поверив ему, не поставил сторожей, но Бог знает, как избавлять благоверных Своих от обмана. Олег стал на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же в тот же день и на другой собралась дружина – новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав стал перед городом, построив дружину, и не двигались ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга 4 дня. И пришла к Мстиславу весть: «Послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост.

И в пятницу пришел Олег к городу, готовый к бою, а Мстислав пошел на него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчину, именем Кунуй, дал ему пещев и поставил на правом крыле. Поставив пещев, Кунуй развернул стяг Владимиров. Олег же, увидев стяг Владимиров, испугался, и ужас объял его и воинов его. И двинулись в бой друг против друга, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел пожарище с новгородцами, и спешили новгородцы и сошлись на

Колокше, и крепко бились, и начал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся с места стяг Владимиров и начал заходить в тыл ему, и, испугавшись, побежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и посадил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и заключил мир с муромцами, и взял своих людей – ростовцев и суздальцев, и пошел вслед за Олегом к Рязаню.

Олег же выбежал из Рязаня, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял своих людей, которых заточил Олег. И послал к Олегу со словами: «Не бегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». Олег же обещал так поступить. Мстислав же вернулся в Суздаль и оттуда пошел в Новгород, в свой город, молитвами преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 лета, индикта 4-го на середине*.

В лето 6605 (1097). Пришли Святополк и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались в Любече для устройства мира, и говорили между собой: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя усобицы поднимая? А половцы землю нашу растаскивают и радуются, что нас раздирают междоусобицы. Да ныне соединимся в единое сердце и будем соблюдать Русскую землю. И пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк – Киевом, отчиной Изяславовой, Владимир – Всеволодовой, Давыд, Олег и Ярослав – Святославовой, и кому Всеволод раздал города: Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышль, Васильку – Теробовль».

И на том целовали крест: «Если теперь кто на кого поднимется, против того будем все и крест честной». И все сказали: «Да будет *против того* крест честной и вся Русская земля». И, целовавшись, разошлись восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были все люди, но только дьявол опечален был этим согласием. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и начали они наговаривать Давыду Игоревичу, будто «Владимир соединился с Васильком против Святополка и тебя». Давыд же поверил лживым словам и начал наговаривать Святополку на Василька, говоря: «Кто убил брата твоего Ярополка, а ныне замышляет на меня и на тебя вместе с Владимиром? Подумай же о своей голове». Святополк же впал в смятение, говоря: «Не знаю, правда это или ложь». И сказал Святополк Давыду: «Если правду говоришь – Бог тебе свидетель, если же от зависти молвишь – Бог тебе судья». Святополк же вспомнил о брате своем и о себе начал думать: а вдруг в самом деле это случится? И поверил Давыду, и оболостьил Давыд Святополка, и начали они сговариваться против Василька, а ни Василько, ни Владимир об этом не знали. И начал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе киевское княжение, ни мне владимирское». И послушал его Святополк. И пришел Василько 4 ноября и переправился на Выдобечь и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал там, а обоз свой поставил на Рудице; вечером же вернулся к своему обозу. И наутро прислал к нему Святополк, говоря: «Не уходи от моих именин». Василько же возразил: «Не могу ждать, как бы не было рати дома». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старейшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь, не почитает тебя, ходя под твоею рукой. Если уйдет в свою волость, увидишь сам, что займет он твои города Туров, Пинск и другие. Тогда вспомнишь меня. Призови же его *сейчас*, захвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком со словами: «Если не хочешь остаться до

именин моих, то приходи сейчас, поцелуешь меня и посидим с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная о коварстве, замышляемом против него Давыдом. Сев на коня, Василько поехал, и повстречал отрока своего, который поведал ему: «Не ходи, княже, хотят тебя захватить». И не послушал его, размышляя: «Как они хотят меня захватить? Недавно целовали крест, говоря: если кто на кого поднимется, то на того будет крест и все мы?» И подумав так, перекрестился и сказал: «Да будет воля Божия». И приехал с малой дружиной на княжий двор. И вышел навстречу к нему Святополк, и пошли они в избу, и пришел Давыд, и сели. И заговорил Святополк: «Останься на праздник»*. И сказал Василько: «Не могу остаться, брат, я уже и обозу повелел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Хоть позавтракай, брат». И обещался Василько завтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я выйду распоряжусь». И вышел, а Давыд с Васильком сидели. И начал Василько разговор с Давыдом, а Давыд не отвечал и не слушал, объятый ужасом и держа коварство на сердце. И посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?» Ему же ответили: «Стоит на сеньях». И, встав, Давыд сказал: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька, 5 ноября, и оковали его двойными оковами и приставили стражу на ночь. На другое утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что говорил ему Давыд: «Брата твоего убил, а против тебя сговаривался с Владимиром и хочет тебя убить, а города твои занять». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, достоин блюсти голову свою. Если правду говорит Давыд, Василько пусть примет наказание, если же говорит Давыд неправду, то пусть примет мечь от Бога и отвечает перед Богом». И узнали о том игумены и начали молиться за Василька перед Свято-

полком. И сказал им Святополк: «Это Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал побуждать на ослепление: «Если не сделаешь этого, апустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить Василька, а Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту ночь повели его в Белгород – небольшой город около Киева верстах в 10. И привезли его в повозке, закованным, высадили из повозки и отвели в небольшую избу. И находясь там, увидел Василько торчина, точившего нож, и, уразумев, что хотят его ослепить, возопил к Богу со слезами и стенаниями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька и хотели его повергнуть; и крепко с ним боролись и не смогли его повергнуть. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели с двух сторон Сновид Изечевич и Дмитр, и не смогли удержать. И подступились двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили ему плечи, так что грудь захрустела. И подступил торчин, именем Беренди, овчарь Святополков, с ножом в руках, и хотел ударить ему в око, и не попал, и порезал ему лицо, и эта рана у Василька видна и доныне. И затем ударил его в око и вынул око, и потом ударил в другое око и вынул его. И был в это время Василько как мертвец. И, взяв его, на ковре положили на повозку как труп, и повезли во Владимир. И по пути, пройдя Звижденский мост, на торговом месте остановились и стащили с него окровавленную сорочку и отдали попадье постирать. Попадья же, выстирав, надела на него, когда те обедали, и стала его оплакивать попадья как покойника. И он, услышав плач, сказал: «Где это я?» Они же сказали ему: «В Звиждене городе». И попросил он воды, они же дали ему, и он попил воды, и вернулась в него душа, и

вспомнил, и пощупав сорочку, сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той кровавой сорочке смерть принял и предстал перед Богом». Они же, пообедав, вскоре поехали с ним на повозке по грудному пути, ибо был тогда месяц грудень, то есть ноябрь*. И на шестой день пришли с ним во Владимир. Прибыл и Давыд с ним, будто некий улов уловил. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили 30 мужей стеречь его и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, пришел в ужас, и, заплакав, сказал: «Такого зла не было в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам со словами: «Приходите в Городец, дабы поправить зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо всажен в нас нож. Если же не поправим этого, то большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, завладеют Русской землей». Услышав об этом, Давыд и Олег весьма опечалились и плакали, говоря, что «этого не было в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в лесу, и послали Владимир, Давыд и Олег мужей своих к Святополку со словами: «Зачем ты это зло учинил Русской земле и вонзил нож в нас? Почему ослепил брата своего? Если у тебя были какие-то обвинения против него, то обличил бы его перед нами и, установив его вину, наказал бы его. Теперь же объяви вину его, за которую ты сотворил такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько брата моего убил, Ярополка, и меня хочет убить и занять волость мою Туров и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А вынужден я свою

голову блюсти. И не я его ослепил, но Давыд, который и привез его к себе». И сказали мужи Давыдовы, Владимировы и Олеговы: «Не оправдывайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе был он захвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. Наутро же князья хотели перейти через Днепр на Святополка, а Святополк хотел бежать из Киева. Киевляне же не дали ему убежать, но послали вдову Всеволода и митрополита Николу к Владимиру со словами: «Умоляем, князь, тебя и братьев твоих, не губите Русской земли. Ибо если начнете воевать между собой, поганые возрадуются и завладеют землей нашей, которую стяжали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, обороняя Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Вдова же Всеволода и митрополит пришли к Владимиру и молили его, и поведали о мольбе киевлян – заключить мир, и блюсти землю Русскую и воевать с погаными. Слышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину, отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую, а мы хотим погубить». И отозвался Владимир на мольбу княгини, которую почитал как мать*, ради отца своего, ибо чрезмерно был любим отцом своим, и при жизни его, и по смерти не ослушивался его ни в чем, потому и послушался ее как мать; и митрополита также чтит за сан святительский, не пренебрег мольбой его. Ибо Владимир был таким любезным: питал любовь к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин, и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Видя кого-то в буйстве или чем-то непристойном, не осуждал того, но всех примирял и утешал.

Но возвратимся на свое. Княгиня, побывав у Владимира, прибыла в Киев и поведала все сказанное Свя-

тополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать между собой мужей, и примирились на том, что сказали Святополку: «Это ссора от Давыда, так ты и иди, Святополк, на Давыда, и либо захвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовав крест друг другу, заключили мир.

Василько находился во Владимире, в вышеназванном месте, и приспел Великий пост, и я тогда был во Владимире, и однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел я к нему, и сидела около него дружина, и, посадив меня, он сказал мне: «Этой ночью Василько разговаривал с Уланом и Колчей, и сказал так: “Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; послушался бы меня Давыд, дабы я послал своих мужей к Владимиру, чтобы он возвратился, я знаю что сказать ему, – и он не пойдет”. И вот, Василь, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему*, с этими отроками, и скажи ему так: “Если хочешь послать своего мужа и если Владимир повернет, то дам тебе какой желаешь город – либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль”». Я же пошел к Васильку и поведал ему сказанное Давыдом. Василько же сказал: «Такого я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы они не проливали из-за меня крови. Но то мне удивительно, что Давыд дает мне свой город, а мой – Теробовль – моя волость и теперь, и навсегда». Что и сбилось, ибо вскоре он получил волость свою. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: пришли ко мне Кульмея, дабы послать к Владимиру». И не послушал его Давыд, и снова послал меня, сказав: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди малость». И повелел слуге своему выйти вон, и сел ко мне, и начал мне рассказывать: «Слышу о том, что хочет Давыд отдать меня полякам; мало он насытился моей кровью, хочет больше насытиться, отдав

меня полякам. Ибо я много зла им причинил, и хотел причинить и мстить за Русскую землю. И если он выдаст меня полякам, не боюсь я смерти. Но скажу тебе правду, что Бог послал это на меня за мое высокомерие: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендичи и печенег и торки, и сказал я себе: если будут у меня берендичи, печенег и торки, – скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: нападую на землю Польскую зимой, а летом и возьму землю Польскую и отомщу за Русскую землю. И затем хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев – да либо найду себе славу, либо голову свою сложу за землю Русскую. Иных помышлений в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И я клянусь Богом и Его пришествием, что не замышлял я зла против братии своей ни в чем. Но за мое вознесение низложил меня Бог и смирил».

Потом же, накануне Пасхи, пошел Давыд занять Василькову волость. И встретил его Володарь, брат Васильков у Бужьска. И не осмелился Давыд встать против Василькова брата Володаря и затворился в Бужьске, и Володарь обступил его в городе. И начал Володарь говорить: «Почему, сделав зло, не каешься в этом? Вспомни, сколько уже зла натворил». Давыд же начал наговаривать на Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем городе это было? Я сам боялся, как бы и меня не схватили и не сделали со мной того же; поневоле пришлось мне согласиться и действовать заодно». И сказал Володарь: «Бог тому свидетель, а сейчас отпусти моего брата, и я с тобой заключу мир». И обрадовался Давыд, послал за Васильком и, приведя его, отдал Володарю, и заключили мир, и разошлись. И сел Василько

в Теробовле, а Давыд вернулся во Владимир. И когда наступила весна, пошли Володарь и Василько на Давыда, и пришли ко Всеволожу, а Давыд затворился во Владимире. Они же стали около Всеволожа и взяли город штурмом и зажгли его огнем, и бежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и учинил месть над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а эти обступили город. И послали к владимирцам со словами: «Мы пришли не на город ваш, не на вас, а на врагов своих, на Турыка и на Лазаря, и на Василя, ибо это они подговорили Давыда, и Давыд послушал их и сотворил это зло. Если хотите за них биться – мы готовы, или же выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим городские ворота, а ты сам думай о себе». И поневоле пришлось выдавать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь», ибо он послал их в Луческ. Когда же они отправились в Луческ, Турык бежал в Киев, а Лазарь и Василь вернулись в Турийск. И слышали люди, что те в Турийске, закричали на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Если же нет – сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А наутро, на заре, повесили Василя и Лазаря и расстреляли тела их Васильковичи и отошли от города. Это второе отмщение совершил, которого не надо было совершать, чтобы Бог мстителем был, и надо было возложить на Бога мщение свое, как сказал пророк: «И воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, ибо Бог за кровь сынов Своих мстит и воздаст отмщение врагам и ненавидящим Его». Когда же эти ушли от города, повешенных сняли и похоронили их.

Святополк же, обещавшись прогнать Давыда, пошел в Берестье к полякам. Узнав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помочь и взяли у него золота 50 гривен, сказав ему: «Иди с нами к Берестью, ибо нас приглашает Святополк на совет, и там мы помирим *тебя* со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк у города, а поляки на Буге, и пересылался Святополк с поляками предложениями, и дал большие дары за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк: возвращайся назад». И пришел Давыд во Владимир, и Святополк, соединившись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо они обещали ему: «Если придут на тебя русские князья, то мы будем тебе помощниками». И солгали ему, взяв золото и у Давыда, и у Святополка. Святополк же обступил город и стоял около него 7 недель. И начал Давыд просить: «Выпусти меня из города». Святополк же обещал ему это, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города и пришел в Червей, а Святополк вошел во Владимир в Великую субботу, Давыд же бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, начал замышлять на Володаря и Василька, говоря: «Это волость отца моего и брата». И пошел на них. Услышав об этом, Володарь и Василько вышли ему навстречу, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а вами хочу мира и любви». И преступил Святополк крест, надеясь на множество воинов. И встретились на поле на Рожни, построились стороны, и Василько поднял крест со словами: «Его ты целовал; сперва лишил ты зрения

глаза мои, а теперь хочешь взять и душу мою. Да будет между нами крест этот!» И пошли друг на друга биться, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко возвышавшийся над воинами Васильковыми. Разгорелась битва, и многие падали с обеих сторон, Святополк же, видев, что нарастает ярость битвы, побегал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались на месте, говоря: «Достаточно нам на своей меже стоять». И не пошли никуда.

Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича, и Святоша, сын Давыда Святославича*, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире Мстислава, сына своего от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, настраивая венгров на Володаря, а сам пошел в Киев. Ярослав же Святополчич пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали они около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Давыд же в это время вернулся из Польши и оставил жену свою у Володаря, а сам и шел к половцам. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли они на венгров. Когда в пути они остановились на ночлег и настала полночь, встал Боняк, отъехал от войска и начал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду: «Завтра у нас будет победа над венграми». И наутро Боняк выстроил воинов своих, и было у Давыда 100 воинов, а у него самого 300; и разделил он их на три полка и двинулся на венгров. И пустил вперед Алтунопу с 50 чади, а Давыда поставил под стягом, а сам своих разделил на две части, по 50 в каждой. Венгры же приготовились к защите несколькими отрядами, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подъехав к первому отряду и пустив стрелы, бежал от венгров, а венгры бросились в погоню за ним. Когда

пробежали они мимо Боняка, тот погнался за ними, посекая их с тыла, а Алтунопа возвратился, и не пропустил венгров назад. И так, много их избивая, сбили их в кучу. Боняк, разделив своих на три полка, сбил венгров в кучу, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и много их утонуло в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана берегом, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, посекая их. Тут же убили и епископа их Купана и бояр многих; говорили, что погибло их 40 тысяч.

Ярослав же бежал в сторону Польши и прибежал в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, внезапным нападением захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадой из берестыян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и часто идя на приступ. Однажды подступили воины к городу под прикрытием башен, и когда осажденные бились с городских стен и шла перестрелка, летели стрелы как дождь. Мстислав же хотел выстрелить, внезапно был поражен стрелой под пазуху, на забралах, в расщелину между досок. И свели его со стены, и в ту же ночь он умер. И скрывали это три дня, а на четвертый объявили на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит. Если мы сдадимся, Святополк перебьет нас всех». И послали к Святополку со словами: «Сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут терпеть голода». Святополк же послал Путятю, воеводу своего. Путятя же с воинами пришел в Луческ к Святоше Давыдовичу, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то предупрежу тебя». И не исполнил этого Святоша, но захватил мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путятя, 5 августа, когда Давыдовы воины обложили город, в

полдень, когда Давыд спал. И напали на них, и начали сечь. И горожане выскочили из города и также начали сечь воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луческ, а Путята в Киев. Давыд же побежал к половцам, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луческу, и осадили Святошу в городе, и заключили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд взял Луческ и оттуда пришел во Владимир; посадник же Василь бежал, а Давыд занял Владимир и сел в нем. А на второе лето Святополк, Владимир, Давыд и Олег призвали к себе Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали Дорогобуж, где он и умер. А Святополк занял Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В лето 6606 (1098). Пришли Владимир и Давыд и Олег на Святополка и стали у Городца, и заключили мир, как я уже сказал под прежним летом*.

В лето 6607 (1099). Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В это же лето побиты угры у Перемышля. В это же лето убит Мстислав Святополчич во Владимире, 12 июня.

В лето 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, 10 июня. В то же лето братья заключили мир между собой, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, 10 августа. Того же месяца, 30 числа, на том же месте, собрались все братья – Святополк, Владимир, Давыд, Олег, – и пришел к ним Давыд Игоревич и сказал: «Зачем звали меня? Я здесь. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться о своих обидах”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре – почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?»

И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег со своею особо. А Давыд Игоревич сидел в сторонке, и не подпускали они его к себе, но особо думали о Давыде. И, надумав, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путятю, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Вот что передают тебе братья: “Не хотим дать тебе стола Владимирского, потому что вонзил ты нож в нас, чего не было в Русской земле. Мы тебя не изыдем и никакого зла тебе не сделаем, но вот что ты получишь: иди и сядись в Бужском Остроге, а Святополк дает тебе Дубен и Чарторыйск, а Владимир дает тебе 200 гривен, а Давыд с Олегом 200 гривен”. И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость – Перемышль. Если вы согласны, то сидите там, если нет – отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших и смердов выдайте». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Бужске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где тот и умер, а Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В лето 6609 (1101). Скончался Всеслав, *полоцкий* князь, 14 апреля, в 9 часов дня, в среду*. В то же лето поднял оружие Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и захватил его, заковал и привел в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и упросили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и отпустили его. В то же лето собрались все братья: Святополк, Владимир и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их, на Золотче. И прислали половцы послов от всех князей, ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И

послали за половцами, и собрались у Сакова, и заключили мир с половцами, и обменялись заложниками, 15 сентября, и разошлись.

В лето 6610 (1102). Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, 1 октября. В том же месяце, на исходе, прельстил Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, и захватил его на Нуре, и привел его к отцу своему Святополку, и заковали его в оковы. В то же лето, 20 декабря, пришел Мстислав Владимирович с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром рядились, что Новгороду быть Святополчим и что он посадит сына своего там, а Владимир посадит сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и уселись в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, и вот сидят новгородцы. Пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Мы, князь, присланы к тебе, чтобы сказать: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если две головы у сына твоего, то посылай его. А этого нам дал Всеволод, и вскормили мы сами себе князя, а ты ушел от нас”. И Святополк долго с ними препирался, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В то же лето было знаменье в небе, 29 января, три дня подряд как пожарное зарево с востока и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной луны. В то же лето было знаменье в луне, 5 февраля. Того же месяца, в 7-й день, было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, спинами друг к другу. И видя эти знаменья, благоверные люди молились Богу с воздыханием и слезами, дабы Бог обратил эти знаменья на добро: знаменья ведь бывают или на добро, или на зло. На следующее лето вложил Бог мысль добрую русским князьям: замыслили дерзнуть на половцев и пойти в землю их, что и случилось, как скажем в следующее лето.

В это же лето скончался Ярослав Ярополчич, 11 августа. В то же лето выдана была дочь Святополка Сбыслава в Польшу за Болеслава, 16 ноября.

В лето 6611 (1103). Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И начала размышлять и говорить дружина Святополкова: «Не следует сейчас, весной, идти в поход, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут. А о том почему не подумаете, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половчин поразит его стрелою, а лошадь его возьмет, а в село его въехав, возьмет жену его и детей, и все его имущество? То лошади жаль, а самого не жаль, что ли?»* И не могла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Я уже готов». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Этим ты, брат, великое добро сделаешь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду со словами: «Пойдите на половцев, да либо живы будем, либо мертвыми». И отозвался Давыд, а Олег не захотел этого, назвав причину: «Нездоров». Владимир же, целовав брата своего, пошел к Переяславлю, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и дошли ниже порогов, и стали в протоках у Хортичева острова. И сели на коней, а пешие, высадившись из ладей, шли полем 4 дня, и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет Русь, собрались в бесчисленном множестве и стали думать. И сказал Урусова: «Испросим мира у Руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла причинили мы Русской земле». И возразили Урусове молодые: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся. Перебив

этих, пойдём в землю их и завладеём городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и войны все молились Богу, и обеты воздавали Богу и Матери Его, кто кутьею, кто милостынею убогим, иные же пожертвованиями монастырям. И когда они молились, пришли половцы и послали впереди себя в стороже Алтунопу, который славился у них мужеством. Также русские князья послали сторожи свои. И устерегли русские сторожи Алтунопу и, окружив, убили Алтунопу и находившихся с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И двинулись полки половецкие, как лес, и невозможно было их обозреть, и Русь пошла им навстречу. И Бог вселил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и впали они в оцепенение, а ноги у коней утратили резвость. Наши же весело устремились на них, кто верхом, кто пешие. Половцы же, заметив стремительность наступающих на них русских, не дойдя до русских полков, обратились в бегство. Наши же пустились за ними в погоню, посекая их. В день 4 апреля великое спасение Бог совершил, а над врагами нашими дал нам победу великую. И убили тут в походе 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя пленили. После этого присели братья, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и начал Белдюзь предлагать за себя золото и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы воевали Русскую землю? Почему ты не учил сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали вы кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его и рассекли его на части. И затем собрались братья все, и сказал

Владимир: «Сей день, который дал Бог, возрадуемся и возвеселимся в оный», ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и «сокрушил их головы змеиные и дал их достояние людям русским». Ибо взяли тогда скот и овец, и коней и верблюдов, и вежи с имуществом и челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славой, и с победой великой.

В то же лето напала саранча 1 августа. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, ранее сожженный половцами. В это же лето бился Ярослав с мордвою, 4 марта, и побежден был Ярослав.

В лето 6612 (1104). Дочь Володаря выдана за царевича Олексинича, в Царьград, 20 июля. В то же лето дочь Святополка Предслава выдана в Венгрию за королевича, 21 августа. В то же лето пришел митрополит Никифор на Русь, 6 декабря. Того же месяца в 13 день скончался Вячеслав Ярополчич. В том же месяце в 18-й день Никофор митрополит на столе посажен. Расскажем и о следующем. На исходе этого же лета послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир послал сына своего Ярополка, а Олег пошел сам на Глеба, взяв Давыда Всеславича. И не имели успеха, и вернулись назад. И родился у Святополка сын, и назвали его Брячиславом. В то же лето было знамение: стояло солнце в круге, а посередине круга крест, а посередине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем за кругом дуга, рогами на север; такое же знамение было и в луне, такого же вида, месяца февраля 4, 5 и 6 в течение трех дней в солнце, а ночью три ночи подряд в луне.

В лето 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, 27 августа. В то же лето поставил он Лазаря в Переяславль, 12 ноября. В то же лето поставил он Мину в Полоцке, 13 декабря.

В лето 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал по них Святополк Яна и Ивана Захарьича, Козарина, и прогнали они половцев и отняли у них полон. В то же лето скончался Ян, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой. Жил он по закону Божию, не хуже первых праведников. От него и я много рассказов слышал, которые и записал в летописании этом, от него услышанные. Был он муж добрый и кроткий и смиренный, избегающий суеты, и гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положено 24 июня. В то же лето постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, 6 декабря. В то же лето прибежал Избыгнев к Святополку. В то же лето постригся Святослав Давыдович, внук Святослава, 17 февраля. В то же лето победила зимгола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебили 9 тысяч.

В лето 6615 (1107), индикта, круга луны 4-е лето, а солнечного круга 8-е лето. В это же лето скончалась жена Владимирова 7 мая. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В то же лето пришли Боняк и Шарукан старый, и другие князья многие, и стали около Лубна. Святополк же и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в 6 часов дня перешли вброд через Сулу и кликнули на них. Половцев же охватил ужас, со страху не могли и стяга поставить, и побежали, хватая коней, а иные бежали пешими. Наши же начали сечь, догоняя их, а других руками брать, и гнали едва не до Хорала. Убили же Таза, Бонякова брата, взяли в плен Сугра и брата его, а Шарукан едва убежал. Бросили половцы и обоз, который и взяли русские воины 12 августа, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успение святой Богородицы, и братия при-

ветствовала его с радостью великой, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия. Ибо такой обычай был у Святополка: если идет на войну или на что иное, то поклонялся гробу Феодосиеву и молитву брал у игумена, бывшего в это время, и тогда уже шел в путь свой.

В то же лето скончалась княгиня, мать Святополка, 4 января. В то же лето, в том же месяце ходили Владимир и Давыд и Олег к Аепе и к другому Аепе и заключили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, 12 января. А февраля 5 тряслася земля перед рассветом ночью.

В лето 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила златоверхая Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезную Печорского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба, давшего на это средства. В то же лето вода была большая в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В то же лето вложил Бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и начал он говорить князю Святополку, дабы вписать Феодосия в синодик. И тот с радостью обещал это и исполнил, повелел митрополиту вписать в синодик*. И повелел вписывать его по всем епархиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В то же лето скончалась Катерина, дочь Всеволода, 11 июля. В то же лето закончили верх церкви святой Богородицы на Клове, заложенной Стефаном, игуменом Печерским.

В лето 6617 (1109). Скончалась Евпраксия, дочь Всеволода, 10 июля, и положена была в Печерском монастыре у южных дверей. И сделали над ней божницу там, где лежит тело ее. В то же лето, 2 декабря, Дмитр Иворович захватил вежи половецкие около Дона.

В лето 6618 (1110). Ходили весной на половцев Святополк и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, вернулись назад. В то же лето было знамение в Печерском монастыре 11 февраля: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в 1 час ночи, и весь мир видел это. Этот столп сначала стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, передвинулся на церковь и стал над гробом Феодосиевым, и потом ступил на верх церкви, как бы к востоку лицом, и потом стал невидим*. Был же это не огненный столп, а видение ангела: ибо так является ангел – или столпом огненным, или пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов Своих в духов и слуг Своих в огонь палящий, посылает их Владыка и Творец всех повелением Божиим куда захочет». Ангел же приходит туда, где есть благословенные места и молитвенные дома, и там проявляет себя лишь настолько, чтобы люди могли нечто увидеть. Ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не мог видеть естества ангельского: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный; водил же их не столп, но ангел шел впереди их ночью и днем. Так и это явление предсказывало нечто, чему предстояло случиться и что сбылось. Ибо на следующее лето не этот ли ангел был вождем на иноплемеников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», или еще: «Ангел твой будь с тобой»*.

Я, Сильвестр, игумен монастыря святого Михаила, написал книги эти, летописец, надеясь от Бога милость принять, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила, в 6624 (1116), индикта 9-го лета. А кто читает книги эти – помяни меня в молитвах*.

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ

В лето 6619 (1110). Весной пошли на половцев Святополк, Владимир, Давыд и, дойдя до Воиня, вернулись назад*.

В лето 6620 (1111). Пошли на половцев Святополк, Ярослав, Владимир *Всеволодович*, Святослав, Ярополк, Мстислав, Давыд Святославич с сыном Ростиславом, Ольгович*, Давыд Игоревич, и дошли до города Осенева и Сугрова, взяли вежи половецкие и бились с половецами на реке Сальнице 24 марта, и победили половецкие русские князья. Того же месяца, в 23 день, скончался епископ Черниговский Иоанн.

В лето 6621 (1112). Ходил Ярослав, сын Святополков, на ятвягов вторично и победил их. Тем же летом, 25 мая, скончался Давыд Игоревич. В это же лето, 3 ноября, скончалась Янка, дочь Всеволода. Тем же летом, 11 января, поставили Феоктиста епископом Чернигову.

В лето 6622 (1113). 19 марта, в 1 час дня, было знамение в солнце, видное всем людям: осталось его мало – словно месяц вниз рогами. Тем же летом, 16 апреля, скончался благоверный князь Михаил, называемый Святополком. Того же месяца, в 20-й день, в воскресенье, вошел Владимир в Киев. В то же лето, 6 января, на Крещение Господне, поставили Данилу епископом. В то же

лето, 17 марта, скончался Святослав Владимирович*. В то же лето, 6 ноября, поставили Кирилла епископом.

В лето 6623 (1115). 1 мая, в день субботний, освящена была церковь каменная в Вышгороде, а на 2-й день, в день воскресный, перенесли все братья святых мучеников Бориса и Глеба. И повелел Владимир разбрасывать паволоки, шерстяные ткани, шкурки горностая, серебряные монеты людям, сильно налегавшим по пути, и так легко дошли до церкви. А в 4-й день поставили их в раке на положенном месте. В то же лето скончался Олег Святославич, 8 августа*. В то же лето Владимир устроил мост через Днепр. В то же лето Владимир пошел к Минску, 28 января, и взяли дети его Друцк, а сам стоял у Минска.

В лето 6624 (1116). Ярополк Владимирович срубил город Желни для дручан, которых пленил. В то же лето скончался епископ полоцкий Мина, 20 июня. В то же лето Леон Диогеневич, зять Владимира, пошел на цесаря Алексия, и сдалось ему несколько дунайских городов, и в Дерестре, городе дунайском, коварно убили его два сарацина, подсланные цесарем, 15 августа. В то же лето Ярополк ходил на Половецкую землю, к реке, называемой Доном, и взял тут многочисленный полон, и 3 города взял половецкие: Галин, Чешлюев* и Сугров, и привел с собой ясов, и жену полонил себе ясыню. В то же лето скончался Олег Святославич*.

В лето 6625 (1117). Владимир Всеволодович заложил церковь каменную святых мучеников. В то же лето Владимир привел Мстислава, сына своего, из Новгорода, а в Новгороде сел Мстиславич*.

В лето 6626 (1118). Ходил Владимир на Ярославца Святополчича к Владимиру, и замирился с ним; и пошел Владимир от него, сильно на него сердясь. В то же лето скончался епископ блаженный переяславский Лазарь,

месяца сентября в 16-й день, и поставили на его место Сильвестра, месяца января в 1-й день.

В лето 6627 (1119). Бежал Ярославец Святополчич из Владимира в Польшу, и послал Владимир сына своего Романа во Владимир княжить. В то лето скончался царь Алексей, и по нем принял царство сын его Иоанн Порфирогенит. В то же лето, 15 января, скончался князь Роман, сын Владимира, и Глеб скончался Всеславич. В то же лето послал Владимир другого своего сына, Андрея, княжить во Владимире.

В лето 6628 (1120). *Ярополк* ходил на половцев за Дон и, не найдя их, возвратился назад; и Георгий, брат его, ходил на Болгары*, и взял большой полон, и войско их победил. В то же лето бежали торки, берендичи из Русской земли, скитались здесь и там, и так погибли.

В лето 6629 (1121). В апреле месяце скончался митрополит русский Никифор.

В лето 6630 (1122). Было знамение в солнце, 10 марта, и в луне было знамение, того же месяца, в 24 день. В это же лето скончалась княгиня Мстиславова, 18 января. В то же лето скончался епископ Юрьевский Данила, 9 сентября. В то же лето пришел митрополит из Царьграда в святую Софию, именем Никита. И Амфилохий скончался, епископ Владимирский, и земля немного потряслась. В то же лето схватили поляки Володаря, Василькова брата.

В лето 6631 (1123). Скончался Сильвестр, епископ Переяславский блаженный, месяца апреля в 12-й день, в Великий четверг. В то же лето скончался Давыд Святославич, князь Черниговский. В то же лето поставили епископом во Владимир Симеона; и Феоктист скончался, епископ Черниговский, 6 августа. В это же лето был убит Ярославец Святополчич у Владимира города. В то же лето, 10 мая, в субботу, перед вечерней, обрушилась

каменная церковь святого Михаила в Переяславле, которую воздвиг и украсил преблаженный епископ Переяславский Ефрем.

В лето 6632 (1124). Был сильный пожар в городе Киеве, так что едва не весь погорел за два дня, и по Подолию, и по Горе одних церквей сгорело около 600. Случилось же это 23 и 24 июня, на Рождество Иоанна Предтечи. В то же лето, 11 августа, было знамение в солнце: в 9 часов дня было оно мало, как месяц, и по полудни едва не смеркалось. В то же лето скончался Василько Ростиславич. И Святополчая скончалась 28 февраля. В то же лето скончался князь Володар Ростиславич.

В лето 6633 (1125), индикта третьего лета. Скончался благоверный и великий князь русский Владимир, сын благоверного отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославленный победами. Перед его именем трепетали все страны, и по всем землям прошел слух о нем, поскольку он всей душой возлюбил Бога. И мы думаем, что любим Бога. Но если постараемся заповеди его сохранить, тогда и явим Богу свою любовь: «Любящий Меня, – сказано, – заповеди Мои хранит». Сей же чудный князь Владимир старался хранить Божьи заповеди и страх Божий всегда имел в сердце, помня слово Господа, Который сказал: «По тому узнают вас все люди, что Мои ученики, если любите друг друга»; и «Любите врагов ваших, и творите добро ненавидящим вас». Все ведь злоумышления против него дал Бог в руки его, поскольку не возносился, не возвеличивался, но все возлагал на Бога, и Бог покорял под ноги его всех врагов; он же, заповедь Божью храня, творил добро врагам своим, отпуская их одаренными. Милостив был выше меры, помня слово Господне: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»; и «Блажен разумеющий нищего и убогого, ибо в день трудный избавит его Го-

сподь». Потому и не шадил имущества своего, раздавая страждущим, и церкви воздвигая и украшая; особенно же почитал чернеческий чин и священнический, давая им необходимое и принимая от них молитвы. Великую веру имел к Богу и родичам своим, к святым мученикам Борису и Глебу, потому и церковь прекрасную создал на Альте в их имя, где была пролита кровь святого Бориса. И жалостлив был чрезмерно, и дар этот от Бога принял, так что когда входил в церковь и слышал пение, тотчас испускал слезы и мольбы к Владыке Христу со слезами обращал: поэтому и Бог все прощенья его удовлетворял, и лета его наполнил благополучием. И сидел в Киеве на отчем столе 13 лет, и в лето 6633 от начала мира скончался, мая месяца в 19-й день, прожив от рождения 73 лета; скончался на Альте в любимой церкви, которую создал безмерным старанием. Сыновья же его и бояре перенесли его в Киев, и был положен в святой Софии рядом со своим отцом.

Начало княжения в Киеве. И сел в Киеве Мстислав, сын его старший, княжа с кротостью, а Ярополк, брат его, пошел в Переяславль. Половцы же, услышав, что умер князь Владимир, устремились скоро и примчались внезапно к Баручу и Броню князьему, намереваясь пленить проклятых торков и вместе с ними воевать Русскую землю, но Бог обратил в безумие их замысел, и ничего они не добились. Ярополк получил об этом известие и той же ночью ввел торков в город. И когда половцы возвратились назад, князь Ярополк, укрепившись Божьей помощью, не ожидая иной помощи ни от брата, ни от кого другого, лишь со своими переяславцами настиг их у Полкостеня. Половцы развернулись и, построившись, пошли навстречу. И тогда Ярополк, благоверного князя благородного корня отрасль, призвав имя Божие и отца своего помянув, сме-

ло устремился с дружиной своей, и победили поганых силою честного креста, другие же потонули в реках. И так воротился князь Ярополк, хваля и славя Бога о таковой помощи и о даре Божьем.

В лето 6634 (1126). Поставил князь Ярополк Марка, игумена монастыря святого Иоанна (его же поставил Никита митрополит), епископом Переяславским*, 4 октября. В то же лето, 9 марта, скончался митрополит Никита, а княгиня Владимирова скончалась 11 июня. В то же лето, 1 августа, в 8 часов ночи, потряслась земля*.

В лето 6635 (1127). Скончался меньший Святополчич Брючислав, 28 марта, и погребен 5 апреля. В это же лето выгнал Всеволод Ольгович дядю своего Ярослава из Чернигова, и дружину его посек и разграбил. Мстислав же с Ярополком собрали воинов, готовясь идти на Всеволода из-за Ярослава, и Всеволод послал за половцами. И пришло их 7 тысяч с Селуком и с Ташем, и стали у Ратмири дубравы за Вырем. И направили они послов к Всеволоду, а назад их не пропустили, ибо посадники Ярополка сидели по всей Семи, и Изяслава Мстиславича посадил он в Курске. И перехватили послов их на Локне, и привели их к Ярополку. Половцы же, не получив известий от Всеволода Ольговича, забеспокоились и бежали назад. Мстислав же сильнее налег на Всеволода, сказав ему: «Ты навел половцев и ничего не добился». Тот же стал молить и подговаривать бояр, раздавая дары, и так прошло все лето до зимы. И пришел Ярослав из Муромы и поклонился Мстиславу, сказав: «Крест мне целовал – пойди на Всеволода». И Всеволод начал еще более молить Мстислава, но не добился успеха против крестного целования. Был же в те дни Григорий, игумен монастыря святого Андрея, который был любим Владимиром и почитался Мстиславом и всеми людьми; тот не дал никому говорить за войну из-за Ярослава, сказав:

«На мне будет тот грех, если нарушишь крестное целование, это легче, нежели пролить кровь христианскую». И собрал весь собор иерейский – ибо митрополита в то время не было – и сказал Мстиславу: «На нас будет тот грех; заключи мир». И исполнил волю их Мстислав, и нарушил крестоцелование Ярославу, и плакался об этом всю свою жизнь. Ярослав же пошел снова в Муром.

В то же лето послал князь Мстислав братьев своих на Кривичей четырьмя путями: Вячеслава из Турова, Андрея из Владимира, Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича из Клеческа, повелев им идти к Изяславлю; а Всеволоду Ольговичу повелел идти со своими братьями на Стрежев к Борису, и Ивана Воитешича туда же послал с торками, и сына своего Изяслава из Курска со своим полком послал на Логожеск, а другого сына своего Ростислава послал со смолянами на Друцк, наказав им всем в один день начать наступление, 4 августа. Изяслав же опередил днем братьев и захватил людей из города, которые, устранившись, сдались, а изяславцы начали биться с Вячеславом и Андреем. Изяслав же, переждав два дня у Логожска, пошел снова к Изяславлю, к дядьям своим, ведя с собой и Брячислава, зятя своего, который пошел к отцу своему* и, находясь посредине пути, устранился, и не мог пойти ни туда, ни сюда и пошел к шурина своему в руки, приведя логожан, которых вел из Логожска. И увидели изяславцы князя своего и логожан, которым не причинили вреда захватившие их, и сдались, сказав Вячеславу: «Призови в свидетели Бога, что не дашь нас на щит». И когда был вечер, Воротислав, Андреев тысяцкий, и Иванко – Вячеславов, послали отроков своих в город, и на рассвете узнали воины, что так взяли их ночью, и едва оградили достояние Мстиславны*, и то с трудом, сражаясь; и так возвратились с большим по-

лоном. Потом же и новгородцы пришли с Всеволодом Мстиславичем к Неколочу. И полочане, обеспокоившись, выгнали Давыда с сыновьями и, взяв Рогволода, пошли к Мстиславу, прося его себе князем. И выполнил их желание Мстислав, и взяли они Рогволода, и вели его в Полоцк. В это же лето скончался Изяслав Святополчич 23 декабря, а погребен 24-го.

В лето 6636 (1128). Скончался князь полоцкий Борис. В это же лето была большая вода, потопило людей, хлеб и унесло хоромы. В это же лето захватили церковь Дмитрия печеряне, и назвали ее именем Петра, с грехом великим и несправедно. В это же лето заложил князь Мстислав церковь каменную святого Феодора.

Об этих же Всеславичах так рассказывают сведущие*. Рогволод владел Полоцкой землей, и держал ее, и княжил в ней. А Владимир находился в Новгороде, еще малолетним и язычником, и был у него дядя его Добрыня воевода – храбрый и распорядительный муж, и он послал к Рогволоду, прося у него дочь за Владимира. Тот же обратился к дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни*, но Ярополка хочу». Этот Рогволод пришел из заморья и владел Полоцком. Услышав это, Владимир разгневался на то, что сказала: «Не хочу я за сына рабыни», пожалел его Добрыня, наполнился яростью и, взяв воинов, пошел на Полоцк и победил Рогволода. Рогволод же бежал в город, и подступили к городу, и взяли город, и самого князя Рогволода взяли, и жену его и дочь его; и Добрыня, в оскорбление ему и дочери его, нарек ей сына рабыни, и повелел Владимиру быть с ней перед отцом ее и матерью. Потом отца ее [Владимир] убил, а саму взял в жены, и назвал ее Гориславой* ; и родила она Изяслава. Взял же еще и иных жен многих, и начала она негодовать. Однажды же, когда он пришел к ней и уснул, она

хотела зарезать его ножом; и случилось ему пробудиться, и схватил ее за руку. Она же сказала: «Опечалилась я, ибо отца моего убил и землю его пленил ради меня, а ныне не любишь меня и младенца этого». И повелел ей нарядиться во все убранство цесарское, как в день свадьбы, и сесть на празднично убраной постели в горнице, дабы, придя, поразить ее. Она же сделала так и дала сыну своему Изяславу в руку обнаженный меч и сказала: «Как войдет отец, выйди и скажи: отче! или думаешь один здесь?» Владимир же сказал: «А кто тебя думал встретить здесь?» И опустил меч свой, и созвал бояр, и рассказал им. Они же сказали: «Не убивай ее ради этого мальчика, но восстанови отчину ее и дай ей с сыном своим». Владимир же построил город и дал им, и назвал город тот Изяславль. И с тех пор вынимают меч Рогволожи внуки против Ярославовых внуков.

В лето 6637 (1129). Скончался Ярослав Святославич в Муроме. В то же лето скончался Михалко Вячеславич. В то же лето сослал Мстислав князей полоцких с женами и детьми в Цесареград.

В лето 6638 (1130). Послал Мстислав своих сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава с их дружиною на чудь, и взяли их, и дань на них возложили.

В лето 6639 (1131). Князь великий Мстислав ходил на литву, и взял большой полон, и возвратился назад. В то же лето заложил Мстислав церковь святой Богородицы Пирогошу.

В лето 6640 (1132). Скончался Мстислав, сын Владимира, 14 апреля, и сел по нем брат его Ярополк княжить в Киеве, ибо киевляне послали за ним. В то же лето Ярополк привел Всеволода Мстиславича из Новгорода и дал ему Переяславль по крестному целованию, как урядился с братом своим Мстиславом, по повелению отца, который дал им с Мстиславом Переяславль.

С утра сидел Всеволод в Переяславле, а перед обедом выгнал его Юрий, приехав с полком на него. И сидел Юрий 8 дней, и вывел его Ярополк по крестному целованию, и послал за другим Мстиславичем, за Изяславом, в Полоцк, и привел его с клятвой. Тот оставил брата Святополка в Полоцке и пришел в Переяславль на Госпожин день. Полочане же сказали: «Отказывается от нас», и выгнали Святополка, а Василька Святославича посадили. Видев это, Ярополк уладился с братьями и дал Переяславль Вячеславу, а Изяслава вывел насильно; и той же зимой дал Изяславу Туров, и Пинск и Минск, ибо это осталось от прежней волости его.

В лето 6641 (1133). Ярополк послал Изяслава Мстиславича к братии в Новгород*, и дал дани печерские и дар от Смоленска, и на крест целовал. Вячеслав стал отказываться от Переяславля, но, дойдя до Городца, вернулся назад.

В лето 6642 (1134). Скончался Маркел, епископ Переяславский, 6 января. В ту же зиму вышел Вячеслав из Переяславля, и пошел снова в Туров, не послушав брата своего Ярополка.

В лето 6643 (1135). Князь Юрий Владимирович попросил у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дал Суздаль и Ростов и прочую волость свою, но не всю. В то же лето Изяслав из Турова пошел в Минск, а оттуда пошел к Новгороду к братьям; и соединились Ольговичи с Давыдовичами, и поднялись все воевать; и пошли Всеволод Мстиславич и Изяслав на Ростов. И от Волги возвратились новгородцы, и пошел Всеволод снова в Новгород, а Изяслав остался на Волоке; той же осенью, узнав, что Ярополк с братьями идет к Чернигову, пошел туда же. В то же лето из-за этого начали воевать Ольговичи с Владимировичами, и пошли Ярополк, Юрий, Андрей на Ольговичей к Чернигову, и останови-

лись, не дойдя до города, и, простояв несколько дней, в ноябре месяце, вернулись назад. Той же зимой пришли Ольговичи с половцами и взяли Городок и Нежатин, и села пожгли, и Баручь пожгли, а люди ушли. И взяли большой полон, скот и коней. Той же зимой, 10 декабря, гремел гром. Той же зимой Ярополк собрал воинов киевских, а Юрий переяславцев, и стояли 8 дней у Киева; и заключил мир Ярополк со Всеволодом, и дал Переяславль Андрею, брату своему, а Владимир – Изяславу Мстиславичу. Той же зимой бились новгородцы с ростовцами на Ждан-горе, и победили ростовцы новгородцев, и побили множество их, и возвратились ростовцы с великой победой.

В лето 6644 (1136). Привел Ярополк брата своего Андрея из Владимира в Переяславль княжить. В то же лето начали Ольговичи войну, и стали воевать села и города по Суле. И пришли к Переяславлю, и много зла причинили, и Устье пожгли; и отошли, и стали на Супой. Вышли против них Владимировичи, и сошлись оба полка, и бились крепко. Но вскоре побежали половцы от Ольговичей, и Владимировичи – лучшая дружина – погнались за ними, и били их многих, нагоняя. И вернулись снова на поле сражения, и не нашли княжего войска, и попали в руки к Ольговичам. И так захватили их, держа стяг Ярополка, и взяли бояр многих: Давыда Яруновича тысяцкого киевского, и Станислава Тудьковича Доброго, и прочих многих. И внук Владимира Василько Маричинич убит был здесь; Владимировичи же пришли в Киев. Случилось это 8 августа. И снова усобица у них была немалая: те же Ольговичи пришли с половцами и взяли Треполь и Халеп, оставленные жителями, и пришли к Киеву, намереваясь биться с Владимировичами и желая пролить кровь христианскую, похваляясь в гордости своей. И Бог не дал им совершить

этого, а Ярополк собрал многих воинов и мог бы вместе с братьями своими биться против них, но не стал этого делать, убоявшись Бога, и заключил с ними мир. И пошли они назад к Чернигову. В то же лето скончался Симеон, епископ Владимирский.

В лето 6645 (1137). Поставили Мануила скопца епископом в Смоленск, потом другого скопца, Феодора, – епископом во Владимир.

В лето 6646 (1138). Выгнали от себя новгородцы Всеволода Мстиславича*, внука Владимира. Он же пришел в Киев, к дяде своему Ярополку, и дал ему тот Вышгород. И здесь сидел Всеволод одно лето. И пришли за ним псковичи с новгородцами, посовещавшись: Константин тысяцкий, а из Пскова – Жирята с другой дружиной. Пошел Всеволод с дружиной своею, и пробыл там немного, и скончался. И положили его у церкви святой Троицы, которую сам воздвиг. В то же лето скончалась Евфимия Владимировна и положена была на Берестовом у святого Спаса. Той же зимой выгнали новгородцы Ольговича из Новгорода, а Ростислава Юрьевича взяли себе князем. Того же лета послали Ольговичи за половцами и начали воевать по Суле. Андрей же не мог им противостоять, а от братьев не было ему помощи, и захотел он отказаться от Переяславля. И так погибали посольцы либо от половцев, либо от своих же посадников. И узнав, что нет Андрею от братьев помощи, Ольговичи коварно, без затруднений, это совершили. Того же лета захватили Святослава Ольговича, бежавшего из Новгорода, а Ярополк получил об этом известие; и с тех пор еще больше стали воевать Ольговичи, и привели множество половцев, и взяли Прилук. И хотели пойти к Киеву, и узнали, что Ярополк с братьями своими приготовился, и вернулись назад к Чернигову. Ярополк же собрал множество воинов: ростовцев, поломан, смолнян, угров, галичан и беренде-

ев 30 тысяч, и киевлян, переяславцев, владимирцев, ту-
ровцев, и было множество воинов, и пошли к Чернигову.
И люди черниговские воззвали ко Всеволоду: «Ты наде-
ешься бежать к половцам, а волость свою погубишь. Куда
же назад возвратишься? Лучше смири высокоумие свое и
проси мира; мы знаем милосердье Ярополка, который не
радуется кровопролитию и Бога ради захочет мира, ибо
он блюдет землю Русскую». Всеволод же, слышав это,
будучи разумным, прислушался и сказал: «Лучше сми-
риться, Бога ради». И послал с покорностью к Ярополку
и попросил мира, и целовали честной крест, и заключи-
ли мир, и разошлись, славя Бога. И потом еще заключил
мир Ярополк со Всеволодом Ольговичем, и многими да-
рами одаривали друг друга, и разошлись каждый к себе.
И в ту ночь было дивное знамение на небе.

Той же осенью скончался Глеб Ольгович. Той же
зимой, 18 февраля, скончался благоверный князь Яро-
полк Владимирович и положен был у святого Андрея.
И вступил Вячеслав, брат его, в Киев, и люди с митро-
политом встретили его и посадили на столе прадеда его
Ярослава, 22 февраля. И пришел Всеволод Ольгович
с вышегородцами, вместе с братьями своими, изгото-
вившись к бою и требуя от Вячеслава: «Иди подобру
из города». Вячеслав же не хотел проливать кровь и не
бился с ними. И примирил их митрополит, и утвердил
их честным крестом. И пошел Вячеслав снова к Турову,
а Всеволод вступил в Киев, 5 марта, а в Чернигове по-
садил Владимира Давидовича.

В лето 6647 (1139). Сел Ольгович в Киеве и начал
замышлять против Владимировичей и Мстиславичей,
надеясь на свою силу и желая сам со своей братией дер-
жать всю землю: отнять у Ростислава Смоленск, а у Из-
яслава Владимир. И послал воинов на Изяслава, сказав
ему: «Иди из Владимира». Те же, дойдя до Горины, ис-

пугались и побежали назад. И тогда Всеволод привел брата Святослава из Курска и пошел с ним к Переяславлю на Андрея, желая выгнать Андрея, а брата своего посадить. Андрею же сказал: «Иди в Курск». И Андрей так ответил, посоветовавшись с дружиной своей: «Милее мне смерть на своей отчине и дедине, нежели курское княжение; отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу на своей отчине смерть принять. Если ты, брат, не сыт, держа всю Русскую землю, и хочешь и этой волости, то получишь ее, убив меня, а живым из своей волости не выйду. Однако это не удивительно в нашем роде, так было и прежде: Святополк из-за волости же разве не убил Бориса и Глеба? А долго ли сам пожил?» И стоял Всеволод на Днепре, и послал Святослава, брата своего, к Переяславлю с полками, и встретила их дружина Андрея и билась с ними. И помог Бог Андреевичам против Святослава, и преследовали их до Корани, а дальше Андрей не пустил свою дружину. И назавтра заключили мир. И в ту ночь загорелся город, 1 сентября, но не от воинов. После того же лета пришла вся Половецкая земля, и все половецкие князья, предлагая мир; и ходили к ним Всеволод из Киева, а Андрей из Переяславля, к Малотину, и заключили мир. Того же лета отпустили новгородцы Юрьевича от себя, а к Всеволоду отправили своих детей в заложники со словами: «Пусти к нам Святослава»; и послал к ним Святослава княжить.

В лето 6648 (1140). Новгородцы выгнали Святослава, а ко Всеволоду прислали епископа со своими мужами со словами: «Дай нам своего сына, а Святослава не хотим»; и послал тот к ним своего сына. И когда был он в Чернигове, новгородцы, посоветовавшись, сказали Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Владимира». Всеволод же послал за ними и воротил епископа с ними, и

задержал их с епископом, а новгородцы, посоветовавшись, сказали: «Дай нам шурина твоего Мстиславича». Всеволод же не хотел уступить Владимировичам Новгород, призвал своего шурина и дал ему Берестий, сказав: «Новгород оставь; пусть обходятся своей силой, где бы ни нашли себе князя». А новгородцев держал зиму и лето вместе с епископом.

В лето 6649 (1141). Новгородцы не смогли сидеть без князя, и хлеб к ним не шел ниоткуда, и, захватывая, бросали их в темницу. Потеряв терпение, они пошли к Юрию со словами: «Если к нам не пустит Ольгович Святополка, а Ольговича мы не хотим, то либо к нам сам иди, либопусти сына»; и послал тот к ним сына своего Ростислава. Той же зимой скончался благоверный и христолюбивый князь добрый Андрей Владимирович в Переяславле, 22 января, а 23-го похоронен у святого Михаила. Когда же его несли к могиле, дивное знамение было на небесах и страшное: было 3 солнца, сияющих между собой, а 3 столпа от земли до неба, и надо всеми вверху был как дуга месяц, особняком стоявший; и стояло то знамение до тех пор, пока не похоронили его. Той же зимой скончался Всеволодко, князь Городенский. Тогда же послал Всеволод из Киева против Вячеслава, сказав: «Сидишь в Киевской волости, а она мне принадлежит; ты же иди к Переяславлю в отчину свою». В то же время захватил Ольгович города Юрьевы, и коней, и скот, и овец, и имущество, что где нашел. В то же лето снова уладился Всеволод с шуринами своими и дал им Новгород. И посадил Святополка в Новгороде, а Юрьевича захватил в Новгороде и послал его к отцу.

В лето 6650 (1142). Вошел Вячеслав в Переяславль, а к Турову пошел Святослав Всеволодович. Враг же рода христианского дьявол разжег сердце Игорю Оль-

говичу, захотел тот идти в Переяславль, придя, стал по Стрекви и много зла причинил: села пожег и хлеб потравил, и стояли два месяца. И пришел Изяслав из Владимира на помощь Вячеславу. Ростислав же со смолянами захватил в их волости 4 города, и, услышав об этом, Игорь отступил от Переяславля. Вячеслав, сговорившись с Всеволодом, отдал Переяславль Изяславу Мстиславичу, а сам пошел к Турову. И вступил Изяслав в Переяславль 1 января, а Всеволод послал сына своего Святослава во Владимир. В ту же зиму послал Всеволод сына своего Святослава Изяслава Давыдовича с Владимиром Галицким в помощь Владислав против братьев его меньших Болеславичей. И соединились все у Чернеческа, и, повоевав, возвратились, взяв больше мирных поляков, нежели ратных.

В лето 6651 (1143). Всеволод женил своего сына Святослава на дочери полоцкого князя Васильковне. Той же зимой пошел Изяслав к дяде своему Юрию, и не договорился с ним, и пошел к брату в Смоленск, а оттуда пошел к другому брату своему Святополку в Новгород, где и зазимовал.

В лето 6652 (1144). Пришел Изяслав из Новгорода, побывав у братьев своих. В то же лето Изяслав отдал дочь свою в Полоцк за Рогволода Борисовича, и Всеволод, князь Киевский, пришел с женою, со всеми боярами, и с киевлянами в Переяславль на свадьбу. И, разойдясь оттуда, сели на коней и пошли на Владимирка к Галичу, и оттуда послал Изяслава Давыдовича к половцам, привести их Владимирка же; и, собрав всех князей русских, пошел Всеволод к Теробовлю. И вышел против них Владимир, собрав все силы, к Теробовлю, и венгров привел, Бана, дядю короля. И не могли биться, потому что между ними лежала река Серет, и обе стороны шли вдоль реки неделю к Звенигороду; и на

Рожне-поле не могли биться, поскольку Владимир стоял на Голых горах. Пришел же к Всеволоду Изяслав Давыдович с половцами, захватил два города, Ущицу и Микулин. И пошел *Всеволод* к Звенигороду, и стал на этой стороне города, Владимир на противоположной, сойдя с гор. А между ними была мелкая река. И повелел Всеволод делать гати каждому своему полку; и на другое утро перешли реку и взяли горы позади Владимира. Владимир же, думая, что к нему идут, выстроил полк на равнине перед городом. Из-за тесноты, поскольку болота подошли почти под горы, этим полкам невозможно было с ними биться. Тогда русские полки взошли на горы и зашли со стороны Перемышля и Галича. Увидев это, галичане забеспокоились, говоря: «Мы здесь стоим, а там наших жен возьмут». И начал Владимир слать гонцов к Игорю, говоря: «Если помиришь меня с братом, то по его смерти помогу тебе овладеть Киевом». И этим обольстил Игоря, и Игорь начал молить Всеволода, и с мольбой и гневом сказал: «Не хочешь мне добра; зачем, предназначив мне Киев, не даешь мне выбирать друзей?» И послушал его Всеволод, и в тот же день заключил мир. И к вечеру приехал Владимир ко Всеволоду. Всеволод же со своими братьями встретил его, и целовались они, и разошлись в разные стороны. И дал Владимир Всеволоду тысячу двести гривен серебра – тем-то и умолил его. И вернул ему Всеволод Ущицу и Микулин, которые захватил, а серебром оделил братьев своих, начиная со старших и до меньших. И после этого разошлись восвояси. Тем же летом, 9 июня, была заложена церковь Каневская князем Всеволодом.

В лето 6653 (1145). Перенесла благоверная княгиня Елена князя Ярополка из гробницы в церковь святого Андрея и положила его рядом с Янкой. И митрополит Михаил пошел в Цесареград. В то же лето пошел Игорь

с братьями своими против поляков, а другим в помощь*. Тем же летом Киев погорел, половина Подолья.

В лето 6654 (1146). Пришел Владимир и взял Прилук. Собрал Всеволод братьев своих на Радосыни, и назначил на Борисов день поход против Владимира, а обоих Изяславов повелел оставить дома. И пробыл некоторое время, и сильно разболелся. И повезли его в Вышгород, и там он скончался, 30 июля. И вошел Игорь в Киев, но негодно это было киевлянам, и послали киевляне в Переяславль к Изяславу, говоря: «Пойди, княже, хотим тебя». Услышав это, опечалился Изяслав и пошел с дружиною своею и с переяславцами, взяв благословение у епископа Евфимия в соборе святого Михаила. И когда перешел Днепр, пришли к нему несколько *берендеев*, и подошли, и стали на Желани. Игорь же выступил против него с братом своим Святославом, и, дойдя до Ольговой могилы* и не доехав до Изяслава, побежали Игорь с братом. И из бегущих одних захватили, других перебили, а иные утонули в водах, иных взяли в городе. Это случилось Божьей помощью и силою честного креста, и заступничеством святого Михаила и молитвами святой Богородицы. Было же это 13 августа. И вошел Изяслав в Киев, хваля и славя Бога за такую помощь Его, и вышло навстречу много народа, и игумены с черноризцами, и попы всего города Киева в ризах. И спустя 4 дня взяли Игоря в болоте, привели к нему, и послали его в монастырь на Выдобычах, а оттуда в Переяславль. И заключили его в темницу в монастыре святого Иоанна, и приставили к нему сторожей; и так кончилась власть Игоря, а брат его Святослав убежал в Новгород с малой дружиной. И слышали половецкие князья о случившемся с Игорем, и прислали послов к Изяславу, с просьбой о мире. Вячеслав же, услышав об этом, надеясь на старейшинство,

послушав бояр своих, от радости не выразил почтения Изяславу, и вновь захватил города, которые у него отнял Всеволод, и не только их, но и Владимир занял, посадив в нем Андреевича. Изяслав же послал брата своего Ростислава, отнял у него города вновь, и посадников, заковав, привел, и туровского епископа Иоакима, сына же своего Ярослава посадил в Турове. В то же лето пошел Изяслав к Давыдовичам на совет, и послал их на Ольговичей с сыном своим Мстиславом. И пошли они к Новгороду и много зла причинили около Новгорода. И бежал Святослав к Карачеву, и послал за ним Изяслав Шварна и Изяслава Давыдовича, и взяли большой полон у Карачева; Святослав же вернулся и прогнал их, а сам бежал в Вятичи; и возвратились восвояси. Игорь же, находясь в темнице, услышав, что идет Изяслав на брата его, послал к Изяславу просьбу: «Я бы хотел постричься». И повелел Изяслав постричь его епископу Переяславскому Евфимию, и тот, придя, постриг его 5 января. Той же зимой скончалась благоверная княгиня Марица, дочь Владимира, того же месяца, 20-го числа, в воскресенье, а в понедельник положена в гроб в своей церкви, в которой и постриглась.

В лето 6655 (1147). Изяслав поставил митрополита Клима, калугера, русина, самостоятельно с шестью епископами*, 27 июля, в день памяти святого Пантелеймона; и потом мир заключил с половцами у Воиня. В то же лето было знамение в солнце, и на ту ночь был гром, и погромело немного. В то же лето прислал Владимир и Изяслав Давыдович из Чернигова послов к Изяславу, князю Киевскому, со словами: «Брат! Занял Святослав Ольгович волость мою, Вятичи; пойди на него, чтобы прогнать его; и пойдем на Юрия, и либо с ним заключим мир, либо будем биться». Изяслав же послал вперед Святослава, сына сестры своей, к Чернигову, повелевая

поспешать. И дошел Святослав до Чернигова, и рассудили князья черниговские, и послали к Изяславу, побуждая его пойти, сказав: «Земля наша погибает, а ты не хочешь пойти». Изяслав же собрал воинов, перешел через Днепр и стал над Черторыей, и оттуда послал Улеба в Чернигов, а сам пошел на Супой, а брата своего Владимира оставил в Киеве. Улеб же пришел в Чернигов и узнал, что Владимир и Изяслав Давидовичи и Святослав Всеволодович целовали крест к Святославу Ольговичу, намереваясь коварно убить Изяслава. Услышав же это, Улеб прибежал ко князю своему Изяславу на Супой, и сказал ему, что князья черниговские отступились от него и целовали на этом крест. Изяслав же вернулся оттуда, а впереди себя послал к брату Владимиру и к Лазарю тысяцкому в Киев двух мужей, Добрынку и Радила, со словами: «Брат! Иди к митрополиту и созови всех киевлян, чтобы рассказали эти мужи о коварстве черниговских князей». И Владимир поехал к митрополиту, призвать киевлян, и пришло великое множество киевлян, и сели у святой Софии слушать. И сказал Владимир митрополиту: «Вот прислал брат мой двух мужей, пусть расскажут своей братии». И вышли Добрынка и Радио и сказали: «Целовал тебя брат, а митрополиту кланялся, и Лазаря целовал и всех киевлян». Сказали киевляне: «Говорите, с чем вас князь прислал». Они же сказали: «Так говорит князь: целовали мне крест Давидовичи и Святослав Всеволодович, которому много добра я сделал, а ныне хотели меня коварно убить. Но заступился за меня Бог и честный крест, который мне целовали; ныне же, братья, пойдите ради меня к Чернигову, кто имеет коня, и кто не имеет – в ладье, ибо не меня одного хотели убить, но и вас искоренить». Киевляне же сказали: «Князь нас зовет к Чернигову, а здесь враг князя нашего и наш, хотим его убить; готовы же и биться за своего князя и с детьми».

И сказал им Владимир: «Того вам брат мой не приказывал; Игоря постерегут сторожа, а мы пойдем к брату, как он нам велит». Киевляне же сказали: «Мы знаем, что брат твой того не наказывал, не велел совершать, но мы хотим убить Игоря, мы знаем, что не кончится добром когда-нибудь тяжба с тем племенем ни вам, ни нам». Митрополит же много возражал им, и Лазарь тысяцкий, и Рагуйло, тысяцкий Владимира, чтобы не убивали Игоря; но они бросили клич и пошли убивать Игоря. И Владимир сел на коня и поскакал, но не мог их обойти, поскольку шли люди по мосту убивать Игоря. И поворотил он коня направо мимо Глебова двора. И опередили киевляне Владимира, и захватили Игоря в церкви, стоящего по обыкновению на обедне в монастыре святого Феодора, и взяли и повели его из монастыря. И встретил их Владимир в воротах монастырских, и сказал Игорь, взглянув: «Ох, брат, куда?» И соскочил Владимир с коня, и накрыл его плащом, обратившись к киевлянам: «Братья мои! Не совершайте зла, не убивайте Игоря». И довел его Владимир до ворот *матери своей*, и, побивая Игоря, ударили и Владимира. Михаль же, видев это, соскочил с коня, чтобы помочь Владимиру. Владимир же промчался с Игорем во двор матери своей, затворил ворота, а Игоря пропустил на Кожуховы сени; Михалья же избили, сорвали с него крест и цепи, кои в гривну золота. И выломали ворота, и, ворвавшись во двор, увидели Игоря на сенях, и разбили сени из-за него, и стащили его с сеней, и тут убили его в конце лестницы. И затем Михаль бежал, а Игоря, повязав за ноги, волокли сквозь Бабин торжок до святой Богородицы, и здесь нашли мужа, стоящего с коляской, и положили его на коляску, и повезли на Подолье.

И известили Владимира, что брошен Игорь на торговище, и послал он Лазаря тысяцкого и Рагуйла, свое-

го тысяцкого, и, приехав, те увидели Игоря, лежащего, и сказали: «Игоря уже убили, так похороним тело его». Киевляне же сказали: «Не мы его убили, но убили его Давыдовичи и Всеволодович, которые замыслили на нашего князя зло, собираясь коварно убить его; но с нашим князем Бог и святая София». И повелел Лазарь взять тело Игоря и понести его в церковь святого Михаила, в Новгородскую божницу, и здесь положили его в гроб; повезли на Гору, и здесь пролежал ночь. В субботу же с рассветом послал митрополит Ананию, игумена монастыря святого Феодора, и игумен, приехав, увидел его нагого, и одел его, и отпел над ним обычные песнопения, и повезли его к святому Симеону и там похоронили. И послал Владимир к брату, сообщая об убийстве Игоря, и печален был Изяслав, сетуя на киевлян. И послал Изяслав Владимира в Городец, а в Смоленск послал за Ростиславом.

В лето 6656 (1148). Пришел Глеб Юрьевич из Суздаля в Чернигов в помощь Ольговичам и, пробыв там некоторое время, пришел в Городец. Услышав об этом, Изяслав послал к нему, призывая в Киев к себе. Он же обещал прийти и не шел. Подождав некоторое время, Глеб послушался Жирослава, который сказал ему: «Пойди в Переяславль, хотят тебя люди», и скоро пришел к Переяславлю. На рассвете, когда Мстислав и дружина его еще спали, примчались сторожа и сказали ему: «Вставай, князь, Глеб пришел на тебя». Он же быстро поднялся, и собралась к нему часть дружины, и выступил против них из города; и стоял Глеб до завтрака и возвратился назад. Мстислав же, собрав дружину в Переяславле и отобедав, погнался за ним и нагнал его у Носова на Руде, и захватил часть дружины его, и тот пошел в Городец, а Мстислав возвратился в Переяславль. И услышал Изяслав о случившемся, собрал дружину свою и берендичей,

и пришел на Глеба к Городку, и Глеб, выйдя, помирился с ним, и возвратился Изяслав восвоюся.

В то же лето пошел Ростислав Юрьевич, посланный отцом своим из Суздаля с дружиною своею в помощь Ольговичам на Изяслава Мстиславича. И, посоветовавшись с дружиною своею, сказал Ростислав: «Пусть отец на меня гневается, не иду ко врагам своим, они были врагами и деду моему и дядьям моим*, но пойдем, дружина моя, к Изяславу, даст он нам здесь волость». И послал к Изяславу. Изяслав же рад был, послал навстречу ему своих мужей; и по пришествии его устроил Изяслав с радостью большой обед, и дал ему Бужеск и иные города, а ко Глебу прислал со словами: «Иди к Ольговичам, к которым пришел, пусть дадут тебе волость». И пошел Глеб к Чернигову, а оттуда – к отцу, а Ростислав пошел в Городец и по городам посадил своих посадников.

В лето 6657 (1149). Пошел Изяслав к Новгороду из Киева на помощь новгородцам против Юрия, а воинам повелел идти вслед за собой, и пошли те за ним, и захромали кони у них. А Изяслав с новгородцами дошел до Волги и повоевал по ее берегам, Юрию же не причинил вреда, и, дойдя до Углича поля, повернул к Новгороду, и пошел к Смоленску, и зимовал здесь. И с наступлением весны пришел Изяслав в Киев, и рады были люди. Только дьявол сетовал, вложил-таки некоторым мужам его в сердце, и начали те наговаривать ему: «Ростислав Юрьевич подговорил против тебя людей, и берендичей, и киевлян, желая сесть в Киеве; отпусти его к отцу, это твой враг, как и отец его, держишь его на свою голову». Изяслав же послушал их, отнял у него имущество, и оружие, и коней, и дружину его, заковав, изгнал, а Ростислава посадил в ладью самого лишь четвертого, и отпустил к отцу. И пришел к отцу Ростислав, рассказал ему о случившемся. И выслушал отец его, опечалился

и сказал: «Что же, мне и моим детям нет доли в Русской земле?» И собрал дружину свою, и воинов, и половцев, надеясь на Бога, и отправился 24 июля. И когда пришел он к Выханю, присоединились к нему оба Святослава – Ольгович и Всеволодович – с дружиною, говоря: «Иди, брат; он нам всем враг, и брата нашего убил». И придя, стали у Белой Вежи, и стояли месяц, ожидая к себе половцев и покорности от Изяслава ожидая, и увидели, что от Изяслава нет никаких известий.

Изяслав же, услышав об этом, послал за братом в Смоленск и Владимир. Юрий же сказал: «Пойдем к Переяславлю, туда он придет, с тем, чтобы здесь покориться». И пришли, и стали у Куднова сельца, перейдя Стряков. Владимир же, брат Изяслава, находился в Переяславле с отрядом, и *Святополк* Мстиславич с пороханами* тоже, и стреляли обе стороны. В тот же день пришел Изяслав, услышав о приходе Юрия, и сказал: «Если бы пришел только сам с детьми, получил бы любую волость, которую бы пожелал; но он привел на меня половцев и моих врагов Ольговичей, поэтому хочу биться». Киевляне же не хотели биться и сказали: «Мирись, князь, мы не пойдем». Он же сказал: «Чтобы был мир, пойдите со мной; силою лучше мириться». И пришли киевляне, и пришел к нему Изяслав Давидович на помощь. И стоял Юрий три дня, и в третий день построил полки и на заре пошел от Стряквы мимо города и стал между валами. Изяслав же вышел с войском из города и стал в низине с обозом за огородами.

Наступило утро, Изяслав отслушал обедню у святого Михаила и шел из церкви, и *епископ Евфимий* со слезами обратился к нему: «Княже! помирись с дядей своим; великое вознаграждение получишь от Бога и землю свою избавишь от большой беды». Он же не захотел, надеясь на множество воинов, говоря: «Своей

головой добыл Киев и Переславль». И пошел против дяди. Юрий же стоял за сельцем Янчиным, и стояли друг против друга до вечерни, и отступил Юрий назад, а Изяслав пошел за ним следом. И на заходе солнца сошлись обе стороны, и была сеча злая, и первыми побежали порошане, потом Изяслав Давидович, после них киевляне и переяславцы, и многие были перебиты, а другие пленены. Изяслав же перебрел Днепр у Канева лишь сам-третий, и пошел к Киеву. Это случилось 23 августа, во вторник. А наутро вошел Юрий в Переяславль, хваля и славя Бога, пробыв там 3 дня, пошел к Киеву; Изяслав же, собравшись с женой и детьми, бежал к Луческу, а Юрий вошел в Киев, хваля и славя Бога, и сел на столе деда и отца, а Ростиславу, сыну своему, дал Переяславль.

Изяслав же, придя в Луческ, начал собирать венгров и поляков, той зимой пришли к нему Болеслав и брат его Генрих, и помощь венгерская, и стали у Чемерина. И пришли к Вячеславу в Пересопницу два Юрьевича – Ростислав и Андрей, и помощь от Владимирка, и сам Владимирко подошел ближе к Шумску. И испугались поляки и венгры, и сказали Изяславу: «Не все мы здесь собрались, надо бы заключить мир»; и под таким предлогом вернулись назад. Вячеслав побуждал брата заключить мир, но тот не послушал его, но воспринял совет Георгия Ярославича*, полагая так, что если поляки и венгры возвратились назад, то «выгоню Изяслава и захвачу его волость». Князь же Юрий с братом своим Вячеславом пошли к Луческу. Ростислав Юрьевич с братом своим Андреем шли впереди с половцами, когда стояли они у Муравицы, ночью напал на них страх, и половцы со своим воеводой Жирославом бежали все назад. Андрей находился впереди, а брат его Ростислав стоял за ним, призывая брата к себе; Андрей же не по-

слушался, но переборол этот страх. Дружина же Андрея приезжала к нему с сетованием: «Что делаешь, князь? Поезжай отсюда, иначе не оберемся срама». Андрей же не послушался их, но, возложив надежду на Бога, подождал до рассвета. Увидев же, что половцы все бежали, Андрей похвалил Бога, укрепившего его, и поехал к своему брату, и половецкие князья приехали к ним, и, посоветовавшись, отступили назад и стали у Дубна, ожидая помощи от отца своего. Получив известие, что идет Юрий с братом своим Вячеславом, снова подступили двумя путями к Луческу, где находился брат Изяслава Владимир. Ростислав, Борис и Мстислав, приблизившись к городу и видя стяги отца своего и пешцев, вышедших из города и стреляющих по ним, не знали о замысле брата своего Андрея, который решил ударить на пешцев, к тому же и стяг его не был распущен, ибо не привлекала его воинская слава, но искал похвалы от одного Бога; и именно Божьей помощью и силою крестною, и молитвою деда своего въехал раньше всех в ряды противника, а за ним его дружина, и сломал копьё свое в них. Пешцы же бежали по рву к городу, он же устремился за ними, а дружина об этом не знала; лишь два отрока его видели попавшего в беду князя, окруженного воинами, бросившимися на него. Конь под ним был поражен двумя копьями, а третье ударило в переднюю луку седла, из города же как дождь метали на него каменя. Один из немцев, увидев его, хотел проткнуть его рогатиной, но Бог сохранил его; многожды Бог любящих его подвергает напастям, но милостью Своей избавляет от них. Он же подумал и сказал про себя: «Мне предназначается смерть Ярославича»*; и помолился Богу, и вынул меч свой, призвал на помощь себе святого мученика Феодора, и, отзываясь на веру его, избавили его Бог и святой мученик Феодор от опасности; был же

в тот день праздник памяти святого мученика Феодора. Один же из бывших с ним отроков был здесь убит.

Отец же его Юрий, и дядя его Вячеслав, и братья все радовались, увидев его живым, и мужи отца вознесли ему похвалу, поскольку мужество проявил более всех бывших тут. Конь же его, израненный, унес своего господина и умер; он же, жалея о коне, повелел погребсти его над Стырем здесь же. И стояли они около города, и не давали горожанам 3 недели воды зачерпнуть. Владимир же, брат Изяслава, изнемогал с людьми в своем городе, и Изяслав послал к Владимирку, свату Юрия, прося: «Помири меня с Юрием, я во всем виноват перед Богом и перед ним». Владимирко же молил о нем, а Ростислав, сын Юрия, с Георгием *Ярославичем* не давали мириться, и Изяслав вновь молил о мире. И вложил Бог в сердце князю Андрею, милостивому ко своему роду и еще более к христианам, начать молить отца, говоря: «Не слушай Ярославича; дай мир племяннику, не губи своей отчины». И они сослались между собой и целовали крест, и с началом весны заключили мир и вернулись в Пересопницу, в волость Вячеслава. Изяслав же рад был крестному целованию, приехал к дядьям в Пересопницу, и сели они вместе, и уладились, чтобы каждый, обнаружив свое, возвратил при свидетелях. Изяслав же поклонился дядьям и поехал во Владимир.

В лето 6658 (1150). Князь Юрий призвал Вячеслава на стол в Киев. Когда же тот пришел в Киев, бояре отговорили Юрия, сказав: «Брату твоему Киева не удержать, и не будет его ни тебе, ни ему». Юрий же послушался бояр, вывел сына своего Андрея из Вышгорода и дал его Вячеславу. В то же лето Изяслав с небольшой дружиной пришел к Киеву – хотели его киевляне, и выгнал Юрия из Киева; Юрий же со своими детьми пошел в Городок. Изяслав же сел в Киеве и, укрепившись в Киеве,

послал сына своего Мстислава в Канев, повелевая ему оттуда совладеть Переяславлем; Мстислав же послал на ту сторону к турпеям* и к дружине, призывая их ехать к себе. Ростислав же, услышав об этом, послал к отцу в Городок, прося у него помощи; Юрий послал ему в помощь брата Андрея. Ростислав же брата оставил в Переяславле, а сам помчался к Сакову, и догнал турпеев у Днепра, и, захватив их, привел в Переяславль.

В то же время пошел Владимирко к Киеву на Изяслава, на помощь Юрию. Изяслав же, услышав об этом, послал к сыну своему Мстиславу со словами: «Идет на меня Владимирко, а отсюда Юрий с Ольговичами; иди скорее, вместе с берендичами». Изяслав же поехал на Владимирка, говоря: «Этот ко мне ближе, сначала поеду против него». И взял брата Владимира и Мстислава, сына своего, с берендеями и с киевлянами, и встретил его у Тумаша. Стрелки стреляли через реку Стугну, и начал наступать Владимирко с силой своей; берендеи же, видя силу его, испугались и сказали Изяславу: «Возвращайся, князь, пока не перешел он через реку и не напал на нас. Сила его велика, а у тебя мало дружины». Изяслав же ответил им: «Лучше, братья, помрем здесь, нежели примем на себя срам». Киевляне же начали убеждать его, говоря: «Уезжай, князь», и сами побежали прочь, и с ними берендеи. Он же сказал дружине своей: «Мне остается ехать с чужеземцами, с венграми и поляками; а дружина моя напугана». И с этим и сам поехал прочь. Владимирковичи же настигли задний отряд его дружины, и одних пленили, других перебили. Изяслав же, прибежав в Киев, повелел дружине своей собираться у Дорогожича, а сам, дождавшись ночи, вышел из Киева. Владимирко же стал у Киева, у теремца, и Юрий в это время пришел к Киеву с Ольговичами и с Давыдовичами и со Всеволодовичем, и стал у Черторых.

И посоветовавшись, послали вслед Изяславу Святослава Всеволодовича и Бориса Юрьевича, и гнались за ним до Чертова леса, и, не настигнув его, вернулись назад; Изяслав же по пути захватил Погорину и посадил сына своего Мстислава в Дорогобуже, а сам с братом Владимиром пошел к Владимиру. Киевляне же, опасаясь Владимирка, впустили в Киев Юрия. Юрий же, сев в Киеве, встретился с Володимирком в церкви святой Богородицы в Печерском монастыре, и была между ними великая любовь. Тогда же Владимирко поехал от него, взяв у него сына Мстислава. Когда он подошел к Дорогобужу, Мстислав Изяславич выбежал из Дорогобужа и пошел к Луческу к дяде своему Святополку. Владимирко же отнял все те города и пришел к Луческу. Святополк же и Мстислав затворились в городе, и Владимирко после безуспешных приступов пошел в Галич, а Мстислава Юрьевича посадил в Пересопнице.

В то же лето пришли половцы в помощь Юрию против Изяслава, и пришли к Переяславлю. Юрий и Ольгович еще не распустили воинов, и послал Юрий Святослава Всеволодовича к Переяславлю к сыну своему Ростиславу, дабы укротить их и повернуть назад. От грабежей половцев люди сбежались в город, не смея выпустить из города скот. Юрий послал своего сына Андрея, который, приехав в Переяславль, заключил с ними мир и отправил их назад. Всеволодович же поехал к Юрию в Киев, а Андрей остался у брата в Переяславле; на праздник Воздвижения честного креста были они в церкви святого Михаила, а на следующий день поехал Андрей к отцу в Киев. Той же осенью дал ему отец волость – Туров и Пинск, и Дорогобуж и Пересопницу; Андрей же поклонился отцу и пошел и сел в Пересопнице.

Той же зимой Изяслав начал ссылаться с Андреем, говоря: «Брат! Помири меня с отцом». И присылал

к нему, осматривая устройство его и как строит город, ибо прежде захватил здесь брата его Глеба, и к этому присматривался, но не удался замысел его, поскольку Андрей укрепил город и собрал дружину. Изяслав же сказал: «Нет мне отчины ни в Венгрии, ни в Польше, но только в Русской земле; попроси мне у отца Погорину». Юрий же гневался на него и не хотел дать ему волости. Изяслав же послал за венграми и поляками. На ту же весну пришли к нему венгры, и пошел он к Киеву к призывавшим его мужам Вячеслава, берендеям и киевлянам. Проходя же мимо Пересопницы, Изяслав пожег Зареческ и стал у Мыльска. На следующий же день прислал Владимирко к Андрею Василька Ярополчича, говоря: «Пойди, брат, ко мне». Андрей же приехал к нему и встретился с ним у Мыльска, пустив сторожу впереди себя, они последовали за ними. Изяслав же узнав, что за ним идет Владимирко с войском, под прикрытием ночи пошел к Киеву; сторожа же Владимирко настигла его на Роси, но Владимирко с Андреем не успели, и Изяслав скрылся за укреплением. Когда же он пошел к Белгороду, Борис Юрьевич выбежал из Белгорода и поехал в Киев к отцу. Юрий же побоялся киевлян, поскольку те вошли в изменнические отношения с Изяславом и его братом, и поехал из Киева, и направился в Городок. Владимирко же с Андреем об этом не знали и стали у Мическа, и послали сторожу разведать и узнали, что Юрий уже в Городце, а Изяслав в Киеве.

Слышав об этом, Владимирко повернул назад и пошел в Галич, а Андрея отпустил к отцу. Андрей же перешел вброд Днепр на Воровиче и пошел в Городок.

В лето 6659 (1151). Скончался Ростислав Юрьевич в Переяславле на рассвете в Великую пятницу; и положили его братья Андрей, Глеб и Мстислав в церкви святого Михаила, около дяди своего Андрея и Святос-

лава. Тогда же пришли половцы на помощь Юрию против Изяслава; Юрий же соединился с Ольговичами и с Владимиром Давидовичем, и с половцами на Изяслава, пришли к Киеву и поставили шатры против Киева на лугах. Изяслав же стерег их и не давал зайти в брод в Днепр, и бились между собой, разъезжая в ладьях. И не могли ничего сделать киевлянам, ибо Изяслав ухитрился сделать удивительные ладьи: гребцы в них гребут невидимо, видны только весла, а людей не видно, ибо ладьи покрыты досками; воины же стоят наверху, одетые в броню, и стреляют, а два кормчих – один на корме, а другой на носу, идут куда захотят, не разворачивая ладьи. Юрий же с Ольговичами захотели спуститься вниз к Витичевскому броду, и не посмели пустить ладьи мимо Киева, но завели их в Долобское озеро и оттуда волочили их берегом в Золотчу, а по Золотче ладьи их вошли в Днепр. Полки же Юрия шли по лугу, а Изяслав шел по той стороне Днепра, по горе, а ладьи его – по Днепру. Пришли они к Витичеву, стали друг против друга и стали биться в ладьях из-за брода. Изяслав же и здесь не дал им зайти в брод. Ольговичи же, сговорившись с половцами, оставили князя Юрия с Владимиром Давидовичем и с обозом против Витичева, а сами поехали к Зарубу. Сторожи Изяслава стояли на той стороне со Шварном и не давали зайти в брод. Тогда половцы сели на коней, защищенные броней и щитами, с копьями, изготовленными к бою, устремились в Днепр и закрыли Днепр множеством воинов. Сторожа же Изяслава испугались и бежали; как раз в то время послал Изяслав сына своего Мстислава в Венгрию, и потому брод был слабо укреплен, поскольку князя здесь не было, а боярина не все слушают. Оба Святослава перебрали с половцами Днепр и послали весть к Юрию, говоря: «Пойди скорее, мы уже перебрали Днепр, как бы не ударил на нас Изяс-

лав». Юрий же с Владимиром и с детьми скоро пришел к Зарубу, и перешли вброд через Днепр. Изяслав, услышав об этом, вернулся к Киеву, а Юрий пошел за ним следом к Киеву. Подойдя к Белгороду, он изготавился к бою, двинулся к Киеву и стал возле Лыбеди; Изяслав же стал против него перед Золотыми воротами с дядей своим Вячеславом, и с братом своим Ростиславом, и с Изяславом Давыдовичем. Стрельцы перестреливались через Лыбедь, а в это время берендичи с вежами, и торки, и все черные клобуки прибежали сюда и причинили большое зло: в одних случаях ратники, а в других – свои, и монастыри разрушили, и села пожгли, и огороды все порушили. Тогда же Андрей Юрьевич со Владимиром Андреевичем ехали к Лыбеди; дружина их не знала об этом, и Андрей столкнулся с половцами, Владимира же не пустил кормилец его, поскольку был в то время еще слишком молод. Андрей же гнал ратников едва не до полков их, один же половчанин схватил его коня за повод и вернул его, браня дружину свою, ибо покинули его все половцы. И возвратился Андрей назад невредимым, сохраненным Богом и молитвою своих родителей.

Перестреливались же они до вечера и возвратились назад, ибо пришла Юрию тогда весть, что идет ему в помощь сват Владимирко, и пошел ему навстречу. Изяслав же, услышав об этом, пошел за ним следом, стремясь не допустить соединения его с Владимирком, и настиг его у Перепетова поля, намереваясь биться с ним. И когда стояли они друг против друга, в четверг, полил сильный дождь с ветром, так что воины не видели себе помощи; и стали пересылаться между собой о заключении мира. Ольговичи же и половцы не дали помириться, ибо всегда скоры на пролитие крови. Стояли так до вечера, после чего Юрий перешел за реку Рут и там стал. С рассветом в пятницу построил воинов Из-

яслав и пошел на него; Юрий же не хотел еще биться, ожидая Владимирка, Изяслав же снова наступал, повернув на него свои полки. И когда они пошли в бой, Андрей начал выстраивать полк отца своего, поскольку был старшим тогда среди братьев; видев же стоящих сзади половцев, погнался к ним, и много говорил с ними, укрепляя на битву, и, вернувшись оттуда, укрепив свой полк и дружину свою, взял копьё, устремился вперед, раньше всех съехался с противостоящими и сломал свое копьё. Тогда же конь его был поражен в ноздри и начал метаться под ним, и слетел с него шлем, и щит отлетел в сторону; но Божьим заступничеством и молитвами родителей своих избежал ранения. И сошлись полки, была сеча злая, и убили тут Владимира Давыдовича, доброго и кроткого князя Черниговского. Изяслава же Мстиславича ранило в руку, и сбросили его с коня, и свои же пещи хотели убить его, не узнав, и лишь когда он снял с себя шлем, его узнали. Половцы же Юрьевы побежали, не пустив и по стреле, а потом побежали Ольговичи, и затем Юрий с детьми; и когда бежали через Рут, много дружинников утонули в Руте, ибо тиниста эта река. И одних из бежавших избили, а других пленили. И в полдень прибежали ко Днепру, и у Витичева Юрий переехал в ладьях, а остальные перешли вброд реку. И приехал Юрий в Переяславль, а Ольговичи пошли к себе, и половцы также – в Половецкую землю. Изяслав же с дядей своим Вячеславом возвратился в Киев, а Изяслав Давыдович, взяв тело брата на поле боя, понес его к Чернигову и сел сам на столе его в Чернигове.

И потом Изяслав, услышав, что Юрий в Переяславле, пошел с Вячеславом и с братом своим Святополком, и с берендичами, и переправился вброд у Заруба, и поставив у Мажева сельца обозы, наезжал оттуда к городу биться. Переяславские же воины вышли пешими бить-

ся, и многие были избиты, и предместье было сожжено. Изяслав же и Вячеслав послали к Юрию, говоря: «Иди в Суздаль, а сына посади в Переяславле; не можем здесь с тобой ужиться, снова приведешь на нас половцев». Юрий же, не имея ниоткуда помощи, без дружины – избитой или плененной, вынужден был поневоле целовать им крест вместе со своими детьми.

Подошел праздник святых мучеников*. Юрий с детьми своими пошел на Альту. Андрей же оттуда пошел от отца своего в Суздаль, и тот осуждал его за это; но Андрей сказал: «На том целовали крест, чтобы пойти нам в Суздаль», и пошел в свою волость во Владимир. Юрий же остался со своими детьми в Переяславле, и Изяслав прислал к нему со словами: «Крест целовал, чтобы тебе идти в Суздаль; зачем же ведешь на меня половцев и Владимирка?» Юрий же оставил сына Глеба в Переяславле а сам пошел в Городок. В то же время Мстислав Изяславич вел в помощь своему отцу венгров, Владимирко же, услышав об этом, пошел ему вслед. Мстислав же не знал об этом и стал у Сапогыня, а венгры стали около него. Тогда Владимир прислал ему и венграм много питья, а потом поведал ему: «Идет на тебя Владимирко». Мстислав же пил с венграми и поведал им: «Идет Владимирко». Венгры же пьяные бахвалились, говоря: «Если нападут на нас, будем с ним биться». Мстислав в ту ночь расставил сторожей, а сам лег спать с венграми; в полночь же прибежали к нему сторожи и сказали: «Идет Владимирко». Он же сел на коня, также и его дружина, и начал будить венгров; венгры же лежали пьяные как мертвые. И на рассвете ударил на них Владимирко, и лишь немногих пленил, а остальных перебил; Мстислав же со своей дружиной бежал в Луческ. Когда в Киев к Изяславу дошла весть о том, что сын его побежден, он взял берендичей, и Изяслава Давыдовича, и Всеволо-

довича, и помощь Святослава Ольговича, и пришел на Юрия к Городку; Юрий же со своими детьми затворился в Городке. Много дней бился он из города, тяжело было ему, поскольку ниоткуда не было ему помощи, и целовал крест им: «Ухожу уже в Суздаль»; и отступили от него. Юрий же оставил сына своего Глеба в Городце, а сам пошел в Суздаль; Изяслав же сел с Вячеславом в Киеве: Вячеслав на Великом дворе, а Изяслав под Угорским, а сына своего Мстислава посадил в Переяславле. В то же время скончалась княгиня Изяславова. Той же зимой пошел Изяслав на Владимирка и возвратился от Корчева.

В лето 6660 (1152). Послал Изяслав сына своего Мстислава в Польшу и Венгрию, призывая их на помощь против Владимирка. Поляки не пошли, а венгры пошли. И пришел король с венграми и с Мстиславом, и, войдя в землю Владимиркову, остановился: ибо было воскресенье, а король по своему обыкновению не начинал ничего в воскресенье. Владимирко же не дал войску войти в свою землю, встретил его и захватил королевские пожитки. На следующий же день король, встав, пошел вперед, Владимирко же отступил назад и стал за укреплением; венгры же королевские, увидев Владимирковы полки, тут же, не медля, устремились на них. Владимирко же, видя силу венгерскую, обратился в бегство; во время переправы через реку одних воинов его побили, другие утонули, а многих захватили в плен. Прибежав в Перемышль, Владимирко направил послов к королю, прося мира, дабы Изяслав не присоединился к королю, ибо Изяслав, услышав о короле, пошел уже из Киева на Володимирка. Вскоре Изяслав подоспел к королю с берендичами, а полки свои оставил позади с братом своим Святополком.

Тогда же пришли к реке Сану. Владимирко расставлял свою дружину на бродах, где пеших, где конных;

король же начал устанавливать против него свои полки тоже на бродах. Владимирко же, увидев бесчисленную королевскую силу, не выдержал и вторично побежал от него в Перемышль; и, преследуя их, многих побили, а других захватили. Владимирко же вбежал в город и стал просить мира; Изяслав не хотел давать ему мира, но, послушав короля, помирился с ним. Изяслав же пошел к Киеву, а король к себе.

В то же лето пошел Юрий с сыновьями своими, и с ростовцами, и с суздальцами, и с рязанцами и с князьями рязанскими в Русь; тогда и Владимирко, услышав, что идут в Русь, пошел к Киеву, Изяслав же вышел против него, и Владимирко вернулся в Галич. Юрий же, придя в Русь, стал у Глухова, и пришли к нему множество половцев и Святослав Ольгович; и, посоветовавшись, пошли к Чернигову, и перешли Снов и стали у Гуричева близ города, перейдя ручей Канин. Было же тогда воскресенье, и поэтому не пошли к городу. Изяслав же послал брата Ростислава в помощь Изяславу Давидовичу в Чернигов. В ту же ночь Изяслав, Ростислав и Всеволодович, увидев силу половецкую, повелели всем людям бежать из острога в детинец. На следующий же день Юрий и Святослав построили воинов своих, пошли к городу и стали перед Семынем. Тогда же все множество половцев поехало к городу биться, и, захватив острог, зажгли все предместье, и всей силой стали около города. Черниговцы бились из города, князья же решили: «Не крепко бьются дружина и половцы, потому что не ездим с ними сами». Андрей же сказал: «Так и сделаем, пусть я начну день свой»; взял он свою дружину и поехал под город. Когда вышли из города пешие стрелки, он устремился на них со своей дружиной и половцами, и одних перебил, а других загнал в город. И следуя ему, и другие князья ездили под город, и стрелки, видя полки,

не смели выходить из города, поскольку напугались. 12 дней простояли они под городом и получили известие: «Идет Изяслав с Вячеславом в помощь черниговцам». Половцы же, испугавшись этого, начали подниматься и уходить, князья же, увидев уходящих половцев, пошли от Чернигова к Новгороду Северскому. Изяслав же, придя к Чернигову и, не застав Юрия, вернулся в Киев, а Юрий, оставив сына своего Василька в Новгороде у Святослава, пошел в Суздаль. Изяслав же, взяв брата своего Святотолка и сына своего Мстислава, пошел к Новгороду на Святослава и Василька. Став у Всеволожа, он отрядил против половцев сына своего Мстислава с берендеями и с торками и с печенегамы, и с частью своей дружины, а сам пришел к Новгороду. И не добился успеха, и начал посылать предложения о мире, и, заключив мир, возвратился в Киев, а Василько пошел к отцу в Суздаль.

Тогда же Мстиславу Изяславичу помог Бог против половцев; самих их он прогнал, а вежи их захватил, и коней, и скот их захватил, и множество душ христианских освободил из плена, и возвратился в Переяславль, хваля Бога о такой помощи, а освобожденных отпустил в свои родные места. Той же зимой скончался Владимирко, галицкий князь.

В лето 6661 (1153). Послал Изяслав сына своего Мстислава на половцев к реке Псел, ибо они грабили по Суле; он же не дошел до них и повернул назад. Той же осенью послал его отец с воинами навстречу мачехе, с Владимиром Андреевичем и с берендеями. И ходили до Олешья, и, не найдя ее, возвратились назад. Той же зимой Изяслав, соединившись с братьями своими, пошел на Владимирковича в Галич. И когда он пришел к Теробовлю, подумали бояре Владимирковича и сказали князю своему: «Ты у нас, князь, один, если с тобой что случится, то что нам делать? Поезжай, княже, в город,

мы будем сами биться с Изяславом; а кто из нас останется жив, прибежит к тебе, и тогда затворимся в городе с тобою». Изяслав же перешел к ним через реку Серет, и сошлись биться, и была сеча зла и смятенье у обеих сторон, не знали, кто победил: ибо Изяслав преследовал галичан, а галичане дружину Изяслава и сына его. Изяслав, не зная о происходящем, думал, что победил галичан, а брат его Святополк с Владимиром, и сын его Мстислав бежали. Тогда же Изяслав захватил галичских мужей, а галичане захватили мужей Изяслава, направленных в разведку, и остался Изяслав на поле боя с малой дружиной. И поставил стяги галичские, и пошли галичане под свои стяги, и захватили много пленников. В ту же ночь, испугавшись, что остался на поле боя с малой дружиной, Изяслав сказал: «Как бы не высыпали на нас из города»; и повелел избить пленников, а лучших их мужей повел с собою в Киев.

В лето 6662 (1154). Послал Изяслав вторично сына своего навстречу своей мачехе, ибо привел жену себе из Абазинской земли*. И встретил ее Мстислав у порогов, и привел ее в Киев, а сам пошел в Переяславль. Изяслав же, устроив свадьбу, взял ее в жены. В то же лето выгнали новгородцы Ярослава Изяславича, а Романа Ростиславича взяли княжить. В то же лето пошел Юрий с ростовцами, и с суздальцами, и со всеми детьми в Русь, и напал мор на коней во всем его войске, какового никогда не было. Когда пришел он в Вятичи и стал перед Козельском, приехал к нему небольшой отряд половцев. Он же, обдумав положение со своими мужами и детьми и половцами, послал сына своего Глеба к половцам, а сам вернулся назад в Суздаль. В то же лето скончался Святополк Мстиславич и посадил Изяслав на его место во Владимир сына своего Ярослава. В то же лето скончалась супруга Глеба Юрьевича в Суздале. Той же осе-

нюю скончался Изяслав Мстиславич, 13 ноября, и наутро, на Филиппов день, положили его у святого Федора в отцовском монастыре. Услышав же о смерти Изяслава, Изяслав Давидович приехал к Днепру под Киев и послал к Вячеславу и Мстиславу Изяславичу, говоря: «Меня не было тогда с моим братом, распорядитесь, чтобы я пришел и оплакал гроб его». Вячеслав же с Мстиславом и со своими мужами подумали и не пустили его в Киев, поскольку еще не пришел из Смоленска Ростислав. Тогда же пришел Ростислав, и посадили его киевляне в Киеве, сказав ему: «Как брат твой чтит Вячеслава, так и ты чтит; а Киев твой до конца твоей жизни». Тогда же пришел Глеб Юрьевич со множеством половцев на Мстислава Изяславича; переяславцы же бились с ними упорно, и Глеб с половцами безо всякого успеха пошел прочь и, отходя, взял с половцами Пирятин. Тогда же Ростислав взял Святославца Всеволодовича, и Мстислава Изяславича, и киевлян, и немного торков и пошел к Чернигову на Изяслава Давыдовича, говоря: «Надо бы нам опередить Юрия; и либо его прогоним, либо примирим с нами». Когда же перешли Днепр, пришло к нему известие: «Дядя твой Вячеслав умер». Ростислав же, оставя полки свои со Святославом, сам поехал в Киев, и положил дядю своего с честью великой у святой Софии, и, взяв остаток дружины Вячеслава, пошел к Чернигову. Услышав об этом, Изяслав Давидович послал к Глебу Юрьевичу, призывая его скорее подойти с половцами, ибо Глеб в то время был на Суле; Глеб же скоро пришел к нему с половцами. Ростислав же, и Святослав Всеволодович, и Мстислав, придя, стали у Беловежи, а Изяслав и Глеб с половцами вышли им навстречу. Стрельцы перестреливались через реку, Ростислав же, увидев множество половцев, испугался и начал посылать к Изяславу с просьбой о мире, уступая от себя Киев, а от

Мстислава Переяславль. Мстислав же, слышав это, сказал дяде своему: «Если отдаешь мой Переяславль, пусть не будет ни мне Переяславля, ни тебе Киева». И повернул коня с дружиной своей Мстислав от дяди своего, и, видев это, побежали все остальные. Половцы же погнались за ними, и многих перебили, а других множество захватили, остальные разбежались: Ростислав на Любеч бежал к Смоленску, а Мстислав и Святослав Всеволодович бежали к Киеву. Тогда же половцы схватили Всеволодовича, а Мстислав бежал с Святославом Ростиславичем, и, придя в Переяславль, Мстислав захватил жену свою и пошел в Луческ. Киевлянам было тяжело, так как не осталось у них никакого князя; и послали киевляне епископа Демьяна *Киевского* за Изяславом Давидовичем, говоря: «Пойди в Киев, дабы не взяли нас половцы». Изяслав же вступил в Киев, а Глеба послал в Переяславль. Тогда же много зла сотворили половцы около Переяславля: пожгли все села и Альтскую божницу святых мучеников подожгли.

Той же зимой пошел уже было Юрий в Русь, услышав о смерти Изяслава, и, будучи против Смоленска, получил известие: «Брат твой Вячеслав умер, Ростислав побежден, Изяслав же сидит в Киеве, а Глеб в Переяславле». Тогда же новгородцы пришли к Юрию и взяли у него сына Мстислава князем себе. Тогда же Ростислав прибежал из похода к Смоленску и послал к дяде своему, прося у него мира. Юрий же, не помянув обид брата и его самого, дал ему мир, а сам пошел к Киеву. Придя же, стал у Стародуба, и сюда приехал к нему Святослав Ольгович, прося за племянника своего Всеволодовича; Юрий же и этому мир дал, повелев ему идти вслед за собой к Киеву, и сам пошел к Киеву. По пути к Киеву Юрий и Святослав послали Изяславу повеление уйти из Киева, ибо Святослав был осведомлен о пребывании Изяслава в Киеве. Тот

же не захотел уйти из Киева, поскольку полюбился ему Киев. Святослав остался в Чернигове, а Юрий стал у Моравийска. И тогда послал к нему Изяслав, говоря: «Что я, сам разве сел в Киеве? Меня посадили киевляне». Юрий же послал к Изяславу со словами: «Моя отчина Киев, а не твоя». Тогда прислал к нему Изяслав, говоря: «Не причини мне зла, а Киев пусть будет твой». Юрий же, будучи милостивым, обещал ему выполнить условие; благодаря Бога, вошел он в Киев и сел на дедовском и отцовском столе, и тогда же стал раздавать волости детям своим: Андрея посадил в Вышгороде, Бориса в Турове, Глеба в Переяславле, а Васильку дал Поросье. Той же весной пришли половцы и воевали по Роси, берендеи же гнались за ними и избивали их, а других пленили.

В лето 6663 (1155). Пошел Юрий на совет с половцами к Каневу, половцы же, приехав к нему, начали просить за братьев своих, которых захватили берендеи. Берендеи же не дали их, говоря: «Мы для того умираем за Русскую землю и головы свои складываем». Половцы же, взяв дары у Юрия, поехали прочь, не заключив мира, и много зла сотворили около Переяславля.

Того же лета послал Юрий Георгия Ярославича с Жирославом и с внуками Вячеслава на Мстислава Изяславича, и выгнали того из Пересопницы в Луческ. Тогда же Юрий повелел зятю своему Ярославу идти на того к Луческу. Мстислав же оставил брата Ярослава в Луческе, а сам ушел в Польшу; Владимиркович же и Владимир Мачешич, ничего не добившись, возвратились назад. Того же лета пришла из Суздаля в Киев княгиня Юрьева. В то же лето пришел в Киев Ростислав, позванный к своему дяде; придя же к дяде, начал просить за своих племянников; Юрий же послушался его и послал за ними: за Владимиром, и Мстиславом, и Ярославом. Владимир же и Ярослав пришли, а Мстислав не посмел, ска-

зав: «Схватит меня Юрий». Юрий этих принял сердечно, а к Мстиславу послал с крестным целованием, и того так же принял. Того же лета пришла к Юрию галичская помощь, поскольку Давыдович начал готовиться к войне.

Того же лета половцы снова пришли мириться и стали по реке Дубенцу вплоть до верховьев Супоя. Юрий же, взяв Ростислава, и Владимира, и Ярослава, и галичскую помощь, пошел на совет к Каневу и послал к половцам со словами: «Идите ко мне заключить мир». Их же приехало мало, как бы на разведку, и сказали: «Завтра приедем к тебе все»; и в ту же ночь бежали все. Юрий же возвратился в Киев и, посоветовавшись со своими племянниками, послал к Изяславу Давыдовичу со словами: «Готов ли заключить с нами мир?» Тот же, увидев, что Юрий соединился со своими племянниками, целовал к ним крест; и после этого Юрий отпустил племянников каждого к себе. Того же лета пошел Андрей от отца своего в Суздаль и принес с собой икону святой Богородицы, которую привезли в одном корабле с иконой Пирогощей из Цесаряграда. И вковал в икону более тридцати гривен золота, не считая серебра, драгоценных камней и жемчуга, и, украсив ее, поставил ее в своей церкви во Владимире. Той же зимой женил Юрий сына своего Глеба в Руси на дочери Изяслава Давыдовича. Той же зимой женили новгородцы Мстислава Юрьевича и взяли за него дочь Петра Михалковича.

В лето 6664 (1156). Скончался Феодосий, игумен Печерский. А затем, 18 апреля, скончался Нифонт, епископ Новгородский, и положили его в Печерском монастыре. В то же лето пришел митрополит из Цесаряграда Константин, и принял его князь и все люди с честью. На ту же зиму епископ Нестор пошел в Русь, и лишили его епископии. Той же зимой пошел Юрий Владимирович к Владимиру на Мстислава Изяславича, взяв с собой зятя

своего Владимирковича и детей своих. Подошли же они к городу со множеством воинов, и Мстислав, видя такое множество воинов, не смог им сопротивляться, затворился в городе и стал биться с ними из города. Эти же обступили его в городе, много крови проливалось с обеих сторон, другие же, же, сраженные, умирали. Юрий же, видя его непокорство, стал говорить детям и боярам своим: «Не можем стоять здесь, поскольку он не думает покориться мне, а я не радуюсь его гибели или его изгнанию, но сказал: введу его в крестное целование, как и братьев его; он же этого захотел, но радуется больше пролитию крови». Юрий же, посоветовавшись с детьми и мужами своими, вернулся в Киев, а зять его пошел в Галич в свою волость.

В лето 6665 (1157). Выгнали новгородцы Мстислава Юрьевича, а Святослава Ростиславича посадили у себя. Тем же летом, 15 мая, скончался благоверный князь Юрий Владимирович в Киеве, и положили его в церкви святого Спаса на Берестовом. Тем же летом ростовцы и суздальцы, по общему согласию, взяли Андрея, сына его старейшего, и посадили на отцовском столе в Суздале, поскольку был любим всеми за его премногие добродетели, которые имел прежде всего к Богу и ко всем находящимся под ним. Так же и по смерти отца своего много сделал для его памяти: церкви украсил, монастыри поставил и окончил церковь святого Спаса каменную в Переяславле новом, которую прежде заложил отец его.

В лето 6666 (1158). Заложил князь Андрей во Владимире церковь каменную святой Богородицы, 8 апреля, в день святого апостола Родиона, во вторник; и придал ей много имущества, и купленные слободы с данями, и лучшие села, и десятины в своих стадах, и торг десятый; и город заложил большой. Тем же летом пришел Леон на епархию в Ростов. В ту же зиму Мстис-

лав Изяславич выгнал Изяслава Давыдовича из Киева, а сам сел в Киеве; Изяслав же бежал в Гомий, а оттуда прогнали его в Вятичи. Той же весной Мстислав передал Киев Ростиславу, а сам пошел во Владимир.

В лето 6667 (1159). Скончался князь Борис Юрьевич, 12 мая, и положили его братья в церкви святых мучеников, которую создал отец его Юрий на Нерли на месте стана святых мучеников Бориса и Глеба. Того же лета выгнали ростовцы и суздальцы епископа Леона, поскольку он умножил церкви, грабя попов*. В то же лето скончался митрополит Киевский Константин в Чернигове, ибо в то время из-за Мстислава Изяславича он бежал из Киева. Смерть же его была таковой: умирая, он призвал к себе епископа Черниговского Антония и взял с него клятву, наставляя: «По смерти моей не захоронишь тело мое, но, повязав веревкой за ноги, вытащишь меня из города и бросишь псам на растерзание». И по смерти его епископ сделал так, как он велел, народ же удивлялся этому. На другой же день князь Святослав, подумав с мужами своими и с епископом, взяли тело его и похоронили в церкви святого Спаса в Чернигове.

В то же лето пришел Изяслав Давыдович со множеством половцев к Чернигову; оба же Святослава – Ольгович и Всеволодович, и Рюрик Ростиславич, пришедший в это время к ним на помощь от отца, бились с ним через Десну. Изяслав же стоял с половцами и большое зло причинили, села пожгли, людей пограбили. Оба же Святослава послали к Ростиславу, прося у него еще помощи; Ростислав же направил к ним Ярослава Изяславича, и Владимира Андреевича, и галицкую помощь. Услышав же об этом, Изяслав и половцы отступили в поле. Оба Святослава и Рюрик и эти пришедшие перебрали вслед им за Десну, и не нашли их, и, пройдя несколько далее дневного перехода и не найдя князя, вер-

нулись каждый к себе; Изяслав же отступил в поле, а половцы вернулись домой. Той же зимой пришел Изяслав с половцами, и пограбил волость Смоленскую, и послал к Андрею Юрьевичу в Ростов, прося у него дочь за своего племянника Святослава, и выпросил у него помощь. И послал к нему тот сына своего Изяслава со всем войском и с ним муромская помощь, поскольку русские князья приходили на Святослава Владимировича, и отступили и находились во Вщиже; он же бился с ними из города, ожидая помощи от Изяслава, дяди своего, и от тестя своего Андрея. Оба же Святослава, Ольгович и Всеволодович, и иные князья, услышав о приближении Изяслава Андреевича с силой ростовской, испугались, согласились примириться с ним и возвратились назад. Изяслав Давидович же и Изяслав Андреевич, услышав, что они возвратились, пошли – Изяслав Давидович в Вятичи, а Изяслав Андреевич вернулся к отцу в Ростов.

В лето 6668 (1160). Новгородцы прислали к Андрею Юрьевичу, прося у него сына на княжение в Новгород, а Святослава Ростиславича выгнали; ибо Ростислав, отец его, уморил их братьев в темнице и у многих отобрал имущество. Андрей же князь предложил им брата своего Мстислава, они же его не пожелали, и он послал к ним племянника своего Мстислава Ростиславича. В то же лето создана была церковь святой Богородицы во Владимире благоверным и боголюбивым князем Андреем; и украсил он ее чудно различными иконами, и бесчисленными драгоценными камнями, и сосудами церковными, и верх ее позолотил; по вере его и усердию к святой Богородице привел ему Бог мастеров из всех земель, и украсил ее более других церквей. Того же лета погорел Ростов, и церкви все, и соборная дивная и великая церковь святой Богородицы сгорела, каковой не было больше и не будет.

В лето 6669 (1161). Начали расписывать церковь Златоверхую во Владимире, а окончили 30 августа.

В лето 6670 (1162).

В лето 6671 (1163).

В лето 6672 (1164). Освящена церковь на Золотых воротах во Владимире. В то же лето была заложена церковь святого Спаса во Владимире.

В то же лето явилась ересь леонтианская. Скажем об этом немного. Епископ Леон не по правде был поставлен епископом в Суздаль: Нестор, епископ Суздальский, был еще жив, и он перехватил Несторов стол. И начал в Суздале учить не есть мяса на Господские праздники, в среды и пятницы, а также ни на Рождество Господне, ни на Крещение, и была из-за этого великая тяжба перед благоверным князем Андреем и перед всеми людьми, и оспорил его владыка Феодор. Леон же пошел за подтверждением в Цесарьгород, а там его оспорил Андриан, епископ Болгарский, перед цесарем Мануилом*; над рекой стоял стан цесаря, и Леон высказал упрек цесарю, и слуги цесаря схватили Леона за шею и хотели утопить его в реке; были же здесь у цесаря все послы: киевский посол, суздальский посол Илья, и переяславский и черниговский. Рассказал же об этом для верных людей, пусть не соблазняются о праздниках Божьих.

В то же лето пошел князь Андрей на болгар с сыном своим Изяславом, и с братом своим Ярославом, и с муромским князем Юрием; и помог им Бог и святая Богородица против болгар, многих из них посекали, а стяги их захватили, и едва с малой дружиной князь Болгарский добежал до Великого города*. Князь же Андрей возвратился с победой, видеv поганых болгар побитыми, а всю свою дружину невредимой. Пешцы же стояли с иконой святой Богородицы на поле боя под пнями, и приехал к ним и к святой Богородице князь

Андрей с Юрием и со Изяславом и с Ярославом, и со всею дружиной, ударили челом перед святой Богородицей и стали целовать икону с радостью великой и со слезами хвалу и песни воздавая ей, и, пройдя дальше, взяли славный их город Бряхимов, а перед тем три их города пожгли. Это было новое чудо от иконы святой Богородицы Владимирской, которую взял с собой благоверный князь Андрей, и принес ее со славой, и поставил ее в церкви святой Богородицы Златоверхой во Владимире, где она стоит и до сего дня.

В лето 6673 (1165). Скончался благоверный и христоролюбивый князь Изяслав, сын благородного князя Андрея, и положили его в церкви святой Богородицы во Владимире, 28 октября.

В лето 6674 (1166). Скончался благоверный и христоролюбивый князь Ярослав, сын благоверного князя Юрия, и положили его у церкви святой Богородицы во Владимире, 12 апреля. Той же зимой пошел Мстислав за Волок.

В лето 6675 (1167). 21 марта, по пути из Смоленска в Киев, скончался благоверный князь Ростислав, сын Мстислава, прокняжив в Киеве 9 лет; и привезли его в Киев.

В лето 6676 (1168). Выгнал Мстислав Владимира Мстиславича из Киева, и пошел Владимир в Половецкую землю, а Мстислав сел в Киеве. Той же зимой князь Андрей послал из Суздаля на киевского князя Мстислава сына своего Мстислава с ростовцами, владимирцами и суздальцами, и иных князей 11: Глеб Переяславский, Роман Смоленский, Давыд Вышегородский, Владимир Андреевич, Дмитр Юрьевич*, Мстислав, Рюрик с братом Мстиславом, Олег Святославич с братом Игорем. Мстислав же Изяславич затворился в городе, и бились крепко из города. И стояли у города 3 дня, и помог Бог и святая Богородица, и молитва деда и отца князю Мстиславу Андреевичу со своей братией, взяли Киев – такое

не случалось никогда. А Мстислав Изяславич бежал из Киева во Владимир с малой дружиной, княгиню же его и сына захватили, и дружину его пленили, и весь Киев пограбили, и церкви и монастыри, в течение трех дней, и иконы забрали, и книги, и ризы. Это случилось за грехи их, особенно же за неправду митрополита: он в то время запретил Поликарпу, игумену Печерскому, в Господские праздники есть масло и молоко, если Господские праздники приходятся на среду и пятницу. Помогал ему и Черниговский епископ Антоний, бранивший многократно князя Черниговского, запрещая ему есть мясо на Господские праздники; князь же Святослав не принял этого и выгнал его из епископии, и каждый из нас должен внять этому и не противиться закону Божьему. Мы же возвратимся к лежащему перед нами*. Мстислав Андреевич посадил в Киеве дядю своего Глеба, а сам со своей дружиной вернулся во Владимир.

В лето 6677 (1169). Мстислав Андреевич посадил в Киеве своего дядю Глеба, а сам пошел назад к Владимиру*, а Глеб дал сыну своему Переяславль. В то же лето Бог и святая Богородица сотворили новое чудо в городе Владимире: изгнали Бог и святая Богородица Владимирская злого и пронырливого и гордого обманщика лживого владыку Феодорца* из Владимира, из церкви святой Богородицы Златоверхой и из всей земли Ростовской; ибо не захотел благословения и лишился его; так и этот нечестивый не захотел послушать христоролюбивого князя Андрея, отправлявшего его к митрополиту в Киев на поставление; он не захотел, и тем более не захотели его Бог и святая Богородица, выгнали его из земли Ростовской; [когда Бог хочет кого-то наказать] – лишает его разума*, так и над этим совершил Бог, отняв у него разум. Князь же к нему хорошо относился и добра ему хотел, но он не только не захотел

поставления от митрополита, но и повелел закрыть все церкви во Владимире и взял ключи церковные; и не было ни звона, ни пенья по всему городу и в соборной церкви, в которой находится икона чудотворная Матери Божией и иные ее великие святыни, к которой все христиане со страхом прибегают, находя в ней утешение и заступничество, и принимая от нее исцеление душам и телам своим, и эту церковь дерзнул закрыть. И так прогневил Бога и святую Богородицу, в тот же день изгнан был, 8 мая, на память святого Иоанна Богослова. Много пострадали люди от него, во время правления его, и сел лишились, и оружия, и коней, другие же перенесли неволю, заточенье, ограбление; не только простые люди, но и монахи, игумены и иереи подвергались немилостивым мучениям. Иным людям стриг головы и бороды, иным выжигал очи и урезал язык, а иных привязывая к стене и, немилостиво мучая, вымогал имущество, ибо был ненасытен до богатства, как ад.

Послал же его Андрей к митрополиту в Киев, митрополит же Константин повелел ему язык отрезать, как злодею и еретика, и правую руку отрубить, и глаза ему вынуть, ибо хулу наговаривал на святую Богородицу. Грешники и беззаконники истребятся на земле, как если бы их и не было. И сбылось слово евангельское на нем, гласящее: «Какой мерою меришь, отмерится вам; каким судом судите, осудят вас; ибо суд без милости не сотворившему милости». Другое же слово сказано: «Если кто за беззакония замучен будет, не получит венца мученика; ибо грешный и здесь по греху мучится, и на суде Божьем будет осужден на муку». Так и этот не имел покаяния до последнего издыхания, уподобился злым нераскаявшимся еретикам, и погубил душу свою и тело. И погибла память его с шумом: так чтут бесы почитающих их; так и этого довели бесы, вознеся мысль

его до облаков, и сделав из него второго Сатанаила, и сведя его в ад. Ибо обратилась болезнь его на главу его, и на верх его снизошла неправда, вырыл ров, выкопал яму и сам упал в нее. Так зло погубил он свою жизнь, а христиане, избавленные Богом и святой Богородицей, радуясь и веселясь, говорили: «Благословен, Боже! ибо Тобой проходим сквозь огонь и воду, и приходим к благим утехам, изволением благим спасающего нас. Ибо Ты страшен тем, кто противится Тебе, и кто сравнивается с Твоей великой силой? Ты всемогущ, разоряя и обогащая, умерщвляя и оживляя, творя все мудро, творя от ночи день, а от зимы весну, и от бури тишину, и от засухи тучу, и воздвигая кротких на вершину, и смиряя грешников до земли, ибо, видя озлобление людей Своих кротких из Ростовской земли на звероядного Феодорца, посетив, спас погибающих от него рабов Своих, рукою крепкою и мышцей высокой, рукою царскою благочестивою правдивого и благоверного князя Андрея». Это написал, дабы не наскакивали некоторые на святительский сан, но – кого позовет Бог, ибо всякий дар исходит свыше от Тебя, Отца света; кого благословят люди – будет благословен, кого же проклянут люди – будет проклят; так и этот Феодорец: не захотел благословения и лишился его, ибо злой зло погибнет.

В то же лето сотворил чудо Бог и святая Богородица Десятинной церкви в Киеве*, которую создал Владимир, крестивший землю Русскую и давший ей десятину со всей Русской земли. Чудо же сотворила то Мать Божия больше наших ожиданий. Глеб Юрьевич сидел первое лето в Киеве на столе отца и деда, и пришло множество половцев. Разделившись на две части, одни из них пришли к Переяславлю и стали у Песочена, а другие пришли по той стороне Днепра к Киеву и стали у Корсуня*. И прислали оба отряда к Глебу со словами:

«Бог и князь Андрей посадили тебя на отчине и дедине своей в Киеве, хотим с тобой урядиться обо всем и утвердиться между собою, и дадим клятву мы тебе, а ты нам, дабы ни вы не боялись нас, ни мы вас». Услышав же речь князей половецких, князь Глеб пожелал идти к ним на переговоры, и сказал послам половецким: «Иду к вам». И думал с дружиной своей: «К которым пойдем раньше?» И надумали прежде идти к Переяславлю, охраняя Переяславль, ибо князь переяславский Владимир Глебович был в то время мал, всего 12 лет. И пошел Глеб к переяславским половцам на переговоры, а к другим половцам, *корсунским*, послал сказать: «Подождите меня здесь; иду к Переяславлю, заключу мир с теми половцами и приду к вам утверждать мир». Заключив же мир с половцами и одарив их, он поехал от них, а половцы возвратились назад в Половецкую землю. И пошел Глеб Юрьевич к корсунским половцам с братом своим Михалком и с дружиною своею. И прибыл на Перепетово поле. Половцы же, услышав, что Глеб поехал к Переяславлю, решили: «Глеб поехал на ту сторону к тем половцам, там ему и застрять; а к нам не поехал; пойдем за Киев, возьмем села и вернемся с полоном в Половецкую землю». И поехали за Киев воевать. И приехали к Полоному, к городу Десятинному святой Богородицы, и к Семычу, и взяли села без числа* с людьми, с мужчинами и женщинами, коней и скот, и овец погнали в Половецкую землю. Глеб же князь возвращался от Переяславля и собирался перейти на ту сторону Днепра к Корсуню на переговоры с половцами, и, будучи на Перепетовом поле, получил известие, что половцы, не дождавшись переговоров, поехали воевать и разоряют. Услышав об этом, Глеб хотел сам идти на них, но берендеи взяли его за повод, говоря: «Князь! Не езд; тебе надлежит ездить в большом полку, когда

соединишься с братией; теперь же пошли кого-либо из братьев и сколько-нибудь берендеев». Глеб же послал брата своего Михалка и с ним 100 переяславцев и полторы тысячи берендеев. Михалко же послушался брата, а дружины его с ним не было и она не знала о внезапном отъезде своего князя. Михалко же, целовав брата своего Глеба и всю дружину брата, пошел на половцев. Берендеи перерезали дорогу Половецкую, и пошли на них с Михалком, и натолкнулись на сторожей половецких, которых было 300, и окружили их незаметно, и одних перебили, а других захватили в плен. И начали спрашивать живых захваченных: «Много ли ваших за вами?» И сказали: «Много, тысяч семь». Наши же, услышав об этом, подумали: «Если оставим им жизнь, а половцев много, а нас мало, если с ними начнем биться, то эти нам будут первыми врагами». И перебили их всех, не упустив ни одного мужа. И пошли по их дороге, воевода же был у Михалка Владислав, Янев брат*; и встретили половцев, идущих с пленниками, и одолели их в схватке – самих перебили, а пленников освободили. Спрашивали и у этих: «Много ли ваших сзади следует?» Те сказали: «Теперь идет большой полк». Наши же укрепились Божьей помощью и святой Богородицы, дождались того большого полка и поехали на противника, уповая на крест честной. Было же у половцев девятьсот копий, а у Руси девяносто копий*; надеясь на силу, поганые пошли вперед, а наши им навстречу. Переяславцы же смело поехали вперед с Михалком, берендеи же взяли князя за повод и не дали им ехать, говоря: «Не ездите вы впереди, вы – наша крепость, пусть вперед пойдем мы, стрельцы». И сошлись обе стороны, и была сеча злая, и убили знаменосца нашего, и челку сорвали со стяга, и смешались обе стороны, сражаясь. Владислав же задумал взять стяг Михалка и надеть на

него шлем. И, собравшись, устремились на них и знаменосца половецкого убили. А Михалка князя ударили ратники двумя копьями в бедро, а третьим копьем – в руку, но отца его молитвой Бог избавил его от смерти, как и прежде, в луке моря*. И бились крепко, и побежали половцы, а наши погнались за ними, одних посекая, других пленяя; и пленили их полторы тысячи, а остальных перебили, князь же их Тоглий бежал. И была помощь честного креста и святой Матери Божьей, Десятиной Богородицы, волости которой захватили; и если Бог не даст в обиду простого человека, когда его начинают обижать, то тем более дом Своей Матери. И пришел Михалко с переяславцами и берендеями к Киеву, победив половцев; христиане же были избавлены от той напасти: пленники возвратились по домам, а все прочие христиане прославили Бога и святую Богородицу, скорую на помощь роду христианскому.

Той же зимой князь Андрей послал сына своего Мстислава со всею дружиной на Великий Новгород, и Роман, князь Смоленский с братом Мстиславом, и князь Рязанский сына послал, и Муромский сына же послал. И, придя в землю их, много зла причинили, села все взяли и пожгли, и людей по селам иссекли, а жен и детей, имущество и скот захватили. Когда же пришли к городу, новгородцы затворились в городе с князем Романом и крепко бились из города, и многих из наших убили. И не нанесли вреда городу их, и возвратились назад, и едва в дома свои вернулись пешими, а другие померли с голода; никогда не было столь трудного похода этим людям, иные из них и конину ели в Великий пост. Это случилось за наши грехи: ибо слышал о знамении в Новгороде за три года до этого, которое все люди видели: в трех церквах новгородских на трех иконах плакала святая Богородица, ибо пред-

видела Мать Божия беду, нависшую над Новгородом и над его волостью, молила Сына Своего со слезами, дабы их вконец не погубил, как прежде Содом и Гоморру, но, как ниневитян, помиловал; так и случилось, ибо очевидно, что Бог и Божия Мать избавили их милостью Своею, поскольку христиане они. «Наказывая, накажи меня, Господи, а смерти не предавай меня», – говорит Давид. Так и этих людей новгородских наказал Бог и смирил их до крайности за преступление крестное, и за гордость их навел на них рать, и милостью Своей избавил от нее их город. Не говорим, однако, что правы новгородцы, будто издавна освобождены новгородцы прадедами князей наших; но если бы так было, то дозволяли ли им прежние князья крест преступать или внуков или правнуков срамить, а целуя крест честной ко внукам и к правнукам их, это нарушать? Доколе может Бог терпеть такое? За грехи навел и наказал их по достоянию, рукою благоверного князя Андрея.

В лето 6678 (1170). Скончался благородный князь Владимир Андреевич, и положили его у святого Андрея в Киеве, в Янчине монастыре*. Той же осенью скончался Мстислав Изяславич, и положили его во Владимире, где скончался.

В лето 6679 (1171). Родился у Мстислава Андреевича сын, и назвали его в крещении Василием. Той же зимой пришли половцы на Киевскую сторону*, и захватили множество сел за Киевом с людьми и скотом, и конями, и пошли со множеством пленников в Половецкую землю, Глеб же, князь Киевский, был в то время болен и послал вслед половцам брата своего Михалка с братом своим Всеволодом. Михалко же, будучи послушным, скоро пошел вслед им и догнал их за рекой Богом, с берендеями, торками и с воеводой своим Владиславом. И перерезали дорогу им, и поехали на них, и

встретили их с полоном, бились с ними, и наши Божьей помощью иных избили, а других повязали. И сказали связанным: «Много ли ваших позади?» И ответили те: «Множество». И сказал Владислав: «Держим этих колодников себе на смерть; повели, князь, посечь их». И порубили всех. Поехали по дороге, и встретили снова половцев, и сошлись, и бились с ними, и помог Бог Михалку со Всеволодом против поганых, и молитвы деда и отца, и сбылось в воскресенье: поганых одних избили, других пленили, свой же полон 400 человек отняли и отпустили по домам, а сами возвратились в Киев, славя Бога и святую Богородицу и честной крест.

В лето 6680 (1172). Скончался благоверный князь киевский Глеб Юрьевич, и княжил он в Киеве два лета. И положили его у святого Спаса на Берестовом, где лежит отец его Юрий. Той же зимой послал князь Андрей сына своего Мстислава на болгар, и муромский князь сына своего, и рязанский князь сына своего. И был неприятен поход всем этим людям, поскольку не время зимою воевать болгар, и, выступя, не шли. Князь же Мстислав был в Городце, соединившись с братьями своими, с муромским и рязанским князьями на устье Оки. И ждал дружину 2 недели, и не дождался, и поехал с передней дружиной, порядок в которой поддерживал воевода Борис Жидиславич. И устремились внезапно на землю поганых, взяли 6 сел и седьмой город, мужчин посекали, а женщин и детей захватили. Болгары же, услышав, что князь Мстислав пришел с малой дружиной и возвращается назад с полоном, скоро собрались и поехали вслед за ним отрядом в 6000 человек, и лишь за 20 верст не настигли его. Мстислав с малой дружиной стоял на устье, а всю дружину отпустил от себя; и возвратил Бог от него поганых болгар, покрыв рукою своею христиан. Наши же, услышав об этом, прославили

Бога, ибо явно защитила от поганых святая Богородица и христианская молитва; поганые повернули назад, а христиане, хваля Бога, возвратились восвояси. Той же зимой послал князь Андрей в Киев княжить Романа Ростиславича, и приняли его с честью киевляне; а сыну своему Ярополку дал Смоленск.

В лето 6681 (1173). Скончался благоверный князь Мстислав Андреевич, 28 марта, во вторник; и положили его в церкви святой Богородицы во Владимире, которую построил отец его князь Андрей.

В лето 6682 (1174). Рюрик бежал из Новгорода; после этого новгородцы послали к князю Андрею, и он дал им дитя свое, Юрия, и приняли его с честью. В то же лето явили непокорность Ростиславичи князю Андрею и нарушили его волю; более того, Давыд Ростиславич, князь Вышегородский, надумав с братьями своими, приехал на рассвете к Киеву и захватил брата князя Андрея Всеволода, и Ярополка Ростиславича, и их дружину. В то же лето, услышав о захвате брата своего Давыдом Ростиславичем с братьями, князь Андрей послал сына своего Юрия с новгородцами, и с ростовцами, и с суздальцами, и со всей дружиною, и с воеводой Борисом Жидиславичем, и иных князей 20 с полками своими. Давыд же затворил в Вышгороде брата своего Мстислава, а сам пошел за помощью в Галич, и не дали ему помощи. Пришедшие же к Вышгороду со многой силою простояли 9 недель около города и, не добившись успеха, возвратились назад.

Тем же летом скончался благоверный князь Святослав Юрьевич, 11 января. Князь же этот был избранником Божиим: от рождения до возмужания томим он был злой болезнью, каковую просят на себя святые апостолы и святые отцы у Бога; ибо кто страдает от той болезни, как говорят книги, у того тело мучается, а душа

спасается. Так и этот воистину святой Святослав*, Божий угодник, избранный из всех князей: не дал ему Бог княжить на земле, но дал ему Царство Небесное. И по кончине его положено было тело его в церкви святой Богородицы в Суздале. В то же лето скончался князь Юрий Муромский, 19 января, и положили его в церкви Христовой в Муроме, которую сам создал.

В лето 6683 (1175)*. Князь Ярослав Изяславич сидел в Киеве, и напал на него внезапно черниговский князь Святослав, и занял Киев, дружину его захватил, также княгиню с меньшим сыном, а сам Ярослав бежал. И, просидев в Киеве 12 дней, Святослав вернулся в Чернигов, захватив бесчисленное имущество Ярослава. Ярослав же, услышав, что ограбленный Ольговичами Киев остался без князя, вновь приехал в Киев, и в гневе замыслил возложить тяжелый побор на киевлян, сказав: «Вы привели на меня Святослава; ищите, чем выкупить княгиню и дитя». Они же, не имея что ответить, обложили налогом весь Киев, игуменов и попов, чернецов и черниц, латинян*, и торговые лавки, и купцов, и всех киевлян; и, причинив много зла Киеву, пошел Ярослав к Чернигову. В это же время черниговский князь рассорился с Олегом Святославичем, и Олег Святославич грабил Черниговскую волость. Святослав же помирился с Ярославом, пошел на Олега, пожег его волость и, причинив много зла, возвратился в Чернигов. В то же время к князю Андрею прислали Роман с братьями с просьбой пустить Романа Ростиславича в Киев княжить. Князь же Андрей сказал: «Подождите немного, послал я к своим братьям, в Русь, как получу от них известие, так дам вам ответ».

Об убийстве Андрея. В то же лето убит был великий князь Андрей, сын великого князя Юрия, внук Владимира Мономаха; об убийстве же его после скажем.

Этот благоверный и христоролюбивый великий князь Андрей с младых лет возлюбил Христа и пречистую Его Мать; ибо, очистив образ мыслей и разум, как палату прекрасную [украсил душу* добрыми нравами], и церковь создал во Владимире и в Боголюбове*, украсил ее золотом, драгоценными камнями и жемчугом, бесценными иконами и всякими драгоценностями украсил, в ней же находится икона чудотворная Божьей Матери*, к которой все христиане со страхом обращаются и с верой исцеление получают. И иные всякие святыни и церкви различные поставил, и монастыри многие создал, ибо на всякий церковный сан и церковных служащих открыл ему Бог очи сердечные. Ибо не омрачил ума своего пьянством, кормильцем был чернецам и черницам и убогим, и каждому был как любящий отец. Более же всего радушно раздавал милостыню, ибо пищу и мед рассылал по улицам на возах для больных и в темницы. Ибо слышал слова Господа: если что-то сделаете для братии моей меньшей – то для Меня сделаете; и еще Давид говорит: блажен муж, который весь день милует и раздает, держащийся Господа не споткнется. Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили, и иных добродетелей было в нем много, это был второй мудрый Соломон. Поэтому достойно победный венец от Бога воспринял Андрей, равноименный мужеству; ибо познавшим Бога братьям следовал он, также кровью омыв страдания, ибо, если не несчастье, то – не венец, или, если нет муки, нет и благодати: ибо всякий приверженный добродетели не может быть без множества врагов; и, зная о ранее случавшихся убийствах врагами, разгоревшись божественным духом, ни во что это не ставил. Поэтому в память убийства твоего вознегодовали небесные ангелы, видя кровь твою, проливаемую за Христа; рыдает же множество правоверных,

видя отца покинутым и кормителя омраченным, звезду светоносную угасающей; окаянные же твои убийцы огнем крестятся бесконечным, который сжигает всякого греха купину, иначе говоря, деяния. Ты же, страстотерпец, молись ко всемогущему Богу дать мир миру.

Убит же был 29 июня, в день памяти святых апостолов Петра и Павла, в субботу, ночью. Начальник же убийцам был Петр, Кучков зять, и с ним ключник Анбал Ясин, Яким Кучкович, а всех неверных убийц было 20, которые собрались на окаянный совет в тот день у Петра, Кучкова зятя. С наступлением ночи субботней они, взяв оружие, как дикие звери, пришли к спальне, где лежал князь, и силой выломали двери у сеней. Блаженный же вскочил, хотел взять меч, но меча не было, ибо ключник Анбал вынул его в тот день из ножен. А меч тот был святого Бориса.

Окаянные же ворвались все в спальню и иссекли его саблями и мечами, и пошли прочь. Он же, оторопев, выскочил за ними, и начал кричать и говорить в болезни сердца; они же, услышав голос, возвратились к нему. Он же сбежал под сени, и его нашли здесь и прикончили. Петр же отрубил ему правую руку. Убит же был в субботу в ночь, и при свете наутро, в воскресенье, на память 12 апостолов, был мертв. Нашли его лежащего под сенями, положили его на ковер клирошане боголюбские, внесли его в божницу, вложили каменный гроб и отпели над ним надгробные песни. Горожане же боголюбские и дворяне разграбили княжий дом и мастеров, которые пришли на дело, грабили золото и серебро, одежду и дорогие ткани, имущество, которому не было числа. И много зла причинили в волости его, пограбили дома посадников его и тиунов, а самих убили, и детских и мечников убили, а дома их разграбили, не ведая сказанного: «Где закон, там и обид много». И

апостол Павел тоже говорит: «Всякая душа властителям повинуется, ибо всякая власть от Бога». Земным естеством цесарь подобен всякому человеку, властью же сана он, как Бог, – изрекал великий Златоустец; тот, кто противится власти – противится закону Божьему, ибо князь не напрасно меч носит, ибо он слуга Божий. Но мы на прежнее возвратимся. Федул, игумен святой Богородицы Владимирской с клирошанами, со слугами Луки* и с владимирцами поехали за князем в Боголюбское и, взяв тело его, 5-го в четверг, привезли его во Владимир с честью, и положили его у чудной, хвалы достойной церкви святой Богородицы Златоверхой, которую сам создал. Не давал при жизни своей телу покоя и не смыкал очей, пока не обрел дом истины, прибежище всем христианам, Царицы небесных чинов и Госпожи всей вселенной, любого человека многими путями к спасению приводящей. Как учит апостол: кого любит Господь – наказывает, бьет всякого сына, которого приемлет; ибо если наказание принимаете, то как сыновьям вам является Бог. Не поставил ведь прекрасное солнце на одном месте, откуда можно было всю вселенную осветить, но создал для него восток, полдень и запад, Так и угодника своего князя Андрея не привел его к Себе без испытания, способного таковым житием и так душу спасти, но кровью мученическою омылся от прегрешений своих, с братом Романом и Давыдом* единомышленно к Христу Богу пришел и в райском блаженстве несказанном с ними водворяясь, которого ни око не видит, ни ухо не слышит, ни на сердце человеку не ляжет, – что уготовил Бог любящим Его, и он тех благ сподобился видеть вечно. Радуйтесь, Андрей, князь великий, дерзновение имея ко всемогущему и богатейшему из богатых, на возвышении сидящему Богу; молись, чтобы помиловал князя нашего и господина Всеволода,

родного твоего брата, пусть подаст ему победу над врагами и многие лета, с княгиней и благородными детьми, и мир державе его и Царство Небесное, ныне и всегда и в веки вечные. Аминь.

Узнав же о смерти князя, ростовцы, суздальцы и переяславцы и вся дружина от мала до велика съехались к Владимиру и порешили: «Так уже случилось, что князь наш убит, а детей у него нет, сынок его в Новгороде*, а братья его в Руси,— за кем из своих князей пошлем? В соседях у нас князья муромские и рязанские, опасаемся их коварства, вдруг внезапно нападут на нас, пока у нас нет князя; пошлем к Глебу* со словами: “Князя нашего Бог взял, а хотим Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоих шуринов”. А крестное целование забыли, целовали Юрию крест*, что примут на княжение его младших детей Михалка и его брата; крестное целование нарушили, когда посадили Андрея, а меньших выгнали, и теперь, после Андрея, не опомнились, но послушались Дедильца и Бориса, рязанских послов. И, утвердившись святой Богородицей, послали к Глебу со словами: «Тебе, князь, они шурины, а нам — князья; утвердившись в этом, посылаем к тебе послов, присоедини к ним своих послов, пусть идут за нашими князьями в Русь». Глеб же, слышав это, рад был, что на него такую честь возлагают и хотят призвать его шуринов. И, утвердившись крестным целованием и святой Богородицей, послали за ними: «Отец ваш был добр, коли княжил у нас; приезжайте к нам княжить, иных же не хотим». И приехали послы и передали желание дружины; а у князя Святослава в Чернигове вместе с ними находился и Михалко Юрьевич. И сказали Мстислав и Ярополк: «Помоги Бог дружине, коли не забывают любви отца нашего», и, подумав, сказали сами: «Либо лихо, либо благо всем нам, пойдем все четверо,

два Юрьевича и два Ростиславича». И пошли впереди двое: Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич, договорившиеся между собой, целовав крест из рук епископа Черниговского, отдавая старейшинство Михалку; и приехали на Москву. И ростовцы, услышав, вознегодовали и сказали Ярополку: «Ты приезжай сюда», а Михалку сказали: «Подожди немного в Москве».

Ярополк же тайно от брата поехал к дружине в Переяславль, Михалко же, увидев, что брат уехал, поехал к Владимиру, а дружина вся, встретив князя Ярополка, целовала его и, утвердившись крестным целованием с ним, поехала к Владимиру на Михалка. Михалко же затворился в городе, а владимирцев во Владимире не было, ибо они по повелению ростовцев с полутора тысячами поехали навстречу князьям и тоже целовали крест. И со всей силой Ростовская земля приехала на Михалка ко Владимиру, и много зла причинили, привели муромцев и рязанцев и пожгли около города. Владимирцы бились из города, святая Богородица помогала им; и стояли около города 7 недель, и святая Богородица защищала город Свой. Владимирцы же, испытывавшие голод, сказали Михалку: «Мирись, княже, или же сам заботься о себе». Он же отвечал: «Вы правы, что не хотите из-за меня погибать». И поехал в Русь, и проводили его владимирцы с плачем. И потом владимирцы утвердились крестным целованием с Ростиславичами, чтобы не причинить им в городе никакого зла, вышли с крестами навстречу Мстиславу и Ярополку из города; и те вошли в город и утешили владимирцев, и разделили волость Ростовскую, и сели княжить, и Ярополка князя посадили владимирцы с радостью в городе Владимире на столе, совершив положенный обряд в церкви святой Богородицы. Не против же Ростиславичей бились владимирцы, они не хотели покориться ростовцам и суз-

дальцам, и муромцам, которые говорили: «Пожжем их или же посадника у них посадим, ибо это наши холопы каменщики». Потом же ростовцы посадили у себя Мстислава Ростиславича с радостью великой на столе отцовском и дедовском.

Той же зимой женился Ярополк Ростиславич, князь Владимирский; послав в Смоленск, он взял за себя дочь Всеслава, князя Витебского; и венчался с ней во Владимире в церкви святой Богородицы, 3 февраля, во вторник мясопустной недели. В то же лето смолняне выгнали от себя Ярополка Романовича, а *Мстислава Ростиславича* ввели в Смоленск княжить*.

В лето 6684 (1176). Ростиславичи сидели на княжении в земле Ростовской и раздавали по городам посадничество детским из Руси*, а те чинили людям большую тяготу налогами и штрафами. А сами князья были молоды, слушали бояр, а бояре учили их стяжать богатство. Перво-наперво отобрали ключи от ризницы церкви святой Богородицы и забрали золото и серебро, забрали также города ее и дани, которые дал этой церкви блаженный князь Андрей. И стали владимирцы говорить: «Мы добровольно приняли князя к себе, и крест целовали на всем, но он как не своей волостью управляет, будто не собирается оставаться здесь, грабит не только всю волость, но и церкви, подумайте об этом, братья!» И послали к ростовцам и суздальцам, изъясняя им свою обиду; те же на словах были за них, а дела их далеко отстояли, бояре же крепко держались этих князей. Владимирцы же укрепились клятвой и послали в Чернигов за Михалком и братом его Всеволодом*, сказав: «Ты старший в своей братии, пойдя во Владимир, если же что задумают против нас из-за этого ростовцы и суздальцы, то как нам с ними даст Бог и святая Богородица».

И так вот случилось новое чудо святой Богородицы. Михалко с братом Всеволодом и Владимиром Святославичем подошли к Москве, а владимирцы выехали навстречу. Услышали об этом Мстислав и Ярополк, надумали с дружиной, чтобы Ярополку идти навстречу с полком своим, встретить их и биться с ними, не пуская их ко Владимиру. И Божьим Промыслом разминулись в лесах: Михалко с Москвы поехал с братом Всеволодом ко Владимиру, а Ярополк иным путем ехал на Москву. И пришла к Мстиславу от Ярополка весть: «Михалко болен, несут его на носилках, дружины с ним мало, и я пойду за ним следом, захвачу замыкающую часть дружины, а ты, брат, иди скорее ему навстречу, дабы не вошел во Владимир». Эта весть была получена Мстиславом в субботу и тогда же объявлена дружине, а на завтра он быстро поехал из Суздаля, как на зайцев погналась дружина его. Михалко с братом Всеволодом не доехал до Владимира 5 верст, когда внезапно встретил его Мстислав со своей дружиной и выступил полк из-за горы, все в бронях, как окованные льдом*, и подняли стяг; Михалко же поспешил с братом своим Всеволодом и построил свои полки, а Мстиславичи пошли с криками, как будто их поглотить намереваясь. Стрельцы перестреливались с обеих сторон, и внезапно Мстиславичи бросили стяг и, не доехав до противостоящего войска, побежали, гонимые гневом Божьим и святой Богородицы. По Божьему Промыслу оба войска не имели особых отличий, и, так как невозможно было распознать своих и чужих, из-за этого многие убежали. И помог Бог Михалку и брату его Всеволоду, молитва отца его и деда и прадеда, и крестное целование, поскольку целовали крест и пренебрегли этим; Бог же помог ему и оправдал перед всеми людьми.

Михалко же одержал победу с братом своим Всеволодом в воскресенье и поехал во Владимир с честью

и славой великой, а дружина его и Всеволода и владимирцы вели впереди колодников, наказанных Богом, дабы не нарушали крестного целования, данного князьям, и старшего брата чтили, а злых людей не слушали, которые не хотят добра между братьями. Навстречу же Михалку и брату его Всеволоду вышли с крестами игумены и попы, и все люди, и въехал в город к святой Богородице, 15 июня, в воскресенье.

Мстислав же бежал в Новгород, а Ярополк в Рязань, а мать их, супругу Ростислава, со снохами захватили владимирцы. Михалко же, приехав во Владимир с братом своим Всеволодом, возвратил святой Богородицы города, отнятые Ярополком, и была во Владимире великая радость, ибо видели владимирцы у себя великого князя всей Ростовской земли. Мы же подивимся чуду новому и великому и преславному Матери Божьей, как защитила город Свой от великих бед и горожан Своих укрепила: ибо не поразил их Бог страхом, и не испугались, имея двух князей в этой волости, и ни во что не ставили угроз их бояр, оставаясь во Владимире 7 недель без князя и возлагая всю свою надежду и упование на святую Богородицу и на свою правду. Ибо новгородцы изначала, а также и смолняне, и киевляне, и полочане, и все волости как на совет сходятся на вече, и что решат старейшие, то и пригороды принимают; а здесь город старый Ростов и Суздаль, и все бояре хотели свою правду утвердить и не хотели следовать правде Божьей, но сказали: «Как нам хочется, так и сделаем, ибо Владимир – пригород наш», и пошли наперекор Богу и святой Богородице и правде Божьей, слушая злых людей, развратников, не желающих нам добра, завидующих городу этому и живущим в нем.

Поставил же прежде город этот великий Владимир, и потом князь Андрей, этого же Михаила и брата

его Всеволода избрали Бог и святая Богородица. Как сказано в Евангелии: исповедаюсь Тебе, Отче, Господи неба и земли, ибо утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам. Так и здесь: не подумали давние люди, ростовцы и суздальцы, считающиеся старейшими, как следовать правде Божьей, новые же люди, меньшие, владимирские, поняли это, и крепко стали за правду, и сказали себе: «Либо добудем себе князя Михалка и брата его Всеволода, либо головы свои положим за святую Богородицу и тех князей». И утешил их Бог и святая Богородица чудотворная Владимирская: ибо чего человек просит у Бога всем сердцем, того Бог не лишит. И вот владимирцы прославлены Богом по всей земле за их правду, и помогает им Бог.

Потом прислали ко князю Михалке суздальцы, говоря: «Мы, князь, в том походе с Мстиславом не были, а были с ним бояре; на нас же лиха в сердце не держи, но поезжай к нам». Михалко же поехал с братом Всеволодом в Суздаль, и из Суздаля в Ростов, и установил порядок людям, укрепился с ними крестным целованием, приняв от них честь и многие дары от ростовцев, и посадил брата своего Всеволода в Переяславле, а сам возвратился во Владимир. В то же лето пошел Михалко с братом Всеволодом на Глеба к Рязаню, и когда он был на реке Мерьской, встретили его послы Глеба со словами: «Глеб кланяется, говоря: я во всем виноват, ныне же верну все, что взял у шуринов своих Мстислава и Ярополка, вплоть до золотника». И икону святой Богородицы, что взял во Владимирской церкви, и книги, и то все возвратил. Михалко же и Всеволод уладились с ним и возвратились во Владимир.

В лето 6585 (1177). Скончался благоверный и христоролюбивый князь Михалко, сын Юрия, внук Владимира Мономаха, в субботу на заходе солнца, 20 июня, на

память святого отца Мефодия, и положили его у святой Богородицы Златоверхой во Владимире, которую создал брат его Андрей. Владимирцы же, вспомнив Бога и крестное целование великому князю Юрию, вышли перед Золотыми воротами, и целовали крест князю Всеволоду, брату Михалкову, и детям его, и посадили его на отцовском и дедовском столе во Владимире. В то же лето ростовцы и их бояре привели Мстислава Ростиславича из Новгорода, сказав ему: «Пойди, князь, к нам; Михалка Бог принял на Волге в Городце, а мы хотим тебя и иного не хотим»; и повели же его на живого князя Михалку.

Он же приехал к Ростову, собрал ростовцев и бояр, воинов княжеских, и слуг, и всю дружину и поехал к Владимиру. Всеволод же поехал навстречу ему с владимирцами и со своей дружиной, и с оставшимися у него боярами, а за переяславцами послал Ярослава Мстиславича, своего племянника. Когда Всеволод был за Суздалем, увидел он чудную Матерь Божию Владимирскую и весь город с основания, стоящий как бы на воздухе, — явил Бог и святая Богородица новое чудо; и князь, и все его воины смотрели на это чудо и говорили воины: «Князь! Ты прав, поезжай против него». Князь же Всеволод благосердный, не желая проливать кровь, послал к Мстиславу со словами: «Брат! Поскольку тебя привела старейшая дружина, поезжай в Ростов, а оттуда мир объяви; тебя привели ростовцы и бояре, а меня с братом Бог привел и владимирцы, а суздальцы будут нам общими, пусть кого захотят, тот им и будет князем». Он же послушался совета ростовцев и их бояр, которые в своей надменности и забыв крестное целование, сказали ему: «Если ты и дашь ему мир, то мы не дадим»; так думали они в высокоумии своем, не ведая, что Бог дает власть, кому хочет, Всевышний ставит цесаря и князя.

Если какая земля исправна перед Богом, он поставляет ей праведного князя, любящего суд и правду; если же князя правдивы, то много отпускается согрешений этой земле, поскольку то есть глава земли.

Мстислав же не послушал Всеволода, дядю своего, желавшего ему добра, но послушал Добрына Долгого, Матвея Шибутовича и иных злых советников. Князь же Всеволод, приехав к Юрьеву, соединился с переяславцами, сказав им об отказе Мстислава. Они же сказали ему: «Ты ему добра хотел, а он за головой твоей охотится; поезжай, князь, на него, не беспокоясь о нас и детях наших и женах, которые достанутся ему; еще и девятого дня нет, как твой брат умер, а он хочет кровь пролить». Князь же Всеволод, надеясь на Бога и на святую Богородицу, которую видел у Суздаля, перешел реку Кзу рано в субботу и, выстроив полки, поехал на Мстислава; Мстислав же стоял, приготовившись, у Липиц. Стрелки перестреливались между полками, и пустили обе стороны коней рысью друг на друга, и покрыли поле Юрьевское. И Бог помог Всеволоду Юрьевичу, 27 июня, на память святого Сампсона, дававшего приют странникам, и побежал Мстислав и дружина его, и Добрыну Долгого здесь убили, и Иванка Степановича, и иных, а ростовцев и бояр всех повязали, во Всеволодовом же полку благодаря Богу и честному кресту не было потерь. И села боярские взяли, и коней и скот; Мстислав же бежал к Ростову, а из Ростова к Новгороду. Князь же Всеволод, победив в сражении, возвратился во Владимир с честью великой, а владимирцы и дружина вели колодников, гнали скот и коней, славя Бога и святую Богородицу и крестную силу, которой пренебрегли ростовцы и бояре. Доколе же терпеть Богу? За грехи их навел он на них и наказал их по достоинству рукой благоверного князя Всеволода Юрьевича.

Мстислав же прибежал к Новгороду, и сказали ему новгородцы: «Ты ударил пятою Новгород, и пошел на дядю своего Михалка, подговоренный ростовцами; и если Михалка Бог взял, а с братом его Всеволодом Бог тебя рассудил, зачем к нам идешь?» И не приняли его, и он поехал из Новгорода в Рязань, и подговорил Глеба, князя Рязанского, зятя своего. Глеб же той осенью напал на Москву и пожег весь город и села. Князь же Всеволод поехал на него, и, когда он был за Переяславем под Шерньским лесом, приехали к нему новгородцы, отроки Милонежка*, и сказали ему: «Князь! Не ходи без новгородских сынов, пойди на него вместе с нами». Князь же Всеволод послушал новгородцев, возложил упование на Бога и на святую Богородицу, и возвратился во Владимир, а Глеб пожег Москву и пошел к Рязаню. Того же лета, на зиму, пошел князь Всеволод на Глеба к Рязаню с ростовцами и с суздальцами и со всей дружиною; и прислал к нему Святослав Всеволодович сыновей своих в помощь Олега и Владимира, пришел к нему и Владимир Глебович, племянник его из Переяславля. И когда они были у Коломны, получили известие, что Глеб иным путем прошел к Владимиру и воюет около Владимира с погаными половцами. И много зла причинил церкви Боголюбской, которую украсил князь Андрей, добрый, иконами и всякими украшениями, золотом и серебром и драгоценными камнями, и эту церковь повелел Глеб, выбив дверь, разграбить с погаными; и села пожег боярские, а жены и дети и имущество отдал поганым на щит*, и многие церкви запалил огнем. И пусть не удивляется никто этому: где множество грехов, там зрелище всякого наказания; поэтому гнев простерся, одних ведут плененных, другие, вплоть до молодых детей, посечены, иные отданы поганым на отомщение, другие трепетали, смотря на убиваемых. И

так князь Глеб Бога разгневал и святую Богородицу. Но мы возвратимся на предшествующее.

Князь Всеволод возвратился от Коломны, пришел назад в землю свою и нашел Глеба, стоящего на Колокше реке с половцами и с пленниками. И не собрались обе стороны биться в течение месяца, ибо нельзя было перейти реку по льду. На масленой же неделе князь Всеволод построил полки и отправил возы на ту сторону реки, где стоял Глеб; Глеб же направил полк с Мстиславом Ростиславичем на возы. Князь Всеволод послал племянника своего Владимира с переяславцами и с ним часть дружины туда, где стояли возы, против Мстислава; Глеб же и Роман, сын его, и Игорь, и Ярополк, перейдя Колокшу, пошли на Всеволода на Прускову гору. И, не дойдя на полет стрелы до полка Всеволода, внезапно побежал шедший впереди Мстислав на этой стороне реки, а Глеб, постояв немного и увидя бежавшего Мстислава, тоже побежал, гонимый Божиим гневом. Князь же Всеволод погнался им вслед со всей дружиной, одних посекая, других связывая. И здесь самого Глеба взяли и сына его Романа, и шурина его Мстислава Ростиславича, и дружину его всю захватили, и советников его повязали всех, и Бориса Жидиславича, и Ольстина, и Дедильца, и множество иных, а поганых половцев перебили оружием. И мы, следуя Давиду пророку, говорим: Боже мой! представь их как колесо, как огонь на ветру, пожигающий дубравы, так погони их гневом Своим, исполни лица их бесчестия*, ибо они осквернили святой дом Твой и по заслугам приняли возмездие, ибо суд без милости не совершившему милости.

Помог Бог и святая Богородица князю Всеволоду в понедельник Федоровой недели, и возвратился с победой великой во Владимир, и привели в город Владимир князя Глеба с сыном его и с шурином Ярополком, и вся

дружина их была схвачена и все вельможи их, и радость великая была во Владимире. И на третий день был великий мятеж во Владимире: поднялись бояре и купцы, говоря: «Князь! мы тебе добра хотим и за тебя головы кладем, а ты держишь врагов своих на свободе; а это враги твои и наши, суздальцы и ростовцы, либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам». Князь же Всеволод благоверный и богобоязненный не хотел этого сделать, и повелел заключить их в темницу, дабы утихомирить людей, а за Ярополком послал, говоря рязанцам: «Выдайте нашего врага или иду на вас». Рязанцы подумали и сказали: «Князь наш и братья наши погибли за чужого князя»; поехали в Воронеж, сами взяли князя и привели его во Владимир, где его также посадили в темницу. Спустя несколько дней снова восстали все люди и бояре, и пришло на княжий двор великое множество с оружием, говоря: «Чего их держать? Хотим их ослепить». Князь же Всеволод опечалился, не имея возможности удержать людей, оглашавших двор криком*...

В лето 6686 (1178). Новгородцы целовали крест Всеволоду Юрьевичу и нарушили крестоцелование; он же пошел к Торжку в их волость, и не хотел брать города, ибо новгородцы обещали уплатить дань, и не исполнили обещанного. И дружина стала жаловаться князю Всеволоду: «Мы не целовать их приехали; они, князь, лгут Богу и тебе». И, сказав это, пришпорили коней и взяли город, мужчин связали, а жен и детей с имуществом забрали на щит*, город же пожгли весь за новгородскую неправду, ибо целуют крест честной и тут же нарушают целование. О том же и пророк говорит нам: понял, сказал, как жесток ты и ключица железная под шеей твоей, потому отнял от вас дождь, одним землям послал дождь, а другой не оросил, иссушил, и поразил вас зноем и различными наказаниями:

и тут вы не обратились ко Мне; поэтому виноградники и нивы ваши, и дубравы истребил, а злобу вашу истребить не смог. Пророк же Захарья видел огненный серп, спускающийся с небес, и спросил: на кого, Господи, послал серп этот? И сказал ему Господь: на клянущихся именем Моим и нарушающих клятву, ибо всякий клятв-вопреступник погибнет.

Князь же Всеволод взял Торжок 8 декабря, на память святого Потапа, полон отправил во Владимир, а сам с частью дружины устремился к Волоку Ламскому, и, примчавшись, дружина захватила князя Ярослава Мстиславича, племянника его, а город пожгли, и хлеб пожгли и все остальное, а люди разбежались. Князь же Всеволод возвратился во Владимир.

В лето 6687 (1179). Скончался в Новгороде на праздничной неделе князь Мстислав Ростиславич, внук Юрия, и положен был в святой Софии.

В лето 6688 (1180). Скончался князь Мстислав Ростиславич, внук Мстислава, в субботу 50-ю, и положен был в святой Софии, которую создал Владимир Ярославич. В то же лето прислали Всеволод и Владимир Глебовичи к Всеволоду Юрьевичу со словами: «Ты господин, ты отец; брат наш старейший Роман отнимает у нас волости, слушая тестя своего Святослава, а крестоцелование тебе нарушил». Князь же Всеволод пошел к Рязаню. И, будучи у Коломны, встретил тех братьев княжичей, прибывших с поклоном, и принял их Всеволод с любовью, и пошли от Коломны. И здесь в Коломне князь Всеволод захватил Глеба Святославича, и послал его во Владимир. Сторожи же Романа переправились через Оку и встретились с нашими сторожами, и Бог помог нашим сторожам; они же побежали, а наши погнались за ними и притиснули их к реке Оке, одних перебили, других пленили, иные утонули. Роман же, услышав об

этом, побежал в поле мимо Рязаня, а братьев своих Игоря и Святослава затворил в Рязани. Князь же Всеволод пошел к Рязаню, взял город Борисов-Глебов, придя же к Рязаню, заключил мир с Романом и Игорем, и те целовали крест на всей воле Всеволода; и, определив ряд для всей братии, распределив им волости каждому по старшинству, Всеволод возвратился во Владимир.

В лето 6689 (1181). Пришел князь Святослав Всеволодович с новгородцами, и с половцами погаными, и с черниговцами на Всеволода Юрьевича. Всеволод же пошел им навстречу и встретил их на реке Влене, и стояли друг против друга две недели. Дружина Всеволода сильно желала наступать на Святослава, Всеволод же, благосердечный, не хотел проливать кровь и не ехал на него. Святослав же, простояв две недели, побоялся распутицы, пожег город Дмитров и возвратился в Русь, а князь Всеволод вернулся во Владимир.

В лето 6690 (1182). Новгородцы привели к себе Владимира Святославича, а Ярополку дали Торжок; он же, сидя в Торжке, начал разорять Поволжье, людей Всеволода. Князь же Всеволод устремился к Торжку и, приехав, стоял около города месяц. И люди изнемогали в городе от голода, ели конину, и наконец сдались; и взяли город, пленив князя Ярополка. И возвратился с победой Всеволод во Владимир, а новгородцев привел во Владимир, а затем снова отпустил в Торжок.

В лето 6691 (1183). Скончалась благоверная княгиня Ольга, названная в монашестве Евфросиньей, 4 июля, и положена в церкви святой Богородицы во Владимире.

В лето 6692 (1184). Пошел князь Всеволод на болгар с Изяславом Глебовичем, племянником своим, и с Владимиром Святославичем, и с Мстиславом Давидовичем, и с Глебовичами рязанскими: с Романом, и с Игорем, и со Всеволодом, и со Владимиром, и с муромским

Владимиром; и пришли в землю Болгарскую. И высадившись на берег, пошли к Великому городу и стали у городка Тухчина. И простояв тут 2 дня, пошли на третий день к Великому городу, пустив вперед сторожей; оттуда же белозерский полк направил князь к ладьям, дав воеводство Фоме Лазковичу. Когда же князь пошел в поле, наши сторожи заметили полк в поле и думали, что это болгарский полк. Из того же полка приехали 5 мужей и ударили челом князю Всеволоду и сказали ему: «Кланяются, князь, половцы Емяковы*, пришли с князем воевать болгар». Князь же Всеволод советовался с братией и дружиной, взял с них половецкую клятву и пошел вместе с ними к Великому городу. И пришел князь к городу, и перешел реку Черемисан в 1-й день, построил полки, а сам начал совещаться с дружиной. Изяслав же Глебович, внук Юрия, поспешил с дружиной, взял копье и устремился к укреплению, сделанному вышедшей из города пехотой. И, ворвавшись за ограждение к воротам городским, сломал копье, и в это время ударила его стрела сквозь броню под сердце, и принесли его еле живого к обозу. Болгары же из городов Собекуля и Челмата пошли в ладьях, а из Торцкого на конях, на наши ладьи; и приехали к стоянке ладей. Наши же, укрепляемые Божьей помощью, пошли на них; увидев это, они побежали, а наши погнались за ними, посекая поганых Бохмитов; и, прибежав к Волге, они вскочили на суда и опрокинули суда. И утонуло их более тысячи, гонимые Божьим гневом и святой Богородицей и князя Всеволода молитвами.

Князь же Всеволод стоял около города 10 дней; видев же племянника изнемогающим*, согласился на предложенный болгарам мир и пошел назад к пристани*; и здесь на пристани Бог взял Изяслава, и положили его в ладью. Князь Всеволод возвратился во Владимир,

а конницу пустил на мордву; Изяслава же привезли и положили у святой Богородицы во Владимире.

В лето 6693 (1185). Князь Всеволод послал в Киев к Святославу Всеволодовичу и к митрополиту Никифору, прося поставить епископом Луку, смиренного духом и кроткого игумена святого Спаса на Берестовом; митрополит же Никифор не хотел поставить его, ибо по мзде поставил Николу Гречина. Князь же Всеволод не хотел его, еще больше не хотел Бог, ибо недостойно добиваться святительского сана по мзде, но кого Бог позовет и святая Богородица, захочет князь и люди; так и этого игумена Луку Бог желал и святая Богородица и князь Всеволод, за его кротость и смирение. Митрополит же Никифор повелел Николе Гречину отказаться письменно от земли Ростовской, и поставил сего Луку епископом Ростову и Владимиру и Суздалю и всей земле Ростовской; поставлен же был 11 марта, на память святого Софрония, архиепископа Иерусалимского. Был же этот муж молчаливым, милостивым к убогим и вдовицам, ласков ко всем, и богатым и бедным, смирен и кроток, словами и делом утешая опечаленных, поистине добрый пастух, который пасет словесных овец, искренне, с кротостью и вниманием оберегая их и бодрствуя за них день и ночь. И следуя обычаю святых, переходя от дела к делу лучшему и воздавая Богу обычные молитвы, в аромат благоухания принося кадило молитвенное, фимиам благовонный, победив мирскую плоть и миродержца князя века этого, дьявола, поправ врага и его козни, победителем явился врагам, стрелам и гордым помыслам противостоя, укрепился оружием крестным, оскорбление Христово на себе нося; не имел он града здесь, но будущий искал верою непобедимой и Божьей помощью. Молись за порученное тебе стадо, за людей христианских, за князя и за землю Ростовскую, кото-

рые, видя воздержание твое, прославляют Бога, ныне и присно и во веки веков.

Того же лета был большой пожар во Владимире, 18 апреля, на память святого Симеона, родственника Господня, в среду*; погорел едва не весь город, и 32 церкви, и соборная церковь святой Богородицы Златоверхая, которую украсил благоверный князь Андрей, и та загорелась сверху, и что было в ней драгоценностей, паникадил серебряных, сосудов золотых и серебряных, одежд расшитых золотом и жемчугом, и чудных икон, окаймленных золотом, драгоценными камнями и жемчугом крупным, им же нет числа – все погорело. Божьим попусшением за грехи наши лишились люди разума, вытащили из церкви все во двор, а из терема вынесли куны и книги и шелковые ткани, которые вешали на праздник, и сосуды бесчисленные – все уничтожил огонь, как в древности ковчег Божий* пленили иноплеменники. Это случилось за грехи наши, ибо умножились грехи наши и неправды; это навел на нас Бог, веля нам покаяться и очиститься от греха, и от зависти, и от прочих злых, неприязненных дел. Ибо Бог наказывает рабов Своих различными бедами, огнем, и водою, и ратью, и иными различными наказаниями, дабы явились как золото, испытанное в горниле; ибо христиане через многие напасти могут войти в Царство Небесное; ведь Сам Христос Бог сказал: труден путь в Царство Небесное и лишь не жалеющие усилий получают его. Но не выдай нас до конца, ради имени Твоего святого, и не лишай нас милости Твоей; ибо если беззакония заметишь, то кто устоит? Ибо Ты знаешь, Владыка, наших согрешений движение на зло; одно наказание, одна казнь, многообразные имеющая раны. И это тем более неприятно и страшно, что в христианском роде страх и колебание и беда распространились*. Справедливо и достойно так нас нака-

зывать, так веру возродим. Подобаает нам сказать вслед за Иовом: «Как Господу угодно было, так и случилось». Ибо в наказаниях познаем Владыку, Которого мы прогневали. Мы прославлены были и не прославили Его, почтены были и не почтили Его, просветились и не уразумели, куплены были и не поработали, родились и не устыдились, как будто Он не Отец, согрешили и наказаны, как поступили, так и страдаем. Но все-таки надемся на милость великого Бога; наказывает нас милосердно благой Владыка, не по беззаконию нашему содеял нам, но по грехам нашим воздал нам*, так подобаает благому Владыке наказывать. О несказанное чело-веколюбие! Ибо по своей воле уклонились мы от заповедей Его и уже не хотим, а терпим, по необходимости, поскольку поневоле*. Где у нас было воздыхание? Ныне же плач простерся, ибо пророк Исая говорит: Господи, в печали вспомнил Тебя, в печали умаляется наказание Твое нам. Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы Богом! Да не будет этого! Кого так Бог любит, как нас возлюбил он и вознес? Никого! Потому и больший гнев простер на нас, что больше всех почтены были и худшие всех совершили грехи. Ибо, больше всех будущи просвещенными, зная волю Владычную и презрев ее и красоту, больше других наказаны. И обращается он к нам словами пророка: «Обратитесь ко Мне всем сердцем вашим, постом и плачем, любовью друг к другу, не воздавая зла за зло, давая правду обижаемой вдовице, изгоняя клеветующего на ближнего, по Богоотцу Давиду, говоря: “Избавь меня от клеветы людской, и сохрани заповеди твои”». И если это сделаем, от всех грехов получим прощение, и, как чадам Своим, подаст нам по всем прошениям нашим. Ибо от Тебя, о Владыка и пречистая Матерь, всякое благое даяние и дары свыше посылаются, ныне и присно и во веки веков, аминь.

В то же лето* вложил Бог в сердце русским князьям – ходили все русские князья на половцев: Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давидович, Всеволод и Мстислав, и галичская помощь, и владимирская и луцкая; и пошли на них все вместе, и, перейдя реку Угол, 5 дней искали их. Владимир же Глебович, внук Юрьев, ехал впереди в сторожах с переяславцами, и берендеев с ним было 2100. Половцы же, услышав, что на них пришла Русь, рады были, надеясь на силу и говоря: «Это Бог дал князей русских и полки их в наши руки». И устремились на бой, не ведая сказанного, что против Бога нет ни мужества, ни совета, и пошли против Владимира с криком, как будто поглотить их намереваясь. Владимир же помощью Божьей и святой Богородицы, и деда своею святого и отца молитвою укрепляем, пошел им навстречу, испросившись у Святослава, говоря: «Волость моя опустошена половцами, пусти меня, отец Святослав, вперед со сторожами»; князья же русские не успели с Владимиром. Половцы же, увидев, что полк Владимира уверенно идет на них, побежали, гонимые гневом Божьим и святой Богородицы; наши же погнались за ними, посекая их, 7 тысяч их захватили, одних князей половецких взяли 417: Кобяка пленили, Осолука, Барака, Тарга, Данила, Башкорта, Тарсука, Изу, Глеба Тирьевича, Ексна, Алака, и Толгия*, тестя Давыдовича, с сыном, Тетия с сыном, Кобякова тестя Турундая. И помог Бог и святая Богородица Владимиру, 31 июля, в понедельник, на память святого Евдокима Нового; дал Господь великое избавление нашим князьям и воинам от врагов наших, побеждены были иноплеменники куманы, иначе говоря половцы, и сказал Владимир: «Это день, который дал нам Господь, возрадуемся и возве-

селимся этому дню, ибо Господь избавил нас от врагов наших, и покори́л врагов наших под ноги наши, и сокрушил головы змеиные». И была великая радость: дружина обогатилась пленниками и повела колодников, добыла оружия и коней, и возвратилась домой, прославляя Бога и святую Богородицу, скорую Помощницу роду христианскому.

В лето 6694 (1185)*, 1 мая, на память святого пророка Иеремии, в среду, к вечеру, было знамение в солнце, и стало так темно, что видны были звезды, а в очах у людей виделось все зеленым, и солнце стало как месяц, из рогов его как горящий уголь излучался; страшно было людям видеть знамение Божие. В то же лето, того же месяца мая в 18 день, на память святого мученика Потапия, в субботу, родился у великого князя Всеволода сын, и назвали его в святом крещении Константином.

Того же лета надумали внуки Ольговичи пойти на половцев, поскольку не ходили в предшествующее лето со всеми князьями, но пошли сами по себе, говоря: «Разве мы не князья? Пойдем и себе также славы добудем». И собрались у Переяславля Игорь с двумя сыновьями из Новгорода Северского, Всеволод брат его из Трубчевска, Святослав Ольгович из Рыльска, и черниговская помощь, и вошли в землю их. Половцы же, услышав об этом, сказали: «Братья наши и отцы наши перебиты, а другие пленены, а ныне эти идут на нас». И послали по всей своей земле, а сами пошли навстречу, поджидая подхода дружины своей. И пошли князья на вежи их, они же, не дождавшись дружины, встретили их у вежей, и сошлись на бой и побеждены были половцы, и избивали их вплоть до веж, и взяли много пленных, женщин и детей. И стояли на вежах три дня, веселясь и говоря: «Братья наши ходили с великим князем Святославом, и бились с ними, взирая на Переяславль, а они сами к ним

пришли, а в землю их не смели за ними идти, а мы в их земле, и самих их побили, жен же и детей их пленили. Теперь же пойдем за ними за Дон и до конца изобьем их, и если здесь с нами будет победа, то пойдем и далее за ними в луку моря, куда не ходили и деды наши, и возьмем до конца свою славу и честь». Божьего же промысла не ведали. Остаток тех разбитых половцев бежал к своей дружине, к которой ранее посылали весть, и рассказали им о своем поражении; те же, слышав об этом, пошли с ними и за другими послали. И вступили в бой стрельцы, и бились 3 дня стрельцы, а копий с себя не снимали, и дружина выжидала, не допуская русское войско к воде, пока не подошла к ним вся дружина. Наши же, увидев их, ужаснулись, высокомерия своего лишились, не ведая сказанного пророком: «Не дано человеку ни мудрости, ни мужества, ни совета против Господа». Ибо изнемогали от жажды, и кони, и сами, в зное и изнеможении, и едва пробилась к воде, ибо 3 дня не пускали их к воде. Увидев устремившихся на них половцев, притиснувших их к воде, бились с ними крепко, и была сеча злая, и, сойдя с коней, изнемогавших под воинами, отпустили их*. И побеждены были наши, гневом Божьим, князей всех пленили, а бояре и вельможи и вся дружина были перебиты или, раненые, взяты в плен. И возвратились половцы с великой победой, а о наших некому было и весть принести за наше согрешение. Там, где была у нас радость, ныне вздохи и плач распростерлись. Ибо сказал пророк Исайя: «Господи! В печали помянул Тебя» и прочее*. И половцы наказали с купцами: «Идите за своими братьями, а мы пойдем к вам за своей братией». Князья же и бояре, услышав о таком несчастье, возопили все, и стояли плач и стенание, у одних были побиты или пленены братья, у других отцы и родственники. А князь Святослав послал за сынами своими и за всеми

князьями, и собрались они к нему в Киев и выступили к Каневу. Половцы же, услышав, что идет вся Русская земля, бежали за Дон, а Святослав, услышав об этом, возвратился в Киев со всеми князьями, и разошлись все по своим землям. Половцы же, услышав о возвращении их, внезапно напали на Переяславскую землю, взяли все города по Суле и весь день бились у Переяславля. Владимир же Глебович, видя, что половцы занимают острог, выехал с малой дружиной на них из города, и пошел на них, и бился с ними крепко. И окружили князя плотно, и, видя, что дружина изнемогает, горожане устремились из города и бились, и едва отняли князя, пораженного тремя копьями, дружины же много пало. И вбежали в город, и затворились; половцы же с большим полоном возвратились в вежи. И несколько дней спустя бежал Игорь князь от половцев: ибо не оставит Господь праведного в руках грешника. Ибо очи Господни для боящихся его, а уши для молитвы их. И гнались за Игорем вслед, и не настигли его. Как и за Давидом гнался Саул, но Бог избавил его, так и сего Бог избавил от рук поганных; остальных же содержали строго и стерегли, заковав в цепи и подвергая наказаниям. Это случилось по грехам нашим, поскольку умножились грехи наши и неправды: ибо Бог наказывает рабов Своих различными напастями, огнем и водою, и ратью и иными различными наказаниями; ибо христианину через многие напасти предстоит войти в Царство Небесное; согрешив, принимаем наказание, как сделали, так и восприняли, но наказывает нас Бог милостиво. И никто не может сказать, что ненавидит нас Бог; не будет такого! Кого так любит Бог, как нас возлюбил и вознес, и страсть принял ради нас, дабы нас избавить от дьявола?

Того же лета послал князь Всеволод Юрьевич на болгар воевод своих с городчанами, и взяли села многие

и возвратились со многим полоном. В то же лето выгнали новгородцы Ярослава Владимировича, Мстислава Давыдовича взяли княжить в Новгороде: таков у них обычай.

Тем же летом дьявол, искони ненавидящий род человеческий, возбудил вражду и, борясь с желающими спастись, настроил Романа, Игоря и Владимира на Всеволода и Святослава, братьев меньших – как в прежние времена Каина на Авеля, брата своего, а потом Святотолка на Бориса и Глеба, ради власти, дабы одному власть захватить, а братию избить. И разразилась злая усобица в Рязани: брат брата стремился убить; послали к ним, коварно зазывая их на совет, дабы схватить там. Те же проведали о замысле и стали укреплять город, а они, услышав, что город укрепляют, пошли к Пронску, собрав большое войско. Младшие братья затворились в городе, а старшие начали воевать у города и по селам. Услышал же об этом великий князь Всеволод Юрьевич, правоверный, боясь Бога и не желая видеть кровопролитие, послал к ним из Владимира послов своих в Рязань ко Глебовичам – Роману, Игорю и Владимиру, говоря им: «Братья! Зачем так делаете? Не удивительно было бы, если бы поганые нас воевали, вы же ныне хотите своих братьев погубить». Они же, услышав это, разгорелись буйством и начали гневаться на него и большую вражду поднимать. Как говорит Соломон, поучающий злых примет себе оскорбление, обличишь безумного – обругает тебя; не обличай злых, да не возненавидят тебя, обличай мудрого – возлюбит тебя, а безумного обличишь – возненавидит тебя; так и эти разгорелись ревностью и не послушали его, но стали замышлять против него войну. Всеволод же с братом своим Святославом послали из Пронска во Владимир к великому князю Всеволоду Юрьевичу, прося помощи, он же послал к ним 300 владимирских дружинников,

и рады были, услышав о их прибытии. И пошли Роман с братьями к городу, и осадили город, и бились крепко. Всеволод же Юрьевич послал на помощь Ярослава Владимировича, свояка своего, а из Мурома Владимира и Давыда. И когда они были у Коломны, осаждавшие, услышав об идущей из Владимира помощи, бежали от города. И Всеволод, видя, что осаждавшие бежали, выехал из города, оставив в городе Святослава, а сам поехал к Коломне навстречу Ярославу, Владимиру и Давыду, и поведал им, что нападавшие от города бежали. Они же, услышав об этом, возвратились во Владимир, и Всеволод пошел с ними на совет к Всеволоду Юрьевичу, великому князю. Услышали Роман, Игорь и Владимир, о том, что те возвратились назад и что брат их Всеволод пошел на совет к Всеволоду Юрьевичу, и вновь пошли к городу. Святослав же затворился в городе, и бились крепко. И отвели воду у них, и изнемогали люди в городе от жажды; и послали в город к брату Святославу со словами: «Не мори себя с дружиной голодом, и людей не мори, но выходи сюда к нам; ты нам брат или причиним тебе зло? Лишь не приставай к брату Всеволоду». Он же послушал бояр своих, которые сказали ему: «Брат твой пошел во Владимир, а тебя выдал»; и отворили ворота. Они же, въехав, отдали ему город, а он целовал к ним крест, и посадили его в том городе, а дружину Всеволода повязали всю, жену же его с детьми, а свою невестку, повели в Рязань, и бояр его, и имущество их развели порознь, и владимирцев, которые были посланы к ним в осаду, многих повязали. Услышал же Всеволод, что жена его с детьми пленены, и бояре, и имущество захвачены, а брат его предал. Весьма опечалился, и пошел из Владимира и сел в Коломне; и начали они воевать между собой, и была между ними лютая ненависть.

Всеволод же Юрьевич, услышав о том, что Святослав коварно предал и дружину его выдал, начал собирать воинов, говоря: «Верни мою дружину добром, как и получил ее от меня; если ты и миришься со своими братьями, то почему моих людей выдаешь? Я к тебе послал, ты прислал с челобитием ко мне о помощи; если ты воюешь, и они воюют, если ты миришься, и они мирятся». Они же услышав, что Всеволод хочет идти на них, послали к нему со словами: «Ты отец, ты господин, ты брат; где твоя обида будет, мы первыми головы свои сложим за тебя, и ныне не имей на нас гнева; если мы и воевали против своего брата, то потому, что он нас не слушает, тебе же кланяемся и мужей твоих отпускаем».

Всеволод же не захотел мира с ними, как говорит пророк: брань славная лучше постыдного мира, со лживым миром же великие несчастья обрушиваются на земли.

Того же лета, на зиму, пошел на Полоцк Давыд Ростиславич из Смоленска, а сын его Мстислав из Новгорода, из Логожеска Василько Володаревич, из Друцка Всеслав; и, услышав об этом, полочане посоветовались и решили: «Не можем мы противостоять новгородцам и смоляннам; если допустим их в землю свою, даже если и мир заключим с ними, много нам зла причинят, опустошат землю нашу по пути к нам; пойдем навстречу им к границе». И собрались все, и пошли к ним, и встретили их на межах с поклоном и честью, и дали многие дары, и уладились, и разошлись каждый в свою землю.

В лето 6695 (1187), 2 мая, в день перенесения святых мучеников Бориса и Глеба, родился у великого князя Всеволода сын, и назвали его в святом крещении Борисом. В то же лето приходил епископ Черниговский Порфирий к Всеволоду Юрьевичу во Владимир, прося у него мира, дабы помирить его с рязанцами, с Глебовичами, поскольку Рязань принадлежит к Черниговской

епархии; и стоял в монастыре Вознесения, на самый праздник Вознесения Господня. Всеволод же Юрьевич, боясь Бога и не желая видеть раздора, послушался его и своего епископа блаженного Луки, моливших его, послал его в Рязань с миром, приставив к нему своих мужей и мужей Святослава и брата его Ярослава Всеволодовичей, внуков Олега, а с ними отпустил всех мужей рязанских, которые были захвачены. Они же пришли в Рязань к Роману, Игорю, Владимиру, Святославу и Ростиславу*, он же тайно от всех мужей и послов Всеволожих извратил предложения Всеволода, повел себя не как святитель, а как переветник и лжец. Как говорит мудрый Соломон: гнев, укрощаемый ложью, проливает распрю, а война, не до конца замиренная, проливает кровь; а брань славная лучше мира постыдного, живя со лживым миром, большие беды землям причиняют. Так и Порфирий епископ наполнился срама и бесчестия, пошел иным путем в страну свою. Всеволод же Юрьевич, слышав о содеянном Порфирием, хотел послать за ним и захватить его, но положил упование на Бога и святую Богородицу.

Того же лета Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, отдал дочь свою Всеславу в Чернигов за Ростислава Ярославича, внука Всеволода Ольговича, и привели ее 11 июля, на память святой мученицы Евфимии; и была великая радость в городе Владимире, Ярослав Владимирович был тут на свадьбе*, а из Муррома Давыд Юрьевич, и потом разошлись все каждый к себе. Того же лета людей поразила весьма сильная болезнь, так что не было ни одного двора без больного, а в иных дворах некому было и воды подать – все лежали больными. Ибо Бог наказывает рабов Своих различными напастями, водою и огнем и болезнями тяжкими, но если беззакония наши заметишь, Господи, то кто

устоит? Ибо Ты знаешь, Владыка, наших согрешений движение на зло. И Давид пророк говорит: наказывая, накажи меня, Господи, но смерти меня не предай. И Соломон премудрый говорит: часто болезни в теле пребывают, и сама смерть не заленится прийти. Исайя пророк говорит: Господи! В печали помянул Тебя, и в печали умалется наказание Твое нам, как сделали, так и получили. Но все-таки надеемся на милость великого Бога, наказывает нас милосердно благой Владыка, не по беззаконию нашему содеял нам, но по грехам нашим воздаст нам Человеколюбец.

Того же лета расписана была церковь святой Богородицы в городе Ростове блаженным епископом Лукою. Того же лета пошел великий князь Всеволод Юрьевич, внук Владимира, на Рязань со свояком своим Ярославом Владимировичем, и с Владимиром Юрьевичем Муромским, и Всеволод Глебович пошел с ними из Коломны на своих братьев; и, перейдя вброд Оку, шли к Опакову*, и взяли все села и большой полон и возвратились назад, опустошив и пожегши всю их землю.

В лето 6696 (1188), 18 марта, в среду Вербной недели, скончался Владимир Глебович в Переяславле, внук великого князя Юрия. Того же лета скончался Борис Всеволодович. Того же лета прислали новгородцы к великому князю Всеволоду, прося на княжение Ярослава Владимировича, свояка его; он же отпустил его с великой честью с ними в Новгород. Того же лета, на зиму, 17 февраля, был страшный гром: поразило двух отроков и зажгло хоромы. Как говорит пророк Давид: глядя на землю, заставляя ее трястись, прикасаясь в горах, воскурятся; если беззакония наши заметишь, Господи, то кто устоит перед Тобою всегда? Исайя, пророк говорит: наказывая, накажи нас, Господи, смерти же нас не предавай; Господи, в печали вспомнил Тебя, и в печали

умалается наказание Твое нам; сотрясая землю и поражающая ее, явил людям твердость по делам их.

В лето 6697 (1189). Князь великий Всеволод отдал дочь свою Верхуславу в Белгород за Ростислава Рюриковича, 30 июля. Того же лета была освящена церковь соборная святой Богородицы, великим освящением, блаженным епископом Лукою, при князе великом Всеволоде, и сыне его Константине, и Ростиславе Ярославиче, зяте его; великая радость была в городе Владимире, и освящение состоялось в канун Успения святой Богородицы. Того же лета, 29 сентября, скончался княжич Глеб. Того же лета, 10 ноября, скончался благоверный и блаженный епископ Лука Ростовский и Владимирский; убрали тело его князь великий Всеволод Юрьевич с игуменами и с чернецами, с клирошанами и попами, и положили его у святой Богородицы в городе Владимире, 11 ноября, на память святых Мины и Виктора и Викентия. Того же лета родился у Всеволода сын, и называли его в святом крещении Георгием.

В лето 6698 (1190). Послал благоверный христоробивый великий князь Всеволод, сын Юрьев, внук Владимира Мономаха, в Киев к Святославу Всеволодовичу и к митрополиту Никифору отца своего духовного Иоанна на епископство. Как говорит Господь: «На кого направлю внимание, не на кроткого ли и на смиренного, и трепещущего от Моих слов?» Так и на этого блаженного обратили внимание Бог и святая Богородица, желая поставить его служителем своей церкви и пастухом всей земли Ростовской, Суздальской и Владимирской, что и случилось. Поставлен же был 23 января, на память святого мученика епископа Климента, а в Ростов пришел 25 февраля, на память святого отца Тарасья; великий же князь находился в это время в Ростове в полюдьи; а в Суздаль вошел 10 марта, на память святого мученика

Кондрата, а во Владимир вошел 16 того же месяца, в пятницу, канун святого Алексея, человека Божьего, и друга Божьего Лазаря.

Того же лета родился у благоверного и христороубового князя Всеволода сын, 8 февраля, на память святого пророка Захария, и назвали его в святом крещении Феодором, князь же великий находился в время в полюдь в Переяславле.

В лето 6699 (1191).

В лето 6700 (1192), 28 июля, на память святого мученика Евстафия в Анкире Галатийской, были постриги* у великого князя Всеволода, сына Юрия, внука Владимира Мономаха, сыну его Юрию в городе Суздале. Этого же дня и на коня его посадили, и была радость великая в городе Суздале, где был в это время блаженный епископ Иоанн. Того же лета был заложен город Суздаль и тем же летом срублен. В то же лето заложил благоверный великий князь Всеволод Юрьевич церковь Рождества святой Богородицы в городе Владимире; начато же строительство 22 августа, на память святого мученика Христова Агафоника и дружины его, при блаженном епископе Иоанне.

В лето 6701 (1192)*. Был пожар во Владимире городе, 23 июля, в канун памяти святых мучеников Бориса и Глеба, в четверг; в полночи загорелось и горело едва не до вечера, церковей погорело 14, города половина сгорело; княжеский же двор Бог и святая Богородица оградили, святой молитвой деда и отца его избавлен от пожара; и много зла случилось по грехам нашим. Ибо говорит нам Исайя пророк: «Что постимся и не разумеем, и смиряем душу нашу, и не ведаем? Ибо в дни поста вашего обретаєте волю свою, и подданных своих томите; в спорах и распрях поститесь, и бьете кулаком смиренного; почему ради Меня так голодаете, вопиете ко Мне голосом, а

дела делаете неподобающие? Не то пощение Я избрал, и в день, когда смирит человек душу свою, если преклонишь шею свою и постелешь под собой пепел и яриги*, то и это пощение еще не будет принято Богом; ибо не такое пощение избрал, говорит Господь, но освободи путы неправды, и освободи узы бедных, и всякое неправедное написание исправь, раздели между голодными хлеб свой, и убогих, не имеющих крыши над головой, введи в дом свой, если видишь нагого – одень его. Лишь тогда очистится для тебя свет твой, и одежды твои скоро засияют, и придет к тебе правда твоя и слава Божья обнимет тебя; тогда возопиешь, и Бог услышит тебя, и еще будешь говорить, и скажет тебе: вот Я пришел; если отбросишь от себя узы и слова роптанья, дашь голодающему хлеб, и тьма твоя станет как полдень, и будет Бог твой с тобой всегда, и исполнятся желания души твоей, и кости твои размякнут и будут как ограда на поле, как источник, в котором не оскудевает вода, и причастятся сыновья твои и сыновья сынов твоих, и будут села твои и хоромы твои, и строения твои вечны, и прозовешься строителем укрытий, когда не может рука Господняя спасти, или обременял милость Свою? Грехи разделяют нас с Богом, и из-за грехов наших отвращает он лицо Свое от нас, и напускает на нас гнев ярости Своей, иногда засухой, или огнем, или иным наказанием; и если не обратимся всем сердцем к Нему, притесняя друг друга, то наточит на нас Свое оружие. Ибо от Тебя, о Владыка и пречистая его Мать, всякое даяние благо и дары достойные свыше посылаются, всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь».

В лето 6702 (1194). Были постриги у благоверного и христороубивого князя Всеволода Юрьевича сыну его Ярославу, 27 апреля, на память святого Симеона, родственника Господня, при блаженном епископе Иоанне,

и была радость великая в городе Владимире. Того лета заложил благоверный князь Всеволод Юрьевич детинец в городе Владимире, 4 июня, на память святого Митрофана, патриарха Константинополя. Тем же летом, в августе, блаженным епископом Иваном и при благоверном и христолюбивом князе Всеволоде Юрьевиче обновлена была церковь святой Богородицы во Владимире, которая обгорела в великий пожар. И стала опять как новая, и была радость великая в городе Владимире. Тем же летом, в сентябре, тем же епископом Иваном обновлена была церковь святой Богородицы в Суздале, которая разрушилась от ветхости и неустройства; и покрыта была оловом от верха и до закомар и притворов. И то чуду подобно, ибо не искал он мастеров из Немецкой страны, но, молитвою святой Богородицы и своей верой нашел мастеров из холопов святой Богородицы и из своих: одних – лить олово, других – крыть, иных – лить известью. Ибо открыты ему были Богом очи сердечные на церковные дела, так что заботился о церковных делах и клириках как истинный пастырь, а не наемник. Тем же летом, 25 октября, на память святых Маркиана и Мартурия, в канун памяти святого Дмитрия, родился у благоверного и христолюбивого князя Всеволода, сына Юрьева, внука Владимира Мономаха, сын и назван был в святом крещении Дмитрием.

В лето 6703 (1195)*. Послал благоверный и христолюбивый князь Всеволод Юрьевич тиуна своего Юрия с людьми в Русь и построил город в Городце на Остре, обновив свою отчину. Тем же летом скончался князь рязанский Игорь, сын Глебов, и положен был у церкви святых мучеников Бориса и Глеба. Тем же летом, 29 июля, на память святого мученика Калинника, заложил благоверный и христолюбивый князь Всеволод Юрьевич город Переяславль; тем же летом срублен был. Тем же

летом скончался князь киевский Святослав и положен был в монастыре в церкви святого Кирилла, которую создал отец его. Великий князь Всеволод послал мужей своих в Киев и посадил в Киеве Рюрика Ростиславича.

В лето 6704 (1196), 27 марта, на память святой мученицы Матроны, родился у благоверного и христоролюбивого великого князя Всеволода Юрьевича сын, и назван был в святом крещении Гаврилой. Того же лета заложил блаженный епископ Иоанн, на воротах святой Богородицы, церковь каменную во имя Иоакима и Анны, 1 мая, на память святого пророка Иеремии, при благоверном и христоролюбивом великом князе Всеволоде.

В лето 6705 (1197). Искони злой враг дьявол, который беспрестанно воюет с родом христианским, возбудил всех князей русских на вражду: Романко расторг брак с дочерью Рюрика, желая ее постричь в монахини, Рюрик же послал к великому князю Всеволоду со словами: «Брат и сват! Романко от нас отступил и целовал крест к Ольговичам; пошли, брат и сват, к ним уведомление о разрыве крестных грамот, а сам пойдти на них». Той же зимой послал Давыд из Смоленска сыновца своего Мстислава, свата великого князя Всеволода, в помощь зятю своему на Витебск, и победил его Василько с черниговцами, и Мстислава, свата князя, захватили и повели его в Чернигов. Услышал же великий князь Всеволод, что Давыдов полк побежден и сват его пленен, и от Рюрика получил просьбу, переждав зиму на лето, выступил в поход из-за своего свата и чтобы закрепить Киев за Рюриком. И пошел к Чернигову с князьями, рязанскими и муромскими, и Давыд из Смоленска. Рюрик же нарушил обещание и переметнулся к Ольговичам. Князь же великий вошел в их волость, захватил города вятические и опустошил землю; Ярослав же и Ольговичи, не имея сил противостоять ему, били ему челом

и отпустили свата его. Князь же великий, дав им мир, возвратился назад и пришел в город Владимир, 6 октября, на память святого апостола Фомы; и была великая радость во Владимире.

Той же осенью, 27 октября, на память святой мученицы Капитолины, освящена была церковь Рождества святой Богородицы, которую создал великий князь Всеволод. Той же осенью, 3 ноября, на память святого мученика Акепсимы, освящена была церковь на воротах у святой Богородицы, которую создал блаженный епископ Иоанн. Той же зимой, 10 января, на память святого Григория Нисского, принесена была из Селуня доска от гроба святого Димитрия. Той же зимой, в январе, выгнали новгородцы Ярослава, свояка князя, из Новгорода, а Ярополка, сына Ярослава Черниговского*, ввели; князь же великий посадил своего свояка в Новом Торжке.

В лето 6706 (1198). Скончался князь Давыд Смоленский, и постригся и принял схиму; и сел племянник его Мстислав в Смоленске. Того же лета послал благоверный и христоробивый князь Всеволод Юрьевич Павла на епископство в Русский Переяславль. Того же лета родился сын у благоверного князя Всеволода Юрьевича, 28 августа, на память святого отца Моисея Ефиопа, и назван был в святом крещении Иоанном.

В лето 6707 (1199), 30 апреля, на память святого апостола Иакова, ходил благоверный и христоробивый князь великий Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, на половцев с сыном своим Константином. Половцы же, услышав о его походе, убежал, и с вежами к морю; князь же великий ходил по зимовищам их* возле Дона, они же побежали прочь, и князь великий возвратился назад в свой город во Владимир, и вошел 5 июня, на память святого мученика Дорофея епископа, в день субботный, и была радость великая в

городе Владимире. Того же лета скончался князь Ярослав Мстиславич в Переяславле Русском. Того же лета был большой пожар в городе Владимире, 25 июля, на память Успения святой Анны, в субботу; во время литургии загорелось и горело до вечера, церковей сгорело 16, а город едва ли не наполовину.

В лето 6708 (1200). Скончался князь Ярослав Черниговский. Того же лета, 15 июля, на память святых мучеников Кирика и Улиты, заложил благоверный князь великий Всеволод Юрьевич каменную церковь во имя святой Богородицы Успения, в Княгинином монастыре, при блаженном епископе Иоанне.

Той же осенью пришли лучшие мужи от Новгорода, Мирошкины слуги*, к великому князю Всеволоду с поклоном и с мольбой от всего Новгорода со словами: «Ты господин, князь великий Всеволод Юрьевич, просим у тебя сына княжить в Новгороде, ибо твоя отчина и дедина Новгород». Князь же великий, подумав с дружиной своей и утвердив их крестом честным в своей власти, дал им сына своего Святослава. Новгородцы же приняли его у чудной церкви святой Богородицы, с великой радостью и с благословением епископа Иоанна. И Святослав, сын Всеволода, внук Юрия, пошел княжить в Новгород, 12 декабря, на память святого отца Спиридона, братья же Константин, Юрий, Ярослав, Владимир проводили его с честью, и была великая радость в городе Владимире.

В лето 6709 (1201). Послал благоверный и христоролюбивый князь великий Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, сына своего Ярослава в Переяславль Русский княжить, на стол прадеда и деда своего, 3 августа, на память святых отцов Далмата, Фауста и Исакия, великий же князь с детьми своими Константином и Юрием находился тогда в Переяславле. Пере-

яславцы же взяли князя своего Ярослава у святого Спаса, и пошли с радостью великой, хваля Бога и святую Богородицу, а также святого Михаила, давших им желаемого князя; братья же проводили его с честью, Константин и Юрий, и была великая радость в Переяславле. Той же осенью скончался князь черниговский Владимир. Той же зимой явилось знамение в луне, 24 декабря, на память святой мученицы Евгении, и наутро скончалась княгиня Ярослава, свояченица великого князя Всеволода, и положена была в церкви святой Богородицы в сестрином монастыре.

В лето 6710 (1202). Скончался князь черниговский Игорь. Тем же летом, 5 августа, на память святого мученика Евсегия, скончалась княгиня Михалкова Февронья, и положена была в церкви святой Богородицы в Суздале. Той же осенью, 9 сентября, на память святых праведников Иоакима и Анны, освящена была церковь Успения святой Богородицы, которую создала с любовью правоверная великая княгиня, блаженным епископом Иоанном. И были тут великий князь Всеволод и его сыновья Константин, Юрий и Владимир. Той же зимой скончалась в Кидекше Борисковна* и положена была в церкви Бориса и Глеба рядом с отцом и матерью, звали ее Ефросиньей.

Того же лета поднялся Рюрик на Романа, и привел к себе в Киев Ольговичей, желая пойти к Галичу на Романа. И опередил его Роман, собрав полки галичские и владимирские, и въехал в Русскую землю, а Владимировичи*, оставив Рюрика, поехали к Роману, и черные клобуки, собравшись, поехали к Роману, и со всех родов русских люди ехали к Роману; и Роман со всеми полками скоро устремился к Киеву, и киевляне отворили ему ворота Подольские, в Копыреве конце; и въехал он в Подолье, и послал на Гору к Рюрику и к Ольгови-

чам, и привел Рюрика и Ольговичей к крестному целованию, и сам им крест целовал; и отпустил Рюрика во Вручий, а Ольговичей за Днепр в Чернигов, и посадил великий князь Всеволод и Роман в Киеве Ингвара Ярославича. Той же зимой ходил князь Роман на половцев, и взял вежи половецкие, и привел множество пленных, и освободил множество душ христианских, и была радость великая в земле Русской.

В лето 6711 (1203), 2 января, на память святого Сильвестра, папы Римского, взят был Киев Рюриком с Ольговичами и всей Половецкой землей. И великое зло было причинено Русской земле, какого от крещения не было над Киевом, были и беды и нападения, но не такие, как это нынешнее зло; не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и митрополью святую Софию разграбили, и Десятинную церковь святой Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы ободрали, а иные забрали, и кресты честные, и сосуды священные, и одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе, и это все забрали себе в полон. Как говорит пророк Давид: «Боже! Пришли иноплеменники в имение Твое, и осквернили церковь святую Твою; и превратили Иерусалим в овощное хранилище, превратили трупы рабов Твоих в пищу птицам небесным, плоть праведников Твоих отдали зверям земным, пролили кровь их как воду». Все это случилось с Киевом за грехи наши: чернецов и черниц старых перебили, и попов старых, и хромых, и слепых, и горбатых, и больных всех перебили, а чернецов и черниц юных, и попов и попадей, и киевлян, и дочерей их и сынов их – тех всех увели иноплеменники к себе в вежи. Тогда же дружина Ростислава Ярославича захватила Мстислава Владимировича, и увел его Ростислав к себе в Сновск.

Той же зимой было на небе много знамений, об одном из которых скажем. В одну ночь, в 5 часов ночи, низверглося небо все и было красным, по земле же и по строениям снег казался всем видевшим это как кровь, пролитая на снегу; и некоторые видели течение звездное на небесах, ибо низвергались звезды на землю, и видящим это представлялось как кончина; ибо знамения в небесах или в звездах, или в солнце или в луне, или иначе как, не на добро бывают: но знамения эти на зло бывают, предвещая войны, или голод, или смерти. На исходе того же лета, 16 февраля, приходил Роман ко Вручему на Рюрика, отводя его от Ольговичей и половцев. И Рюрик целовал крест к великому князю Всеволоду и к его сыновьям Константину Всеволодовичу и к его братьям; и сказал Роман Рюрику: «Ты уже крест целовал, пошли же мужа своего к свату своему, а я пошлю своего мужа к отцу и господину великому князю Всеволоду, и ты молись, и я буду молить, дабы дал тебе снова Киев». Боголюбивый же и милосердный князь великий Всеволод не помянул зла, что причинил Рюрик Русской земле, и снова дал ему Киев.

В лето 6712 (1204). Прислал Роман мужа своего к великому князю Всеволоду, молясь за Ольговичей, дабы дал им мир и привел ко кресту; великий же князь Всеволод послал мужа своего Михаила Борисовича, и приводили ко кресту Ольговичей, а Ольговичи послали своих мужей и приводили ко кресту великого князя Всеволода, а Романа так же в Руси. И наступил мир*.

В лето 6713 (1205). Ходили русские князья на половцев: Рюрик Киевский, Ярослав Переяславский, великого князя Всеволода сын, Роман Галицкий, и Мстиславич, и иные князья. Была же тогда лютая зима, и половцы испытывали большие трудности, посланные на них в качестве наказания от Бога, и взяли русские князья много

пленных, захватили их стада, и возвратились назад со многим полоном, и была великая радость всем христианам Русской земли. Один дьявол печален был, не желая роду христианскому добра: приехали в Треполь Рюрик и Роман, и Ростислав* приехал из Переяславля, где он был у шурина своего, и было тут обсуждение мироустройства земель и кто как страдал за Русскую землю. И дьявол внес смятение великое; Роман схватил Рюрика, послал его в Киев и постриг его, а также его жену и дочь, с которой развелся, в чернечество; Ростислава же, сына Рюрикова, и брата его Владимира взял с собою. И, услышав, что произошло в Русской земле, великий князь Всеволод весьма опечалился, поскольку каждый христианин радуется о добром и печалится о злом, великий же князь Всеволод был опечален случившимся со сватом своим Рюриком, и с зятем своим, и с его детьми. И вложил ему Бог в сердце позаботиться о Русской земле: он мог за то мстить, но отказался от этого ради христиан, и послал своих мужей к Роману в Галич; Роман же послушал великого князя и отпустил его зятя, который стал киевским князем, отпустил и брата его.

Той же зимой бились Ольговичи с литовцами. Того же лета скончался Владимир Юрьевич, муромский князь. Того же лета, 30 декабря, на память святого апостола Тимона, скончалась дочь великого князя Всеволода, именем Елена, и была положена в церкви святой Богородицы в монастыре, созданном блаженной великой княгиней Всеволожей. 6 февраля, на память святого Вукола епископа, целовали крест Ольговичи к великому князю Всеволоду, и к его сыновьям, и к Роману, и возвратились восвояси.

В лето 6714 (1206), 1 марта, на память святой мученицы Евдокии, великий князь Всеволод послал сына своего Константина в Новгород Великий на княжение; и была в этот день великая радость в городе Владими-

ре. Как сказал пророк Давид: это день, который создал Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный. И еще сказал: Господи! благодаря Твоей силе возвеселится цесарь, и весьма возрадуется Твоему спасению; дал ему желанья сердца, и стремления уст его не лишил, возложил на голову его венец из драгоценных камней; просил у Тебя жизни, и дал ему долготу дней в веки вечные. И еще: Господь говорит мне: Ты Мой сын, и Я сегодня родил тебя; проси у меня, и дам тебе речь достояния твоего, и владение твое до конца земли; и убережешь его палицей железной. И еще сказал апостол: власти мирские учинены Богом; страшась же власти, не причиним зла, дабы не принять от нее еще и муку; и поэтому говорится: Богу слуга, мститель злодеям; если не хочешь бояться власти – не твори зла, и похвалят тебя; если же творишь зло, бойся, ибо не без ума меч носит.

И дал ему отец честный крест и меч, сказав: «Это будет тебе охранитель и помощник, а меч – угроза и защита, который даю теперь тебе беречь людей своих от неприятелей». И сказал: «Сын мой Константин! На тебя Бог раньше возложил старейшинство среди твоих братьев, а Новгород Великий имеет старейшинство во всех княжениях Русской земли, по имени твоём так и хвала твоя*, Бог положил на тебя старейшинство не только в твоих братьях, но и во всей Русской земле, и я даю тебе старейшинство, поезжай в свой город»; и целовав его, отпустил. И проводили его все братья с честью великой до реки Шедашки Юрий, Владимир, Иоанн, и все бояре отца его, и все купцы, и все послы братьев его. И от множества людей, от великой радости шумный говор стоял как до неба, как сказал пророк: все народы и восплещите руками, воскликните Богу голосом радости, как Цесарь великий по всей земле; и пойте имени Его, возвеличьте славу его. С наступлением же вечера по-

клонились ему братья его, и все люди, и все мужи отца его, и все послы братьев его, и, поклонясь ему и вознеся ему великую похвалу, возвратились каждый к себе, испуская радостные и печальные слезы, расходясь после такого радостного события. Рыдало же множество правоверного народа, видя отца сиротам и кормильца отъезжающим, и для печальных великое утешение, омраченным звезду светоносную заходящую, ибо на весь церковный чин открыл ему Бог сердечные очи, и всем церковникам и нищим и печальным был как возлюбленный отец и милостник.

Слышал слова Господа: если сделаете для братии Моей меньшей, то Мне сделаете. И еще: голоден – накормите Меня, жажду – напоите Меня, в темницу заключен – посетите Меня; придете ко Мне, благословенные, наследуете уготованное вам от сотворения мира Царство Небесное. И еще Давид говорит: блажен муж, милующий и подающий весь день, следуя Божьим заповедям, не споткнется. И еще: блажен, заботящийся о нищем и убогом, в судный день избавит его Господь. И апостол говорит: скупко сеющий с благословением пожнет*. И Соломон говорит: милостынею и верою очищаются грехи. Мужество же и ум в нем (Константине) жили, правда и истина с ним ходили, мудростью был второй Соломон.

И пришел он в Новгород, 20 марта, на память святого отца Никиты, в воскресенье, и вышли ему навстречу с крестами и великой честью множество народа от мала до велика с епископом Митрофаном, и была радость великая в Новгороде; как сказал пророк Давид: придете, возрадуемся Господу, воскликнете славу Богу Спасу нашему, и прочая. И пришел он в церковь святой Софии, и посадили его на столе, и поклонился и целовал его с честью; как сказал пророк: Престол Твой, Боже, в веки вечные; возлюбил правду и возненавидел

беззаконие, поэтому помазал тебя Боже, Бог твой; ибо то есть Бог твой, и поклонись ему. И оттуда пришел в свою обитель, и, одарив мужей новгородских, отпустил их с честью, и затем начал править суды. Как сказал пророк: Боже! суд Твой дай цесарю, и правду Твою сыну цесаря, судити людей Твоих по правде и нищим Твоим право суда; так и Господь говорит: цесари стран владеют ими, и князья властвуют над ними; и называются они ангелами господства*. И потом утвердился в своем честном княжении.

Во 2-й день того же месяца постриглась великая княгиня Всеволожая в монахини, в монастыре святой Богородицы, который сама создала, и назвали ее Марией, именем, прежде данным ей при крещении; и проводил ее сам великий князь Всеволод со многими слезами до монастыря святой Богородицы, и с ним сын его Юрий, и дочь его Всеслава Ростиславляя, которая приехала к отцу и матери своей, и не могла видеть печали. И был при этом епископ Иоанн, и Симон, отец ее духовный, и иные игумены и все чернецы, и все бояре и боярыни, и черницы из всех монастырей, и все горожане провожали ее со многими слезами до монастыря, поскольку ко всем была безмерно добра. Благоверная княгиня Всеволожая с детства в страхе Божьем любила правду, воздавала честь епископам и игуменам и чернецам и пресвитерам, и любила черноризцев, снабжая их необходимым; любила же и нищих и странников, утешала печальных, несчастных и больных, удовлетворяя их просьбы.

Того же месяца в 19-й день, на память святого отца Фомы патриарха Константинограда, скончалась благоверная великая княгиня Всеволожая, именем Мария, пробыв в монашестве 18 дней; и положена была в монастыре своем, в церкви святой Богородицы, которую создала. Об этом же хорошо удостоверяет апостол, говоря: нача-

лось у вас дело благое, пусть свершится оно. И похоронили ее с рыданием и плачем великим находившиеся тут князь великий с детьми своими, и епископ, и игумены, и чернецы и черницы, и множество народа, были здесь и епископ Смоленский и игумен Михайловского Отрочьего монастыря, пришедшие к великому князю Всеволоду молиться о мире от Мстислава, свата его.

Блаженная же княгиня лежала в немощи 7 лет, явившись как новый Иов верою и терпением. Как говорит апостол: без несчастья нет венца, без подвига нет чести, без борьбы нет благодати, через многие беды войдет христианин в Царство Небесное. И Даниил говорит: совет мой угоден тебе будет, цесарю, и грехи свои милостынями сгладь, и неправды твои исправь щедротами к нищим. Как говорит Соломон, праведники вечно живут, и от Господа дар им и предначертание от Всевышнего; поэтому воспримут Царствия Небесного красоту и венец доброты от руки Господа, ибо Господь охраняет их. Господь же возвещает: перенесший все до конца спасется. Перенесшие же все это в будущей жизни будут пребывать в покое. Того же лета ходили рязанские князья на половцев и взяли вежи их. Того же лета Роман Галицкий пошел на поляков и взял 2 польских города; и когда стоял он над Вислой, отъехал с небольшой дружиной от своего войска, напали на него поляки, убили его и перебили всю дружину. Галичане же, приехав, взяли тело своего князя и понесли его в Галич, и положили его там в церкви святой Богородицы; галичане же целовали крест его сыну Даниилу. Ольговичи же, услышав об этом, пошли к Киеву. Рюрик же, услышав, что Роман, который его постриг, убит, сбросил с себя чернеческие одежды и сел в Киеве; хотел расстричь и жену свою, но жена, услышав об этом, постриглась в схиму. Ольговичи же пришли к Днепру, Рюрик же вы-

шел им навстречу; и целовал крест Рюрик к Ольговичам, а Ольговичи Рюрику, на том, чтобы всем им идти к Галичу. Когда же пришли они к городу, галичане бились с ними у города, и не имели Ольговичи успеха, и с позором великим возвратились восвояси. Того же лета Ростислав Рюрикович выгнал Ярослава Владимировича из Вышгорода, и сам сел в нем. Того же лета, на зиму, великий князь Всеволод женил своего сына Ярослава, и привели за него дочь Юрия Кончаковича*.

В лето 6714 (1206). Собрались все Ольговичи на совет в Чернигов, Всеволод Чермный со своими братьями, Владимир Игоревич со своими братьями, и Мстислав Романович из Смоленска пришел к ним со своими племянниками, и многие половцы пришли к ним, и снова пошли на Галич. Когда дошли они до Киева, присоединился к ним Рюрик с Ростиславом и Владимиром, и со своими племянниками, и берендичи пошли с ними, а с другой стороны поляки пошли на Владимир. Услышали же галичане, с Романовичами, что идет на них отовсюду сильная рать, сильно напугались, и послали к королю*, прося у него помощи; король же, услышав, что все русские князья идут на Галич, а отсюда идут поляки, собрал все силы и пошел с ними через горы. Романовичи же, увидев, что в земле поднимается великий мятеж, испугались и, не дождавшись короля, бежали из Галича во Владимир, в свою вотчину. Король же, перейдя горы, услышал, что поляки идут в помощь Ольговичам ко Владимиру и пошел наперерез им ко Владимиру. Ольговичи же вошли в их землю, но, услышав, что король стоит у Владимира, не посмели идти к Галичу; и так стояли много дней, не подступая к Галичу ни король, ни Ольговичи. Король же, примирившись с поляками, ушел назад за горы, Ольговичи же пошли назад, ибо обе стороны устояли. Галичане же, видя, что король отходит

прочь, испугались, что русские полки могут возвратиться, а князя у них нет, и, посоветовавшись, послали тайно к Владимиру Игоревичу; Владимир же, получив весть от галичан, украдкой от своих братьев покинул войско и гнал всю ночь в Галич, ибо полки стояли в двух днях от Галича, а король с галичанами прежде, посоветовавшись, послали в Переяславль по Ярославу Всеволодовича и ждали его 2 недели. Ярослав тоже гнал из Переяславля к Галичу, но услышал, что Владимир въехал в Галич за 3 дня до него и вернулся назад в свой Переяславль.

Но мы все это оставим и возвратимся назад к тому, о чем раньше начали говорить. Услышали все князья, что Владимир уехал в Галич, возвратились назад и пришли все в Киев. И Всеволод Чермный, надеясь на свою силу, сел в Киеве и послал посадников по всем киевским городам, Рюрик же, видя свое бессилие, отошел в свой Вручий, а сын его Ростислав пошел в Вышгород, а Мстислав Романович сел в Белгороде. И потом Всеволод Чермный послал в Переяславль к Ярославу Всеволодовичу, сказав ему: «Уезжай из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галича под моей братией не ищи; если же не уйдешь добром, пойду на тебя ратью». Ярославу же ниоткуда не было помощи, и он послал к нему, прося о свободе проезда. Всеволод же целовал крест и дал ему свободный путь, и Ярослав вышел из Переяславля и пошел к отцу своему; Всеволод посадил в Переяславле своего сына, а Ярослав пришел к отцу в Суздаль, 22 сентября, на память святого мученика Фоки, и встретили его братья у Сеянья*, и целовали его.

Того же лета Рюрик, соединясь с Мстиславом Романовичем и со своими сыновьями, и с племянниками своими, выгнал из Киева Всеволода Чермного, а сына его из Переяславля. И сбылась над ним притча евангельская: всякий возносящийся будет смирен, а смиря-

ющийся вознесется; и еще: какой мерою мерите, такой будет отмерено и вам. Рюрик же сам сел в Киеве, а сына своего Владимира посадил в Переяславле. Того же лета, на зиму, Всеволод Чермный соединился со своими братьями и с племянниками своими, и с половцами, и пошел на Киев. Рюрик же, не имея сил выйти навстречу, затворился в Киеве; они же, простояв у города 3 недели, возвратились назад, ничего не добившись. Тогда Владимир, придя из Галича, выгнал из Владимира Романовичей, а брата своего посадил.

Той же зимой было знамение на небе в солнце, 28 февраля, в среду сырной недели*, и стояло от полудня до вечерни*, и осталось его как месяц первого дня рождения; многие же верные люди, видев это, молились Богу, дабы Бог обратил это знамение на добро. Того же дня и Константин приехал из Новгорода к отцу своему, и встретили его на реке Шедашце все братья его, Юрий, Ярослав, Владимир, Святослав, Иоанн, и все мужи отца его, и все горожане от мала до велика; и, увидев его, братья с радостью поклонились ему, и целовали его любезно все люди; и, въехав в город Владимир, Константин поклонился отцу своему, отец же его, встав, обнял, и целовал любезно и с великой радостью, как и Иаков патриарх, видя Иосифа Прекрасного.

В лето 6715 (1207). Пошли все Ольговичи снова на Рюрика к Киеву, Всеволод Чермный со своими братьями и со своими племянниками, и из Турова и Пинска Святополчичи, и пришли к Днепру, и перешли вброд против города Треполя, и обступили его; и была весьма сильная схватка, ибо затворился в нем сын Ярослава Владимировича, и простояли у него 3 недели; и не выдержали люди в городе и сдались, Всеволод же, подчинив их, устремился на Киев, и из Галича пришел к нему Владимир Игоревич. Рюрик же услышав, что идет

на него отовсюду бесчисленная рать, а ему ни от кого помощи нет, бежал из Киева во Вручий. Всеволод же пришел к Киеву и узнал, что Рюрик ушел во Вручий, а в Белгороде затворился Мстислав Романович. И устремились к Белгороду и, придя, обступили его, и была жаркая схватка, и люди изнемогали в городе. Мстислав же, видя множество воинов у города и не имея ниоткуда помощи, начал просить о свободном пути, и Всеволод целовал к нему крест и дал ему путь, и он пошел в Смоленск в свою отчину. Эти же пришли к Торческому, и в нем затворился Мстислав Мстиславович; и обступили его и распустили поганых воевать окрестности, которые много зла причинили земле, забирая в полон, убивая и пожигая села. Мстислав же не выдержал в городе и целовал крест на условиях Всеволода.

Всеволод же Чермный пришел и сел в Киеве, много зла причинив Русской земле. В то же лето услышал Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, что Ольговичи с погаными разоряют Русскую землю, и опечалился этому и сказал: «Разве тем одним отчина Русская земля, а нам не отчина, что ли?» И сказал: «Пусть меня с ним Бог рассудит, хочу пойти к Чернигову». И послал в Новгород за сыном своим Константином. Константин же, услышав весть от отца своего, начал собирать многих воинов, и соединил новгородцев, псковичей, ладожан, новоторжцев, и быстро пошел со всеми силами, и дождался отца на Москве. Как сказал Соломон*: сын был послушен отцу и возлюблен перед лицом своей матери; сын разумный послушен отцу, и от плода уст своих вкусит добро.

И потом послал Всеволод в Рязань за Романом и его братьями, и в Муром за Давыдом, они же собрались и пошли берегом реки Оки. Всеволод же, князь великий, приготовившись полностью, пошел 19 августа, в воскресенье*, и пришел на Москву, и встретил его Константин

со всеми новгородцами, и целовали его с радостью великой. Как говорит Соломон: сын разумный, почитая отца, радуется душе своей и опояшет истиной стан свой. И по прошествии нескольких дней получил Всеволод известие, что рязанские князья сговорились с Ольговичами против него, а к нему идут коварно. О таких ведь сказал Давид: муж кровожадный и льстивый не доживет половины дней своих; и мужа неправедного зло подстережет на погибель; и еще сказал: возлюбил его устами своими, и языком своим солгали, сердце же их в действительности не с ним. И великий князь Всеволод изрек слово Давидово: тот, кто ел хлеб мой, поднял на меня коварство; и еще сказал: не напугаюсь зла, ибо ты со мной, Господи. И пошел от Москвы, соединясь с сыновьями своими Константином, и Юрием, и Ярославом, и с Владимиром, и пришли к Оке и стали возле реки в шатрах на пологом берегу. В тот же день пришли к нему и рязанские князья – Роман, Святослав, брат его, с двумя сыновьями, два Игоревича, Ингвар и Юрий, два Владимировича, Глеб и Олег (а Всеволод, брат их, умер в Пронске), и из Муромы – Давыд. И, целовав их, повелел Всеволод сесть им в шатре, а сам князь великий сел за пологом и послал к ним князя Давыда Муромского и Михаила Борисовича, мужа своего, дабы их обличить. И долго между ними шел разговор, и те клялись и присягали, что этого нет, Глеб же и Олег Владимировичи, племянники их, придя, изблещили их. Князь же великий, услышав, что истина воссоздана, повелел схватить их со своими советниками и вести их во Владимир, 22 сентября, на память святого Фоки, в день субботний*. И сбылось на них слово Давидово: вот нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил ложь*; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил; злоба его обратится на его голову, и злодейство упадет на его темя.

На другой день сам князь великий перешел вброд Оку, в воскресенье, и пошел к Пронску; слышав же об этом Кир Михаил, что дядья его схвачены, а отец его умер и на него идет рать, утратился и бежал к тестю своему в Чернигов. Проняне же взяли к себе Изяслава Владимировича и затворились в городе. Князь великий пришел и стал у города Пронска в субботу, и не желая видеть кровопролития, послал к ним своего мужа Михаила Борисовича, чтобы смирить их; они же не вняли его словам, надеясь на городские укрепления, не ведая сказанного Давидом: если не Господь созидает дом, напрасно трудятся строители, если не Господь охраняет город, и прочее.

Услышав же князь великий речь их буйную, и повелел идти на приступ со всех сторон; наступающие же отняли у них воду, те же крепко бились из города, и многие с обеих сторон были поражены, и выходя ночью, они крали воду. Услышав об этом, князь Всеволод повелел стеречь около города день и ночь, и расставил полки по разным воротам: Константину, сыну своему, с новгородцами и белозерцами одни ворота на горе, а Ярославу с переяславцами вторые ворота, Давыду с муромцами третьи ворота, а сам князь великий стал за рекой со стороны поля Половецкого, с сыновьями своими Юрием и Владимиром, и с ним Глеб и Олег Владимировичи. Осажденные же бились, выходя из города не для боя, а испытывая жажду, ибо умирали многие в городе.

Тогда же послал великий князь полк свой к ладьям, за провизией на Оку, направив с ними Олега Владимировича; и когда они были у Ужеска, пришла к ним весть, что из Рязани вышел Роман Игоревич с полком и бьется с охраной ладей у Ольгова*. Они же быстро погнались к ладьям, и те, видя полк наш, отступили от ладей и выстроили полк, наши же выстроились против

них, а по одной стороне ладейная охрана; и победил Олег Романа, и возвратились наши снова к Пронску с победой к великому князю. И стояли около города 3 недели, и сдались люди в четверг 3-й недели, 18 октября*, на память святого апостола Луки евангелиста; князь же великий смирил их, и посадил у них Олега Владимировича, а сам пошел к Рязаню, сажая посадников своих по их городам. И, будучи у Доброго, он встал и хотел утром перебрести через реку Проню и пойти к городу, рязанцы же прислали к нему с поклоном, моля, дабы не шел к городу; и епископ их Арсений молил, неоднократно посылая со словами: «Князь великий! Не опустоши мест достойных, не пожги церкви святые, в них свершается жертва Богу и моление за тебя; ныне же исполняем твою волю, как ты того хочешь». Князь же великий, милосердный, послушал их мольбу и пошел от них к Коломне.

Услышав о том, что Всеволод стоит у Рязаня, захватив их князей, Рюрик собрался и устремился к Киеву, выгнал из Киева Всеволода Чермного, а сам сел в нем. Мы же, то оставив, вернемся к нашему повествованию. Князь же великий пришел от Коломны на устье реки Мерьской, и настиг его епископ их с мольбой и с поклоном от всех людей, князь же великий пошел оттуда во Владимир, и вошел во Владимир 21 ноября, в среду, на Введение святой Богородицы, и была великая радость в городе Владимире. Как сказал пророк: это день, который дал Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный; и еще сказал: Господь защитник жизни моей, кого же устрашусь? Нападавшие на меня враги мои обессилели и пали; если ополчится на меня полк, не убоится сердце мое, если поднимется на меня война, я уповаю на Господа; одного просил у Господа, того желаю, чтобы жил в доме Господнем все дни моей жизни. И потом рязанцы,

посовещавшись, послали остальных князей с княгинями к великому князю Всеволоду во Владимир.

Той же зимой освятил Константин церковь святого Михаила на дворе своем, 25 ноября, на память святого Климента, которую сам же создал и украсил честными иконами. Как сказал пророк: желанье сердца моего дал ему, и хотения уст его не лишил; и еще: одного просил у Господа, того и желаю, дабы жил в доме Господнем все дни своей жизни, дабы видел красоты Господа. Как цесарь Соломон устроил пир на освящение церкви своей, и, праздновав, распустил людей и благословил людей, и люди благословили цесаря, и с радостью пошли по домам своим, так и блаженный Константин устроил пир на освящение церкви своей, и угостил людей, и благословили люди Константина, говоря: благословен Бог, который дал Всеволоду этого разумного сына; дал ведь Господь разум и мудрость Соломону, и также Константину, весьма много великодушия, как песка у моря, и распростерлась мудрость его выше разума всех людей. Как сказал пророк: возвеличивая спасение цареву, твори милость Христу своему Давиду и роду его до скончания века.

Той же зимой послал князь великий сына своего Святослава снова в Новгород на княжение, а Константина оставил у себя и дал ему Ростов и придал к Ростову 5 иных городов. Той же зимой было знамение в луне, 3 февраля, на память святого Симеона Богоприимца: вся помрачнела, и осталось ее, как месяц первого дня рождения, и стояла до вечера и до полуночи. Той же зимой ходили Ольговичи на Киев на Рюрика и, не добившись ничего, возвратились.

В лето 6716 (1208). Послал великий князь Всеволод сына своего Ярослав на стол в Рязань; рязанцы же проявили коварство, целовали крест Всеволоду, и не

выполнили обещанного, и захватили людей его и заковали, а иных, засыпав в погребах, уморили. Услышав же об этом, Всеволод пошел на Рязань со своими сыновьями, и придя, стал у города Рязаня, и Ярослав вышел ему навстречу и с радостью целовал его. И рязанцы, по своему обычаю и непокорству, прислали дерзкую речь; и повелел великий князь всем людям выйти из города с имуществом, и как только все вышли, повелел зажечь город, и оттуда пошел к Белгороду и повелел и тот зажечь. И возвратился во Владимир великий князь Всеволод со всеми своими полками, и сыном своим Ярославом, захватив с собой всех рязанцев и епископа их Арсения. Той же зимой Кир Михаил с Изяславом пришли и начали разорять волость великого князя Всеволода около Москвы; слышав об этом, великий князь послал сына своего Юрия, и победил их Юрий; сами князья бежали, а людей одних перебили, а других повязали, и возвратился князь Юрий к отцу своему, славя Бога.

В лето 6717 (1209), 7 декабря, на память святого Амвросия епископа, благочестивому и христолюбивому князю Константину родился сын, и назвали его в святом крещении Василием, и была радость великая в городе Ростове. Той же зимой великий князь Всеволод послал сыновей своих, Константина с братьями его, на Мстислава Мстиславича на Торжок; Мстислав же, услышав, что идет на него рать, ушел из Торжка в Новгород, а оттуда пошел в Торопец в свою волость. Константин же со своими братьями возвратился от Твери, и Святослав пришел к ним из Новгорода, и все поехали к отцу своему во Владимир.

В лето 6718 (1210). Великий князь Всеволод послал с войском Кузьму Ратшича, своего меченошу, и взял Тепру, и возвратился с большим полоном во Владимир. Тем же летом Всеволод Чермный и все Ольговичи при-

слали к великому князю Всеволоду митрополита Матвея с мольбою, прося мира и выражая во всем покорность; великий же князь, видя их покорность себе, не помянул злобы их, целовал к ним крест, а митрополита, одарив, отпустил с честью. В то же лето Всеволод снова сел в Киеве, а Рюрик в Чернигове.

Той же весной приходили половцы к Переяславлю и, разорив многие села, возвратились с большим полным восояси, и много зла натворили безбожные иноплеменники. Тем же летом, 18 июня, на память святого мученика Леонтия и дружины его, родился Константину сын Всеволод, названный в святом крещении Иоанном.

В лето 6719 (1211). Великий князь Всеволод женил своего сына Юрия на дочери киевского князя Всеволода, и венчан был в святой Богородице во Владимире епископом Иоанном, и был тут князь великий Всеволод, и все благородные дети, и все вельможи, и была великая радость в городе Владимире. Тем же летом, 15 мая, на память святого отца Пахомия, в день воскресения Господня в Собор святых отцов 7 недели после Пасхи, после литургии, загорелся город Ростов и погорел едва ли не весь, и церковей сгорело 15, и много зла приключилось, Божьим попусциением за умножение грехов наших и неправды. Это дивная церковь в Ростове во имя святого Иоанна Предтечи, на дворе в епископии у святой Богородицы; и сгорела та церковь вся от верха до земли, сгорели и иконы, которые не успели вынести, и гробы у основания; и была в той церкви икона, на которой изображен святой мученик Феодор Тирон, и восковой сосуд с вином, который некоторые считали принадлежащим прежнему епископу Ростова Леонтию*, и когда пришли на пожарище, увидели, что все уничтожено огнем и лишь икона святого мученика Феодора с восковым сосудом целы среди огня.

Константин же христоролюбивый благоверный князь, сын Всеволода, был тогда во Владимире у отца и, услышав о беде, постигшей его город и святые церкви, скоро приехал в Ростов и, видя печальными мужей ростовских, утешил их, говоря: «Бог дал, Бог взял; как Господь изволит, так и будет, будь имя Господне благословенно отныне и вовеки».

В лето 6720 (1212), индикта, 13 апреля, на память святого Мартина, папы Римского*, скончался великий князь Всеволод, названный в святом крещении Дмитрием, сын благочестивого князя всея Руси Юрия, внук Владимира Мономаха, княжив в Суздальской земле 37 лет. Много мужества и смелости явил в боях, украшен всеми добрыми нравами, злых наказывая, а добродушных милуя: ибо князь не напрасно меч носит для мести злодеям и в похвалу делающим добро. Только от имени его трепетали все страны, и по всей земле прошел слух о нем, и все злоумышления на него отдал Бог в руки его, поскольку не возносился, не возвеличивал себя, но все свои надежды возлагал на Бога, и Бог покорял ему под ноги врагов его. Много же церковей создал в области своей, и также создал на дворе своем прекрасную церковь святого мученика Дмитрия, и чудно украсил ее иконами и росписью, и принес надгробную доску святого мученика Дмитрия из Селуня, и поставил в той церкви миро*, непрестанно источающее благовоние на здоровье немощным, и сорочку того же святого мученика тут же положил; и монастырь создал, и в нем церковь каменную Рождества святой Богородицы, и ее также наполнил всем изобилием, всегда имея страх Божий в сердце своем, подавая нуждающимся милостыню, суд верша истинный и нелицемерный, не ограждая сильных своих бояр, обижающих меньших, порабощающих сирот и творящих насилия; довольно любил также черно-

ризцев и попов. Потому и даровал ему Бог детей благо-разумных, которых и воспитал в строгости, истинном образе мыслей, вплоть до возмужания. И когда подошел конец временного и многомятежного этого житья, тихо и безмолвно скончался и присоединился к отцам и дедам своим. И плакали по нем сыновья его плачем великим, и также все бояре и мужи и вся земля волости его, и пел над ним обычные песни епископ Иоанн, и все игумены и черноризцы, и все попы города Владимира, и положили его в церкви святой Богородицы Златоверхой, которую создал и украсил брат его Андрей.

В то же лето князь Юрий, сын Всеволодов, отпустил в Рязань князей рязанских, и епископа их Арсения, и всех людей рязанских, и пошли каждый к себе. Тем же летом приходил князь Юрий с Ярославом к Ростову, утвердили мир с Константином, и разошлись каждый восвояси. Тем же летом, 23 мая, на память святого Михаила епископа, были постриги у Константина, сына Всеволодова, его сыновьям Васильку и Всеволоду; и была в Ростове радость великая.

В лето 6721 (1213). Христолюбивый князь Константин заложил церковь святой Богородицы, на месте рухнувшей церкви, 25 апреля, на память святого Марка евангелиста. Тем же летом Владимир, сын великого князя Всеволода, поехал в Москву. Тем же летом Юрий с Ярославом вторично приходили к Ростову и, утвердив ряд с Константином, пошли от Ростова к Москве Юрий с Ярославом; и вывел Юрий из Москвы Владимира и послал его на стол, на отчину свою в Переяславль Русский. Тем же летом, 23 октября, родился у Юрия сын, и назвали его Всеволодом, а в святом крещении дали ему имя Дмитрий.

В лето 6722 (1214). Иоанн, епископ Суздальский отказался от епископии всей земли Ростовской, и по-

стригся в чернецы в монастыре в Боголюбове. Тем же летом у Константина родился сын Владимир, а в святом крещении дали ему имя Дмитрий. Тем же летом князь Константин послал Пахомия, игумена монастыря святого Петра, своего отца духовного, в Киев к митрополиту Матвею, и поставили его епископом Ростову 10 ноября; и вступил в свою епархию 28 января, на память святого отца Ефрема Сирина. В то же лето христоробивый князь Константин заложил церковь каменную в Ростове, на дворе своем, святых мучеников Бориса и Глеба. Тем же летом князь Юрий, сын Всеволодов, вывел игумена Симона блаженного из монастыря Рождества святой Богородицы и послал его в Киев к митрополиту, и поставил его епископом Суздалю и Владимиру.

В лето 6723 (1215). Скончался Рюрик Ростиславич, князь Киевский, княжа в Чернигове. Тем же летом женился Владимир, сын Всеволодов, в Переяславле Русском на Глебовне, дочери черниговского князя. В то же лето благочестивый князь Константин заложил церковь каменную в Ярославле, на дворе своем, во имя святой Богородицы Успения. Тем же летом Владимир, сын Всеволодов, услышав, что к Переяславлю идут половцы, скоро вышел им навстречу, и встретился с ними на реке, и крепко бились, и пали многие с обеих сторон, и Божьим попущением, за умножение грехов наших, одолели половцы, и многие из руси были перебиты, а иных пленили, и самого князя Владимира захватили, и вели его в свои вежи.

В лето 6724 (1216). Скончался епископ Ростовский Пахомий и положен был в церкви святой Богородицы, в своей епископии. Это был блаженный епископ, избранник Божий, и был истинный пастырь, а не наемник; это был агнец, а не волк, ибо не хватал от чужих домов богатство, не собирал его, не хвалился этим, но и

обличал грабителя и мздоимца, следуя образу мыслей Златоуста, и переходя от дела к лучшему делу, опекая сирот, весьма милостив к убогим и вдовицам, ласков со всяким убогим, не сжимал руку, подавая им, но открывал ее напрочь, смирен, кроток, знаток книг, всеми делами утешая печальных; не хвалился ничем суетным ничтожного этого света, который скоро проходит и хуже паутины, но лучшим хвалился, поминая слово Павла: мне нечем будет хвалиться, только крестом Христовым, через него мне открывается мир и я миру; положенные молитвы Богу воздавая, победив мирские желания, прежде 5 лет весьма исправно чернечествовал в Печерском монастыре, и еще пас свое стадо духовное 13 лет в монастыре святого Петра, епископию же держал 2 лета и отошел к Богу. Константин же, христоролюбивый князь, с епископом Симоном и со всеми черноризцами убрали честно его тело и положили его в гроб у святой Богородицы в Ростове.

Того же лета новгородцы выгнали от себя Мстислава Мстиславича, а Ярослава Всеволодовича привели к себе на стол. Тем же летом христоролюбивый великий князь Константин, сын Всеволода, заложил церковь каменную и монастырь святого Спаса Преображения в Ярославле. В то же лето был поставлен епископом в Ростов черноризец монастыря святого Дмитрия в Суздале Кирилл.

В лето 6725 (1217). Извечный враг злой дьявол, всегда ненавидящий род человеческий, особенно христиан, дабы не одному быть в вечной муке, которая уготована ему и находящимся с ним, этот окаянный дьявол поднял злую распрю между сыновьями Всеволода князьями Константином, и Юрием и Ярославом. И бились у Юрьева, и одолел Константин; но Бог и крест честной и молитва отца их и деда снова восстановили между ними

великую любовь, и сел Константин на столе во Владимире, а Юрий в Суздале, и была великая радость в земле Суздальской, а дьявол плакал о своей гибели*.

В то же лето Глеб Владимирович, князь Рязанский, по наущению сатаны, задумал в своем окаянном помысле братоубийство, имея в помощниках брата своего Константина и дьявола, который прельстил их своим коварством, вложив им замысел: «Перебьете братьев и сами одни получите всю власть». А не знали ли, окаянные, Божьего установления, ибо дает власть кому хочет, поставляет Всевышний цесаря и князя! Ибо что принял Каин от Бога, убив Авеля, брата своего? Не проклятие ли и осуждение и содрогание? Или Ламех? Не наказание ли за злобу? Или сородич ваш Святополк, который, избив братьев, им венец обеспечил, а себе вечную муку? И сей Глеб мысль Святополкову воспринял и скрыл ее в сердце своем с братом своим. В Исадах* сошлись все на переговоры: Изяслав, Кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингвар же не успел приехать к ним, ибо еще не пришло его время. Глеб Владимирович с братом позвал их к себе, как будто на пир, в свой шатер. Те же, не зная о злом их замысле и коварстве, пришли к ним в шатер – все шесть князей, каждый со своими боярами и слугами. Глеб же до их прихода вооружил своих и брата слуг и множество поганых половцев, и спрятал их за пологом близ шатра, в котором предстояло пить, и не знал об этом никто, кроме этих злоумышленных князей и их проклятых советников. И когда начали пить и веселиться, проклятый Глеб с братом выхватили свои мечи и начали сечь, сначала князей, а затем бояр и слуг их великое множество; одних князей 6, а прочих бояр и слуг без числа избili со своими слугами и половцами. Случилась эта злоба 20 июля, на память святого пророка Ильи огненного восхождения.

В лето 6726 (1218). Великий князь Константин, сын Всеволодов, 6 мая, на память святого и праведного Иова заложил на торговище во Владимире церковь каменную Воздвижения честного креста; в то же лето и завершена была и освящена 14 сентября. В то же лето родился сын князю Юрию, и назвали его в святом крещении...* В то же лето пришел епископ Полоцкий из Цесаряграда к великому князю Константину во Владимир, зная его любовь и пристрастие ко всякому божественному церковному устройению, к святым иконам и мощам святых, и всего полезного для души, направляющего к жизни вечной; и принес ему некоторую часть от страстей Господних*, которыми ради нас Владыка Иисус Христос пострадал от иудеев, и мощи святого Логина мученика сотника, обе его святые руки, и мощи святой Марии Магдалины. Христолюбивый же князь Константин с великой радостью устроил светлое празднество в честь их прихода, и поместил дары в монастыре у церкви Вознесения перед Золотыми воротами. И были дни святого воскресения Господня, и подошел день памяти святого мученика Логина, и повелел князь Константин, после того, как отпели заутреню, идти от святой Богородицы соборной и от святого Дмитрия всему народу с крестами, епископу со всем клиросом, и сам князь со своими благородными сыновьями и со всеми боярами шли к святому Вознесению; епископ же взял себе на голову святой ларец, в котором было положено то святое сокровище, и возвратились в город, и пошли к святому Дмитрию, с песнями, славя Господа нашего Иисуса Христа, и здесь целовали святые дары епископ и христолюбивый князь Константин и все правоверные люди.

В то же лето освящена была церковь святых мучеников Бориса и Глеба в Ростове епископом Кириллом,

25 августа, на память святого апостола Тита, и был тут великий князь Константин с благородными детьми Васильком и Всеволодом и Владимиром, и со всеми боярами; и устроил пир, и одарил людей, и щедрую милостыню раздал убогим, ибо таков был обычай блаженного князя Константина.

Тем же летом пришел Владимир, сын Всеволодов, из Половецкой земли к братьям своим, и дали ему Стародуб и иной уделец. В то же лето великий князь Константин, сын Всеволодов, послал старшего сына своего Василька в Ростов на стол, а Всеволода на Ярославский стол, наказав им: «Возлюбленные мои дети! Живите между собой в любви, всей душой бойтесь Бога, соблюдайте во всем его заповеди, и мне подражайте, видя, что я делаю: нищих и вдовиц не презирайте, церкви не чуждайтесь, иерейский и монашеский сан почитайте, книжному поучению внимайте, и будьте в любви между собой, и всемирный Бог будет с вами; слушайте тех, кто старше вас и учит вас добру, поскольку вы еще молоды; я же знаю, сыновья мои, что приближается отшествие мое от света сего, и вот поручаю вас Богу и Пречистой Его Матери, и брату и господину Юрию, пусть будет он вам вместо меня». И так любезно целовав их, отпустил каждого в свою волость. Той же зимой, 2 февраля, в праздник Сретения Господа нашего Иисуса Христа, в пятницу, в 7 часов дня, скончался христоробивый великий князь Константин, сын Всеволодов, внук Юриев, правнук Владимира Мономаха. Это был блаженный князь, весьма украшенный всеми добродетелями, возлюбивший Бога всей душой и всем желаньем, имевший в сердце и в душе совершенный страх Божий; не омрачил ума своего суетной славой обольстительного света сего, но весь разум свой устремил туда, куда и пришел в ту нестареющую бесконечную жизнь, которой и удо-

стоился своими милостынями и безмерным беззлобием. Ибо Соломон сказал: милостынями и беззлобием и верою очищаются грехи. Блаженный сей князь был правдив, щедр, кроток, смирен, всех миловал, всех охранял, более же всего любил дивную и славную милостыню, и церковное устройство, и об этом заботился день и ночь; весьма много заботился о создании прекрасных Божьих церквей, и много церквей создал в своей волости, украшая чудными изображениями святых икон, наполняя книгами и всякими украшениями; почитал же выше всякой меры иерейский и монашеский сан, снабжая их всем необходимым и принимая от них молитвы и благословенные, помня слово, гласящее: блаженны милостивые, ибо помилованы будут, и блажен заботящийся о нищем и убогом, ибо в день судный избавит его Господь. Потому не жалел имущества своего, раздавая нуждающимся, и воистину было это, по Иову, око – слепым, нога – хромым, рука утешенья – неимущим, попросту всех любя, нагих одевая, страдающих успокаивая, умирающих от стужи согревая, печальных утешая, и никого ничем не опечаливая, но всех просвещая беседами о телесном и духовном; часто с прилежанием книги читал, и поступал по написанному, не воздавая злом за зло; по праву одарил его Бог кротостью Давида и мудростью Соломона, преисполнен был апостольского правоверия.

По кончине же его, услышав, все люди города Владимира потекли на двор его и плакали по нем громким плачем, бояре как о заступнике земли их, слуги как о кормильце и господине, убогие и черноризцы как об утешителе, прикрывавшем наготу их, и все собрание убогих плакало, лишившись такого благодетеля. Слышав же Юрий и Ярослав, и все братья его, скоро съехались во Владимир, и плакали по нем горьким плачем, как по отцу и по любимому брату, поскольку все его

имели вместо отца, и он чтит их по достоянию, ибо была между ними безмерная любовь; и отпели над ним положенные песни епископ и игумены, и черноризцы, и все пресвитеры, и весь город собрался, и положили его в церкви святой Богородицы Златоверхой, где был и отец его положен. Было же всех лет Константиновых...* Княгиня же Константинова здесь, над гробом мужа своего, и постриглась, и нарекли ее Агафьей.

В лето 6727 (1219). Освящена была церковь святой Богородицы Рождества в монастыре, великим освящением, епископом Симоном, 7 сентября, на память святого мученика Созонта, при князе Юрии и сыне его Всеволоде, и брат его здесь был Ярослав, князь Переяславский, игуменство же держал Митрофан. В то же лето пришел беззаконный Глеб Владимирович со множеством половцев к Рязаню, и вышел ему навстречу Ингвар со своими братьями, и сошлись оба войска, и бились крепко, и Божьей помощью и честного креста силою победил Ингвар злого братоубийцу Глеба, и многих половцев побили, а иных повязали, сам же окаянный с немногими бежал. В то же лето родился Ярославу сын, и назвали его Феодором.

В лето 6728 (1220). Великий князь Юрий, сын Всеволодов, послал брата своего Святослава с полками и воеводами на безбожных болгар. И как только пришел Святослав под их город Ошел, и все пешие полки вышли из ладей, болгары, увидев это, скоро собрались, одни на конях, другие пешими, вышли из города и бросились в бой; наши, укрепляемые силою честного креста, пошли против них, обстреливая их; они же забежали за ограду и бились крепко, наши же рассекли ограждение, вогнавши их в город и захватили ворота, а затем подожгли город и взяли его на щит. И помог Бог Святославу 15 июня, на память святого Амоса.

В то же лето, 26 августа, на память святого Андриана и Натальи, скончался митрополит киевский Матвей. Той же зимой скончалась княгиня Константинова Агафья, черноризица, 24 января, на память святой Аксиньи, и положена была в церкви святой Богородицы в Ростове.

В лето 6729 (1221). Мстислав Мстиславович бился с венграми; и победил их, и побил их множество, и захватил королевича. Тем же летом послал великий князь Юрий сына своего Всеволода в Великий Новгород на стол. В то же лето, 27 июня, загорелся город Ярославль, и едва не весь погорел, и церковей 17 сгорело; княжеский же двор, силою честного креста и молитвою доброго Константина, избежал огня. В то же лето великий князь Юрий, сын Всеволодов, заложил город на устье Оки и назвал его Новгородом.

В лето 6730 (1222). Великий князь Юрий заложил церковь каменную святой Богородицы в Суздале, на прежнем месте, разрушив старое здание, поскольку от старости церковь стала рушиться и верх ее обвалился; церковь та была создана прадедом его Владимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом.

В лето 6731 (1223). Всеволод Юрьевич пошел из Новгорода к отцу своему во Владимир; новгородцы же взяли на княжение Ярослава Всеволодовича из Переяславля. В то же лето явились племена, о которых никто точно не знает, кто они и откуда вышли, и каков язык их, и какого происхождения, какой веры; и зовут их татары, а иные говорят таумены, а другие печенеги, иные говорят, что именно о них свидетельствует Мефодий Патарский, епископ, что вышли они из пустыни Етравской, находящейся между востоком и севером; Мефодий так сказал, что к концу века явятся те, кого загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Черного моря, кроме Ефиопии. Бог один знает, кто они и

откуда пришли, премудрые мужи, которые книги разумеют, знают их лучше; мы же не знаем, кто они, а здесь написали о них в память о беде, случившейся от них русским князьям. И мы слышали, что многие страны поплешили, ясов, обезов, касогов и половцев многих перебили, а иных загнали, и так погибали, убиваемые гневом Божьим и Пречистой Его Матери; много зла причинили те окаянные половцы Русской земле, поэтому всемилостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сынов Измайловых, куманов, в отмщение за кровь христианскую, что и случилось с ними беззаконными.

И вот прошли те таурмены все страну Куманскую и приблизились к Руси, к месту, называемому валом Половецким. И, услышав об этом, русские князья Мстислав Киевский, и Мстислав Торопецкий, и Черниговский*, и прочие князья задумали пойти на них, думая, что те пойдут на Русь. И послали во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося у него помощи; тот послал к ним благочестивого князя Василька Константиновича, племянника своего, и не успел Василько прийти к ним в Русь. А князья русские пошли и бились с ними, и побеждены были ими, и мало их избежало смерти; кому суждено было остаться жить, те убежали, а прочие были перебиты: Мстислав, старый добрый князь, был тут убит, и другой Мстислав, и иных 7 князей было убито, а бояр и прочих воинов великое множество; говорят, что одних киевлян погибло в том походе 10 тысяч. И стоял плач и печаль в Руси, и по всей земле слышали о той беде. Это случилось 30 мая, на память святого мученика Еремея. Василько же, услышав о случившемся в Руси, вернулся от Чернигова, сохраненный Богом и силою честного креста, и молитвою отца своего Константина и дяди своего Юрия, и вошел в свой Ростов, славя Бога и святую Богородицу.

В то же лето стояла сильная засуха, и многие леса и болота возгорались, и как бы мгла прилегала к земле, так что и птицам нельзя было летать по воздуху, но падали на землю и умирали. Того же лета появилась звезда на западе, и шли от нее лучи невидимые людям, но как бы к югу по две восходя с вечера после захода солнца, и была величиной более других звезд; и так было 7 дней, а после 7 дней появились от нее лучи к востоку, простояла так 4 дня, и исчезла.

В лето 6732 (1224). Поставлен митрополитом в святой Софии в Киеве блаженный Кирилл Гречин, 6 января, в праздник Богоявления, имевший дар проповедника и знаток божественных книг. В то же лето послал великий князь Юрий брата своего Владимира и племянника своего Всеволода Константиновича с полками...* В то же лето освящена церковь святого Спаса в Ярославле, в монастыре, который заложил благоверный князь Константин, а завершил его сын Всеволод; и освящена епископом Кириллом 6 августа.

В лето 6733 (1225). Великий князь Юрий заложил церковь каменную святого Спаса на устье Оки в Новгороде. В то же лето создана церковь святой Богородицы в Суздале, и освящена епископом Симоном 8 сентября. Той же зимой литва воевала Новгородскую волость, и захватила великое множество христиан, и много зла причинила, разоряя около Новгорода, и около Торопца и Смоленска, и до Полоцка; ибо была рать столь большая, что не было от начала мира. Слышав же об этом благоверный и христоролюбивый князь Ярослав, сын великого князя Всеволода, внук Юрия, опечалился весьма о случившемся с христианами, поехал вслед им из Переяславля и настиг их у озера Восвят; и литва, увидев их, построилась против них на озере, князь же Ярослав, помолвившись Богу, поехал на них. Сошлись оба полка,

и побежали поганые, и князь Ярослав силою честного креста и молитвою святой Богородицы и архангела Михаила и Гавриила гнался за ними, одних перебил, других захватил, и князей их захватил, а полон весь отнял; и была радость великая по всем тем землям, освобожденным им от поганых, и потом на многие лета был мир. А сам князь Ярослав поехал в Новгород и сел там на столе, ибо в то время приехали к нему новгородцы, умоляя, дабы он приехал к ним. Было же воскресенье сыропустной недели, когда Ярослав победил литву.

В лето 6734 (1226), 22 мая, скончался блаженный и милостивый, обладавший даром наставничества епископ Симон Суздальский и Владимирский, постригшийся в схиму; и положено было честное тело его в церкви святой Богородицы во Владимире. В то же лето князь Юрий Всеволодович с племянниками, с Васильком и Всеволодом Константиновичами, ходил в помощь Михаилу Всеволодовичу на Олега Курского, и заключил мир между ними, поскольку промыслом Божиим оказался здесь присланный Владимиром Рюриковичем митрополит Кирилл. И возвратился великий князь, заключив мир, в город Владимир, взяв с собой блаженного Кирилла митрополита, а племянников отпустил каждого в свою волость. В то же лето послал великий князь Юрий братьев своих Святослава и Ивана на мордву, и победили мордву, и взяли несколько сел, и возвратились с победой. Той же зимой Ярослав, сын Всеволода, ходил из Новгорода за море на емь, где ни один из князей русских не бывал, и всю землю их пленил; и возвратился в Новгород, славя и хваля Бога, ведя множество полона, так что находившиеся с ним не могли весь полон довести, и одних посекли, а других многих отпустили к себе.

В лето 6735 (1227), 14 марта, на память святого преподобного отца Венедикта, в день воскресения Го-

сподня, в середине Великого поста, когда совершаем поклонение Честному Кресту, поставлен был епископом Митрофан, бывший игуменом святой Богородицы, митрополитом Кириллом и четырьмя епископами; поставлен же в богохранимом городе Владимире в чудной церкви святой Богородицы Суздалю, Владимиру, Переяславлю, и были при этом благородный князь Юрий с детьми своими, и братья его Святослав и Иоанн, и все бояре и множество народа; случилось и мне грешному тут быть и наблюдать дивное и славное зрелище*, и прославили всемилостивого Бога и князя великого Юрия.

В то же лето князь Ярослав Всеволодович, послав, крестил множество карел, едва ли не всех. В то же лето, 11 мая, горел город Владимир, и церковей сгорело 27, и двор блаженного князя Константина, и церковь святого Михаила, находящаяся здесь, которую украсил христоролюбивый князь Константин, сгорели. Это наводит на нас Бог, веля нам покаяться и воздержаться от греха, от блуда, зависти, стяжания, насилия, и от прочих злых дел дьявольских. Ибо Бог наказывает рабов Своих различными бедами, огнем, водою, ратью, смертью жестокой; так и подобает христианам через многие беды и скорби войти в Царство Небесное, если с благодарением воспримут несчастья. Но не выдай нас до конца ради Твоего имени, Господи, ибо если беззакония наши заметишь, Господи, то кто устоит? Ибо Ты знаешь, Владыка, наших согрешений движение на зло. Однако надеемся на милость Твою, Господи, молитвами Богородицы помилуй нас; ибо Ты Бог наш, иного, кроме Тебя, не знаем.

В то же лето послал великий князь Юрий племянника своего Всеволода Константиновича в Переяславль Русский на стол; и вступил туда Всеволод 15 сентября, на память святого мученика Никиты. Той же зимой, 6 января, в праздник честного Богоявления Господа на-

шего Иисуса Христа, в четверг, скончался князь Владимир, названный в святом крещении Дмитрием, постригшись в схиму, сын великого князя Всеволода; и положен был в церкви святой Богородицы. Той же зимой женил великий князь Юрий, сын Всеволодов, племянника своего Василька Константиновича, и взял за него дочь князя Михаила Черниговского; и венчан был благородный князь Василько со своей княгинеею в церкви святой Богородицы Благовещения, и вступил христолюбивый князь Василько со своей княгиней в Ростов в 1-ю субботу поста, 12 февраля, на память святого Мелентия епископа, и была великая радость в Ростове.

В лето 6736 (1228). Умер сын Давыда Муромского, в апреле, на Пасхальной неделе. На той же неделе скончался и сам Давыд Муромский, в чернецах и в схиме. В то же лето Святослав отпустил княгиню свою, по согласию с ней, в монастырь, и выделил ей большой надел; и выехала она от него до дня Бориса, пошла в Муром к братьям, и постриглась. В то же лето, в сентябре, великий князь Юрий послал на мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремея Глебовича с полком в качестве воеводы; и когда они были за Новгородом у пределов мордовских, Юрий вернул их, не дав воевать, поскольку была непогода, лили сильные дожди день и ночь. Того же месяца 21-го, на память святого мученика Кондрата, родилась князю Юрию дочь и названа была в святом крещении Феодорой, память которой 11 этого месяца. Той же зимой, 5 января, в канун Богоявления, сгорели княжеские хоромы и две церкви. Того же месяца 14-го, великий князь Юрий, и Ярослав, и Константиновичи Василько и Всеволод пошли на мордву; и муромский князь Юрий Давыдович, вступив в землю Мордовскую, в Пургасову волость, пожег и потравил хлеб, побил скот, и отослал к себе полон, а мордва бе-

жала в свои леса, в укрепления, а кто не убежал, тех побили Юрьевы младшие дружинники, напав 4 января; Увидев это, молодые дружинники Ярослава, Василька и Всеволода, втайне от своих, на другой день въехали глубоко в лес; мордва же, открыв перед ними путь, обошла их лесом и окружила, избив одних и захватив других; бежав в укрепления, они там перебили и плененных, и нашим князьям не с кем было воевать. А болгарский князь пришел на Пуреша, союзника Юрия, и, услышав, что великий князь Юрий жжет села мордовские, бежал ночью прочь, а Юрий с братьями и со всеми полками возвратился восвояси в добром здравии. Той же зимой князь Юрий послал брата своего Святослава в Переяславль Русский на княжение.

В лето 6737 (1229), в апреле, пришла мордва с Пургасом к Новгороду, и отбились от них новгородцы; они же зажгли монастырь святой Богородицы и церковь, которые были вне города; в тот же день и отъехали прочь, захватив многих своих убитых. В то же лето Пурешев сын с половцами победил Пургаса и перебил всю мордву и Русь Пургасову*, а Пургас едва бежал с малым отрядом. Тем же летом рожь не родилась по всей нашей земле и хлеб был дорог. Тем же летом Ярослав, опасаясь брата своего Юрия, послушал неких льстецов, и отлучил от Юрия трех Константиновичей: Василька, Всеволода и Владимира, и намеревался стать против брата своего Юрия. Но Бог не допустил беды; благоразумный князь Юрий призвал их на совет в Суздаль, и, устранив все недоразумения между собой, все поклонились Юрию, признав его отцом себя и господином; и целовали крест 7 сентября, в канун Рождества святой Богородицы, и праздновали Рождество святой Богородицы у священного епископа Митрофана, веселились, и разъехались со своими мужами, одаренные Юрием. В то же лето епи-

скоп ростовский Кирилл, оставив епископию, пришел в Суздаль к святому Дмитрию, в свою келью, чтобы лечить свою болезнь, что была у него внутри. И лицо у него изменилось, как бы почернело от недуга, опухли уста и нос. К тому же на него пришло еще искушение, как на Иова: в один день, 7 сентября, некоей тяжбой у него было отнято все богатство, так рассудил бывший на совете Ярослав. Был же Кирилл весьма богат, и деньгами, и селами, и всякими товарами, и книгами, просто сказать, так был всем богат, как ни один епископ Суздальской области. Он же за все то воздал Богу хвалу, постригся 16-го того же месяца в схиму, и дано было ему имя Кирьак, а что еще у него оставалось, роздал любимцам и нищим.

В то же лето подвергнут мукам новый мученик Христов, которого убили болгары в их Великом городе. Был он иного языка, не русского, но христианин, имевший большое богатство, торговавший по городам и пришедший в болгарский город; они же схватили его и принуждали в течение многих дней уговорами и угрозами отказаться от Христа и веры христианской, но он не покорился и, отказавшись от всего, предпочел умереть за Христа. Иссечен был 1 апреля, христиане же из Руси взяли его тело и положили в гробу, где похоронены и другие христиане. И Бог вскоре явил милость за кровь его: большая половина Великого города сгорела, а оставшаяся часть потом возгоралась днем дважды и трижды, и так в течение многих дней, так что мало осталось от города, а все погорело, и имущества погорело бесчисленное множество за кровь мученика Христова. В то же лето саксины* и половцы прибежали снизу к болгарам, спасаясь от татар; и болгарские сторожи прибежали, побитые татарами близ реки, называемой Яиком.

В лето 6738 (1230), 9 марта, на память 40 святых мучеников, перенесен новый Христов мученик Авраа-

мий из Болгарской земли в славный город Владимир; его болгары в прошедшее лето, 1 апреля, много мучили, принуждая отречься от крещения, он же не отрекся, но оставил все свое имущество, и был убит. И взяты были мощи святого страсотерпца Авраамия и перенесены во Владимир, и великий князь благочестивый Юрий встретил его перед городом за версту, с великой честью, со свечами, и епископ Митрофан со всем клиросом и с игуменами, и княгини с детьми, и все люди; и положен был в церкви святой Богородицы в монастыре великой княгини Всеволожей.

В то же лето благоверные князья Василько и Всеволод и Владимир послали к отцу своему Юрию и к епископу Митрофану, дабы отпустили на епископство в Ростов Кирилла, игумена и архимандрита монастыря Рождества святой Богородицы, и отпустил князь великий Юрий Кирилла на епископство в Ростов. И вышли на встречу Кирилла князь, и княгини, и бояре, и все мужи ростовские, и игумены, и попы, и клирос святой соборной церкви, и все горожане от мала до велика, и ввели его с великой честью в святую соборную церковь святой Богородицы, и исполнилось записанное в псалме 83-м: блаженны живущие в доме Твоем, они вечно будут восхвалять Тебя. И была великая радость, князь же и все горожане и игумены, дав ему покой о Христе, разошлись каждый восвояси.

В то же лето великий князь Юрий женил сына своего старшего Всеволода на дочери Владимира Рюриковича, и венчан был в великой церкви соборной святой Богородицы преосвященным епископом Митрофаном 14 апреля, в неделю антипасхи. На той же Фоминой неделе, в среду, скончался Кирилл, епископ Ростовский, в монастыре святого Дмитрия, где и положен был 17 апреля. В то же лето, 3 мая, на память святого Феодо-

сия, игумена Печерского, в пятницу, во время святой литургии при чтении святого Евангелия в соборной церкви святой Богородицы во Владимире, затряслась земля, и церковь, и трапезная, и иконы задвигались по стенам, и паникадила со свечами и светильниками заколебались, и люди многие изумились, и думали каждый, что закружилась голова, и говорили об этом друг другу, ибо не все поняли это удивительное чудо; было же это во многих церквах и домах господских, было и в других городах, и в Киеве было еще большее потрясение. А в Печерском монастыре каменная церковь святой Богородицы расступилась на четыре части; и находились здесь митрополит Кирилл, и князь Владимир, и бояре, и множество киевлян, и люди сошлись: ибо был праздник дня святого отца Феодосия; и трапезная каменная была потрясена, яства и питье были снесены, все то было раздроблено падающими сверху осколками камней, также столы и скамьи; однако ни вся трапезница, ни верх ее не обрушились. Также и в Переяславле Русском церковь святого Михаила расступилась надвое, и пали своды трех закомар, и разбились иконы и паникадила со свечами и светильники. И то все было по всей земле в один день, один час, в час святой литургии, 3 мая, в пятницу 4-й недели по Пасхе; так слышал от очевидцев, бывших там в это время.

Того же месяца в 10 день, в пятницу 5-й недели по Пасхе, некоторые видели, что восходящее солнце имело три угла, как коврига, потом казалось как звезда, и так исчезло, потом через некоторое время вновь взошло своим чередом. Того же месяца в 14-й день, во вторник 6-й недели по Пасхе, во втором часу*, солнце начало исчезать на глазах у всех людей, и осталось его мало, как месяц трех дней, и начало снова наполняться, и многие думали, что по небу идет месяц, поскольку было пол-

нолуние, а другие думали, что солнце идет вспять, поскольку с севера на солнце набегали в южном направлении небольшие и частые облака. В тот же день и час так же и еще более грозно было в Киеве: все видели, что солнце стало месяцем и появились столпы красные, зеленые, синие, по обе стороны солнца, также с неба сошел огонь, как большое облако над ручьем Лыбедью; люди все уже не надеялись сохранить жизнь, думали, что уже наступил конец, целуя друг друга и прося друг у друга прощения, и горько плакали, и возопили к Богу со слезами; и милостью Своей Бог перевел страшный тот огонь через весь город без вреда, и пал он в реку Днепр, где и погиб; так сказал нам бывший там очевидец.

В то же лето, месяца...* начали расписывать церковь святой Богородицы в Суздале, старанием преосвященного епископа Митрофана; ее в епископство Симона порушил великий князь Юрий, ибо весьма обветшала за много лет, а затем создал заново прекраснейшей прежней. Тем же летом князь Святослав в Юрьеве порушил церковь святого Юрия каменную, которая также обветшала и обвалилась, создал же ее дед его Юрий Владимирович и освятил великим освящением. В то же лето приходил преосвященный митрополит всея Руси Кирилл к великому князю Юрию и к брату его Ярославу, и к Святославу, и к Константиновичам Васильку, Всеволоду и Владимиру, от киевского князя Владимира Рюриковича, а от черниговского князя Михаила пришел епископ Порфирий; пришел с ними и игумен пречестного монастыря святого Спаса в Киеве на Берестовом Петр Акерович, и другой муж Владимира – стольник его Юрий. Эти трое приходили с митрополитом, прося примирить Михаила с Ярославом. Ибо Михаил был не прав, нарушая крестное целование Ярославу, и Ярослав хотел идя на Михаила. Бог же не допустил этого; да

исполнится писание святых, гласящее: блаженны при-
миряющие, ибо они сыновьями Божьими назовутся. И
здесь также не оставил Бог труда митрополита и епи-
скопа Порфирия без понимания, и здесь исполнится пи-
сание певца*: дивен Бог в Своих святых, Бог Израилев,
ибо совершил дивное в эти дни; ибо послушал Ярослав
брата своего старейшего Юрия и отца своего митро-
полита, и епископа Порфирия, и заключил мир с Ми-
хаилом, и была радость великая; и здесь исполнилось
писание песенника, который сказал: это день, который
дал нам Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный.
Много же даров дали оба князя, Юрий и Ярослав, отцу
своему митрополиту и епископу Порфирию, и игумену
Спасскому, и взяли благословение от них, и отпустили
их каждого к своему князю.

В лето 6739 (1231). Благовещение святой Богороди-
цы пришлось на вторник Пасхальной недели. В то же лето
благородный князь Василько Константинович послал к
Владимиру Рюриковичу и преосвященному митрополи-
ту в Киев отца своего духовного Кирилла на поставление
епископом; как говорит Господь: кого отмечу? не крот-
кого ли и смиренного и трепещущего от слов Моих? Так
и этого Кирилла отметил Господь, и святая Богородица
пожелала поставить его служителем Своей церкви, и па-
стухом и учителем Ростову и Ярославлю и Угличу, что и
случилось. Поставлен был Кирилл епископом 6 апреля,
в неделю святых мироносиц после Пасхи, посвящен же
был преосвященным митрополитом Кириллом с близ-
лежащими епископами, теми же самыми, которые освя-
щали его с митрополитом: Порфирий, Черниговский
епископ, Алексей, Полоцкий епископ, и иных два епи-
скопа, Белгородский и Юрьевский, и многие игумены,
и архимандрит монастыря Печерского святой Богороди-
цы Акиндин, игумен Михаил Выдубицкого монастыря,

игумен Петр Спасский, Семен Андреевский, Корнил Федоровский, Семен Воскресенский, Климент Кирилловский, а от Чернигова Иоанн, игумен Борисоглебский; при князе Владимире и при сыне его Ростиславе, воеводство же киевской тысячи держал тогда Иоанн Славнович; были же в то время на совете в Киеве и другие князья: Михаил Черниговский, и сын его Ростислав, Мстислав Мстиславич, Ярослав, Изяслав и Ростислав Борисович, и иные многие князья были в святой Софии на посвящении Кирилла, и праздновали светлый тот праздник в святой Софии, и ели и пили в тот день в монастыре святой Богородицы Печерском великое множество людей, которых невозможно и счесть. И затем преосвященный митрополит отпустил священного епископа Кирилла в Ростов со многой честью. И вышли все навстречу из богохранимого города Ростова, князь Василько и княгиня его, и бояре и все мужи ростовские, игумены и попы и чернецы, и пресветлый клирос соборной церкви святой Богородицы, неся кресты со свечами и кадила с благоуханным фимиамом, и была радость великая в городе Ростове. Ввели же священного епископа Кирилла в святую соборную церковь святой Богородицы 18 мая*, в неделю всех святых; и сел на столе своем, преемник и наместник святых епископов, ранее бывших в Ростове, Леонтия святого, и священного епископа Исаяи, и Нестора*, и всех иных почивших, пасших святую церковь; и этого в эти дни поставил Бог, ничем не уступающего прежним епископам, следующего нравам их и наставлениям, не только словом учащего, но и делом показывающего.

Того же лета родился Васильку сын, 24 июля, в праздник святых мучеников Бориса и Глеба, и назван был Борисом*.

И все приходившие удивлялись, князья и вельможи, всякого возраста из города Ростова, не только миря-

не, но и попы и игумены и весь чернеческий сан, и приходили все из окрестных городов в святую соборную церковь святой Богородицы, одни дабы послушать его наставления от святых книг, другие чтобы посмотреть украшения святой церкви пречистой Владычицы нашей Богородицы. Ибо было украшение ее весьма чудно, какого не было при бывших ранее епископах, и по нем, Бог знает, будет ли. Леонтий святой, священный епископ, просветил святым крещением город Ростов, этот же священный епископ Кирилл украсил святую церковь святой Богородицы иконами многоценными, о которых нет возможности и рассказать, и с предполами, иначе говоря пеленами; сделал и 2 киота многоценных*, и покрывало многоценное устроил на престоле в алтаре, сосуды, опахала, и иных всяких украшений великое множество; сделал и двери церковные прекрасные, которые называются Золотыми и находятся на южной стороне; но более всего похвально, что внес в святую церковь кресты честные, множество мощей святых в прекрасных гробницах, в защиту, покровительство и укрепление города Ростова и христолюбца князя Василька, и княгини его, и сына его Бориса, и всех с верою приходящих в святую церковь.

Любви к учению и усердию сего честного святителя Кирилла удивляюсь я*, исполняя послушание со страхом и повиновением в некоем тесном и труднодоступном месте*, обратился к написанию предисловия к его сочинениям*. Ибо весьма великое дело лучше нас воспринял боязнь ослушания, уяснив сказанное в притчах, что сын непослушный попадет в беду, а послушный минует ее; более же всего даруй мне свои молитвы, и вместо крыл раскинь с той и другой стороны, простирая к Богу, как некогда великий Моисей простер свои руки, помогая Израилю в походе, да и я небесным

духом нападения избегну и, направляя корабль твоих сочинений, в тихое пристанище введу, начиная здесь беседу, в точном соответствии с истиной.

В 1-е лето после поставления епископом богохранимому городу Ростову священный епископ Кирилл явил многие добродетели, как истинный святитель, а не наемник; как сама истина – Христос сказал в Святом Евангелии: отдайте кесарево кесарю. И исполнение им писания было на пользу князьям и боярам и всем вельможам, и все удивительно, обижаемым помогая, печальных утешая, нищих милуя, исполняя слово апостола Павла: я всем отдал себя, дабы больше приобрести. Мы же вернемся к ранее сказанному, как сказано: кесарево кесарю, а Божье Богу. Много же заботился он о церкви святой Богородицы, как я сказал прежде, и до сего дня это происходит, день ото дня начиная и переходя от дела к делу. В то же лето освящена была церковь святой Богородицы в Ростове великим освящением, 14 августа: созвал тот честный собор священный епископ Кирилл, игумены же, и попы, и дьяконы, и черноризцы, и все горожане сошлись в святую церковь на честный тот праздник, были тут и благородные князья: Василько, и Всеволод, и Владимир, и Борис Василькович, и княгиня Василькова, и великое множество людей, и все воздали хвалу Богу. Это 1-е дело совершил Бог достойно руками священного епископа Кирилла, которого не было в Ростове у ранее бывших епископов.

В лето 6740 (1232). Пошел великий князь Юрий к Сереньску, и стоял станом у села Уполозы, и вернулся во Владимир; Ярослав же и Константиновичи пошли к Сереньску, пожгли город, люди же бежали; и, повоював многие иные места, возвратились восвоюси. В то же лето женился князь Владимир Константинович. В то же лето пришли татары и зимовали, не дойдя до Великого го-

рода Болгарского. Той же зимой послал великий князь Юрий сына своего Всеволода на мордву, а с ним Феодор Ярославич и князья рязанские и муромские; и пожгли их села и много мордвы побили.

В лето 6741 (1233). Расписана церковь святой Богородицы в Суздале и вымощена различным прекрасным мрамором.

В лето 6742 (1234). Благоверный князь Святослав Всеволодович создал церковь святого мученика Георгия в Юрьеве и украсил ее.

В лето 6743 (1235). Мирно было*.

В лето 6744 (1236). Было знамение в солнце, 3 августа, в воскресенье после обеда: было видно всем как месяц четырех дней. Той же осени пришли с восточной стороны в Болгарскую землю безбожные татары, и взяли славный Великий город Болгарский, и перебили оружием всех от стариков до юных и младенцев, и захватили много имущества, а город их сожгли, и всю землю их захватили. Той же зимой князь Юрий женил своих сыновей Владимира и Мстислава.

В лето 6745 (1237). Благоверный епископ Митрофан поставил киот над алтарем в святой Богородице соборной, и украсил се золотом и серебром, при благоверном великом князе Юрии; того же лета расписал притвор в церкви святой Богородицы.

В то же лето, на зиму, пришли с восточной стороны на Рязанскую землю, лесом, безбожные татары, и начали разорять Рязанскую землю и захватили село Пронска; захватили и Рязань весь и пожгли его, и князя их убили, кого же взяли, одних распинали, других расстреливали стрелами, иным же завязывали руки назад; и много святых церквей предали огню, и монастыри и села пожгли, имущества немало отовсюду взяли; после этого пошли на Коломну.

Той же зимой пошел Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар, и сошлись у Коломны, и была жаркая сеча, и убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и иных многих мужей убили; и прибежал Всеволод во Владимир с малой дружиной, а татары пошли к Москве. Той же зимой взяли Москву татары, и воеводу Филиппа Нянка убили за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, захватили, людей же перебили от старца до сущего младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села пожгли и, захватив много имущества, отошли. Той же зимой выехал Юрий из Владимира с небольшой дружиной, назначив вместо себя своих сыновей Всеволода и Мстислава, и поехал на Волгу с племянниками своими, с Васильком, Всеволодом и Владимиром, и стал станом на Сити, ожидая к себе брата своего Ярослава с полками, и Святослава со своей дружиной; и начал Юрий, князь великий, собирать воинов против татар, а Жирославу Михайловичу поручил воеводство в своей дружине.

Той же зимой подошли татары к Владимиру, 3 февраля, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста*. Владимирцы затворились в городе, где были Всеволод и Мстислав и воевода Петр Ослядюкович. Владимирцы затворились, а татары подъехали к Золотым воротам, ведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава, и начали спрашивать, в городе ли князь Юрий. Владимирцы пустили по стреле по татарам, и татары также пустили по стреле по Золотым воротам; и потом сказали татары: «Не стреляйте». Они же замолчали. И татары подъехали к воротам и стали говорить: «Узнаете ли княжича вашего Владимира?» Был он печален, Всеволод же и Мстислав, стоя на Золотых воротах, узнали брата своего Владимира. О горестное и слез достойное зрелище! Всеволод и Мстислав с

их дружиной и все горожане плакали, видя Владимира. А татары отошли от Золотых ворот, объехали вокруг города и стали станом перед Золотыми воротами, как видеть глазу*, множество воинов бесчисленное вокруг всего города. Всеволод же и Мстислав, жалея брата своего Владимира, сказали дружине своей и Петру-воеводе: «Братья! Лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую». И воспротивился этому Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: «Это все навел на нас Бог по грехам нашим». Как сказал пророк: не дано человеку ни мужества, ни мудрости, ни мысли против Господа; ибо как Господу угодно, так и есть, будет же имя Господне благословенно в веках. Великое зло случилось в Суздальской земле, и не было от крещения такого зла, как ныне. Но оставим это.

Татары разбили свои станы у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль и святую Богородицу разграбили, и княжеский двор огнем пожгли, и монастырь святого Дмитрия пожгли, а прочий разграбили; а чернецов и черниц старых, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и людей всех иссекли, а юных чернецов и черниц, и попов и попадей, и дьяконов и жен их, и дочерей и сыновей их, всех увели в станы свои, а сами пошли назад к Владимиру.

В субботу мясопустную начали татары устанавливать леса и камнеметные орудия ставить до вечера, а на ночь воздвигли тын вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное, после заутрени, 7 февраля, на память святого мученика Феодора Стратилата, приступили к городу. И стоял плач великий в городе, а не радость, за грехи наши и неправды; за умножение беззаконий наших наслал Бог поганных, не их милуя, а нас наказывая, дабы воздерживались от злых дел. И этими

наказаниями наказывает нас Бог, нашествием поганых, это ведь батог его, дабы мы опомнились* и воздерживались от дурного пути своего; ради этого в праздники Бог наводит нам сетование, как говорит пророк: обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание. И взяли город до обеда; от Золотых ворот у святого Спаса вошли по примету* через городскую стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и Медным, а от Клязьмы к Волжским воротам, и так вскоре взяли Новый город*. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерный город*, а епископ Митрофан, и княгиня Юрьева с дочерью и со снохами и с внучатами, и другие княгини с детьми, и многое множество бояр и иные люди затворились в церкви святой Богородицы, и их без милости запалили огнем. И помолился боголюбивый епископ Митрофан, говоря: Господи Боже могущественный, дарующий свет, сидящий на херувимах, и научивший Иосифа, и укрепивший пророка Своего Давида на Голиафа, и воскресивший Лазаря Четверодневного из мертвых! распростри руку Свою невидимо, и прими в мир души рабов Твоих; и так скончался. Татары же силой отворили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, другие от оружия смерть приняли. И разграбили святую Богородицу, ободрали чудную икону, украшенную золотом, серебром и драгоценными камнями. И монастыри все и иконы разграбили, а иные порубили, другие же взяли себе, и кресты честные и сосуды священные и книги ободрали, и одежды блаженных прежних князей, которые они повесили в церквах святых на память о себе, взяли себе в полон. Как сказал пророк: Боже! пришли иноплеменники в достояние Твое, осквернили церковь святую Твою, превратили Иерусалим в хранилище овощей, бросили трупы рабов Твоих в пищу птицам небесным, тела пре-

подобных Твоих – зверям земным, пролили кровь их как воду. И убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества святой Богородицы, игумен Успенский, Феодосий Спасский, и прочие игумены и чернецы и черницы, и попы и дьяконы, от юного и до старца и сущего младенца; и тех всех иссекли, одних убивая, других же ведя босых и без покрывал в станы свои, умирающих от мороза. И видны были страх и трепет, так как на христианский род страх и колебание и беда распространились. Согрешили, и наказаны, и если видят нас пребывающими в бедности, то эта скорбь нам в радость, ибо и не желающие всякий в будущем веке получит милость; ибо душа, здесь наказываемая, непременно в будущем суде милость получит и облегчение от муки. О неизреченному Твоему человеколюбию! и так подобает благому Владыке наказывать; и я, грешный, тоже много и часто Бога гневлю, и часто грешу во все дни. Но теперь возвратимся к предыдущему.

Татары, захватив Владимир, пошли, окаянные эти кровопийцы, на великого князя Юрия, и одни пошли к Ростову, а иные к Ярославлю, а иные на Волгу на Городец, и те пленили все по Волге вплоть до Галича Мерьского; а иные пошли на Переяславль и взяли его и оттуда попленили всю ту страну и многие города до Торжка. И нет ни одного места, ни веси, и села редко, где бы не воевали татары на Суздальской земле. И взяли 14 городов, помимо слобод и погостов, за один месяц февраль на исходе 45-го лета.

Но мы вернемся к предстоящему. Пришла весть к великому князю Юрию: «Владимир взят, соборная церковь вместе с епископом, княгиней с детьми и снохами и внуками погибла в огне, старейшие сыновья Всеволод с братом убиты вне города, люди перебиты, а на тебя идут». Он же, услышав об этом, закричал громко, со

слезами, плача прежде всего по правоверной вере христианской, и более всего о церкви и о епископе, и о людях, ибо был милостив, нежели о себе и жене и детях, и вздохнув из глубины сердца, сказал: «Господи! разве сей не был угоден Твоему милосердию? новый Иов был терпением и верою к Богу». И начал молиться, говоря: «Увы мне, Господи, лучше бы мне умереть, нежели жить на этом свете. Чего ради нынче остался я один». И так он молился со слезами, когда внезапно появились татары. Он же отложил свою печаль и сказал: «Господи, услышь молитву мою, и не войди в суд с рабом Своим, ибо не оправдается перед Тобой всякий живущий, ибо погнал враг душу мою». И вторично помолился: «Господи, Боже мой! на Тебя уповаю, спаси меня и избавь от всех гонящих меня». И пришли безбожные татары на реку Сить против великого князя Юрия. Услышав же об этом, князь Юрий с братом своим Святославом и с племянниками своими Васильком и Всеволодом и Владимиром, и с мужами своими пошел против поганых. И сошлись обе стороны, и была злая сеча, и побежали наши перед иноплемениками; и тут убит был великий князь Юрий, а Василька захватили безбожные, и повели в свои станы. Случилось это зло 4 марта, на память святых мучеников Павла и Ульяны. И тут убит был князь великий Юрий на Сити-реке, и дружины его много побили; блаженный же епископ Кирилл взял мертвого князя, идя от Бело-озера, и принес его в Ростов, и пел над ним положенные песни с игуменами и клирошанами и попами, со многими слезами, и положили его в гроб у святой Богородицы. А Василька Константиновича вели с постоянным понуждением до Шерньского леса, и когда стали станом, принуждали его много безбожные татары принять обычаи татарские, быть в их воле и воевать за них. Он же никак не покорялся их без-

законию, и много укорял их, говоря: «О глухое царство, оскверненное! Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя и нахожусь я в великой беде; как дадите ответ Богу, многие души погубив без правды? За их муки будет мучить вас Бог, и спасет Господь души тех, кого погубили». Они же скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови. Блаженный же князь Василько помолился, говоря: «Господи! Иисусе Христе! помогавший мне многократно, избавь меня от этих плотоядцев». И снова помолился, сказав: «Господи Вседержитель и нерукотворный Цесарь! спаси любящих Тебя, и дай мне то, о чем прошу; помоги христианам и спаси Твоих рабов, детей моих Бориса и Глеба, и отца моего, епископа Кирилла». И в третий раз помолился: «Благодарю Тебя, Боже мой! Вижу похвальную память о себе; что молодая моя память от железа погибает и тонкое мое тело увядает». И в последний раз помолился: «Господи Иисусе Христе Вседержитель! прими дух мой, да и я почию в славе Твоей». И сказал это и тотчас без милости был убит. И был брошен в лесу, и увидела его некая верная женщина и поведала о том богобоязненному мужу поповичу Андриану. И взял он тело Василька и обвил его саваном и положил его в укромном месте. Узнав об этом, боголюбивый епископ Кирилл и княгиня Василькова послали за телом князя и принесли его в Ростов. И когда понесли его в город, множество народа вышло навстречу ему, печальные слезы проливая, лишившись такого утешения. И множество народа правоверного рыдали, видя, что отходит отец сиротам и кормилец, дававший утешение печальным, являвшийся звездой светоносной для находящихся во мраке; ибо на весь церковный клир открыл ему Бог сердечные очи, и всем церковникам и нищим и печальным был как возлюбленный отец, особенно же старался о милостыне,

помня слово Господне: блаженны милостивые, они помилованы будут; и Соломон говорит: милостынями и верою очищаются грехи, поэтому и не лишится упования, испрашиваемого у Бога: Господи! спаси любящих Тебя. И сего блаженного князя Василька сопричислил Бог смерти, подобно Андреевой, кровью мученической омылся он от прегрешений своих, с братом и отцом Юрием, великим князем. И это было удивительным, ибо и по смерти соединил Бог тела их: Василька принесли и положили в церкви святой Богородицы в Ростове, где и мать его лежит, и тогда же принесли голову великого князя Юрия, и вложили в гроб к телу.

Был же Василько лицом красив, очами светел и грозен, безмерно храбр на охоте, сердцем легок, с боярами ласков. Кто из бояр ему служил и хлеб его ел и чашу его пил, тот никакому другому князю, за любовь его, не мог служить; особенно сильно любил Василько слуг своих. Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили, во всем был искусен, все умел. И сидел он в доброденствии на отцовском столе и на дедовском, и скончался так, как слышали.

В лето 6746 (1238). Ярослав, сын Всеволода великого, сел на столе во Владимире, и была радость великая христианам, которых избавил Бог рукою Своею крепкою от безбожных татар; и начал утверждать порядок, как говорит пророк: Боже! суд Твой цесарю дай, и правду твою сыну цесаря, судить людей Твоих по правде и нищим давать суд; и потом утвердился в своем честном княжении. В то же лето князь Ярослав великий отдал Суздаль брату своему Святославу. Того же лета отдал Ярослав Стародуб Ивану. Того же лета было мирно*.

В лето 6747 (1239). Послал Ярослав, князь великий, по брата своего Юрия в Ростов, и привезли его ко Владимиру, и остановились перед городом; и вышли из

города навстречу ему епископ Кирилл и Дионисий архимандрит, понесли его в город с епископом и с игуменами и попами и черноризцами, и не было слышно пения в великом плаче и стенаниях, ибо плакал о нем весь город Владимир; Ярослав же и Святослав и князья русские плакали о нем с дружиною своею, и множество бояр и слуг плакали об утрате своего князя, а убогие – кормилица; отпев положенные песни, положили его в каменный гроб в святой Богородице в гробнице, где лежит Всеволод, отец его. Был Юрий, сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравами, о которых немного скажем: ведь удивительный этот князь старался хранить Божьи заповеди, и Божий страх постоянно имел в сердце, помня слово Господне: все люди узнают вас как Моих учеников, если любите друг друга; и не только друга, но и врагов ваших любите и добро творите ненавидящим вас; злоумышлявших против него врагов, прежде названных татар, отпустил одарив их; ибо те злые кровопийцы прежде прислали своих послов, предлагая мир*; он же не хотел того, по словам пророка: брань славная лучше постыдного мира, ибо эти безбожные, коварный мир объявляя, великие беды приносят землям, и здесь много зла причинили. Ибо Бог наказывает разными несчастиями, дабы предстали как золото проверенное в горниле, христианам ведь через многие беды предстоит войти в Царство Небесное; ибо Сам Христос Бог сказал: труден путь в Царство Небесное и преодолевшие трудности обретут его. Юрий, мужеству соименный! кровью омылись твои страдания; ибо если не напасть, то не венец, если не мука, то не воздаяние; ибо всякий придерживающийся добродетели не может без многих врагов быть. Милостив же был безмерно, помня слово Господне: блаженны милостивые, ибо будут помилованы; потому не жалел имущества своего, раздавая нуждающимся, и церкви

строил, украшая бесценными иконами и книгами, и города многие поставил, особенно же второй Новгород на Волге у устья Оки, и церкви многие воздвиг и монастырь святой Богородицы в Новгороде; весьма почитал сан чернеческий и поповский, давая им требуемое, потому и Бог удовлетворял его прошения, наполнил лета его доброденствием. И сидел во Владимире на отчем столе лет 20 и 4, а на 5-е был убит безбожными и погаными татарами. Это все случилось за грехи наши; но не выдай нас до конца ради имени Твоего святого, и не лиши нас Твоей милости. Молитвою святой Богородицы и блаженного епископа Кирилла, не пренебрег Господь молитвой его и слезами, которые приносил Господу, моляся день и ночь, дабы не оскудела правоверная вера христианская; что и есть. Дал Господь великое спасение князьям нашим, избавил от врагов наших, ибо очи Господни обращены к боящимся его, а уши его к их молитве: гнались за ними татары, и не нашли их. Как и Саул гнался за Давидом, но Бог избавил его от руки гонителя, так и этих Бог избавил от руки иноплеменников, правоверного и благочестивого великого князя Ярослава с благородными его сыновьями; было же их 6: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Данило, Михайло; и Святослав с сыном Дмитрием, Иван Всеволодович, Владимир Константинович, 2 Васильковича Борис и Глеб, Василий Всеволодович – все они были сохранены Божьей благодатью. Но мы к ранее сказанному возвратимся.

В то же лето татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли и, взяв большой полон, отошли. В то же лето Ярослав пошел к Каменцу, взял город Каменец, а княгиню Михайлову с большим полоном привел к себе. В то же лето освящена была церковь Бориса и Глеба в Кидекше великим освящением, на праздник Бориса и Глеба,

священным епископом Кириллом. В то же лето взяли татары Чернигов; князя их выехали в Венгрию, город же сожгли, людей побили, монастыри пограбили, а епископа Порфирия отпустили в Глухов, сами же ушли в свои станы. В то же лето Ярослав пошел к Смоленску на литву, и победил литву, и князя их захватил; и наведя порядок в Смоленске, посадив там на столе Всеволода, со многим полоном и великой честью отошел восвояси. В то же лето, на зиму, взяли татары Мордовскую землю и пожгли Муром, и по Клязьме разоряли, и город святой Богородицы Гороховец пожгли, а сами вернулись в свои станы. И страх злой распростерся тогда по всей земле, и сами не знали, кто и куда бежит.

В лето 6748 (1240). Родилась у Ярослава дочь и названа была в святом крещении Марией. В то же лето взяли татары Киев и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы, кресты честные и всякие украшения, а людей от мала до велика побили; случилась же эта беда до Рождества Господня на Николин день*.

В лето 6749 (1241). Родился у Ярослава сын и назван был в святом крещении Василием. В то же лето татары победили венгров. В то же лето татары убили Мстислава Рыльского.

В лето 6750 (1242). Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немцев, и победили их на Плесковском озере и взяли большой полон; и возвратился Андрей к отцу своему с честью.

В лето 6751 (1243). Великий князь Ярослав поехал в Татары, к Батыю, а сына своего Константина послал к кану*. Батый же почтил Ярослава великой честью, также и мужей его, и отпустил его, сказав: «Ярослав! будь старшим всем князьям русского племени». Ярослав же вернулся в свою землю с великой честью.

В лето 6752 (1244). Князя Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович со своими мужами поехали в Татары к Батыю, просить о своих отчинах; Батый же почтил их достойною честью, и отпустил их, распределив каждого в свою отчину, и приехали с честью на свою землю.

В лето 6753 (1245). Князь Константин Ярославич приехал из Татар, от кановичей, к отцу своему с честью. В то же лето великий князь Ярослав со своими братьями и племянниками поехал в Татары к Батыю.

В лето 6754 (1246). Святослав, Иван князь, с племянниками своими, приехали из Татар в свою отчину. В то же лето Михаил князь Черниговский с внуком своим Борисом поехали в Татары, и когда они были в станах, послал Батый к Михаилу князю, веля ему поклониться огню и их идолам; князь же Михаил не повиновался их повелению, но осудил его и глухие его идолы*, и был без милости заколот нечестивыми и лишился жизни 20 сентября, на память святого мученика Евстафия. Батый же князя Бориса отпустил ко своему сыну Сартаку, Сартак же, почтив князя Бориса, отпустил его восвояси. Той же осенью князь Ярослав, сын Всеволодов, скончался у иноплеменников, возвращаясь от кановичей, 30 сентября, на память святого Григория.

В лето 6755 (1247). Услышал Александр о смерти отца своего и приехал из Новгорода во Владимир, и плакал об отце своем с дядей своим Святославом и с братьями своими. В то же лето князь Святослав, сын Всеволодов, сел во Владимире на столе отца своего, а племянников своих посадил по городам, как им определил отец их Ярослав. В то же лето поехал князь Андрей Ярославич в Татары к Батыю, и Александр князь поехал после брата к Батыю; Батый же, почтив их, послал их к кановичам.

В лето 6756 (1248). Женился князь Борис Василькович на дочери муромского князя Ярослава, и венчался у святой Богородицы в Ростове, и была великая радость. Той же зимой был убит поганой литвой Михаил Ярославич; блаженный же епископ Кирилл послал за его телом, и привезли его во Владимир; и плакали братья его и бояре над ним, и пели погребальные песни, и положили его в стене у святой Богородицы, на память святого имярек. Той же зимой у Зубцова суздальский князь победил литву.

В лето 6757 (1249). Князь Глеб Василькович поехал в Татары, к Сартаку; Сартак же почтил его и отпустил в свою отчину. Той же зимой приехал Александр и Андрей от кановичей; и утвердили Александра на Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел на столе во Владимире. Той же зимой князь Владимир Константинович скончался во Владимире, на память святого первоученика Стефана; и много плакал над ним Александр с братьями, и проводили его честно из Золотых ворот, и везли на Углич; блаженный же епископ Кирилл с игуменами пели песни погребальные, и положили его у святого Спаса, и много плакали. Той же зимой князь Василий Всеволодович скончался во Владимире, на память святого Феодора; и везли его в Ярославль, и проводили его князь Александр и Борис и Глеб, и мать их; блаженный же епископ Кирилл с игуменами и попами пели песни погребальные, и положили его честно у святой Богородицы и много плакали над ним.

В лето 6758 (1250). Поехал князь Борис к Сартаку; Сартак же, почтив, отпустил его в свою отчину. Той же осенью Святослав Всеволодович с сыном поехал в Татары. Той же осенью митрополит Кирилл приехал в Суздальскую землю. Той же зимой женился князь Андрей Ярославич на дочери Даниила Романовича, и венчал их

митрополит с епископом Кириллом во Владимире у святой Богородицы, и было много веселья.

В лето 6759 (1251). Поехал митрополит в Новгород Великий к Александру, с епископом Кириллом; и упростили его новгородцы, и поставил блаженного Далмата епископом, 25 мая, на память Обретения главы святого Иоанна Предтечи. В то же лето была тяжелая болезнь у Александра, но Бог помиловал его, молитвами отца его Ярослава и блаженного митрополита, и епископа Кирилла. В то же лето поехал Глеб на Бело-озеро, в свою отчину. Той же зимой было мирно.

В лето 6760 (1252). Пошел Александр Ярославич, князь новгородский, в Татары; и отпустили его с честью великой, дав ему старейшинство во всей его братии*. В то же лето князь Андрей Ярославич надумал со своими боярами бежать, дабы не служить цесарям*, и побегал в неведомую землю с княгинею своею и с боярами своими; и погнались татары за ним вслед, и настигли его у города Переяславля, Бог же сохранил его и молитва отца его. Татары же рассыпались по земле, и княгиню Ярослава взяли, и детей схватили, и воеводу Жидослава здесь убили, и княгиню убили, и детей Ярослава отправили в полон, и людей без числа повели, и коней, и скот, и, причинив много зла, отошли к себе. В то же лето отпустили татары князя Олега Рязанского в свою землю. В то же лето пришел Александр князь великий из Татар в город Владимир, и встретили его с крестами у Золотых ворот митрополит и все игумены и горожане, и посадили его на столе отца его Ярослава, когда тысячу и управление держал Роман Михайлович*; и была великая радость в городе Владимире и во всей Суздальской земле. В то же лето скончался христоробивый князь Святослав Всеволодович.

В лето 6761 (1253), 2 мая, на память святого отца Афанасья, в городе Ростове освящена церковь святых

мучеников Бориса и Глеба, священным епископом Кириллом, при благоверных князьях Борисе и Глебе. В то же лето родился сын князю Борису Васильковичу, 11 сентября, и назван в святом крещении Дмитрием.

В лето 6762 (1254), на зиму, по Крещении, князь Ярослав Тверской, сын великого князя Ярослава, со своими боярами поехал в Ладогу, оставив свою отчину; и ладожане почтили его достойной честью. В то же лето родился сын у князя Бориса, 30 июля, и назвали его Константином.

В лето 6763 (1255), после Великого дня на Светлой неделе скончался Константин, сын великого князя Ярослава; и стоял великий плач, и, убрав, понесли его во Владимир, и как услышал Александр князь о смерти своего брата, встретил его с митрополитом*, игуменами и попами, отпели положенные песни и положили его у святой Богородицы во Владимире. В то же лето решили новгородцы послать епископа Новгородского Далмата к великому князю Александру с грамотами о мире; тот же промедлил, и возбудил дьявол, вражду, искони ненавидящий род человеческий, и был мятеж в Новгороде, выгнали князя Василия. В то же лето приехал Василий князь Новгородский в Торжок, и дождался здесь отца своего Александра; князь же великий с Дмитрием Святославичем и с боярами пошел к Новгороду, и, услышав об этом, вышли новгородцы с крестами и поклонились ему с многою честью; и была великая радость, и посадил сына своего в Новгороде, а сам поехал от них с великой честью, дав им мир.

В лето 6764 (1256). Поехали князья в Городец и в Новгород; князь же Борис поехал в Татары, а Александр князь послал дары; Борис же был у Улавчия, передал дары, и приехал в свою отчину с честью. Той же зимой поехал князь Александр с суздальцами и новгородцами

на емь, и победил их, и привел множество полона, и приехал с честью в свою отчину.

В лето 6765 (1257). Поехали князя Александр, Андрей, Борис в Татары; почтив Улавчия, вернулись в свою отчину. Той же зимой приехал Глеб Василькович из земли кана от цесаря, женившись в Орде*. Той же зимой приехали численники, сочли все земли: Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников и ушли в Орду; не считали лишь игуменов, чернецов, попов и клирошан, тех, кто смотрит на святую Богородицу и на владыку.

В лето 6766 (1258). Скончался князь Олег Рязанский в Страстную неделю в среду, в чернецах и схиме; и положен был у святого Спаса, 20 марта, на память святой мученицы Фотинии Самарянины. В то же лето пошли в Татары князя Александр, Андрей, Борис, Ярослав Тверской; почтили Улавчия и всех воевод, и были отпущены в свою отчину. Той же осенью приехали Борис и Глеб с княгиней в Ростов, и кланялись святой Богородице и епископу Кириллу, и матери своей великой княгине; и была в Ростове великая радость по случаю приезда Глеба. Той же зимой приехали численники во Владимир и пошли к Новгороду Великому и с ними князя Александр, Андрей, Борис; сосчитали и поехали назад во Владимир; Александра же задержали новгородцы, оказав ему большую честь; Александр же урядился с ними и поехал с честью в свою отчину.

В лето 6767 (1259). Приехал Александр из Новгорода к святой Богородице в Ростов, в среду Страстной недели, и кланялся святой Богородице, и целовал крест честной, и кланялся епископу Кириллу: «Отче святой! твоей молитвой и приехав в Новгород был здоров, и сюда приехав твоей молитвой здоров». Блаженный же епископ Кирилл, Борис и Глеб, и мать их Мария княги-

ня почтили Александра с великой любовью, и он поехал во Владимир.

В лето 6768 (1260).

В лето 6769 (1261). Родился у Александра сын, и называли его Данилой. Блаженный епископ Ростовский Кирилл прожил долгую жизнь и был в глубокой старости и в честной добродетельной седине; благоверный же князь Александр, сын Ярослава, Борис и Глеб Васильковичи, волей Божьей и помощью святой Богородицы, благословением митрополита Кирилла и епископа Кирилла, возвели архимандрита святого Богоявления Игнатия причетником церкви святой Богородицы в Ростове*. В то же лето скончался князь Андрей Владимирович в Угличе и положен в церкви святого Спаса. В то же лето поставил митрополит епископа Митрофана в Сарай*.

В лето 6770 (1262). Избавил Бог от лютого гнета басурманского людей Ростовской земли: вложил гнев в сердца христианские, не стерпев насилия поганых, собрали люди вече и выгнали из городов Ростова, Суздаля, Ярославля. Те окаянные басурманы давали на откуп дани, и этим чинили людям великие беды, поработая за проценты и многие христианские души разводя в разные стороны. Видев же это, человеколюбец Бог послушал моленья Матери и избавил людей Своих от великой беды.

В то же лето убили Изосима преступника; был он лишь образом монах, сатанинский сосуд; ибо был пьяница и сквернослов, пустослов кощунствующий, и наконец отказался от Христа и стал басурманином, предавшись прелести лживого пророка Магомета. Приехал тогда от цесаря татарского прислужник именем Кутлубий, злой басурманин, с его помощью окаянный отверженный причинял христианам великую досаду, ругая крест и святые церкви; когда же люди пошли на врагов своих басурманов, изгоняя их и избивая, то и незакон-

ного Зосиму убили в городе Ярославле, бросив тело его на съедение псам и воронам.

В то же лето скончался блаженный, имевший дар поучения епископ Кирилл Ростовский, 21 мая, на память Константина и Елены, в Собор 318 отцов*. Это был истинный пастырь, с кротостью пасший стадо людей Ростовской земли; и положили тело его в Ростове, и на его место был поставлен Игнатий, 19 сентября.

В лето 6771 (1263). Родился Глебу сын Демьян. В то же лето скончался великий князь Александр, сын Ярославов. Скажем же о мужестве и житии его. С помощью Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, я убогий, грешный, недостойный, начинаю писать житие великого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Поскольку слышал от отцов своих и очевидец его возрастания, рад поведать о святом, честном и славном его житии. Но, как сказал Приточник: в коварную душу не войдет премудрость; ибо она на высоких берегах, посреди путей пребывает, при воротах крепких находится. Если и груб умом, то молитвой святой Госпожи нашей Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу. Родился князь Александр по воле Божьей от отца благочестивого, милостивого и кроткого великого князя Ярослава и матери святой Феодосии. Как сказал Исайя пророк: «Говорит Господь: Я ставлю князей, ибо священны они, Я возвожу их». И воистину, не княжил бы он без повеленья Божья. Ростом он был выше других людей, голос его как труба в народе, лицо его как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила его была частью от силы Самсона. Дал ему Бог премудрость Соломона и храбрость царя римского Веспасиана, который пленил всю Иудейскую землю. Некогда приготовил войско идти на приступ города Атапаты, и вышедшие из города горожане победили

полк его, и остался Веспасиан один, и прогнал войско их к городским воротам, и посмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили вы меня одного». Так и князь Александр – побеждая, был непобедим.

И ради этого пришел некто могучий от западной страны, что называются «слугами Божьими»*, желая видеть дивный рост его. Как в древности царица Южская приходила к Соломону, желая послушать премудрость его, так и этот, именем Андреяш*, повидав князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и народов, нигде не видел такого ни в цесарях цесаря, ни в князьях князя». И слышал это король части Римской от страны полуночной*, о таком мужестве князя Александра, и подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал он силу великую, наполнил многие корабли полками своими, и двинулся грозной силой, наполнившись духом ратным. И пришел в реку Неву, шатаясь от безумия, возгордившись, послал послов к князю Александру в Новгород со словами: «Если можешь противостоять мне – я уже здесь и воюю землю твою». Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, вошел в церковь святой Софии, пал на колени перед алтарем, и стал со слезами молиться Богу: «Боже достохвальный и праведный, Боже великий и крепкий, Боже вечный, создавший небо и землю, поставивший пределы народам и приказавший им жить, не вступая в чужую часть». И вспомнил псалом и сказал: «Суди, Господи, обижающих меня, побори борющихся со мной, возьми оружие и щит и стань на помощь мне». И, окончив молитву, стал и поклонился архиепископу, архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же вышел из церкви, утирая слезы, и начал крепить дружину свою, и сказал: «Не в силе Бог, но в правде. Помянем песнопевца (Давида): “Эти – ору-

жием, те – конями, мы же именем Господа Бога нашего хвалимся; те были повержены и пали, мы же поднялись и стоим прямо»». И, сказав это, пошел на них с малой дружиной, не дожидаясь, когда соберется большая сила его, уповая на Святую Троицу.

Горестно слышать, что отец его, честный Ярослав великий, не знал о таком нападении на своего милого сына Александра, и тот не успевал послать весть к отцу, поскольку враги уже приближались, и даже многие новгородцы не успели собраться, ибо князь торопился в поход. И пришел на врагов в воскресенье, на память святых 630 отцов Халкидонского собора, и святых мучеников Кирика и Улиты, и святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, имея твердую веру к святым мученикам Борису и Глебу.

Был там некий муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелгуй, ему поручена была стража морская. Был он крещен и жил среди рода своего, остававшегося в язычестве, и назван был в святом крещении Филиппом. Жил он богоугодно, в среду и пятницу постился, сподобил его Бог видеть в тот день страшное видение, о коем скажем вкратце.

Увидел он ратников, идущих против князя Александра, и решил, что расскажет князю о станах их и укреплениях. И стоял он на берегу моря, следя за обоими путями, всю ночь пребывая в бдении. Когда ж начало всходить солнце, услышал он страшный шум на море, и увидел корабль один, плывущий по морю, а посредине стоят мученики Борис и Глеб в красных одеждах, держа руки на плече друг у друга; гребцы же сидели словно мглой одеты. И сказал Борис: «Брат Глеб! вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Видя такое видение и слыша такой голос мученика, стоял он в трепете, пока корабль не скрылся от очей его.

Вскоре приехал князь Александр, Пелгуй же, взглянув на Александра радостно, поведал ему одному о видении. Князь же сказал: «Никому не рассказывай об этом». И поспешил он напасть на врага. В 6 часов дня, в лето 6748, была жаркая сеча с римлянами, и побил он их бесчисленное множество, и самому королю наложил печать на лице острым своим копьем. Здесь же из полка его явились 6 мужей храбрых. Один, именем Таврило Алексич, увидев королевича, которого тащили под руки, напал на корабль, и въехал по доске до самого корабля, по которой восходили с королевичем на корабль; и побежали от него, а затем оборотились* и сбросили его с конем с доски в воду; и Божьей милостью остался невредимым и снова наехал на них и бился с самим воеводой среди их войска. Второй, новгородец, по имени Сбыслав Якунович; этот не раз наезжал на их войско и сражаясь одним топором, без страха в душе своей, и несколько врагов пало от руки его, и дивились силе и храбрости его. 3-й, Яков, родом полочанин, был ловчим у князя; этот наехал на войско с мечом, и похвалил его князь. 4-й, новгородец, по имени Миша; этот пешим напал на корабли и уничтожил с дружиной своей 3 корабля. 5-й, из младших дружинников, именем Савва; этот въехал в большой королевский шатер златоверхий и подсек столп шатерный; полки Александра, увидев, что пал шатер, весьма обрадовались. 6-й, из слуг князя, именем Ратмир; этот бился пешим, и окружили его во множестве враги, и от многих ран пал он и скончался. Все это я слышал от господина своего великого князя Александра и от других, участвовавших в той сече.

Было же в то время дивное чудо, как в древности при Езекии цесаре, когда напал на Иерусалим ассирийский цесарь Сеннахирим, намереваясь пленить святой город Иерусалим, и внезапно спустился ангел Господень

и избил 185 тысяч войска ассирийского, и когда встали утром, нашли всех мертвыми. Так же было и после победы Александра, когда победил он короля: по обе стороны реки Ижоры, где невозможно было пройти полку Александра, нашли многое множество побитых ангелом Господним. И оставшиеся побежали, побросав трупы мертвых в корабли, и потопили корабли в море*. Князь же Александр возвратился с победой, хваля и славя имя своего Творца, Отца и Сына и Святого Духа. Во 2-е же лето, после возвращения с победой князя Александра, опять пришли от западной страны*.....

[6791 (1283)]*...Когда же избии бояр, повелел отпустить паломников, отдав им одежду убитых бояр и сказав: «Вы – купцы и паломники, ходите по землям, и говорите так: кто будет спорить со своим баскаком, тому будет так же». А захваченных черных людей с женами и с детьми отправил прочь. А трупы тех бояр повелел повесить по деревьям, отнимая голову и правую руку, и начали басурманы привязывать головы боярские к седлам, а руки сложили в судно, поставили на сани Чернысе Русину* и пошли от города Ворогла; и пришли в село Туров, и хотели послать по землям головы и руки боярские, и некуда было слать, поскольку вся волость была опустошена. И так бросили головы и руки псам на съедение и пошли прочь. Многие же ограбленные люди и младенцы померли от мороза. Это зло случилось великое из-за грехов наших. Ибо Бог наказывает человека человеком; так навел Бог этого басурманина злого за неправду нашу, думаю, что и из-за князей, которые живут в распрях между собой. Много об этом можно писать, но оставим это. Ахмат оставил двух своих братьев охранять и укреплять свои слободы, а сам не посмел остаться на Руси, ибо не мог взять ни одного князя, и пошел в Татары под защитой войска татарского, и когда снимаются

со стана, убивают человека. И стыдно было видеть это и очень страшно, и хлеб не шел в уста от страха.

В лето 6792 (1284). Два басурманина пошли из слободы в другую слободу, и было с ними более 30 человек из Руси. Услышал об этом липовецкий князь Святослав, надумал со своей дружиной, без совета с Олегом, подстерег их в пути и совершил разбой; сами братья того басурманина бежали, избили же 25 русских и двух басурманов. Сделал это Святослав один без Олега, и думал, что добро совершил, а сделал лишь хуже и Олегу, и себе, о чем после скажем.

В то же лето, после Великого дня, в Фомину неделю, побежали 2 брата того басурманина в Курск, а на завтра в понедельник побежали все из той и другой слободы, и так разошлись обе слободы басурманские. В то же лето пришел князь Олег из Орды и устроил поминовение убитых бояр; и послал к Святославу со словами: «Зачем потерял правду, возложил имя разбойника на меня и на себя? Прошлой зимой в ночи на слободу разбоем напал, а ныне в пути побил; а знаешь нрав татарский, да и у нас и в Руси чинить разбой – это зло; иди в Орду и отвечай». Он же отказался, сказав: «Я сам знаю о своем деле, я прав, что так поступил, ибо это мои враги». И сказал Олег: «Ты со мной целовал крест, чтобы нам обоим поступать по общему совету; когда рать была, не бежал со мной к цесарю, но остался в Руси, скрывшись в Воронежских лесах, для того, чтобы разбойничать, а крестное целование, чтобы нам Богом и правдой своей одолеть басурманина, забыл; и ныне потерял и мою и свою правду, не идешь на исправление ни к своему цесарю, ни к Ногаю; пусть же меня с тобой Бог рассудит». Так и случилось. Пришел Олег из Орды с татарами и убил Святослава по приказу цесаря; после же Александр брат Святослава убил Оле-

га и двух его малых сыновей, и радовался мести дьявол и его помощник Ахмат.

В лето 6793 (1285). Роман, князь Брянский, приходил ратью к Смоленску, и пожег пригород и отошел восвояси. В то же лето заложена была каменная церковь в Твери благоверным князем Михаилом и матерью его Аксиньей и преподобным епископом Симеоном; прежде была Козьмы и Демьяна* и изменили имя на святого Спаса Преображения. В то же лето литва воевала Олешню, волость тверского владыки; и собрались тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи, и догнали литовцев в лесу, в канун Спасова дня, и помог Бог христианам: великого их князя Довмонта убили, полон весь отняли, одних перебили, других пленили, иные же разбежались.

В лето 6794 (1286).

В лето 6795 (1287)*.

* * *

[**В лето 6801 (1294)**]... [Михаил Тверской] подошел близко к Москве, и не было ему известия, что на Москве татарские полки и князь Андрей; и нашелся некий поп, который проводил князя безопасным путем, и так защитил Бог князя молитвою дедовой и отеческой, и не пренебрег Бог слезами и молитвами матери его. Татары же и Андрей, услышав о приходе князя Михаила, не пошли на Тверь, но двинулись на Волок, и там то же зло совершили, вывели людей из лесов и пошли назад к Переяславлю. Той же зимой князь Феодор Ростиславич сел в Ярославле, а Андрей пошел в Великий Новгород; татары же пошли восвояси. Той же зимой Андрей пришел из Новгорода в Торжок. Той же зимой цесарь татарский, именем Токтомерь, пришел в Тверь и, причинив

много тягости людям, пошел восвосяи. Той же зимой скончался князь Феодор Рязанский.

В лето 6803 (1295). Великий князь Дмитрий пошел в отчину свою мимо Торжка, князь же Андрей перехватил его на броне; сам князь переправился через реку, а вьючные товары переправить не успели; и захватил князь Андрей товары. Той же весной Феодор Ростиславич пожег Переяславль. В то же лето скончался великий князь Дмитрий близ Волока. В то же лето скончался епископ рязанский Василий. В то же лето женился князь Михайло в Твери, и венчал его епископ Андрей в церкви святого Спаса, 8 ноября, на собор святого архангела Михаила.

В лето 6804 (1296). Погорел город Тверь, после Великого дня на 6-й неделе в субботу, накануне Собора святых отцов*. В то же лето, в ноябре, поставлен во Владимир епископ Семен.

В лето 6805 (1297). Пришел князь Андрей из Татар, и собрал войско, и хотел идти ратью на Переяславль, и от Переяславля к Москве и к Твери. Услышав об этом, князь Михайло Тверской и князь Данила Московский собрали войско и, придя, стали, приготовившись, близ Юрьева; Андрей же был во Владимире, и так не дали ему пойти на Переяславль; князь Иоанн Дмитриевич, отправляясь в Орду, наказал князю Михаилу оберегать свою отчину и Переяславль; и едва не случился бой между ними, и примирились и разошлись восвосяи.

В лето 6806 (1298). На Святой неделе в субботу, на ночь, на рассвете Фоминова воскресенья, в городе Твери загорелся княжий двор. И это чудо было, как защитил Бог князя: сколько людей спало в снях, сторожа – никто не почувствовали, а сам князь с княгиней заметили огонь, выбежали с княгиней, а вынести ничего не успели; и так сгорело немало имущества, золота, серебра, оружия, одежды. В то же лето был мор на скот. В то же

лето была засуха, возгорались болота и леса. Той же весной сильно разболелся князь.

В лето 6807 (1299), 19 мая, солнце грозно огородилось. В то же лето Феодор Ростиславич приходил с ратью к Смоленску и возвратился, не добившись успеха. В то же лето, 15 сентября, в понедельник после вечерни, родился у князя Михаила Тверского сын, и назвали его Дмитрием. В то же лето скончался князь Ярослав Пронский.

В лето 6808 (1300), в субботу Страстной недели, на рассвете перед Пасхой Господней, погорел Новгород Великий. В то же лето скончался епископ Климент. В то же лето, с весны, были сильные ветры и дожди и гром; в Торжке туча за один час ров сделала, и несколько домов снесло до основания. В то же лето Александр Глебович из Смоленска приходил ратью к Дорогобужу и, окружив город, отнял воду; князь Андрей Вяземский пришел с вяземцами и помог дорогобужцам, и убили у Александра сына, а самого князя Александра ранили, а также брата его Романа, а смолнян убили 200 человек, и Александр возвратился восвояси. В то же лето рязанские князья Ярославичи*... у Переяславля. В то же лето митрополит Максим, не вынеся насилия татар, оставил митрополию и бежал из Киева, и весь Киев разбежался; а митрополит пошел к Брянску и оттуда шел в Суздальскую землю со всем своим хозяйством. В то же лето скончался Феодор Ростиславич в Ярославле, в чернецах и схиме. В то же лето, 11 октября, родилась у князя Михаила Тверского дочь, и назвали ее Феодорой.

В лето 6809 (1301), 3 июля, на 8 неделе по Пасхе, в пятницу, погорел Торжок. В то же лето в Новгороде Великом поставлен епископом Феоктист, 29 июня, на память святых апостолов Петра и Павла, митрополитом Максимом, Андреем епископом Тверским, Семеном епископом Ростовским, при великом князе Андрее; был же он ранее

причетником святой Софии Новгородской. В то же лето собрались у Дмитрова великий князь Андрей, князь Михайло Тверской, князь Данило Московский, князь Иоанн Дмитриевич из Переяславля, и заключили между собой мир; Михайло же с Иваном между собой не договорились. В то же лето, 7 октября, в пятницу, родился у князя Михаила сын, и назвали его Александром. В то же лето, осенью, князь Данило Московский приходил ратью на Рязань, и билися у Переяславля, и одолел Данило; много и татар было избито, и князя рязанского Константина некой хитростью захватил и привел в Москву.

В лето 6810 (1302). Князь великий Андрей Александрович пошел из Новгорода на немцев, и взял немецкий городок и Неву, городок велел раскопать, немцев же одних перебили, других пленили, и князя их убили; князь же Михайло Тверской, не дойдя до Новгорода, услышал, что немцы побеждены, и вернулся назад. В то же лето, 5 июля, после Петрова поста, в четверг, была сильная буря, и много бедствий было, по селам дубы разодрало. В то же лето, осенью, явилась на западе звезда, с лучами и хвостом кверху, лицом к югу. В то же лето, 8 ноября, на память архистратига Михаила, были постриги у князя Михаила сыну его Дмитрию.

В лето 6811 (1303). Скончался князь Иван, сын Дмитриев, в Переяславле. В то же лето великий князь Андрей, по осени, пошел в Татары. В то же лето, на зиму, князь Данило Александрович сел в Переяславле. В то же лето, 25 февраля, в понедельник, скончался князь Борис, сын Андреев, в Костроме.

В лето 6812 (1304), 5 марта, на безымянной неделе, во вторник, скончался князь Данило Александрович в Москве, в своей отчине, в чернецах и схиме.

В лето 6813 (1305), индикта 2, 23 июня, на память святой мученицы Агриппины, во вторник, в полдень,

была большая туча с востока, и ударил очень сильно гром в маковицу церкви святого Феодора, и зажег ее, и горела до вечерни.

* * *

Радуется купец, прибыль получив, и кормчий, к гавани пристав, и странник, пришедший в свое отечество; также радуется переписчик книг, дойдя до конца книги, так и я убогий, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий монах. Начал писать эту книгу*, называемую летописцем, 14 января, на память святых отцов наших старцев, побитых в Синае и Раифе, князю великому Дмитрию Константиновичу, по благословению священного епископа Дионисия, и кончил 20 марта, на память святых отцов наших, побитых сарацинами в монастыре святого Саввы, в лето 6885 (1377), при благоверном и христоробивом князе великом Дмитрие Константиновиче и при епископе нашем христоробивом священном Дионисии Суздальском, Нижегородском и Городецком. И ныне, господа отцы и братья, если я где ошибся, или переписал, или не дописал, читайте, исправляя, ради Бога, а не осуждайте, поскольку книги ветхие, а ум молод, не достиг зрелости, слушайте апостола Павла, говорящего: не осуждайте, а благословите. А со всеми нами христианами Христос Бог наш, Сын Бога живого, Ему с Отцом и Пресвятым Духом слава и власть и честь и поклонение и ныне и постоянно в веках, аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Продолжение «Повести временных лет» по Ипатьевской летописи*

В лето 6618 (1110)... Как говорит пророк Давид: «Ангелам Своим повелел охранять тебя». Как и премудрый Епифаний пишет: «К каждой твари ангел приставлен: ангел облакам и туманам, и снегу, и граду, и морозу, ангел голосам и грому, ангел зимы и зноя, и осени, и весны, и лета, всякой живой твари на земле, и тайной бездны, скрытой под землей, и преисподней тьмы, и всего, что над бездной, бывшей прежде над землей, от которой и вечер, и ночь, и свет, и день».

Ангелы приставлены ко всем тварям, а также к каждой земле, для сохранения этой земли, хотя бы и язычников. Если Божий гнев падет на какую-либо землю и Бог повелит ангелу тому идти войной на ту землю, то ангел той земли не должен противиться повелению Божьему. Если же кто говорит, что у язычников нет ангела, пусть слышит, что Александр Македонский, ополчившись на Дария и выступив против него и победив землю всю от востока и до запада, и побил землю Египетскую, и убил Арама, и пришел на острова морские, и повернул на Иерусалим, чтобы взять его и победить иудеев, ибо они были в мире с Дарием, и пошел со всеми воинами своими, и стал на отдых. И насту-

пила ночь, и лежал он на ложе среди шатра, и, открыв глаза, увидел мужа, стоящего над ним с обнаженным мечом в руке, похожим на молнию. И замахнулся он мечом своим над головой царя. И великий ужас охватил царя, и он сказал: «Не убивай меня». И сказал ангел: «Послал меня Бог смирать пред тобой царей великих и множество людей, и хожу я впереди тебя, помогая тебе. Теперь же знай, что умрешь, потому что замыслил войти в Иерусалим и причинить зло иереям Божьим и людям его». И сказал царь: «Молю тебя, Господи, отпусти грех раба Твоего. Если это не угодно тебе, я возвращусь домой». И сказал ангел: «Не бойся, иди своим путем к Иерусалиму, и увидишь в Иерусалиме мужа в облике моем, тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и сделай все, что он велит. Не нарушай приказаний его, если же нарушишь, в тот же день умрешь». И поднявшись, царь пошел в Иерусалим и спросил евреев: «Идти ли мне на Дария?» И показали они ему книги Даниила пророка, и сказали ему: «Ты козел, и он баран, и победишь ты, и возьмешь царство его». Так не ангел ли водил Александра, не язычники ли обратились в бегство и все еллины идолопоклонники? Так и эти поганые напущены на нас за грехи наши. Да будет ведомо, что у христиан не один ангел, но столько, сколько есть крещеных, тем более у всякого благоверного князя, только не могут они противиться Божьему повелению, но молят прилежно Бога за христиан. Так и случилось: молитвами святой Богородицы и святых ангелов смилостивился Бог и послал ангелов в помощь русским князьям против поганых. Как сказал Моисею: «Это ангел мой будет идти впереди тебя». Как сказали мы прежде, знаменье это было 11 февраля на исходе этого 6618 (1110) года.

В лето 6619 (1111). Положил Бог Владимиру на сердце, и стал говорить брату своему Святополку, по-

буждая его идти весной на поганых. Святополк же поведал дружине своей предложение Владимира. Дружина же сказала: «Не время отрывать смердов от пашни». И послал Святополк к Владимиру со словами: «Надо бы нам съехаться и подумать о том с дружиной». Посланные же пришли к Владимиру и передали сказанное Святополком. И пришел Владимир, и встретились на Долобске. И сели в одном шатре Святополк со своей дружиной, а Владимир со своей. И молчали, и сказал Владимир: «Брат, ты старше меня, говори первый, что надумаем о Русской земле». И сказал Святополк: «Начни, брат, ты». И сказал Владимир: «Как я буду говорить, а мне будут возражать твоя дружина и моя, что “он хочет погубить смердов и пашню смердов”. Но дивлюсь я, брат, что жалеете смердов и их коней, а не думаете о том, что начнет весной смерд этот пахать на лошади, а половчин, налетев, поразит его стрелой, и заберет лошадь ту и жену его, и детей его, и гумно его зажжет. Об этом-то почему не думаете?». И сказала дружина: «Верно, воистину так оно и есть». И сказал Святополк: «Я, брат, готов идти с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему идти с ними. И встали Владимир и Святополк, целовались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли они, возложив надежду на Бога и на Пречистую Матерь Его, и на святых ангелов Его. И выступили во второе воскресенье Великого поста, а в пятницу были на Суле. За субботу они дошли до Хорола и там оставили сани. А в воскресенье, когда крест целуют, дошли до Псела и затем стали на Голте. Здесь подождали воинов и двинулись на Ворсклу, и там назавтра, в среду, целовали крест, и возложили всю свою надежду со многими слезами на крест. И оттуда перешли через многие реки и пришли к Дону во втор-

ник 6-й недели поста. И облачились в броню, построили полки и пошли к городу Шаруканю, и князь Владимир, едучи впереди войска, определил попов петь тропари и кондаки Креста честного и канон святой Богородицы.

И с вечера поехали они к городу, а в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино, и здесь переспали ночь. И на завтра, в среду, пошли к Сугрову и зажгли его, а в четверг пошли с Дона. В пятницу же, на завтра, 24 марта собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши, возложив надежду на Бога, сказали: «Здесь станем крепко насмерть». И прощались друг с другом, и, обратив очи к небу, призывали Бога вышнего. И сошлись в жестокой битве, и Бог вышний, исполненный гнева, обратил взор Свой на иноплеменников, и падали они перед христианами. И так были побеждены иноплеменники, и пали многие враги, супостаты наши, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея, и помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день. И на завтра, в субботу, праздновали Лазарево воскресение и день Благовещенья, и, восхвалив Бога, проводили субботу, и наступило воскресенье. В понедельник же Страстной недели снова иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили как рощи великие и тьмой тьмущей обступили русские полки. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям, и пошли полки половецкие и русские, и сразились передние с полком, и как гром затрещали сражающиеся ряды, и брань лютая разразилась между ними, и падали люди с обеих сторон. И выступили Владимир с полками своими и Давыд; и увидев это, половцы показали спины свои, ударившись в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо побиваемые ангелом, что

многие видели, и головы летели, невидимо отсекаемые на землю. И победили их в понедельник Страстной недели 27 марта. Многое множество иноплеменников было избито на реке Салнице. И спас Бог людей Своих. Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им такую победу над погаными, и взяли много полона и скота, и коней, и овец, и колодников много захватили. И спросили колодников: «Почему с такой силой и таким множеством не могли вы сопротивляться и так скоро побежали?» Они же отвечали: «Как можем мы биться с вами, когда другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?» Это и были ангелы, посланные Богом на помощь христианам. Это ведь ангел вложил Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников. Ибо, как было сказано, виденье видел в Печерском монастыре, когда стоял столп огненный над трапезной, затем передвинулся на церковь и оттуда к Городцу, где был Владимир в Радосыни. Тогда и вложил ангел Владимиру мысль, о чем мы сказали.

Потому и следует восхвалять ангелов, как сказал Иоанн Златоуст: извечно они молят Творца быть милостивым и кротким к людям. Ибо ангелы, говорю я, наши защитники, когда воюем мы с противником, а начальник им архангел Михаил, ибо с дьяволом из-за тела Моисеева боролся, на персидского же князя ополчался за свободу человеческую. Разделив все живое повелением Божиим и ставя старейшин народам, персиянам позволил презреть своего, Михаила же обрезанным людям повелел сохранить, соединив их пределы гневом, не по греховой ярости, но блаженному некоему неизреченному слову; тот принуждал иудеев работать на персов, этот же старался освободить их и прилежно возносил молитву к Богу, провозглашая: «Господи, Вседержитель,

доколе не помилуешь Иерусалим и города иудеев, которые Ты оставил без призрения уже 70 лет?»

Его видел в видении и Даниил летящего: лицо его как молния, глаза его как свечи, и мышцы и голени его блестящие как медь, и голос его как гул множества народа. От них явился человек, отвративший осла и сотворивший Валама путем пустого и нечестивого волхования, от них явился человек, который извлек меч перед Иисусом Навином, побуждая примером этим помочь против врагов, от них явился человек, который перенес пророка Аввакума по воздуху, чтобы тот кормил Даниила, находившегося среди львов. Такие всегда над врагами торжествуют. Таков и преподобный Рафаил: отрезав у рыбы жир, исцелил бесноватую девицу и слепому старцу дал возможность увидеть солнце. Не достойны ли великих почестей те, кто нашу жизнь охраняют? Не только охранять народы велено было ангелам. Как было сказано: «Когда разделил Всевышний языки, когда рассеивал сынов Адамовых, Он установил пределы поселениям народов по числу ангелов Божьих», и каждому верному человеку достался ангел. Ибо когда девица Роды стала говорить апостолам, а перед дверьми стоял Петр, избежавший Ирода, – сказанному не поверили: это не девица, а ангел его. Свидетельствует же и этим Господь, говоря: «Видите и радейте и о едином от малых этих, ибо говорю вам, что ангелы их видят лицо Отца моего, пребывающего на небесах». Еще же и к каждой церкви Христос приставил хранителя ангела, как сообщает Иоанн, говоря: «Скажи ангелу, находящемуся в церкви Измуранской: “Видел нищету твою и скорбь, но ты богат”». Добро это известно любящим нас ангелам, молящимся за нас перед Владыкой. Ибо они служащие духи, как и апостол говорит: «Посланные на службу тем, кто стремится удостоиться спасения». Им

они защитники и помощники, как и ныне слышал про Даниила, как он водит архангела Михаила к персам в час гнева Божия ради нашего освобождения. Ибо тот принуждал людей работать на персов, как было сказано, этот же старался освободить пленных. И одолевает Михаил врага, ибо иудеи, перейдя Евфрат, вновь обрели места поселений и построили и город и церковь. Так же и великий Епифаний говорил: «Каждому народу приставлен ангел». И писание ведь Даниилу говорило: «Ангел и властителя еллинам и Михаила властителем иудеям определил». Говорит также: «И установил уставы по числу ангелов».

И опять же, как Ипполит говорит, толкуя Даниила: «В третий год царствования Кира царя я, Даниил, плакал три недели, к концу же первого месяца смирился; 21 день молил Бога, прося открыть Его тайну. И Отец, услышав, поведал, чему надлежит быть, и что сбылось на великой реке; хорошо, если Бог явился там, где хотел грехи отпустить. И я, подняв глаза, увидел: вот муж, одетый во все багровое; поначалу кажется, будто ангел Гавриил летящий, но это не так, видел Самого Господа, видел не действительного человека, но образ человеческого, как сказано: “И вот муж, одетый во все пестрое, и бедра его опоясаны чистым золотом, и тело его как топаз, и лицо у него словно молния, и глаза у него как свечи огненные, и мышцы и плечи подобны меди чистой, и голос его как гул множества народа”. И упал я наземь, и взяла меня будто бы рука человеческая, и поставила меня на колени, и сказал мне: “Не бойся, Даниил, знай, чего ради пришел я к тебе. Войну хочу вести с князем персидским, но поведаю тебе о написанном в писании истинном, и нет никого, кто спорил бы со мной, кроме Михаила, князя вашего. Ибо его я оставил тут, и с того дня, как начал я молиться Богу твоему, услышал он мо-

литву твою и отпущен я воевать с князем персидским. Иные не советовали отпускать людей, чтобы скоро исполнилась молитва твоя, – я противился этому и оставил Михаила князя вашего”. Кто же такой Михаил, если не ангел, приданный людям?» Как и Моисею, было сказано: «Не пойду с вами в путь, потому что люди упрямые, но ангел Мой пойдет с вами».

Так и теперь, с Божьей помощью, по молитвам Богородицы и святых ангелов возвратились русские князья со славой великой к своим людям, и пошла она и по дальним странам, Греции, Венгрии, Польше и Чехии, даже и до Рима дошла, на славу Богу, всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь.

В то же лето скончалась княгиня Всеволодова, 7 октября, и положена у святого Андрея в монастыре. Того же лета скончался Иоанн, епископ Черниговский, 23 ноября.

В лето 6620, индикта 5 (1112). Ярослав, сын Святотолка, ходил на ятвягов и победил их, и, возвратясь из похода, послал в Новгород и взял себе в жены дочь Мстислава, внучку Владимира, 12 мая, а приведена была 29 июня. В то же лето выдана была Евфимия Владимировна за венгерского короля. В том же лете скончался Давыд Игоревич 25 мая и погребен 29-го в церкви святой Богородицы Влахерны на Клове. В то же лето скончалась Янка, дочь Всеволода, сестра Владимира, 3 ноября, и погребена в церкви святого Андрея, которую построил отец ее; там она и постриглась в той церкви, в девичестве. На исходе же лета поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена печерского, 12 января, а на стол возведен 19 января. И рады были этому князь Давыд и княгиня, ибо был он ей отец духовный, и бояре и все люди радовались. Ибо перед ним был епископ больной, не мог служить и пролежал больной 25 лет, потому князь и народ и ждали епископской службы и

теперь радовались, славя Бога. Братия же после этого осталась без игумена, и собралась вся братия и выбрали игуменом попа Прохора, и сообщили об этом митрополиту и князю Святополку. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью. И поставлен он был на масленой неделе в четверг, 9 февраля, и так вступила братия в пост с игуменом.

В лето 6621 (1113). Было знамение в солнце в 1 час дня. Всем было видно: осталось от солнца мало, как месяц вниз рогами, марта 19, а луны в 29 день. Эти знаменья бывают не к добру; бывают знаменья в солнце или в луне, или со звездами не по всей земле, но если в какой стране будет знаменье, та его и видит, а другая не видит. Так в древности, в дни Антиоховы, были знаменья в Иерусалиме, стали там являться в воздухе люди, рыщущие на конях с оружием, и размахивающие оружием, и это было в Иерусалиме только, а в других местах не было этого. Бывшее же теперь знамение предвещало смерть Святополка. После этого знаменья подошел праздник Пасхи, и праздновали его, а после праздника разболелся князь. А скончался благоверный князь Михаил, названный Святополком, 16 апреля за Вышгородом, и привезли его в ладье в Киев, и убрали тело его и возложили на сани. И плакали о нем бояре и дружина его вся, отпели над ним обычные песни и похоронили в церкви святого Михаила, которую он сам воздвиг. Княгиня же жена его щедро раздавала богатство монастырям, попам и убогим на удивление всем людям, ибо такой милости никто не может творить. На другой же день, 17 апреля, киевляне устроили совет и послали к Владимиру со словами: «Пойди, князь, на стол отца и деда». Услышав это, Владимир много плакал и отказался, печалась о брате. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, пошли на иудеев и разграбили их. И вновь послали киевляне к Владимиру

со словами: «Иди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла воздвигнется. Не только Путятин двор или сотских, или иудеев пограбят, а пойдут и на невестку твою и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если и монастыри разграбят». Услышав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княжения Владимира, сына Всеволода. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел на столе отца своего и дедов своих, и все люди были рады, и мятеж улегся. Половцы же, услышав о смерти Святополка, собрались и пришли к Выру. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом, и половцы бежали. В то же лето посадил сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В то же лето скончалась игуменья Лазарева монастыря, святой жизни, 14 сентября, прожив шестьдесят лет в чернечестве, а от рождения 92. В это же лето взял Владимир за сына своего Романа дочь Володаря, 11 сентября. В это же лето Мстислав заложил каменную церковь святого Николы на княжем дворе, у торговища в Новгороде. В то же лето посадил сына своего Ярополка в Переяславле*. В то же лето поставили епископа Данила в Юрьев, а Никиту в Белгород.

В лето 6622 (1114). Скончался Святослав, сын Владимира, 16 марта, и положен был в Переяславле у церкви святого Михаила, ибо там отец ему дал стол, выведя его из Смоленска. В то же лето Мстислав заложил Новгород больше прежнего*. В то же лето заложена была Ладога из камня по насыпи Павлом посадником, при князе Мстиславе. Пришел я в Ладогу, и поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, дети наши находят глазки стеклянные, и малые и большие, проверченные,

а другие возле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Я взял их более ста, все различные. Я удивился этому, а они мне сказали: «Это еще не диво; живы еще старые мужи, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах: спадает туча и из той тучи выпадают белочки будто только родившиеся, и выросши расходятся по земле, а из другой тучи выпадают маленькие оленьцы, и вырастают и расходятся по земле». И послух* этому Павел ладожский и все ладожане.

Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф. В царство Прова шел дождь из тучи великой, и пшеница со многою водой смешанная спадала, которую, собрав, ссыпали в большие закрома. Так же при Аврелии серебряные крупинки спадали, а в Африке упали три громадных камня. И после потопа и разделения языков начал царствовать сначала Местром из рода Хама, затем Иеремия, затем Феост, которого и Сварогом называли египтяне*. В царствование этого Феоста в Египте упали клещи с неба, и начали ковать оружие, а прежде палицами и камнями бились. Тот же Феост закон установил, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и были воздержанны, а впадших в прелюбодеяние повелел казнить. Потому и прозвали его бог Сварог. Прежде женщины блудили с кем хотели, словно скот. И когда женщина рожала, она отдавала ребенка тому, кто ей был люб: «Это твое дитя». И тот устраивал праздник и брал себе ребенка. Феост же этот обычай запретил и установил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного мужчину выходить; если же кто нарушит этот закон – ввергнут его в печь огненную. Того ради прозвали его Сварогом и почитали египтяне. И после него царствовал сын его, именем Солнце, которого называют Дажьбогом, 7470 дней, или двадцать лет с половиной. Ибо не знали египтяне иного счета: одни по луне считали, а другие днями лета исчис-

ляли; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань царям давать. Солнце царь, сын Сварога, иначе Дажьбог, был сильным мужем. Услышав от кого-то о некой богатой и сановной египтянке и о человеке, восхотевшем вступить с ней в связь, искал ее, дабы захватить и не позволить нарушать закон отца своего Сварога. Взяв с собой нескольких мужей, зная час, в который она прелюбодействует, ночью в отсутствие мужа застиг ее лежащей с другим мужчиной, которого она желала. Он схватил ее, пытал и послал водить по земле Египетской, позоря, а того любоддея казнил. И наступило непорочное житье по всей земле Египетской, и хвалили его. Но мы не продолжим рассказ, а скажем вместе с Давидом: «Все, что хотел, сотворил Господь на небе и на земле, в море, во всех безднах, подымая облака от краев земли». Это и была окраинная земля, о которой мы сказали выше.

В лето 6623, индикта 8 (1115), собрались братья, русские князья, Владимир, прозванный Мономахом, сын Всеволода, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и надумали перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им каменную церковь в похвалу и честь и для положения тел их. Сначала они освятили церковь каменную 1 мая, в субботу, наутро же 2-го перенесли святых. И собралось множество народа, сшедшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами – с Феоктистом Черниговским, с Лазарем Переяславским, с попом Никитой Белгородским и с Данилою Юрьевским, и с игуменами – с Прохором Печерским и Сильвестром святого Михаила*, и Сава святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр Кловский, и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев обедню, все обедали у Олега и пили, и было великое угощение, и накормили нищих и странников в течение трех дней. И утром митрополит, епископы, игумены облачились в

святительские ризы и, возжегши свечи и кадила благовонные, пришли к ракам* святых и взяли раку Борисову и поставили ее на возила*, и поволокли за веревки князя и бояре: впереди шли чернецы со свечами, за ними попы и игумены и епископы перед ракою, а князя шли с ракою между ограждениями. И нельзя было везти из-за множества народа: поломали ограду, иные же покрыли городские стены, так что страшно было смотреть на такое множество народа. И повелел Владимир разбрасывать народу нарезанные куски шелковых тканей, шкурки горноста, а в других местах сильно налегавшим людям серебряные монеты, и легко внесли раку в церковь. И поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же образом и его привезли и поставили рядом с братом. И произошел спор между Владимиром и Давыдом с Олегом: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и поставить над ними серебряный терем, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, «где отец мой наметил»*, на правой стороне, где для них устроены были своды. И сказали митрополит и епископы: «Бросьте жребий: где угодно будет мученикам, там их и поставим». И князя согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу, и вынули жребий Давыда и Олега. И поставили их под тот свод на правой стороне, где и ныне лежат.

Принесены же были святые мученики 2 мая из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Они – хвала князьям нашим, заступники земли Русской, ибо славу мира сего они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его пошли, овцы Христовы добрые, они не противились, когда вели их на заклание, не бежали от насильственной смерти. Потому и с Христом воцарились в вечной радости и дар исцеления получили от Спаса нашего Иисуса Христа, обильно подавая его нуждающимся, с верой

приходящим в святой храм их, поборников отечества своего. Князья же и бояре и все люди праздновали три дня и воздали хвалу Богу и святым мученикам. И разошлись каждый восвояси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их, также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, испрашивая прощение грехов.

В то же лето было знамение: погребло солнце и стало как месяц, о чем невежды говорят «съедаемое солнце». В то же лето скончался Олег Святославич, 1 августа*, а на второй день был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В то же лето построен мост через Днепр.

Начальная часть младшего извода Новгородской Первой летописи

Временник – так называется летописание князей и земли Русской, и как избрал Бог страну нашу в последнее время, и начали возникать города в разных местах, прежде Новгородская волость, и потом Киевская, и о создании Киева, в чье имя назвался Киевом.

Был в древности царь Рим, и в его имя назван город Рим, и также Антиох – и была Антиохия великая, и также Селевкий, и стала Селевкия, и также Александр, и стала в его имя Александрия. И по многим местам так названы были города по именам царей тех и князей тех. Так же и в нашей стране назван был город великокняжеский во имя Кия – так звали перевозчика, иные же говорят – ловца зверей около города*. Таков Промысл Божий, проявившийся в последнее время: где древние приносили жертвы на горах бесам, ныне стоят златоверхие каменнозданные церкви, и великие монастыри

поставлены, и наполнены они черноризцами, беспрестанно славящими Бога в молитвах, в бдении, в посте и слезах; их молитвами и мир стоит. Если обратимся к этим святым церквам, примем великую пользу душе и телу. Мы же вновь возвратимся к последовательному изложению, рассказывая о начале Русской земли и о князьях, как и откуда они происходили. Вас же молю, стадо Христово: с любовью и разумом преклоните уши ваши, какими были древние князья и мужи их, и как обороняли Русскую землю и иные страны покорили себе. Ибо те князья не стремились собирать большое богатство, ни налогов, ни штрафов не возлагали на людей. Но, праведные налоги собрав, отдавали их дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя с иными странами, сражаясь и говоря: «Братия! Постараемся за своего князя и землю Русскую». Не жаждали: «Мало нам, княже, двухсот гривен»*. Они не возлагали на своих жен золотых обручей, но ходили их жены в серебряных, и расплодили землю Русскую. За нашу ненасытность навел Бог на нас поганых, и за ними теперь наш скот, наши села и наше имущество, а мы не оставляем своих злых дел. Ибо пишется: богатство, собранное неправдой, развевается. Или же: собирает, и неизвестно, кому собирает его. Или же: лучше малое праведнику, чем большое богатство грешным. Да, с этих пор, братья мои возлюбленные, избавимся от ненасытности своей, и будем довольны тем, что получаем. Как и Павел пишет: «Кому дань, то дань, кому урок – то урок»*. Никому не чините насилия, милостынею очищайтесь, страннолюбием, готовьте себе спасение в страхе Божиим и правоверии, да и здесь добро проживем и там будем причастны вечной жизни. Это все так. Мы же от начала Русской земли до сего лета все по порядку известное да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исакия*.

В лето 6362 (854)*. Начало земли Русской. Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий на горе, где ныне въезд Боричев, и жил с родом своим, а брат его Щек на другой горе, прозавшейся от него Щековицей, а третий – Хорив, от которого прозвалась Хоривица. И построили городок во имя старейшего брата, и назвали его Киев. И был около них лес и бор великий, и ловища зверей. И были мужи мудрые и смышленные, называемые полянами, и до сего дня от них киевляне. Были же они язычниками, приносили жертвы озерам, колодцам и растениям, как и другие язычники.

В эти же времена был в Греческой земле цесарь именем Михаил и мать его Ирина*, которая провозглашала поклонение иконам в первую неделю поста. При нем Русь пришла на Царьград в кораблях, бесчисленное количество кораблей, а двести их вошло в Суд, причинив грекам много зла и убийства христианам. Цесарь же с патриархом Фотием совершили молитву в церкви святой Богородицы Влахернской на всю ночь. Вынесли также ризу святой Богородицы, омочив в море ее полу. Стояла в то время тишина и тотчас поднялась буря, и топила корабли русские, и выбрасывала их на берег, и те возвратились восвояси.

После этих лет братья погибли*. И обижали полян древляне и другие соседи...* Но мы вернемся к нашему изложению. После этого, после тех братьев, пришли два варяга и назвались князьями; одному было имя Аскольд, а другому – Дир. И княжили в Киеве и владели полянами, и воевали с древлянами и уличами.

Во времена же Кия, Щека и Хорива новгородские люди, называемые словенами, и кривичи, и мера имели

волости: словени свою, кривичи свою, меря свою. Каждый своим родом владел, и чудь своим родом, и давали дань варягам от мужа по зимней белке, а которые жили среди них, совершали насилие над словенами, кривичами, мерей и чудью. И восстали словене, кривичи, меря и чудь против варягов и изгнали их за море. И начали сами собой владеть и ставить города. И поднялись воевать сами с собой, и были между ними большие сражения и усобицы, и встал город на город, и не было у них правды. И сказали сами себе: «Поищем князя, который владел бы нами и судил по справедливости». Пошли за море к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нет*; пойдите к нам княжить и владеть нами». И вызвались три брата со своими родами и взяли с собой дружину многочисленную и предивную, и пришли к Новгороду. И сел старейший в Новгороде, имя ему было Рюрик, а другой сел на Белом-озере – Синеус, а третий в Изборске, имя ему – Трувор. И от тех варягов, пришельцев тех, прозвалась Русь, и от тех слывет Русская земля. И новгородские люди есть до нынешнего дня от рода варяжского*.

Спустя два лета умерли Синеус и брат его Трувор, и принял власть один Рюрик над волостями братьев и начал владеть один. И родился у него сын, которого он назвал Игорь. И вырос Игорь, и стал мудрым и храбрым. И был у него воевода, именем Олег, муж мудрый и храбрый*. И начали воевать, и вышли на Днепр реку и город Смоленск. И оттуда пошли по Днепру, и пришли к горам киевским, и увидели город Киев, и спросили, кто в нем княжит. И сказали: «Два брата, Аскольд и Дир». Игорь же и Олег, притворившись проходящими мимо, спрятались в ладьях и с малой дружиной вылезли на берег, прикинувшись подугорскими купцами*, и позвали Аскольда и Дира. Когда те спустились, выскочили из ладей прочие

воины Игоревы на берег. И сказал Игорь Аскольду: «Вы не князья, не княжеского рода, но я князь и мне надлежит княжить». И убили Аскольда и Дира, и тотчас понесли на гору и погребли их: Аскольда на горе, называемой ныне Угорской, где двор Олмин – на той могиле поставил Олма церковь святого Николы, а Дирова могила за святой Ириной. И сел Игорь, княжа в Киеве, и были у него варяги мужи словене*, и с тех пор и прочие прозвались Русью. Игорь же начал ставить города и оставил давать дань словенам и варягам, и кривичам, и мери давать дань варягам, а от Новгорода 300 гривен на лето ради сохранения мира, которые теперь не дают. И затем привел себе жену именем Ольгу, и была она мудрой и смышленной. От нее же родился сын Святослав.

Затем же, после этих времен, в лето **6428 (920)** послал князь Игорь на греков русских воинов 10 тысяч ладей*. И приплыли к Цесарюграду, и много зла причинила русы: Суд весь пожгли огнем, а кого брали в плен, одних распинали, других секли на земле, иных же расстреливали стрелами, поставив их перед собой, как это творят ратные. Также ломали руки и связывали, вбивая железные гвозди посреди голов, и многие церкви огню предали. В это время царствовал в городе Роман, и тотчас послал Роман цесарь патрикия Феофана с воинами на русских, и огненным устройством пожгли корабли русские. И возвратилась русь восвоися.

В то же лето отдыхали, и другое, а на третье пошли вновь.

В лето 6430 (922). Олег пошел на Грецию и пришел к Цесарюграду. И греки заперли Суд, а город затворили. И вылез Олег, и повелел извлечь корабли на берег, и повоевал около города, и многие убийства причинил грекам, и разбили многие палаты и церкви. И повелел Олег своим воинам сделать колеса*... И установил Олег дать

на 100, 200 кораблей*, по 12 гривен на человека, а в корабле по сорока мужей. Сам же взял золото и паволоки, и возложил дань, которую и доселе дают князьям русским*. И сказал Олег: «Шейте паруса из паволок руси, а словенам шелковые...»* Олег пришел к Киеву, к Игорю, доставив сюда золото и паволоки, и вино, и плоды... Пошел Олег к Новгороду и оттуда в Ладогу. Другие же говорят, что он ушел за море, и ужалила его змея в ногу, и с того умер. Есть могила его в Ладоге*.

Игорь же сидел в Киеве князя и воюя с древлянами и угличами*. И был у него воевода именем Свеньделд. И подчинил угличей, возложив на них дань и отдал ее Свеньделду. И не сдался один город, называемый Пересечен, и сидел около него три лета и едва взял. И сидели угличи в низовье Днепра, а после этого пришли в междуречье Буга и Днестра, и сели там. И дал же и дань деревскую Свеньделду, и брали по черной куне от дыма. И сказала дружина Игорю*: «Много дал одному мужу».

Из Софийской первой летописи*

В лето 6529 (1021). Пошел князь Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, с воинами из Полоцка на Новгород и взял Новгород. И захватил новгородцев и их имущество, *пленных и скот*, и пошел назад к Полоцку. И когда он пришел к Судомире-реке, великий князь Ярослав, *получив об этом известие и собрав воинов многих* из Киева, в седьмой день настиг и победил здесь Брячислава, а новгородцев отпустил в Новгород, и *пленных у него отнял, сколько было их из Новгородской волости*. А Брячислав побежал к Полоцку. И призвал оттуда к себе [Ярослав] Брячислава и дал ему два города: *Усвят и Витебск* и сказал: «Будь со мной за-

одно». И воевал Брячислав с великим князем Ярославом все дни своей жизни.

В лето 6551 (1043)... И пошел Владимир на Царьград в ладьях. *И прошел пороги, и пришел к Дунаю. И сказала русь Владимиру: «Станем здесь на поле». А варяги сказали: «Пойдем к городу». И послушал Владимир варягов и от Дуная пошел к Царюгороду с воинами по морю. Греки же, увидев это, вышли на море и стали погружать в море пелены Христовы с мощами святых. И Божьим гневом возмутилось море, и гром был великий и сильный. И была сильная буря, и стали ладьи разбиваться. И разбила буря корабли, и побежали варяги назад. И корабль князя Владимира разбил ветер, и едва Иван Творимирович пересадил в свой корабль князя Владимира и воеводу Ярослава. Прочие же воины Владимира, численностью в 6 тысяч, были выброшены на берег, оказались на берегу нагими и хотели идти в Русь. И не пошел с ними никто из княжей дружины. Вышата же воевода, увидев дружину свою стоящую, сказал: «Не пойду к Ярославу». И высадился из корабля к воинам и сказал Вышата: «Я иду с ними», говоря: «Если жив останусь с ними, и если погибну, то с дружиной». И хотели пойти в Русь. И получили греки известие, что море побило русь, и послал царь именем Мономах вслед руси 14 кораблей. Владимир же, увидев, что идут на его воинов, вернулся и побил греческие корабли. И вернулся в Русь.*

КОММЕНТАРИИ

с. 57

«По потопе...» – по мнению исследователей, в летописном рассказе о разделении земли между тремя сыновьями библейского Ноя соединены извлечения из двух различных редакций греческой Хроники Георгия Амартола. Но непосредственный источник летописи все-таки не найден. Русскому летописцу важно было найти место среди других народов для славян и руси, которых Библия не упоминает.

с. 58

«Ляхи же... у моря Варяжского» – это упоминание может относиться к концу X – началу XI века, когда Польша владела Поморьем (Славия или Славония). Вскоре после этого поморяне восстали, епископство в Колобжеге было уничтожено, и до 20-х годов XII века язычники-поморяне сохраняли независимость.

«...до земли Английской и Волошской» – «Английской» землей здесь названа Дания. Именно отсюда англы переселялись в Британию, и вплоть до XX века соседняя с балтийскими славянами область называлась Angeln. Название «Волошская земля» объясняется различно. Исторически оно связано с одним из названий кельтов, со средневековья у западных славян так обозначали Северную Италию, и это название естественно распространялось на возникшую в 962 году Священную Римскую империю. Во всех случаях «варягов» летописец локализует между землями Польши и Дании, то есть на южном берегу Балтики, населенном славянами

и славянизированными «венедскими» племенами. «Пределом Симовым» в данном случае, видимо, названа Волжская Болгария, которую на Руси под влиянием хазарской традиции относили к областям, заселенным «сынами Амоновыми», то есть семитским народом (см. статью под 1096 годом). Следовательно, области, подчиненные в IX веке Рюрику, мыслились киевским летописцем как «варяжские».

Англы – имеются в виду датчане. Перечень балтийских народов, очевидно, позднейшая вставка: и русь, и варяги ранее уже упоминались. Варяги и русь здесь – два особых балтийских племени, живущих по соседству со скандинавами.

Галичане – такое имя носили многие группы кельтов (обычно на стыке с некельтскими племенами): Галлия – Франция, Галисия в Испании, Галиция в Прикарпатье. Бартоломей Английский (XIII век) объясняет название области Семигаллии на восточном берегу Балтики приходом сюда некогда галлов, смешавшихся с местным населением (по-латински «семигаллы» – полугаллы). «Галатским» называют Балтийское море и некоторые восточные авторы.

Венецианцы – написание оригинала «веньдици» иногда понимают как обозначение балтийских славян в немецкой литературе («венеды»). Но в соседстве с генуэзцами должны идти адриатические «венеды» – венецианцы.

«...не вступать никому в долю брата...» – пожелание, противоречащее духу библейского рассказа, возвышавшего Сима и обрекавшего на рабство потомков Хама, но совпадающее с завещанием Ярослава под 1054 годом. В отличие от Библии и Хроники Георгия Амартола летопись подчеркивает единство человеческого рода и выводит отсюда идею равноправия народов.

с. 59

«...разделил на 70 и 2 языка...» – перечень 72 языков приводится в русском памятнике – Толковой палее, с которой летопись, видимо, имела общие источники.

«...норики – это и есть славяне» – то же пояснение независимо от летописи дает и Толковая палая. Именно это утверждение побуждало обычно искать прародину славян на

Верхнем Дунае. Славян там не нашли, но страна ругов-русов Ругиланд находилась именно там.

Лютичи, мазовшане и поморяне названы здесь польскими племенами, хотя все они вели борьбу против притязаний польских князей. Лютичи подчинялись власти Болеслава Великого лишь несколько лет в конце X – начале XI века. Племена балтийских славян, покрытые именем «варяги», в данном перечне не упомянуты.

«...и назвали его Новгородом» – в сказании о варягах строительство Новгорода приписано варягам (в 864 году), а новгородцы выводятся «от рода варяжска».

с. 60

«...грамота его прозвалась “славянской”» – ссылка на источник – сказание о славянской грамоте, имеющий, очевидно, западнославянское происхождение.

«...удел Сима» – здесь этот «удел» дан в соответствии с византийскими хрониками.

«...от Варягов до Рима...» – путь по Двине в «Варяги» и далее до Рима предполагает южный берег Балтики. Через Любек шел сухопутный тракт в Рим по территории Священной Римской империи. Этим путем в XV веке ехал из Руси митрополит Исидор на Флорентийский собор.

«...как сказано, апостол Андрей, брат Петра» – предполагается либо перемещение текста, либо пропуск. Апостол Андрей поставлен здесь как бы ниже почитавшегося в Риме «князя апостолов» Петра, о котором в тексте вообще речи не было.

с. 61

«...и пришел в Рим...» – летописец провел апостола в Рим из Корсуня через Киев и «Варяги», видимо, имея в виду тот путь, которым реально пользовались в его время.

«Поляне же жили обособленно...» – летописец вторично приступает к рассказу о полянах, что говорит о вставке всего текста о путях из Руси и сказании об апостоле Андрее.

«...и до той братии...» – имеются в виду Кий, Щек и Хорив, о которых речь пойдет ниже.

с. 62

Киевец – на Дунае в XII веке было известно такое городище.

«*От них же...*» – в обоих случаях от «словен». «Кривичи» и «полочане» здесь разделены, хотя это ветви одного племени. По тексту летописи полочане входят в состав «Руси», а кривичи не входят.

«*...названные волынянами*» – как и в рассказе о славянской грамоте, в состав Руси здесь включены шесть племен и позднее вошедшие бужане или волыняне.

«*...живущее в северных странах*» – выше дан иной перечень угрофинских и балтских племен, что свидетельствует о разных и разновременных источниках. «Черемисы», пропущенные в первом случае, в X – XI веках со Средней Оки прошли к Волге и за Волгу. Дань Руси по тексту платят все племена, жившие по восточному побережью Балтики.

Волохи – могут разумеются готы, которые в конце V века занимали Паннонию и частично оставались здесь после утверждения в Северной Италии Теодориха (готские поселения в Паннонии археологически прослеживаются до IX века).

Ираклий – византийский император (610–641). В 626 году он нанес поражение аварам и заключил союз с «белыми уграми» – хазарами против персов. На Средний Дунай хазары не доходили. «Волохов» прогнали «черные угры» – венгры (см. ниже под 6406 годом). Сами сведения об Ираклии заимствованы из Хроники Георгия Амартола.

с. 63

«*...уже после – при Олеге*» – имеется в виду статья 6406 года, под которой дан иной вариант сказания о славянской грамоте.

«*Поляне же, жившие особо...*» – третий повтор одной фразы, свидетельствующий о разновременном соединении разных источников.

«*Радимичи... от рода ляхов*» – это утверждение остается непонятным, поскольку неясно, о каком времени идет речь. Сам текст не укладывается в рамки главной идеи сказания о славянской грамоте, в котором подчеркивается единство всех славян.

«*И жили мирно... хорваты*» – здесь приведен иной перечень племен, нежели в сказании о славянской грамоте. Упоминаются лишь южные из восточноевропейских племен.

Великой Скифией греки называли Нижнее Поднестровье.

«...стыдливы перед... свекровьями и деверями» – указание на существование у полян большой кровнородственной семьи.

«*Имеют брачный обычай...*» – «браком» называлась определенная сделка, предусматривавшая взаимные материальные расчеты родов.

«...не ходит зять за невестой...» – в отличие от других славян, где молодые сами устраивают свою судьбу.

«...приносят... что дают» – намек на обычай вроде «моргенгабе» – «утреннего дара» жениха невесте после первой брачной ночи у готов и других племен, входивших некогда в готский племенной союз.

с. 64

«...раскладывали... костер...» – у полян уже было трупоположение, что подтверждается могильниками X века, сходными с одновременными в Моравии.

«...как... делают вятичи» – комментарий летописца, видимо, второй половины XI века.

«*Говорит Георгий в летописании...*» – далее следует пересказ из Хроники Георгия Амартола.

«*Закон же... островитянами...*» – бактриане отождествлены с брахманами и островитянами в Хронике Георгия Амартола. Брахманы – высшая жреческая каста в индуизме.

с. 65

«...во Христа облеклись» – христиане противопоставлены язычникам как единое целое, без разделения западной и восточной ветвей.

«...по Божьему повелению» – языческой легенде летописец дает христианское пояснение в духе западного провиденциализма. Далее цитируется неизвестный в наше время перевод Библии. Возможно, это недошедший перевод Мефодия.

с. 66

«...до нынешнего дня» – последнее упоминание Тмуторокани – 1094 год, когда ее покинул Олег Святославич.

«В лето 6360... 15-й день...» – Михаил правил с 856 года, и дата записана по эре, на четыре года расходящейся с константинопольской. «Индикт» добавлен позднейшим летописцем, воспринимавшим дату по константинопольской эре. Еще более поздний летописец добавил «день», видимо, спутав «индикт» со славянской «неделей».

«...стала называться Русская земля» – летописец имеет в виду упоминание о нападении Руси на Константинополь, относящееся к 860 году (в некоторых хрониках оно также датировано 6360 годом).

«От Адама... до Михаила 542 года» – расчет лет сделан по византийской хронике типа «Летописца вскоре» Никифора (IX век). В перечне есть неточности. Время от Рождества Христова до воцарения Михаила определено в 860 лет, что указывает на источник, где расчет составлен по антиохийской эре (5500 лет от сотворения мира до рождения Христа).

«...от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет» – в перечне перерыв между Ярославом и Святополком, что позволяет принять последнюю фразу как дополнение позднейшего (XII века) летописца, сделанное по ультрамартовскому стилю (правильно 59 лет). В Тверской летописи расчет обрывается именно на Ярославе. Хронология княжений в перечне не совпадает с датами летописного текста, что также свидетельствует о разновременности появления тех и других.

с. 67

«...и с всех кривичей...», «...кривичи все...» – речь идет о племенах веси и кривичей. Позднейший сводчик не понял ранее записанного текста.

«Сказали руси...» – в летописи «русь», тоже в русском переводе «Летописца вскоре» Никифора. Но «русь» здесь явно не приглашающая, а приглашенная сторона.

«...прежде же были словене» – в Новгородской Первой летописи этого уточнения нет. Очевидно, летописец согласовывал разные версии о происхождении новгородцев: словене и варяги.

с. 68

В лето 6374... – известие заимствовано из Хроники Георгия Амартола, причем имена Дира и Аскольда появляются лишь в древнерусском переводе хроники.

«...в 14-е лето царствования Михаила» – ориентировано на 6360 год как начало правления императора.

Суд – залив Золотой Рог в Константинополе.

В лето 6377... – вторичное упоминание о крещении Болгарии дано, видимо, по болгарскому источнику и болгарской эре, предполагающей тоже 866 год.

с. 69

«И погребли его... на горе...» – в тексте перемежается рассказ об одном и двух князьях. Могилы Аскольда и Дира находятся в разных местах, что может говорить о одновременности их княжения в Киеве.

с. 70

«...до смерти Ярослава» – в сводах 1497 и 1518 годов эта дань предназначена киевским князьям и добавлено: «иже и доныне дают» (ПСРЛ. Т. 28. С. 14 и 168). В новгородских летописях переделано на «иже не дают».

Черная куница – соболь. Такая дань считалась тяжелой.

Щеляг – польское название западноевропейских шиллингов.

В лето 6406... – дата записана по болгарской эре и соответствует 894 году, когда состоялся собор, постановивший перевести богослужение в Болгарии с греческого языка на славянский. Венгры пришли на Средний Дунай в 895 году.

с. 71

Селунь (Солунь) – ныне греческий город Салоники.

Ростислав (846–870) и *Святополк* (870–894) – моравские князья, *Коцел* (861–874) – князь Блатенский (паннонский).

с. 72

«...поставил... в Паннонии...» – Мефодий, как и Кирилл, не были епископами. Архиепископом же Мефодий был утвержден в Риме уже после смерти Кирилла (869 год).

Иллирик (Иллирик, Иллирия) – римская провинция, включавшая ряд областей северо-запада Балкан, в том числе Норик. Здесь вновь, в иной редакции, славяне увязываются с Нориком.

«...до которого доходил апостол Павел...» – отсюда и до статьи под 6430 (922) годом в Лаврентьевском списке – большой пропуск, восстанавливаемый по Радзивилловскому и Академическому спискам.

с. 73

В лето 6410... – речь идет о событиях 893 года. Датировка ошибочна из-за смещения разных счетов лет (болгарской эры и индиктного счета).

Дерестр (Доростол) – город в Болгарии.

Толковины – значение слова остается неясным. Чаще всего его переводят как «переводчики». Возможно также объяснение слова через понятие «толока» – помощь (помощники, союзники).

с. 74

Уключина – место крепления весла. Летопись дает два варианта предания: в одном случае дань берется на каждого мужа, коих по 40 в ладье, в другом на уключину, коих в той же ладье 12.

«...для прочих городов...» – Переяславль заложен позднее, при Владимире, Полоцк и Ростов, если они и существовали, еще не были подвластны Киеву.

«...якоря... и что им нужно» – в летописи соединены предания об успешном походе с реальными статьями договора, имевшими ограничительный характер.

с. 75

«...не для словен паруса шелковые» – насмешка в адрес новгородцев, подобная такой же в тексте о путешествии апостола Андрея, отражение традиционного соперничества Киева и Новгорода.

В лето 6420... – дата записана по принятому в Византии сентябрьскому стилю.

Противень – второй список текста договора.

с. 76

Веремуд – под 6415 годом при изложении договора это имя, известное со времен Великого переселения народов (IV–VII века) на западе Европы, дано в ославяненной форме: Вельмуд. Точно так же в нем имя *Карлы*, исконное на северо-западе, дано в форме «Карл».

«...Льву, Александру и Константину...» – выше упомянуты два императора. Правильно обращение к трем, что видно из текста договора.

с. 77

Литра – византийская мера веса, равная 72 золотникам.

«...для торговли или посольством...» – указание на постоянные контакты между Русью и Византией.

с. 78

«...пусть возвратится он в свою страну...» – по закону войны, плененный в бою обращается в рабство.

с. 79

«О русских, взимающих куплю...» – здесь, очевидно, пропуск, восходящий к списку, использованному летописцем.

«...Ивановым написанием...» – указание на имя писца.

с. 80

«...по прошествии четырех лет, на пятый год...» – летописец объясняет разрыв между походом, датированным 6415 годом, и договором, с датой на пять лет позднее. В дей-

ствительности в летописи, видимо, соединены записи об одних и тех же событиях, но записанных по разным зрам.

с. 81

«...слывет могилой Олеговой» – в Киеве была и другая могила Олега, находившаяся в западной части города.

«...лет княжения его тридцать и три» – остаток древней хронологии по княжениям. В расчете княжений Олегу отводится 31 год.

«...от волхвования сбывается чародейство» – примерами из Хроники Георгия Амартола один из составителей Повести временных лет (видимо, летописец Десятинной церкви) стремится доказать, что чудеса могут творить не только праведные люди. При этом зло обычно идет от бесов, а добро осуществляется по Божьему внушению иногда и язычниками.

с. 82

«Не чудесами прельщат» – сюжет не закончен.

с. 84

В лето 6437... – дата записана по болгарской эре. Событие относится к сентябрю 923 года.

«...расстреливали...» – поражение живых мишеней стрелами – один из распространенных видов казней.

с. 85

В лето 6450... – Симеон умер в 927 году. Летописец соединил дату по болгарской эре (6440) и проставленный у Георгия Амартола индикт, прибавив 10 лет.

с. 86

«...Сфирка...» – пропущено имя того, чьим послом был Сфирка.

«...и от всех людей Русской земли» – представители киевской знати имеют каждый собственных послов, которые в целом, видимо, берут на себя обязательство от имени и всей Русской земли, включая зависимых племенных князей.

с. 88

«...и из Переяславля...» – снова упомянут Переяславль, видимо, на основе летописного источника (а не оригинала договора).

с. 89

«...воевать [обороняя корсунян]...» – одно из темных мест, вызывающее разночтение у специалистов. Смысл всей статьи в ограждении «Корсунской страны» от нападений как со стороны Руси, так и других ее соседей.

«...наших царских подданных...» – право наказания подданных той властью, под которой они находятся, – традиционно. Оговорка, по-видимому, разделяет греков – византийских подданных, и греков, не относящихся к юрисдикции Империи (может быть, тех же корсунян).

С. 92

В лето 6453... – дата повторена вследствие соединения разных источников, один из которых совпадал с Новгородской Первой летописью.

«...Свенельд – отец Мистиши» – важное указание на время написания текста: летописец не знал Свенельда, но знал его сына, обращаясь к современникам, которые тоже его знали. Возможно, что Мистише посвящалось и особое сказание, позднее утерянное или сознательно исключенное из летописи.

с. 93

Перевесь – большая сеть для ловли птиц и зверей, *перевесище* – место ловли.

Деместик (доместик) – церковный чин.

«...был там каменный терем» – описание топографии Киева времен Ольги, судя по именам бояр, сделано в 60–80-е годы XI столетия, но летописец, видимо, имел и какие-то письменные свидетельства, поскольку рассказ его ориентирован на старую топографию, существенно изменившуюся к его времени.

с. 94

Могилы – изначально насыпь, курган.

«*Начало княжения Святослава...*» – остаток повествования по княжениям. Для княжения Ольги, как и в перечне княжений, особый период не выделяется.

с. 95

«*...прошу у вас этой малости*» – в Летописце Переяславля Суздальского объясняется смысл столь странной просьбы: Ольга просит птиц для принесения жертвы богам. Примерно к этому же времени относится рассказ Константина Багрянородного о принесении русами в жертву богам кур.

с. 96

«*...был Вышгород городом Ольги*» – свидетельство разделения княжеского домена и государственного достояния. Право вождя на третью часть добычи известно со времен военной демократии и практиковалось во времена Великого переселения народов.

«*...побыла здесь год*» – дата разрывает изначально связное повествование.

«*...и по Десне находились ее перевесища...*» – текст важен для понимания путей феодализации общества. Неясно, однако, идет ли речь о ее личных владениях или опорных пунктах княжеской власти.

с. 97

В лето 6463... – Ольга крестилась в 959 году при Романе II. Летописец переосмыслил дату согласно константинопольской эре, что и потребовало замены имени императора. Это имя сохраняет Радзивилловская летопись; в Лаврентьевском списке назван *Иоанн Цимисхий*, ставший императором лишь в 969 году.

«*И крестил ее царь с патриархом*» – в летописи соединена легендарная основа и комментарий летописца Десятинной церкви.

с. 100

В лето 6472... – хронология княжения Святослава представлялась позднейшими летописцами, причем, видимо, использовались два главных источника, датированные по разным эрам (5504 и 5508 лет от сотворения мира до Рождества Христова). Поход на Волжскую Болгарию и Хазарию восточные авторы датируют 968–969 годами.

«...по щелягу от рала даем» – дань от плуга в шиллингах, практиковалась у западных славян. Если это было так, то это существенный аргумент в пользу западного («ляшского») происхождения вятичей. Но это могло быть и осмыслением летописца – «западника».

«...со своим князем Каганом...» – титул правителя здесь воспринимается как собственное имя.

Ясы – аланы (асы), осетины, *касоги* – черкесы. Те и другие издавна находились в тесных контактах с русами Причерноморья (Тмутороканской Руси).

В лето 6475... – речь здесь идет о событиях 971 года, подробнее о которых говорится под 6479 годом (по константинопольской эре).

Переяславец – город на Нижнем Дунае. Есть основания считать, что здесь издавна находились поселения «русов». Даже в конце XIV века в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в окружении митрополита-болгарина Киприана, города по берегам низовий Дуная считались «рускими».

В лето 6476... – по константинопольской эре дата должна обозначать 968 год. Но Святослав в этом году отправился не в Болгарию, а на восток. С другой стороны, Ольга, по древнейшим сказаниям, умерла в 969 году. Видимо, обрамление легендарного предания осуществлялось летописцем, имевшим под руками и записанные тексты.

«Пришли впервые печенеги...» – печенеги появились на русском горизонте еще в начале X века, о чем сказано в летописи выше. Позднейшие сводчики не заметили противоречия.

с. 104

«...греки лживы и до наших дней» – в некоторых летописях дается «поправка»: вместо «лживы» – «мудры».

«Нас двадцать тысяч» – сведения о переговорах достоверны. По «Истории» Льва Диакона (X век), русы получили после мирного соглашения провиант от греков на 22 тысячи человек.

«...а греки бежали» – на самом деле в этом сражении русы вынуждены были отступить перед превосходящими силами.

с. 106

«Противень... договора...» – «договор» является, в сущности, односторонним обязательством побежденного по отношению к победителю.

«...исколоты, как это золото...» – текст договоров выбивался на золоченых табличках.

«И сказал... Свенельд...» – летописец выгораживает Свенельда, почему-то оставившего князя.

с. 107

Переяславцы – жители Переяславца-Дунайского.

«...лет княжения... 20 и 8» – это число совпадает с перечнем княжений под 6360 годом, но расходится с датами самого текста летописи.

с. 108

«И похоронили Олега в поле...» – датирующий признак. В 1044 году останки Ярополка и Олега были крещены и перенесены в Десятинную церковь.

В лето 6488... – согласно древнейшим источникам, Владимир стал княжить в Киеве с 978 года, что соответствует и данным перечня княжений.

«Не хочу разуть сына рабыни...» – обряд согласия невесты, существовавший, видимо, у русов (у других славянских племен он не прослеживается).

с. 110

«Беда, как в Родне» – в ряде летописей XV века поговорка разъясняется: «Брат брата убил» (игра слов «Родня» и «родня»).

«...двор теремный, о котором мы уже упоминали...» – имеется в виду статья 6453 года.

с. 112

«...горчее желчи найдешь его...» – летописец берет выборочно притчи Соломона о «чужой жене». Ближе к библейскому тексту притчи о добродетельной жене.

с. 113

«...доныне под Русью» – эти города были утеряны после похода на Русь Болеслава 1018 года, но были вновь возвращены в 1031 году.

«...дань от плуга...» – ср. выше статьи 6393 и 6472.

«...церковь святой Богородицы...» – сказание о варягах увязывается со строительством церкви Богородицы (Десятинной), что позволяет и само сказание связывать с традицией Десятинной церкви.

с. 114

«...наравне со святыми мучениками и праведниками» – по логике рассказа отец и сын варяги должны были стать первыми русскими святыми. Они таковыми предстают в Киево-Печерском патерике. Но в XI веке внимание сосредоточивается на князьях Борисе и Глебе, которые и признаются первыми русскими святыми мучениками. Примечательно, что в сказании, как и в сочинениях XI века – у Илариона и Иакова, Русь исключается из числа земель, где изначально учили апостолы. Видимо, эти авторы не знали сказания об апостоле Андрее, а также сказания, в котором просветителем славян и руси назван апостол Павел.

с. 115

«...отцы наши не приняли этого» – намек на попытки Западной церкви утвердить свое влияние на Руси. Обычно

в этой связи рассматривают сообщения немецких анналов о миссии Адальберта в 959–960 годах в Русскую землю по приглашению Ольги. Миссия эта, однако, закончилась неудачей. Не исключены и иные каналы распространения христианства с Запада, поскольку упоминается здесь почитаемый у дунайских славян апостол Павел.

с. 117

«И начал философ говорить» – далее следует «Речь философа» – самостоятельный памятник, видимо, IX века, возникший у подунайских славян. Как показывает исследование А. С. Львова, в языке «Речи» сохраняются элементы моравского и болгарского языков. Это значит, что возникла она в Великой Моравии, а на Русь попала через Болгарию. «Речь» содержит апокрифические черты, отличающие ее содержание от канонического текста Библии. От основного текста летописи «Речь» обособляется и своей хронологией (дата рождения Христа в ней – 5500 год). В ряде случаев появляется «Сатана» вопреки библейскому тексту. Сатана радуется «проклятию земли», учит Каина, как убить брата. Апокрифическим является рассказ о двух птицах, научивших Адама и Еву обряду погребения, и т. д.

с. 131

В лето 6495... – в основе рассказа о крещении Владимира лежит особое «Слово» о крещении Владимира в Корсуне. «Слово» – одно из произведений литературной традиции Десятиной церкви, использованное летописцем, также связанным с этой традицией. Летописец еще усилил некоторые тенденции «Слова».

Бояре и старцы градские – при Владимире окончательно сближаются две формы управления: городская и княжеская. «Старцы градские» – почетные жители города, к мнению которых прислушивались на вечевых собраниях. Они составляют своеобразный совет наряду с «исполнителями» – десятскими, сотскими, тысяцкими. Бояре – титул привнесенный (возможно, из Моравии, восходя либо к племени боев – виднейшему кельтскому племени на этой территории, либо к распространенному у кельтов же, в частности

в Ирландии, аристократическому титулу). В этот период бояре – приближенные князя.

с. 133

«...именем Анастас...» – в особом «Житии Владимира», также рассказывающем о походе на Корсунь, доброжелателем князя назван варяг Ждьберн. В «Слове» и в летописи эта роль отведена попу Анастасу. Позднее Анастас станет настоятелем Десятинной церкви и фактическим главой русской церковной организации (в этом сказывается влияние Ирландской церкви, где настоятели храмов и монастырей стояли выше епископов). После смерти Владимира Анастас, видимо, поддерживал Святополка, а затем ушел вместе с польским королем (и казной) в Польшу. Составлявший весь рассказ летописец Десятинной церкви не высказывает в этой связи никаких осуждений.

с. 135

«...только нерождением своим старейший...» – в Повести временных лет сохранился Символ веры с заметными арианскими чертами. Одна из них – как раз старейшинство Бога Отца по отношению к Богу Сыну. Другая черта – подобосущность вместо единосущности.

с. 137

«Апостолы учили... чтить иконы» – добавление к Символу веры перечня семи соборов и поучения против латинян явно принадлежит другому летописцу, именно печерскому летописцу («ученику Феодосия?»). Именно в Слове о вере христианской и латинской Феодосия Печорского имеются все эти достаточно странные обвинения в адрес католиков. В «Слове» сказано, в частности: «А епископы их наложниц держат и на войну ходят, и с облатками служат, и ни икон не целуют, ни мощей святых, а целуют крест, изобразив его на земле, и встав, попирают его ногами». Упрек в пренебрежении к иконам мог быть сделан не католикам, а арианам.

«...и землю называют матерью» – и это обвинение предполагает не католиков. В нем заметно влияние языче-

ства, и летописец, видимо, имел в виду кого-то из неортодоксальных христиан.

с. 138

«...сея враждебное учение» – Петр Гугнивый – мифическая личность, с которой в древнерусской письменности связывали отход Рима от ортодоксального христианства.

с. 140

«...где стояли кумиры» – воздвижение церквей на месте ранее находившихся здесь языческих капищ – специфика раннего русского христианства, которое летописец Десятинной церкви воспринимает как вполне допустимое. По существу же, христианство в таком случае выступало в известном смысле преемником язычества. И не случайно, что позднее, со времен Ярослава, храмы ставятся на других местах, даже если эти храмы воздвигались взамен одноименных, ранее воздвигнутых на месте капищ.

с. 142

«...Всеволода во Владимире...» – по Нестору (Чтение о Борисе и Глебе), во Владимире Волынском княжил Борис. Летописный текст передает ту версию, которая отразилась и в сказании о Борисе и Глебе Иакова мниха. Версия эта расходилась со сведениями о сыновьях Владимира, приведенными в статье 6488 года, по которой, в частности, Ярослав значится лишь третьим сыном Рогнеды (а вовсе не единственным и не старшим). Там названы также два Мстислава (от разных жен), и неясно, кто из них стал тмутороканским и позднее черниговским князем. Если учесть, что в позднейшей традиции старались представить Ярослава старшим в роде Владимировичей явно вопреки действительности, именно версия, изложенная в начале княжения Владимира, представляется наиболее достоверной.

с. 143

В лето 6498... – в Лаврентьевской летописи эта дата пропущена, очевидно, по небрежности (даты, не заполнен-

ные событиями, обычно вносились на страницы летописи). В Ипатьевской летописи дата проставлена (тоже без упоминания о каких-либо событиях).

В лето 6500... – в Радзивилловском списке (как и в Ипатьевской летописи) событие датировано 6501 годом. Легенда о заложении Переяславля отсутствует в Новгородской Первой летописи, что свидетельствует о позднем включении ее в состав летописного свода.

с. 144

«...перенял славу отрок тот» – по другим летописям, отрока звали Переяславом. Само название города в действительности может увязываться и с дунайским Переяславцем, бывшим одно время столицей Святослава.

с. 146

Болеслав Польский (992–1025) – сначала князь, затем король, тесть Святополка – противник Ярослава. При нем Польша достигла наивысшего могущества. *Стефан Венгерский* – Иштван Святой (997–1038), при котором христианство окончательно утвердилось в Венгрии, причем здесь сохранялось значительное влияние православия, а Западная церковь была представлена разными течениями. *Андрих Чешский* – Ольдржих (1012–1033 и 1034) – чешский князь. При Ольдржихе в 1033 году был основан Сазавский монастырь, продолжавший традиции Кирилла и Мефодия и поддерживавший тесные идейные связи с Русью. Под 996 годом в летописи собраны события, относящиеся к концу правления Владимира.

«И были между ними мир и любовь» – обычный рефрен летописца Десятинной церкви, обрабатывавшего летописный текст в 60–80-е годы XI столетия.

Виры – штрафы.

с. 147

«И жил Владимир по заветам отца и деда» – в нескольких строках заложена важная информация о реформах в судопроизводстве, связанных с введением христианства. Реформы, однако, успеха не имели и были отменены. При-

мечательно, что советниками князя, помимо «старцев», являются названные во множественном числе «епископы» (а не митрополит). Такое положение согласуется с версией Повести временных лет об утверждении митрополии византийского подчинения лишь в 1037 году.

с. 148

«...преставилася и Рогнеда, мать Ярослава» – известие ориентировано на версию, по которой Ярослав признается старейшим из Владимировичей.

с. 157

«...а других воинов 40 000...» – по Новгородской 1 летописи «других» было 4 тысячи.

с. 158

«И было тогда Ярославу 28 лет» – возраст Ярослава в 1016 году определяется в летописях различно, опять-таки в связи с тенденцией представить его в позднейшей традиции (самими Ярославичами) старейшим в роде. В разных летописях называется возраст и 38 лет (ориентация на рождение в 978 году), и 18 (близкая к действительной). В Лаврентьевском списке 28 годами определено время пребывания Ярослава в Новгороде, исходя из данных о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира, приведенных под 988 годом. В переводе принято чтение Радзивилловского и Академического списков.

«...погорели церкви» – известие не согласовано с основным рассказом и, видимо, заимствовано из особого источника. Позднейшая Никоновская летопись говорит о гибели от огня 700 церквей, у В. Н. Татищева в это число включаются и дома. Современник событий Титмар Мерзебургский, посетивший Киев в 1018 году, говорит о том, что годом раньше (то есть как раз в 1017 году) сгорела церковь Софии.

с. 161

«...стоит она и до сего дня в Тмуторокани» – Нестор в Житии Феодосия приписывает возведение церкви пещерскому

игумену Никону, ставя таким образом создание этой церкви в зависимость от храма Богородицы в Печерском монастыре. На самом деле прообразом служила Десятинная церковь. Церковь же Богородицы в Печерском монастыре была построена и освящена лишь в 1089 году.

«...волхвы в Суздале...» – первоначально Суздаль (Суждаль) – название области.

с. 162

«...был Якун этот красив...» – оригинал позволяет читать текст двояко: «с[ъ]леп» – красив, и «слеп» – слепой. Так текст был осмыслен в Киево-Печерском патерике, где упоминается «Якун слепой» в связи с появлением в Печерском монастыре изгнанного Якуном «из Варяжской земли» племянника его Шимона. Но особое внимание к великолепию одеяния заставляет принять первую версию. К тому же Якун не просто военный предводитель, а и воин, непосредственно участвовавший в боях.

Листвен – город северо-западнее Чернигова.

с. 163

В лето 6534... – предшествующее лето в Лаврентьевской летописи опущено, в Ипатьевской летописи оно записано без заполнения событиями.

«Мирно было» – видимо, своеобразное осмысление отсутствия записей летописцем Десятинной церкви.

«...умер Болеслав Великий в Польше...» – Болеслав умер в 1025 году, восстание же было в 1037–1038 годах.

с. 164

«...епископом поставил Жидяту» – епископа в данном случае ставит не митрополит, а князь. Согласно новгородским летописям, до Луки Жидяты пять лет епископию возглавлял Ефрем, который в сан епископа вообще не был посвящен, подобно тому как киевскую церковь длительное время возглавлял настоятель Десятинной церкви Анастас.

с. 164

Сетомль – ручей, впадающий в Почайну.

«...до сего дня» – печенеги после разгрома под Киевом откочевали к низовьям Дуная. В конце XI века в контакте с ними находятся главным образом галицкие князья, причем некоторые роды печенегов переходили на службу к русским князьям и оседали на землю.

с. 166

«...церковь..., которую построил Владимир, отец Ярослава» – вторичное освящение церкви совпадает с приездом в Киев византийского митрополита и может быть связано с внутрицерковной борьбой, осуждением митрополитом того направления, которого придерживались в Десятинной церкви.

Вышата, отец Яна – Ян, как информатор, упомянут летописцем под 1106 годом.

«...Иван Творимирович, воевода Ярославов» – весь рассказ в Повести временных лет сокращен по сравнению с текстом софийско-новгородских летописей, использовавшихся в XV веке более ранний новгородский источник (см. приложение). Именно из-за сокращения текста Иван Творимирович оказался «воеводой» Ярослава, тогда как воеводой был Вышата.

с. 167

«...окрестили кости их... в церкви святой Богородицы» – акт явно неканонический, свидетельствующий о том, что византийского митрополита в это время в Киеве вновь не было, а Десятинная церковь брала на себя важнейшие политические функции.

«И носит... до сего дня, потому и немилостив на кровопролитие» – Всеслав умер в 1101 году, и, следовательно, комментарий сделан раньше. Был он, конечно, крещеным, а в Полоцке тоже был храм Софии. Но ему уже при жизни приписывались качества волхва-кудесника. В летописи приводится поверье о рождении князя от волхвования, следствием чего являлась какая-то отметина на голове. Предания о Всеславе как о кудеснике обиль-

но представлены в «Слове о полку Игореве», куда они, видимо, попали через песни современника Всеслава Бояна.

«Поставил Ярослав... собрав... епископов» – акт, отражающий продолжение борьбы за самостоятельность Русской церкви. В течение ряда лет Иларион управлял церковью, даже не будучи и епископом (подобно Анастасу и Ефрему).

с. 168

Святая гора – Афон.

с. 171

«...братья от одного отца и одной матери» – таким образом усобицы после смерти Владимира объясняются происхождением братьев от разных матерей.

с. 172

«Изяслав тогда был...» – Изяслав княжил в Турове. Но, согласно Житию Феодосия, написанному Нестором, похоронен Ярослав был именно Изяславом. Возвеличивание Всеволода, очевидно, связано с борьбой за киевский стол между потомками трех Ярославичей.

«...в первую субботу Федоровского поста» – этот день в 1054 году приходился на 19 февраля. В Ипатьевской летописи и настенной надписи в Киевской Софии указывается 20 февраля. Высказано приемлемое объяснение: кончина пришлась на ночные часы, которые можно было записать и так, и этак, тем более что дневные часы в быту отождествлялись лишь со световым днем.

«Жил же всего 76 лет» – число лет ориентировано на рождение в 978 году, что не соответствовало действительности. Ср. прим. к статье 1016 года.

«Начало... в Киеве» – в Ипатьевской летописи указана дата – 6563. Заголовок, видимо, отражает (в последний раз) счет лет по княжениям, когда каждое новое княжение начинало новый год.

«...нет их до сего дня...» – торки появятся уже в 1080 году. В XII веке многие из них будут федератами, союзниками киевских князей.

с. 173

«...Волхов шел вспять в течение пяти дней» – летописи неоднократно отмечают обратное течение Волхова, что обычно бывает связано с сильными ветрами со стороны Финского залива и понижением уровня озера Ильмень (из-за засухи). Для обывателя же XI века это явление было знаменением, предвещавшим что-то недоброе.

с. 175

«...знамения... предвещают или войну, или голод, или смерть» – в летописи просматривается неодинаковое отношение к знамениям. Одно – как в данном случае – видит в нем лишь предвестника зла, другое – возможность альтернативы: либо на добро, либо на зло. Первое связано с «западным» пониманием провидения, второе – собственно православное.

«Всеслав же бежал» – битва на Немиге, как пример бессмысленных усобиц, упомянута в «Слове о полку Игореве». Новгородско-софийские летописи более подробно говорят о нападении Всеслава на Новгород. Здесь, в частности, сказано, что Всеслав снял в соборе Софии колокола и пограбил убранство храма. Все это будет возвращено в Новгород столетием спустя после успешного похода на Полоцк новгородцев.

с. 176

«...за грехи наши» – поучение о казнях Божьих сходно с соответствующим произведением Феодосия Печерского и внесено в летопись, видимо, «учеником Феодосия». По настрою оно заметно отличается от назиданий летописца Десятинной церкви: оно менее оптимистично, в нем резко сталкиваются Бог и дьявол, а милость Бога можно заслужить лишь постом, молитвой, воздержанием от всякого «веселия».

с. 179

«...в день Воздвижения...» – праздник Воздвижения Честного Креста приходится на 14 сентября (27 сентября по

новому стилю). События следующего дня увязаны летописцем с молитвой Всеслава. Для данного летописца Всеслав вполне ортодоксальный христианин, и Бог поддерживает его против Изяслава.

с. 181

В лето 6579... – под этим годом собраны события, происходившие в основном в период княжения Святослава (1073–1076). Элементы язычества (главным образом язычества угрофинских племен) под пером летописца перемешаны с богомильскими представлениями, причем язычникам отведена роль последователей сатаны.

с. 182

«И сотворил дьявол человека... а душа к Богу» – богомильский апокриф, привязанный здесь к язычникам, может свидетельствовать об известной распространенности богомильства на Руси, в частности в северной ее половине, где введение христианства встречало большее противодействие, нежели на юге, в Киевской земле.

с. 187

«Но все это поляки отняли у него, а самого выгнали» – об ограблении Изяслава поляками сообщают и западные источники. Изяслав попытался найти помощь у германского императора Генриха IV, но тоже потерпел неудачу. После этого он направил сына Ярополка в Рим, о чем сообщается в папских посланиях 17 апреля 1075 года к Изяславу (Дмитрию) и 20 апреля к польскому князю с настоянием вернуть захваченное у киевского князя. Ярополк с согласия отца признавал «должную верность» «Петру, князю апостолов».

с. 190

«...Иаков пришел с Альты... с братом своим Павлом» – очевидно, речь идет об Иакове, авторе «Памяти и похвалы Владимиру», а также сказания о Борисе и Глебе. Его связь с Переяславлем просматривается и в хронологии (влияние ультрамартовского стиля летосчисления).

с. 198

Борис – сын Вячеслава Ярославича, ставший после смерти отца в 1057 году изгоем.

с. 203

«...все киевляне великий плач совершили над ним...» – Ярополк никогда не был киевским князем, но имел право на киевский стол, как старший сын Изяслава, и мог быть преемником Всеволода. Летописец с большим сочувствием (и преувеличениями) пишет о добродетелях князя. В Киеве, в монастыре св. Дмитрия (Дмитрий – христианское имя Изяслава), Ярополк построил церковь св. Петра (христианское имя Ярополка).

«...десятину давая церкви святой Богородицы...» – указание на то, что прославлял Ярополка именно летописец Десятинной церкви. Статья, видимо, является последней из принадлежавших этому летописцу.

с. 204

«...упомянутая прежде» – «прежде» Янка упоминается в Ипатьевской летописи под 6594 (1086) годом. Это одно из бесспорных указаний на то, что списки Лаврентьевской летописи дают в ряде случаев менее первоначальный текст, чем Ипатьевская летопись.

«Пробыл он год и умер» – в отличие от рассказа о гибели Ярополка, эта статья составлена по позднейшим припоминаниям (видимо, «учеником Феодосия»).

«...митрополитом той церкви...» – есть основания считать, что в 70-е годы митрополии были во всех трех центрах, занимаемых Ярославичами: в Киеве, Чернигове, Переяславле. Ефрем был ранее монахом Печерского монастыря, и о его возведении в сан митрополита в Переяславле говорит Нестор в «Житии Феодосия».

с. 208

«...соблуди меня своими молитвами» – рассказ о перенесении останков Феодосия и похвала ему написана, как видно из авторских замечаний, «учеником Феодосия», тем самым, что рассказал о начале Печерского монастыря и

кончине Феодосия. Нестор о сообщаемых здесь фактах не знал. Летописец вновь представляет аскетизм как главное условие спасения.

Кличане – вспомогательный персонал на охоте, в задачи которого входило пугать криками и шумом зверя.

с. 209

«...люблю тебя больше братьев твоих» – очевидно, тот же летописец переделывал статью 1054 года, дабы выделить Всеволода, подняв его над своими братьями.

с. 210

«...в Переяславле лето...» – летописец допустил ошибку (причем восходит она к общему протографу Лаврентьевской и Ипатьевской летописей). Переяславль был доменом Всеволода, который он занимал с 1054 года по 1078 год с краткосрочным перерывом, когда он (при Святославе) княжил в Чернигове.

с. 212

«...прошли вал...» – имеется в виду один из «Змиевых», «Трояновых» валов, несколькими ярусами располагающихся южнее Киева и прикрывающих лесостепь от степи.

«...Ростислав, сын Всеволодов» – о Ростиславе, поглощенном «худыми струями» Стугны, с сочувствием вспоминает автор «Слова о полку Игореве». Напротив, в Киево-Печерском патерике ему дается негативная оценка: он убил монаха Григория и был за это наказан Богом.

с. 216

«...пришел Олег с половцами из Тмуторокани...» – это последнее упоминание Тмуторокани в летописи. В «Слове о полку Игореве» Тмуторокань предстает как опозитизированная мечта, как символ прошлого величия и могущества Руси, на который следует ориентироваться современникам.

«...захватил Девгеневича и повелел его ослепить» – Леон Диогеневич был зятем Владимира Мономаха, сын императора Романа Диогена. В Византии распространялась

версия о том, что это был самозванец, выдававший себя за сына Романа, в действительности убитого в 1073 году. На Руси такую версию явно не признавали. В 1116 году Леон Диогенович с русским войском ходил на Дунай и получил во владение ряд городов в Низовьях Дуная, вероятно тех, которыми владел еще Святослав (здесь он и был убит «лестью» подосланными византийским императором убийцами).

с. 219

«...пошел он к Рязаню» – в Лаврентьевской летописи город «Рязань» дается в мужском роде, страна «Рязань» – в женском. «Старая» Рязань находилась в 50 км от современной на Оке.

с. 220

«...путем... ведущим в монастырь» – имеется в виду Печерский монастырь. Далее следует рассказ, записанный по ультрамартовскому стилю и относящийся к 1095 году. Отсюда несогласованность и противоречия двух рассказов.

с. 221

Мефодий Патарский – епископ малоазиатского города Патары (III–IV вв.). Ему приписывалось «Откровение», говорящее о «конце света» в 7000 году.

«...сыны Амона – это болгары» – хвалисы и волжские болгары здесь отнесены к семитским народам (ср. этнографическое введение), что восходит к памятникам, связанным с иудаизмом в Хазарии.

Поучение – поучение Владимира Мономаха оказалось в Лаврентьевском списке явно не на месте, разрывая связное изложение. Логично было бы поместить его под 1117 годом, когда князь вызвал из Новгорода своего сына Мстислава, может быть, в связи с болезнью и необходимостью закрепить Киев за своими сыновьями. К 1096 же году относится письмо Владимира Олегу. Появление сочинений Мономаха в составе Лаврентьевского списка – одна из самых сложных загадок истории древнего русского летописания. Лаврентьевская летопись оказывается оторванной от всей летописной тра-

диции, связанной с потомством Владимира Мономаха. Сам текст Поучения был уже трудночитаемым, и потому в нем имеются пропуски и «темные места».

«*Сидя на санях...*» – по старой (языческой еще) традиции умерших (даже и в летнее время) везли к месту захоронения на санях. Поучение в данном случае предполагается как завещание.

с. 227

«*Жену свою любите, но не давайте им над собой власти*» – несогласованность (единственное и множественное число) имеется в оригинале. Владимир Мономах в известной мере смягчает «мирскую притчу», приводимую Даниилом Заточником: «не мужь в мужех, иже ким своя жена владеет».

с. 228

«*...дитя... старейшее новгородское*» – речь идет о Мстиславе, родившемся в 1076 году.

с. 229

«*...за Новым городом...*» – имеется в виду Новгород Северский. *Семичи* – жители Посемья (Сейм, Семь).

с. 231

Бог – видимо, имеется в виду река Буг.

«*...мать Юрия умерла*» – в нашей литературе распространено мнение, что у Владимира Мономаха была одна жена – Гита, дочь последнего англосаксонского короля Гаральда, проживавшая после гибели отца в Дании. Но из прямого указания Владимира следует, что матери, скажем, Юрия и Мстислава – разные. Чьей матерью была Гита (и была ли она вообще женой Владимира Мономаха) – судить трудно, поскольку в иностранных источниках, откуда берутся эти сведения, даны иные имена князей, а «Русий» в Европе было более десятка. Матерью Юрия является, видимо, княгиня, о кончине которой сообщается под 1107 годом.

«...взяв у него дочь...» – женитьба Юрия на дочери Аепы датируется январем 1107 года, тогда как кончина его матери – маем этого года. В Поучении события изложены в иной последовательности.

«...к Минску ходили на Глеба...» – о походе на Глеба Всеславича летопись рассказывает под 1115 годом.

с. 232

«...брал легко...» – в тексте имеются пропуски, из-за которых затемняется смысл: каких-то зверей Владимир брал легко, туров же легко взять было невозможно.

«...объезжая ямы...» – здесь также текст не вполне ясен. Видимо, сопоставляется охота на диких коней в поле и укрощение их в западнях.

с. 233

«О я, многострадальный и печальный!» – отсюда начинается письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу (относящееся как раз к 1096 году), здесь чисто механически соединенное с Поучением. Письмо вызвано печальными для Мономаха событиями: его сын Изяслав захватил удел Олега Святославича Муром, а затем погиб в сражении под Муромом с Олегом. Владимир обратился с этим письмом по просьбе Мстислава, который был крестником Олега.

«...понудил меня сын твой...» – имеется в виду крестный сын.

«...братцу моему суд пришел» – имеется в виду Изяслав.

с. 234

«...на что им одежды?» – текст не вполне ясен, но смысл в том, что жизнь земная преходяща, а вечна жизнь небесная.

с. 235

«...то с тем...» – здесь какой-то пропуск.

с. 236

«На страшном суде...» и прочее – цитата из Псалтири, закончить которую может адресат и самостоятельно. Далее

следует молитва, существовавшая, видимо, независимо от двух первых сочинений.

с. 237

«...о слышанном... от Гюряты Роговича новгородца...» – отсюда продолжается прерванный вставкой Поучения текст. Летописец здесь проявляет себя: четыре года назад он встречался и беседовал с новгородцем Гюрятой Роговичем. В Ипатьевской летописи под 1114 годом летописец говорит о своем посещении Ладоги и беседах с ладожанами, где вновь упоминаются Югра и Самоядь. Именно эти тексты позволили А. А. Шахматову предположить существование редакции Повести временных лет 1118 года (исходя из того, что «4 года тому назад» – это и есть 1114 год).

с. 241

«...индикта 4 на середине» – статья 6604 года, как было отмечено выше, содержит даты, записанные по ультрамартовскому стилю. Середина индикта также указывает на ультрамартовский стиль, что существенно для определения личности летописца (ультрамартковский стиль употреблялся в Переяславле).

с. 243

«Останься на праздник» – имеются в виду именины Святополка-Михаила, приходившиеся на 8 ноября.

с. 245

«...грудень, то есть ноябрь» – славянское название месяца дано лишь во включенном в летопись сказании об ослеплении Василька. Летописание Киева, да и других городов, пользуется римскими названиями месяцев.

с. 246

«...которую почитал как мать...» – из этого текста вытекает, что вдова Всеволода не была матерью Владимира Мономаха.

с. 247

«...иди к Васильку, тезке твоему...» – редкий случай: названо имя летописца, вернее, автора сказания об ослеплении Василька – Василя.

с. 251

«...Святоша, сын Давыда Святославича...» – Никола Святоша в 1106 году постригся в Печерском монастыре.

с. 253

«...как я уже сказал под прежним летом» – сказано об этом было в сказании об ослеплении Василька. Текст может быть понят так, что и продолжение летописи принадлежит Василию, но мог сказать это и позднейший сводчик.

с. 254

«...14 апреля... в среду» – 14 апреля приходилось на среду в 1098 и 1109 годах. Видимо, запись сделана по антиохийской эре, или это переосмысление записи по счету от Рождества Христова, то есть имеется в виду 1109 год. Аналогично съезд князей и поход на половцев датированы 6611 и 6619 годами, хотя, видимо, речь идет об одном съезде и походе 1111 года.

с. 256

«...лошади жаль, а самого не жаль, что ли?» – эти слова повторены в статье 6619 года в Ипатьевской летописи. См. ее текст в приложении.

с. 260

«...повелел митрополиту вписать в синодик» – этим актом как бы утверждалась святость Феодосия: его стали помянуть во время богослужения в пределах всей митрополии.

с. 261

«...дойдя до Воиня, вернулись назад» – повтор записи, данной под предыдущим годом. Очевидно, соединение двух летописей, одна из которых пользовалась ультрамар-

товским стилем. Этот стиль просматривается и в следующих статьях.

«...и потом стал невидим» – «знамение» над Печерским монастырем наблюдалось явно со стороны, причем с южной стороны. Его хорошо можно было видеть из Красного двора Всеволода, расположенного над Выдубицким монастырем. 1 час ночи – это 7 часов вечера, когда действительно свидетелей было много, тем более что гроза в феврале – явление неординарное.

«Ангел твой будь с тобой» – здесь обрывается текст Повести временных лет в Лаврентьевской летописи, после чего следует запись Сильвестра. Поскольку продолжение в Ипатьевской летописи совершенно логично, предполагается утрата нескольких листов в протографе. Но не менее вероятно и другое: продолжение было опущено одним из редакторов, поскольку в летописи вообще опущены тексты неортодоксального содержания (в частности, те, в которых можно допустить влияние иудаизма).

«...помяни меня в молитвах» – запись Сильвестра производит впечатление припоминания: Сильвестр написал летопись, будучи игуменом Выдубицкого монастыря св. Михаила, а приписку сделал, уже будучи переяславским епископом (1118–1123).

с. 262

Ольгович – Олег Святославич в походе не участвовал (по статье 6611 года он сказался больным), но кто-то из его сыновей был, видимо, в отряде Давыда Святославича.

с. 263

«...скончался *Святослав Владимирович*» – путаница в расположении месяцев в статье свидетельствует о соединении разных источников. В Ипатьевской летописи последние два известия датированы следующим (1114) годом.

«...скончался *Олег Святославич, 8 августа*» – по Ипатьевской летописи, Олег умер 1 августа и на второй день был похоронен.

«...города взял половецкие: Галин, Чешлюев...» – по Ипатьевской летописи, были взяты города Балин, Шарукан и Сугров. Эти города находились у Северского Донца, который в русских летописях называется «Доном». В ряде летописей Северо-Восточной Руси, как и в Лаврентьевской, названы Галин и Чешуев (Чешлюев – Радзивилловская летопись).

«...скончался Олег Святославич» – повтор из летописи, придерживающейся ультрамартовского стиля.

«...в Новгороде сел Мстиславич» – имеется в виду Всеволод Мстиславич.

с. 264

«...Георгий... ходил на Болгары...» – Юрий Владимирович (Долгорукий) княжил в Суздале. В Ипатьевской летописи известие дано более развернуто, еще обстоятельней в «Истории» Татищева.

с. 267

«...епископом Переяславским...» – текст не вполне ясен. Буквально он читается так, что игуменом Марка ставил митрополит Никита, а епископом – князь Ярополк. Татищев дает чтение, по которому князь избрал, а митрополит освятил. Но это может быть и редакционным разъяснением, исходя из принятых норм.

«...1 августа, в 8 часов ночи, потряслась земля» – статья расположением отдельных известий ориентирована на сентябрьский стиль.

«...Брячислава... который пошел к отцу своему...» – имеется в виду Брячислав Борисович, внук Всеслава Полоцкого.

с. 268

«...едва оградили достояние Мстиславны...» – имеется в виду сестра Изяслава Мстиславича, жена Брячислава Борисовича, которую пришлось защищать от «отроков», проникших в город, судя по тексту, в нарушение княжеского обещания.

с. 269

«...рассказывают сведущие» – в этом предании сыновья Владимира Изяслав и Ярослав выводятся от разных матерей.

«*Не хочу разуть сына рабыни...*» – этот сюжет имеется и в Повести временных лет (под 6488 годом).

«...назвал ее Гориславой...» – предание не знает имени «Рогнеда». Она как будто вообще без имени (как принято у славян и у ославянившихся русичей). Имя Горислава она получает, уже став женой Владимира, аналогий чему летописи не знают.

с. 271

«...послал Изяслава Мстиславича к братии в Новгород...» – в Новгороде находился Всеволод Мстиславич. После смерти Мстислава Ярополк решил перевести Всеволода в Переяславль, чем возмутил новгородцев (об этом сообщает Новгородская Первая летопись). Но в Переяславле Всеволод не утвердился и вернулся в Новгород. Изяслав, видимо, был послан ему в помощь. Татищев сообщает, что Изяслав должен был взыскать печерскую дань в пользу Киева. Ход событий восстанавливается лишь из сложения данных разных летописей (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская дают разные записи об этих событиях).

с. 273

«*Выгнали от себя новгородцы Всеволода Мстиславича...*» – по новгородским летописям это произошло в 1136 году. Князю были предъявлены «вины»: 1) «не блюдет смердов», 2) хотел сесть в Переяславле, 3) впереди всех «ехал еси с полку», то есть бежал во время битвы с суздальцами на Ждане-горе.

с. 278

«...пошел Игорь... против поляков, а другим в помощь» – имеется в виду участие русских князей в усобице в Польше, более обстоятельно описанной в Ипатьевской летописи.

с. 279

Ольгова могила – имеется в виду урочище на западной окраине Киева.

с. 280

«...самостоятельно с шестью епископами...» – вторично после 1051 года в Киеве советом епископов ставили митрополитом русина.

с. 284

«...они были врагами и деду моему и дядьям моим...» – имеются в виду многолетние распри Владимира Мономаха с сыновьями и Олега Святославича с его «гнездом».

с. 286

Порошане – жители Поросья.
Георгий Ярославич – сын Ярослава Святополковича, князь Туровский.

с. 287

«...предназначается смерть Ярославича...» – имеется в виду гибель Изяслава Ярославича в усьобице 1078 года «за брата».

с. 289

Турпеи – одно из тюркских племен, союзных Руси.

с. 295

«...праздник святых мучеников» – на Альте праздник святых мучеников Бориса и Глеба отмечался 24 июля, когда по местному преданию, отраженному в специальном сказании, был убит Борис. Но предполагались и иные даты (более поздние). Глеб, также по преданию, погиб 5 сентября. Перенесение мощей и канонизация братьев в 1072 году приходились на 2 мая (приурочение к языческому празднику пробуждения природы). Вторичное перенесение в 1115 году также проводилось 2 мая. Если учесть, что долгое время и почитание братьев было отдельным, эти два перенесения имели целью создать единый праздник.

с. 299

Абазинская земля – территория расселения абазинов – народности абхазско-адыгской группы. В настоящее время абзины проживают на Северном Кавказе, в древности они занимали также значительные области у Черного моря. Здесь рано распространялось христианство и существовала епархия, подчиненная антиохийскому патриаршеству.

с. 305

«...выгнали... епископа Леона, поскольку он умножил церкви, грабя попов» – грек Леон прибыл на место Нестора, хотя и лишеного кафедры, но формально остававшегося Ростовским епископом. Уже это обстоятельство создавало ему значительные затруднения с точки зрения законности и этики. Удаление же с кафедры Нестора, видимо, как-то связывалось с приездом в Суздальскую землю Андрея Юрьевича (Боголюбского), сразу поставившего задачу обособления церковной организации Владимиро-Суздальской Руси и имевшего свою кандидатуру на пост если не митрополита, то епископа – Федора, племянника авторитетного киевского боярина Петра Бориславича (которого Б. А. Рыбаков считает крупнейшим летописцем и автором «Слова о полку Игореве»). Видимо, Федор прибыл вместе с Андреем из Южной Руси и разделял его намерения.

Смысл приведенной фразы убедительно разъяснил Н. Н. Воронин: Леон «умножил церкви» не за счет строительства, а за счет включения в обложение всех церковных приделов как самостоятельных церквей. Позднее, по возвращении Леона, начнется спор о постах, который и составит «леонтианскую ересь», о которой рассказано под 1164 годом. На Руси, особенно в домонгольский период, отличавшийся довольно высоким жизненным уровнем, строгие установления не встречали поддержки ни у князей, ни у населения. Для Андрея же всякое недовольство населения епископом-греком было аргументом в пользу осуществления своей идеи.

с. 307

Мануил – византийский император (1143–1180). Есть основания считать, что между императором и патриархом Лукой ХризOVERгом были известные расхождения по вопросу о церковных противоречиях на Руси. Татищев приводит сведения о разном отношении в Константинополе к факту избрания митрополитом русича Климента. Греческие и некоторые русские епископы устремились в Византию, по обыкновению захватывая с собой богатые подарки. Но Мануил к настояниям жалобщиков остался глух, тогда как патриарх сразу занял их сторону. Татищев объясняет это отрицательным отношением Мануила к стяжательским наклонностям монахов и взглядом на монастыри как некие культурно-просветительные учреждения.

Великий город– Бряхимов, Булгар.

с. 308

Дмитр Юрьевич – редкий случай – князь назван не светским, а христианским именем. Имеется в виду Всеволод Юрьевич, в крещении Дмитрий. В Лаврентьевском списке «Дмитр и Гюрги» – Дмитрий и Юрий. Переписчик даже не понял, что речь идет о столь знаменитом князе, как Всеволод Большое Гнездо, именно потому, что христианское имя обычно сопровождало лишь сообщение о кончине владельца престола.

с. 309

«Мы же возвратимся к лежащему перед нами» – эта ремарка заставляет предполагать, что осуждение духовенства, ратующего за строгое соблюдение постов, принадлежит современному летописцу, причем сам разгром Киева связан с поведением митрополита в разгоревшемся споре. По мнению Н. Н. Воронина, поход был отмщением за жестокую казнь в Киеве Федора, о чем летопись сообщает под следующим годом.

«...пошел назад к Владимиру...» – повтор этой фразы снова указывает на смешение мартовского и ультрамартовского стилей.

Статья о наказании Федора явно принадлежит другому летописцу, нежели предшествующая.

«...лишает его разума...» – в оригинале, видимо, пропуск, впрочем, легко восстанавливаемый по смыслу.

с. 311

«...святая Богородица Десятинной церкви в Киеве...» – в Ипатьевской летописи этот рассказ дается под 6680 (1172) годом. В хронологии летописи в статьях конца 60-х – начала 70-х годов значительная путаница, возникающая из-за соединения разных источников позднейшим сводчиком.

Корсунь – имеется в виду город на реке Роси.

с. 312

«...приехали к Полоному, к городу Десятинному..., и взяли села без числа...» – важное указание на принадлежность Десятинной церкви города и, видимо, прилегающих селений, о чем прямо говорится ниже.

с. 313

«...Владислав, Янев брат...» – в летописи ничего ранее об этом Яне не было. Это может объясняться либо тем, что в тексте имеется пропуск, либо современностью записи, предполагающей, что Яна все знают.

«...девянсто копий...» – по мнению Л. Г. Бескровного, «копье» – первичное воинское подразделение, состоявшее из трех человек. В данном случае «копье» может быть понято как признак воина, типа западноевропейского рыцаря. Войско же в целом имело в составе и воинов с иным вооружением, и подсобный персонал (оруженосцев и прочих).

с. 314

«...как и прежде в луке моря» – Михаил Юрьевич – сын Юрия Долгорукого от второй жены (гречанки), которого Андрей Боголюбский выслал из Владимира вместе с мачехой и другими ее детьми, поскольку княгиня-грекиня

так или иначе усиливала позиции противников выделения самостоятельной владимирской митрополии и укрепления самостоятельности церковной организации Суздальской Руси. Михалко будет активно участвовать в событиях во Владимиро-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского. Настоящее же упоминание его в Лаврентьевской летописи первое. Рассказ явно взят из Переяславской летописи, прославлявшей князя, где, видимо, описывался и аналогичный эпизод во время другого похода на половцев в глубь Степи. Большой поход на половцев состоялся незадолго до описываемого; в нем также участвовал Михалко. В Ипатьевской летописи он датирован 6678 годом, но как отмечено выше, хронология в летописях перепутана. Правда, до Лукоморья (область, прилегающая к морю между Днепром и Бугом) участники не доходили, но днепровской луки («место, называемое Угол») достигали.

с. 314

Янчин монастырь – основан дочерью Всеволода-Андрея Янкой в конце XI века.

«...пришли половцы на Киевскую сторону...» – повтор рассказа о событиях, уже переданных под 6677 годом.

с. 318

«...воистину святой Святослав...» – осмысление языческого имени-титула в духе христианской святости.

В лето 6683... – в статье из разных источников соединены записи о событиях 1174 и 1175 годов.

Латиняне – в Киеве в домонгольский период существовала община христиан-католиков. В XII веке так могли называть и других выходцев из Западной Европы. Браки между правящими домами европейских государств и русских княжеств были обычным явлением.

с. 319

«...как палату прекрасную украсил душу...» – в Лаврентьевской летописи текст искажен из-за механических

пропусков отдельных фраз и слов. Исправлено по Ипатьевской летописи.

«...и церковь создал... в Боголюбове» – исправлено по Ипатьевской летописи.

«...икона чудотворная Божьей Матери...» – Владимирская икона Божьей Матери при Андрее Боголюбском становится центральным звеном идеологического обоснования выделения особой владимирской митрополии и возвышения Владимира над более древними и заслуженными центрами – Ростовом, Суздалем и другими. Икона становится той основой, вокруг которой создается сам культ Богородицы, принявший во Владимире особый характер, с утверждением ряда новых праздников и их трактовок, отличавшихся от ортодоксальных. Чудесами иконы обставлен путь Андрея из Вышгорода во Владимир, причем получалось, что икона как бы пожелала, чтобы Андрей ехал на север, и взял ее с собой Андрей тоже как бы по ее настоятельному желанию. Именно эта икона определила и место заложения Боголюбова, и возвышение Владимира, за пределы которого она не хотела выходить. Позднее эту икону стали связывать с авторством Луки евангелиста.

с. 321

Лука – в Ипатьевской летописи поясняется, что это был демественник церкви Богородицы, что предполагает читателя, так или иначе знакомого с клиром храма.

Роман и Давыд – здесь употреблены христианские имена Бориса и Глеба.

с. 322

«...сынко его в Новгороде...» – в Ипатьевской летописи уточняется: «сынко его мал...» Речь идет о Юрии Андреевиче, направленном Андреем в Новгород в предшествующее лето.

«...пошлем к Глебу...» – Глеб – сын князя Ростислава Ярославича Рязанского.

«А крестное целование забыли, целовали Юрию крест...» – младшие Юрьевичи, согласно Ипатьевской летописи, были изгнаны Андреем вместе с епископом Леоном.

Но в ее сообщении имен Михалки и Всеволода нет. В летописных сводках XV века, однако, упомянут и Михалко, а Татищев называет обоих, получивших по завещанию отца уделы в Суздальской земле. Видимо, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи содержали текст, первоначально отредактированный в интересах Андрея Боголюбского, а позднее в пользу Михалки. *Глеб Рязанский* – шурин сыновей Ростислава Юрьевича, согласно Ипатьевской летописи, также ранее изгнанных Андреем.

с. 324

«...а Мстислава... ввели в Смоленск княжить» – в Лаврентьевском списке явно ошибочно называют Ростислава Мстиславича.

«...раздавали... детским из Руси...» – и в конце XII века «Русью» продолжали называть лишь Киевское Поднепровье.

«...за Михалком и братом его Всеволодом...» – имя Всеволода рядом с именем Михалки постоянно вставлял летописец, редакция которого наиболее полно отразилась в Радзивилловской летописи.

с. 325

«...как окованные льдом...» – в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях – «яко во всяком льду». Позднейшие летописцы слово «всяком» опускали как неясное по смыслу. Татищев понял текст (или так он читался в его источнике) – «яко во льду от солнца сияющ». Летописец имел склонность к поэтической образности, чем затруднял прочтение текста летописцам – регистраторам событий.

с. 330

Милонег – новгородский тысяцкий.

«...отдал поганым на щит...» – «на щит», то есть на разграбление, в течение определенного времени отдавали воинам обычно вражеский завоеванный город. В усобицах захваченные города отдавали «на щит» сравнительно редко, и «общественным мнением» это осуждалось. И особенно

безнравственным почиталось предоставление возможности грабить наемным «поганым», обычно половцам, которые «помогали», конечно, именно за такого рода плату. С другой стороны, именно потому, что такого рода деяния осуждались, летописцы могли приписывать их враждебной стороне.

с. 331

«...исполни лица их бесчестия...» – в Лаврентьевской летописи – «досаженья» (то есть досады, обиды), в текстах Библии – бесчестье. Не исключено, что и в данном случае цитируются не дошедшие до нас переводы.

с. 332

«...оглашавших двор криком...» – статья не окончена, очевидно, из-за утраты листов. В Ипатьевской летописи имеется продолжение, смысл которого в продолжающихся настояниях владимирцев и попытками сдержать их со стороны князя. За рязанских князей просил Святослав Всеволодович, князь Черниговский, будущий киевский князь, герой «Слова о полку Игореве». Он прислал к Всеволоду епископа Порфирия, который был задержан Всеволодом. На просьбу Святослава отпустить Глеба Рязанского «в Русь», тот ответил: «Здесь умру, не иду». Здесь он и умер 30 июня, а его сына Романа едва отстояли. По летописи, Мстислава и Ярополка ослепили и отпустили. Но эту сцену, очевидно, Всеволод разыграл для успокоения владимирцев: удалившись от Владимира, князь прозрели.

«...забрали на щит...» – для «своих» летописец всегда старается найти оправдание, в крайнем случае вина возлагается на дружину, которая обычно менее милосердна, нежели князь.

с. 335

«...половцы Емяковы...» – у половцев и в конце XII века сохранялся родоплеменной строй с весьма слабой внутренней координацией (что, впрочем, характерно и для феодальной Европы этого времени). На Руси эти роды различали часто по имени предводителя-князя.

«...видев же племянника изнемогающим...» – в летописи ошибочно «брата». Речь идет об Изяславе – сыне Глеба Юрьевича.

«...пошел назад к пристани...» – в оригинале «к исадам». На Оке и на Волге издавна возникли и поселения «Исады». Слово это кельтского происхождения, видимо, занесенное сюда варягами, и означает оно – место высадки, пристань.

с. 337

«...18 апреля... в среду» – на среду этот день приходился в 1184 году, следовательно, запись сделана по ультрамартовскому стилю.

Ковчег Божий – ковчег (кивот), в котором евреи хранили скрижали, доски с записями заповедей Божьих.

«...беда распространилась» – запись явно современная. Ощущение грандиозной трагедии христианского рода навеяно страшным пожаром.

с. 338

«...но по грехам нашим воздал нам...» – аналогичный текст «о казнях Божьих» содержится в статье 1093 года, где предполагается противопоставление: не по беззаконию... но по грехам. Здесь в оригинале это противопоставление снято. Смысл же назидания в том, что грехи современников превышают меру наказания Божьего.

«...поскольку поневоле» – в статье 1093 года дополнение – «но уже терпим по своей воле».

с. 339

В то же лето... – в Ипатьевской летописи – 6691 (1183) год. Число и месяц в разных списках указаны различно. Наиболее вероятна дата 30 июля 1184 года.

Толгий (Тоглий) – в оригинале «Толгыя Давыдовича тести», что можно понять и как отчество хана. Речь, конечно, идет о том, что Толгий был тестем Изяслава Давыдовича.

с. 340

В лето 6694... – дата записана по ультрамартовскому стилю.

с. 341

«...сойдя с коней... отпустили их» – в оригинале, видимо, перепутаны строки, из-за чего текст лишен смысла.

«...и прочее» – в Радзивилловской летописи вместо этого: «в печали мало наказание твое есть нам».

с. 346

«...Ростиславу...» – издатели без должных оснований поправили на «Ярославу», хотя имя Ростислав значится во всех списках традиции летописания Северо-Восточной Руси. По-видимому, имелся в виду кто-то не из сыновей Глеба Рязанского (может быть, внук Глеба или кто-то из черниговских князей, поскольку старший Глебович – Роман был женат на дочери Святослава Всеволодовича, черниговского князя, занимавшего в это время Киев).

«...Ярослав Владимирович был тут на свадьбе...» – сын князя Владимира Мстиславича, внук Мстислава Владимировича, свояк Всеволода Юрьевича. В 1182 году стал новгородским князем, два года спустя изгнан новгородцами, в 1187 году вновь приглашен на княжение, причем обращались новгородцы именно к Всеволоду.

с. 347

Опаков – в летописях название города дается различно: Лаврентьевская – «Попов», ряд других – «Копонов». Правильное чтение дает Татищев. Город находился на левом берегу Оки недалеко от Ольгова.

с. 349

Постриги – обряд перехода мальчика в отроческий возраст. Юрий родился в 1189 году, и ему, следовательно, было лишь три года. Примерно в таком же возрасте в 945 году Святослав «начинал» сражение с древлянами.

В лето 6701... – точная дата пожара указывает на 1192 год, то есть запись сделана по ультрамартовскому стилю. Соответственно и предшествующие события – если они восходят к тому же источнику – должны датироваться годом раньше.

с. 350

Яриги – грубая одежда.

с. 351

В лето 6703... – запись содержит ряд известий, относящихся к 1194 году.

с. 353

«...*Ярополка, сына Ярослава Черниговского...*» – в оригинале ошибочно «Ярослава». Ошибка произошла, видимо, из-за механического пропуска. Имя восстанавливается по новгородским летописям.

«...*по зимовищам их...*» – в Радзивилловской летописи – «становищам». Поход происходил в мае–июне, когда из зимних станов стада уже перегонялись на кочевья.

с. 354

«...*Мирошкины слуги...*» – Мирошка Нездич (или Незнач) – новгородский посадник, неоднократно приезжавший во Владимир с ходатайствами от Новгорода.

с. 355

«...*скончалась... Борисковна...*» – имеется в виду жена Бориса Юрьевича, внука Мономаха, княжившего в Белгороде и затем в Турове. По традиции, мирского имени княгиня, видимо, не имела.

«...*а Владимировичи...*» – в Лаврентьевском списке ошибочно «Владимирцы». Владимировичи – потомки Владимира Володаревича, князя Перемышльского.

с. 357

«*И наступил мир*» – более развернуто о миротворческой деятельности Романа говорит под 1203 годом Татищев.

У него, в частности, передан проект Романа о замещении киевского стола «старейшим» князем, избранном представителями шести главных княжеств. Проект был отвергнут, в том числе Всеволодом, сославшимся на традиции.

с. 358

Ростислав – имеется в виду сын Рюрика Ростиславича.

с. 359

«...по имени твоем так и хвала твоя...» – имеется в виду император Константин (306–337), при котором христианство стало государственной религией в Римской империи и которого как «равноапостольного» почитали особенно в восточной половине христианского мира. У Татищева много текстов, связанных с именем Константина и указывающих на наличие особого летописания в окружении этого князя (видимо, в Ростове). У него, в частности, говорится об особой любви к старшему сыну больной матери, которая и наставляла других сыновей слушаться старшего.

с. 360

«...скупое сеющий с благословением пожнет» – имеется в виду Второе Послание апостола Павла к коринфянам, которое было известно по рукописям Апостола (древнейший из дошедших списков относится к 1220 году). У Павла буквально сказано: «Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет», но «Бог же силен обогатить вас всякой благодатью». И далее: «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» и «дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу».

с. 361

«...называются они ангелами господства» – ангелы в толкованиях Священного Писания выстраивались в иерархию (9 «чинов»), одним из элементов которой являлись «ангелы господства». Рассуждения на этот счет средневековых авторов нередко выходили за рамки ортодоксии, как

это, в частности, имеет место в рассуждении об ангелах под 1111 годом в Ипатьевской летописи.

с. 363

Юрий Кончакович – в XII веке половецкая знать нередко принимала имена русских князей. Кончак еще до событий 1185 года сговорился с Игорем Святославичем о браке своей дочери с сыном Игоря Владимиром, и этот брак состоялся, несмотря на военные столкновения 80-х годов, в которых против того же Кончака выступал и Игорь со своими ближайшими родственниками. Именно Кончак, не раз нападавший на русские земли, не позволил расправиться с пленным Владимиром. Примерно около времени сватовства Игоря и Кончака, очевидно, и родился у Кончака сын, названный Юрием.

«...послали к королю...» – в это время из соседей Руси лишь венгры имели «королей», поэтому не было необходимости уточнять, о какой стране идет речь.

с. 364

Сеянье – урочище под Суздалем.

с. 365

«...в среду сырной недели...» – это указание соответствует 6715 году (1208 год для января–февраля). Затмение было в 1207 году.

«...стояло от полудня до вечерни...» – описание затмения соответствует его видимости в северной половине Руси.

с. 366

«Как сказал Соломон...» – в оригинале «Приточник», причем текст притчи передан искаженно.

«...19 августа, в воскресенье...» – день и число указывают на 1208 год.

с. 367

«...22 сентября..., в день субботний» – день и число указывают на 1208 год.

«...родил ложь...» – изречение Давида исправлено по тексту Библии.

с. 368

Ольгов – город на правом берегу Оки, недалеко от Переяславля (нынешней Рязани). Но в XII веке существовал и другой («Новый») Ольгов – у устья реки Прони. О каком из них в данном случае идет речь – остается неясным, а от решения этого вопроса зависит и локализация «Ужеска».

с. 369

«...четверг... 18 октября...» – день и число указывают на 1208 год.

с. 372

«...прежнему епископу Ростова Леонтию...» – в оригинале «Леону», что можно увязать с епископом Леоном – соперником Федора при Андрее Боголюбском. Но здесь явно речь идет о легендарном Леонтии, с которым во времена Андрея Боголюбского начали связывать христианизацию Суздальской земли.

с. 373

«...память святого Мартина, папы Римского...» – память этого святого отмечается 14 апреля.

Миро – благовонное масло. Предполагалось, что чудотворцы сами по себе источают миро и оно исцеляет больных.

с. 377

«...дьявол плакал о своей гибели» – эта усобица гораздо пространнее изложена (под 1216 годом) в летописях, восходящих к ростовскому летописанию. Потери сторон составили многие тысячи. Летописи называют цифру 9233 погибших в войске Ярослава и Юрия. Татищев эту цифру увеличивает до 17 250, а новгородцы, ростовцы и смоляне потеряли 2550 человек, не считая раненых.

Исады – ныне село в семи километрах от Старой Рязани.

с. 378

«...назвали его в святом крещении...» – имя в летописи не названо.

Страсти Господни – орудия мучения Христа.

с. 381

«*Было же всех лет Константиновых...*» – в оригинале оставлен пробел для вписания цифры. По летописи, Константин родился в 1185 году, но запись дана по ультрамартовскому стилю. Видимо, поэтому Татищев записал сообщение под 1186 годом, а количество лет указал «32», что, впрочем, соответствует действительности: до 33 лет князь не дожил нескольких месяцев. К тому же сам Татищев отмечает разноречивой летописей в дате рождения князя, называя семь летописей, и в указании числа лет («у многих 36 лет жил»). Татищев дает и любопытную характеристику князя: «Великий был охотник к чтению книг и научен был многим наукам, того ради имел при себе людей ученых, многие древние книги греческие ценю высокою купил и велел переводить на русский язык. Многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, частью патриархи, ведая его любомудрие, в дар присылали сего ради».

с. 383

«...и Черниговский...» – летописец не повторил имя третьего Мстислава – Мстислава Святославича Черниговского.

с. 384

«...Всеволода Константиновича с полками...» – в оригинале пропуск в полторы строки, который, очевидно, предполагалось заполнить. Имеется в виду поход новгородцев к Торжку. Новгородская Первая летопись называет причину: бегство из Новгорода сына Юрия Всеволода в Торжок и требование Юрия принять князем его шурина Михаила, сына Всеволода Ольговича. Юрий «поиде с Торжку, много им пакоствив, взя у них 7000 новую». Эту фразу проясняет Татищев,

говоря, что Юрий потребовал с Новгорода 7000 и с Торжка 3000 новых гривен, которые были легче старых вдвое.

с. 386

«...случилось и мне... наблюдать дивное и славное зрелище...» – личность летописца присутствует и в описании событий 1231 года, причем составлялся свод уже во второй половине XIII века.

с. 387

Русь Пургасова – единственное упоминание еще об одной Руси, обособленной от основных русских центров.

с. 389

Саксины – небольшая народность у побережья Каспийского моря. «*Низ*» – нижнее течение и устье Волги.

с. 391

«...во втором часу...» – в оригинале «второе в год», что может быть понятно (и понимается) как вторично в году, тем более что накануне произошло явление, похожее на солнечное затмение (в действительности затмения 10 мая не было). Но в других летописях здесь указывается время затмения «середь утра» или «в три часа». А указание на «второй час» соответствует действительному времени затмения (в шестом часу утра).

«*В то же лето, месяца...*» – в оригинале оставлен пропуск. Не указан месяц и в других летописях.

с. 393

«...писание певца...» – имеется в виду псалмопевец Давид.

с. 394

«...18 мая...» – в оригинале пропуск. Восстановлено по пасхальной таблице.

Нестор – имеется в виду епископ, занимавший ростовскую кафедру в середине XII века.

«Того же лета... назван был Борисом» – известие разрывает связное изложение и явно помещено не на положенном ему месте.

с. 395

«...2 киота многоценных...» – в данном случае имеются в виду рамы для икон.

«Любви к учению... удивляюсь я...» – неоднократное упоминание автора о себе на коротком временном отрезке может принадлежать лишь одному автору, редактировавшему текст.

«...исполняя послушание... в некоем тесном и труднодоступном месте...» – летописец использует предисловие к посланиям апостола Павла в Апостоле 1220 года, а потому не обязательно понимать его текст буквально.

«...обратился к написанию предисловия к его сочинениям» – автор, повторяя предисловие к посланиям Павла, также пишет предисловие к сочинениям Кирилла.

с. 397

«Мирно было» – летописец записал эту фразу, видимо, в качестве контраста с последующими событиями. В его распоряжении не было источников, из которых можно было бы взять что-то конкретное. Между тем год вовсе не был «мирным». Летописи (в частности, новгородские) с болью пишут об усобице, захватившей всю Южную Русь – Киев, Галич, Чернигов, в которую были втянуты также половцы.

с. 398

«...за неделю до мясопуста» – мясопуст в 1238 году приходился на 7 февраля, вторник – 2 февраля.

с. 399

«...как видеть глазу...» – в оригинале «назрееме». Имеется в виду одна из естественных форм определения расстояний: в пределах досягаемости взору.

с. 400

«...дабы мы опомнились...» – в оригинале нет последнего слова; оно добавлено по аналогии со статьей 1093 года (Пouchение о казнях Божьих).

Примет – лестница, приставляемая к стене города во время штурма.

Новый город – укрепления, возведенные в 1158–1164 годах в западной части Владимира.

Печерный город – первоначальные укрепления Владимира.

с. 404

«Того же лета было мирно» – запись, видимо, позднейшая. В 1238 году татары разоряли земли Северо-Восточной Руси, а у Козельска, к которому они подошли не ранее конца марта, простояли 7 недель, потеряв, по летописи, 4 тысячи человек. Лаврентьевская летопись Козельск не упоминает. Под следующим (6747) годом дается продолжение статьи 6745 года, разорванное записями, взятыми из другого источника.

с. 405

«...предлагая мир...» – в основном изложении под 6745 годом нет этой детали. Татары обычно предлагали не «мир», а условия подчинения им.

с. 407

Николин день – 6 декабря (19 по новому стилю). В летописях называются разные даты взятия Киева и различно излагаются сами события. Есть данные о длительной осаде и многодневных боях у города и в городе, что подтверждается материалами раскопок.

Кан – так именовался Великий хан, находившийся в Каракоруме.

с. 408

«...глухие его идолы...» – имеется в виду невосприимчивость к христианскому учению.

с. 410

«...старейшинство во всей его братии» – в 1243 году «старейшим» был определен Батыем Ярослав Всеволодович, преемником его стал в 1247 году Святослав Всеволодович. О кончине его сказано в конце статьи, а потому неясно, умер он до утверждения «старейшим» Александра Невского или после. Александру в это время было 30 лет.

«...дабы не служить цесарям...» – «цесарями» в данном случае названы татарские ханы, которые на Руси приравнивались к византийским императорам.

«...тысячу и управление держал Роман Михайлович...» – сравнительно редкое упоминание об институте тысяцких в городах Северо-Восточной Руси. «Тысяча» – ополчение, в данном случае городское, пережиток системы самоуправления эпохи военной демократии и более древних времен. После татаро-монгольского завоевания община и институты самоуправления на первых порах играют большую роль. Как видно из сообщения, Роман Михайлович держал не только «тысячу», но и «управление».

с. 411

«...встретил его с митрополитом...» – митрополия находилась в Киеве. Но после разорения Киева митрополиты все чаще навещают Суздальскую Русь и дольше задерживаются здесь. Кирилл приехал сюда в 1250 году и оставался здесь до кончины в Переяславле в 1282 году.

с. 412

«...приехал Глеб Василькович... женившись в Орде...» – Глеб – князь Белозерский, сын Василька Константиновича Ростовского, погибшего в плену у татар после поражения на реке Сити. Ростов был одним из немногих городов, принявших условия подчинения татаро-монголам и избежавшим непосредственного разрушения. Женитьба Глеба в Орде – первый дипломатический брак, заключенный между победителями и побежденными. На каком уровне он был заключен – сведений нет. По традиции княгиня принимала христианство и получала христианское имя (Феодора).

с. 413

«...возвели... *Игнатия причетником церкви святой Богородицы в Ростове*» – включение Игнатия в притч (клир) епископской кафедры Ростова при живом епископе предполагало, видимо, возложение на него ведение дел епархии. После смерти Кирилла он будет и формально возведен на кафедру.

«...поставил митрополит епископа *Митрофана в Сарай*» – с этого времени утверждается епархия в Сарае, где находилось много плененных христиан и некоторое количество перешедших в христианство (из язычества) татаро-монголов и других народов, находившихся на территории Золотой Орды.

«...*Собор 318 отцов*» – имеется в виду Первый Никейский собор (325 год), проходивший при императоре Константине и осудивший Ария.

с. 415

«...называются “*слугами Божиими*”...» – в оригинале пропущено слово «слугами». Имеются в виду члены католических духовно-рыцарских орденов.

Андреяш – имеется в виду магистр Ливонского ордена Андрей.

«...*король части Римской от страны полуночной...*» – так обозначена Швеция.

с. 417

«...*затем оборотились...*» – нет в оригинале. Исправлено по тексту Жития Александра Невского.

с. 418

«...*потопили корабли в море*» – пережиток языческих верований норманнов и некоторых других (обычно морских) индоевропейских народов.

«...*пришли от западной страны...*» – в оригинале далее утеряно несколько листов.

6791 – дата восстанавливается по содержанию статьи.

«...*на сани Чернысе Русину...*» – прочтение вызывает некоторое сомнение потому, что в других летописях нет этого имени.

с. 420

«...прежде была Козьмы и Демьяна...» – текст исправлен по Симеоновской летописи.

В лето 6795... – в оригинале нет числа (утерян лист).

с. 421

«...накануне Собора святых отцов» – имеется в виду Никейский собор, позднейший праздник Троицы.

с. 422

«*рязанские князья Ярославичи...*» – здесь пропущено слово.

с. 424

«...*писать эту книгу...*» – в оригинале «книги сия», имея в виду тетради, составляющие рукопись.

с. 425

Рассуждение об ангелах в Лаврентьевской летописи сокращено явно сознательно. Летописец-ортодокс удалял заимствования из иудейской литературы (в данном случае из Иосиппона – еврейского автора X века).

с. 434

«...*Ярополка в Переяславле*» – известие о вокняжении в Переяславле Ярополка попало не на место. Ярополк сменил в Переяславле Святослава. В тексте летописи заметно, по крайней мере, три слоя: помимо первоначального, добавления времени Ярополка (20–30-е годы) и еще более позднего времени при сыновьях Мстислава Владимировича.

«...*Мстислав заложил Новгород больше прежнего*» – это известие датировано в Новгородской Первой летописи 1116 годом.

с. 435

Послух – свидетель. В древнерусском языке различались «видок» и «послух» – видевший и слышавший.

«...Сварагом называли египтяне» – Феост (Гефест) отождествлен с русским божеством огня, сыном которого признавался Дажьбог. Аналогичные пояснения имеются в русском переводе Хроники Иоанна Малалы (XII век), и такие божества известны источникам, но не в качестве «египетских», а как славянские (у балтийских славян) или русские. Этимологически имя божества, видимо, восходит к индоарийскому «сварга» – небо.

с. 436

«...Сильвестром святого Михаила...» – упоминание Сильвестра в третьем лице указывает на то, что не он был автором этого повествования.

с. 437

Рака – гробница. Так она называлась в сербском языке и у чехов, откуда, видимо, это понятие и идет на Русь вместе со всем набором церковной терминологии. Исходное, возможно, латинское *arca*.

Возила – бесколесная повозка, волокушка.

«...отец мой наметил...» – имеется в виду Святослав, участвовавший в перенесении 1072 года.

с. 438

«...1 августа...» – дата смерти Олега в летописях расходится. В Лаврентьевском списке – 8, в Радзивилловском – 18 августа.

«...ловца зверей около города» – летописец не признает княжеского достоинства Кия, хотя по логике Кий поставлен вровень с основателями городов и империй.

с. 439

«Мало нам, княже, двухсот гривен» – плата непомерно высокая. Новгородские смерды, участвовавшие с Ярославом во взятии Киева в 1016 году, получили лишь по одной гривне.

«...кому урок – то урок» – наказанием за «ненасытность» летописец, видимо, считает татаро-монгольское нашествие.

«...до Александра и Исакия» – автор собирался довести изложение до падения Константинополя в 1204 году, и писал он ранее 1261 года, когда Империя была восстановлена.

с. 440

«В лето 6362...» – дата заимствована из хронографа, в котором «переложение книг» датировано 6363 годом, и отнесено оно ошибочно ко «2-му лету» царствования Михаила.

«...мать его Ирина...» – должно быть «Феодора». Та же ошибка имеется в Толковой палее в сказании о русской грамоте.

«...братья погибли» – имеются в виду Кий, Щек и Хорив, которые еще не упомянуты. Летописец делает выписки из более полного текста.

«...другие соседи...» – далее опущен текст, совпадающий с Повестью временных лет.

с. 441

«...наряда у нас нет...» – речь идет об установлении типа «Русской правды» или «закона русского».

«...от рода варяжского» – прямое указание на происхождение новгородцев от варягов, очевидно, славяноязычного населения.

«...Олег, муж мудрый и храбрый» – в этой версии Олег не князь, а «муж», воевода Игоря.

«...прикинувшись подугорскими купцами» – ошибочное понимание текста Повести временных лет, в которой Олег и Игорь приплыли «под Угорское» – урочище у Киева. Новгородский летописец, видимо, не знал топографии Киева, но был осведомлен о достаточно интенсивных торговых связях Киева с Дунайско-Карпатским районом.

с. 442

«...варяги мужи словене...» – не вполне ясная фраза. А. А. Шахматов усматривал в ней отождествление варягов и словен, что соответствует и утверждению о происхождении новгородцев «от рода варяжска».

«...10 тысяч ладей» – эта цифра названа в Хронике Георгия Амартола в рассказе о походе Игоря 941 года.

«...сделать колеса...» – далее рассказ совпадает с Повестью временных лет.

с. 443

«...100, 200 кораблей...» – по Повести временных лет, 2000 кораблей. Новгородский летописец снова неверно читает текст переписываемого источника.

«...дань... дают князьям русским» – о дани можно было говорить в дохристианский период. Если это не домысел летописца, то в его хронографическом источнике содержались ранние записи, сделанные где-нибудь на Балканах.

«...паруса из паволок руси, а словенам шелковые...» – далее повторяется текст Повести временных лет, не вполне понятый летописцем («не даны суть словеном пре», то есть вообще не даны словенам паруса).

«Есть могила его в Ладоге» – по Повести временных лет, Олег похоронен в Киеве.

«...воюя с древлянами и угличами» – угличи покинули Поднепровье вскоре после победы над ними Игоря.

«И сказала дружина Игорю...» – здесь иначе, чем в Повести временных лет, объясняются события 945 года. Далее в Новгородской Первой летописи под 6448 и 6450 годами повторены те же данные, после чего текст совпадает с Повестью временных лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.-Л., 1938.

Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 4. Л., 1940, с. 11–150.

Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Вып. 1. Л., 1930.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

¹ В перечень включены лишь основные исследования, посвященные истории создания Повести временных лет и Лаврентьевской летописи. Подробную библиографию см.: Творогов О. В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 337–343; Лурье Я. С. Летопись Лаврентьевская // Там же. С. 241–245.

Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. // Исторические записки. 1948. Т. 25.

Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М., 1962.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Насонов А. Н. История русского летописания X – нач. XVIII вв. М., 1964.

Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975.

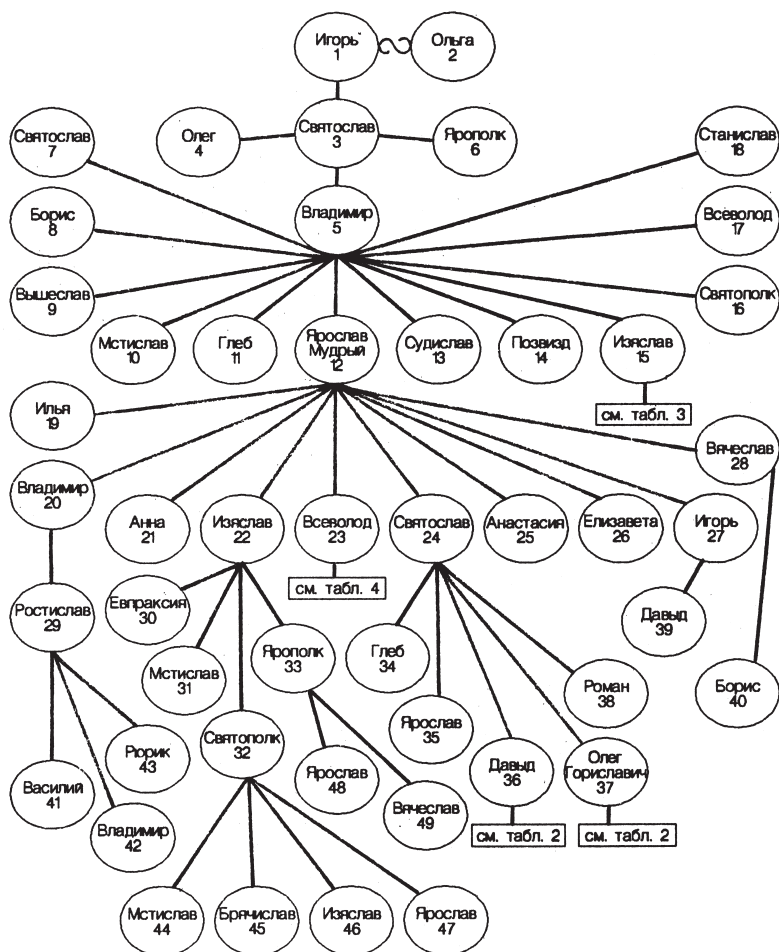
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – нач. XV в. М., 1989.

РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ ОСНОВНЫХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

X—середины XIV вв.¹

Таблица 1

¹ Родословные таблицы воспроизводятся по кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Тт. 1–2. М.: Наука, 1966.

Таблица 2

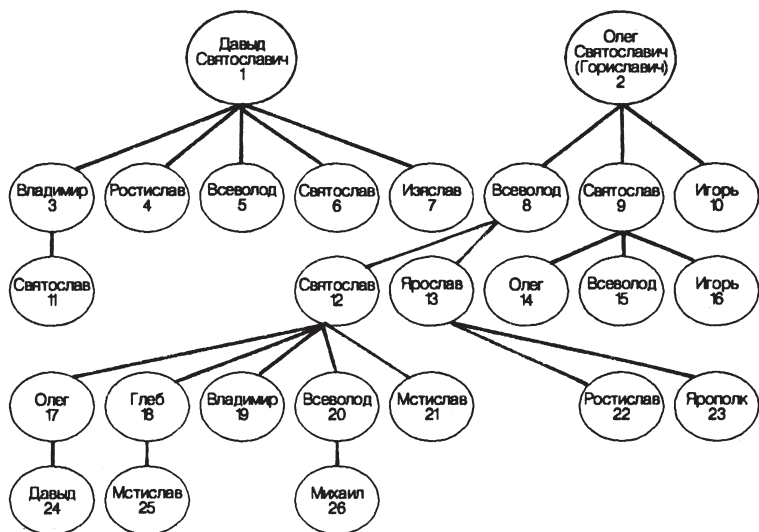

Таблица 3

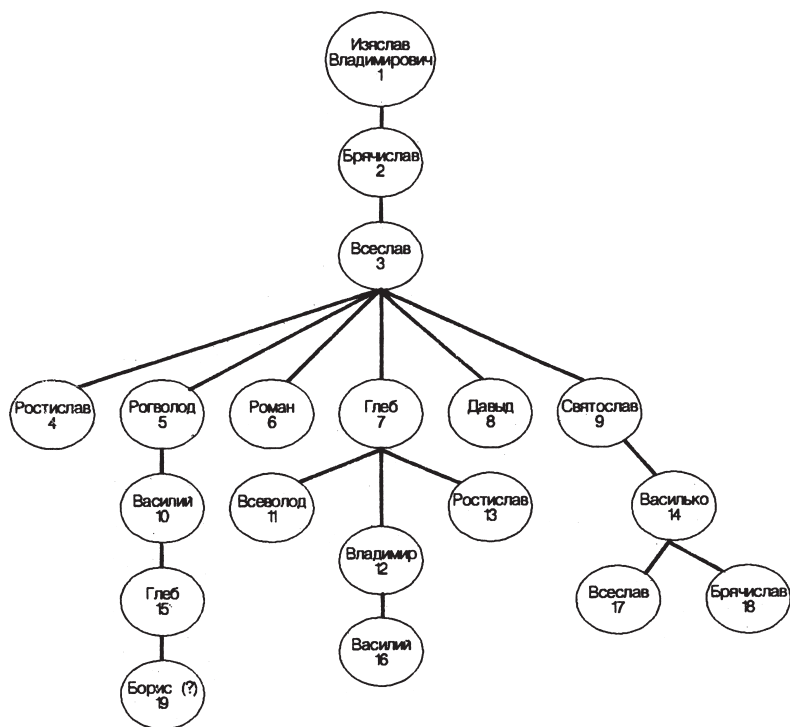

Таблица 4

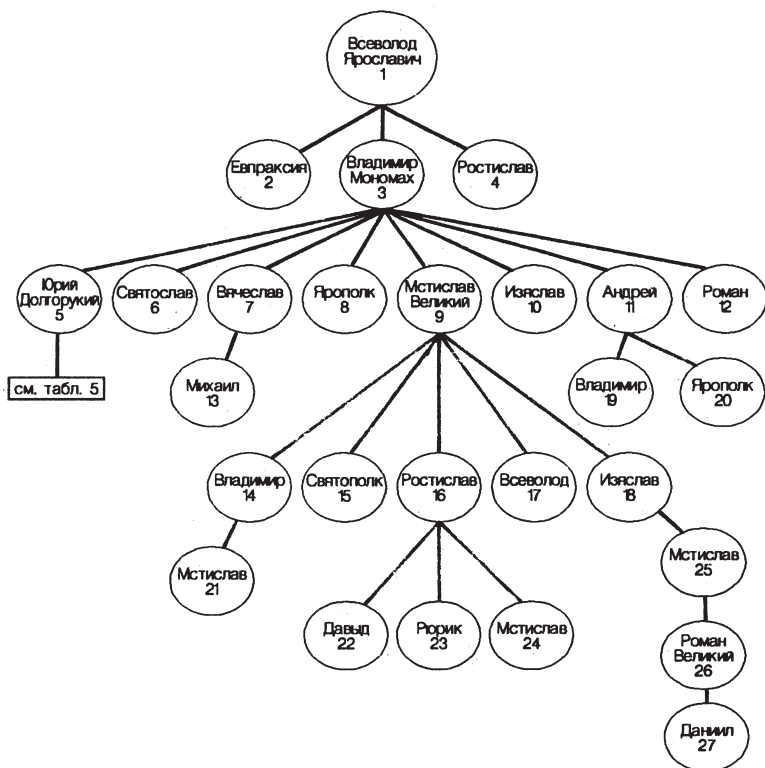

Таблица 5

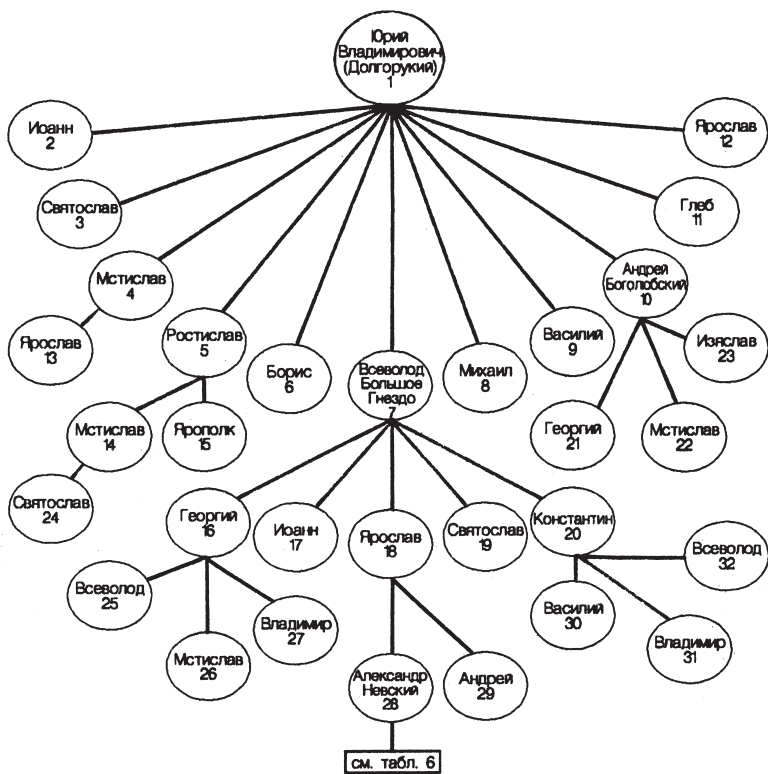
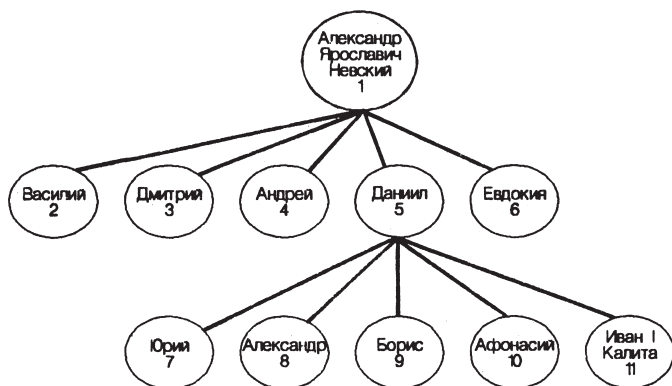

Таблица 6

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Александр**, византийский имп. (879–913) – 70, 74–76.
- Александр** (ум. 1313), сын Глеба Ростиславича, правнук Мстислава Давыдовича, кн. Смоленский – 422.
- Александр** (1301–1339), сын Михаила Ярославича, внук Ярослава (Афанасия) Ярославича, вел. кн. Тверской с 1326 – 423.
- Александр Невский** (1222–1263), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича, кн. Новгородский с 1236, вел. кн. Владимирский с 1252 (см. табл. 5, № 28) – 406–418.
- Алексей I Комнин**, византийский имп. (1081–1118) – 21. 14, 188–189.
- Амартол**, см. Георгий Амартол.
- Анастас Корсунянин**, в 988 году помог вел. кн. киевскому Владимиру Святославовичу овладеть Корсунью. В дальнейшем – епископ при Десятинной церкви в Киеве – 46, 50, 133, 138, 143, 145, 159.
- Андреевич**, см. Владимир Андреевич.
- Андрей** (ум. 1304), сын Александра Невского, кн. Городецкий с 1263, кн. Костромской с 1276, вел. кн. Владимирский с 1293 (см. табл. 6, № 4) – 420–423.
- Андрей** (ум. 1261), сын Владимира (Дмитрия) Константиновича, кн. Углицкий – 413.
- Андрей Добрый** (1102–1141), сын Владимира Мономаха, кн. Владимиро-Волынский с 1119, кн. Переяславский

¹ В именной указатель внесены лишь основные действующие лица русской и всемирной истории, а также те, без кого затруднительно понимание текста Лаврентьевской летописи.

- с 1135 (см. табл. 4, № 11) – 55, 264, 268, 271–273, 275–276, 286.
- Андрей Боголюбский** (ум. 1174), сын Юрия Долгорукого, кн. Вышегородский, вел. кн. Владимирский с 1157 (см. табл. 5, № 10) – 14–16, 35–36, 286–291, 293–295, 302–304, 306–308, 309–312, 314–319, 321–324, 326, 328, 330, 337, 374.
- Андрей** (ум. 1264), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича, вел. кн. Владимирский (1249–1252). В 1256 году получил в удел Городец и Нижний Новгород, в 1259 – Суздаль (см. табл. 5, № 29) – 406–410, 412.
- Анна** (ум. 1011), сестра византийских имп. Василия II и Константина VIII, христианская жена вел. кн. киевского Владимира Святославича – 134, 149.
- Антоний Печерский** (983–1073), основатель и первый игумен Киево-Печерского монастыря – 29, 32, 37, 168–170, 188, 194–196.
- Антоний Римлянин** (XII в.), новгородский игумен – 44.
- Арий** (ум. 336), еретик, основатель арианства. По его учению, Иисус Христос как творение Бога Отца – существо, ниже Его стоящее, подобосущее Богу Отцу, т.е. Арий отрицал догмат о единосущности Бога Отца и Бога Сына. См. символ веры под 988 годом – 137–138.
- Аскольд** (ум. 882), киевский кн. – 68–49, 440–442.
- Афанасий**, см. Ярослав (Афанасий) Ярославич.
- Болеслав I Великий** (Храбрый) (см. комментарий к с. 146) – 46, 146, 158–159, 163, 166.
- Болеслав II Смелый** (1039–1081), польский кн. с 1056, король – 1076–1079 – 180.
- Болеслав III Кривоустый** (1085–1138), польский кн. с 1102 – 256.
- Болеслав IV Кудрявый** (1125–1173), мазовецкий и куявский кн. с 1138, силезский и краковский кн. с 1146 – 286.

- Борис** (ум. 1303), сын Андрея Александровича, кн. Новгородский, кн. Костромской – 423.
- Борис** (1231–1277), сын Василия (Василька) Константиновича, кн. Ростовский – 394–396, 406, 408–409, 411–413.
- Борис** (ум. 1015), сын Владимира Святославича, кн. Ростовский. Убит по приказу Святополка Окаянного (см. табл. 1, № 8) – 26–29, 36, 51, 112, 142, 149–154, 157, 159, 186, 203, 213, 230, 254, 263, 266, 275, 320–321, 343, 345, 349, 351, 355, 375, 378, 394, 403, 406, 411–412, 416, 436.
- Борис** (Рогволод, ум. 1128), сын Всеслава Брячиславича, кн. Полоцкий (см. табл. 3, № 5) – 269.
- Борис** (ум. 1078), сын Вячеслава Ярославича (см. табл. 1, № 40) – 198–200, 229, 302, 305.
- Борис** (ум. 1159), сын Юрия Долгорукого, кн. Белгородский, кн. Туровский с 1155 (см. табл. 5, № 6) – 287, 290–291, 302.
- Брячислав** (XII век), сын Бориса (Рогволода) Всеславича, кн. Полоцкий – 178.
- Брячислав** (ум. 1044), сын Изяслава Владимировича, кн. Полоцкий с 1001 (см. табл. 3, № 2) – 148, 160–161, 167, 443–444.
- Брячислав** (1104–1127), сын Святополка Изяславича (см. табл. 1, № 45) – 258, 267–268.
- Василий I Македонянин**, византийский имп. (867–886) – 68, 70.
- Василий II Болгаробойца**, византийский имп. (976–1025). Правил совместно с братом Константином VIII – 132, 134.
- Василий** (ум. 1271), сын Александра Невского, кн. Новгородский (см. табл. 6, № 2) – 411.
- Василий** (Василько, XII век), сын минского кн. Владимира (Володаря) Глебовича, кн. Логовский (см. табл. 3, № 16) – 345, 352.

- Василий** (ум. 1249), сын Всеволода Константиновича, кн. Ярославский – 408–409.
- Василий** (Василько, 1209–1238), сын Константина Всеволодовича, кн. Ростовский с 1218 (см. табл. 5, № 30) – 371, 374, 379, 383, 385, 387–388, 390, 392–396, 398, 402–404.
- Василий** (Василько, ум. 1144), сын Рогволода Всеславича, племянник Святослава Всеволодовича, кн. Полоцкий с 1131 (см. табл. 3, № 10) – 241.
- Василий** (Василько, ум. 1124), сын Ростислава Владимировича, кн. Теревовльский (см. табл. 1, № 41) – 18–19, 23, 25, 209, 241–245, 247–251, 254, 265.
- Василий** (Василько, ум. 1163), сын Юрия Долгорукого, кн. Суздальский (см. табл. 5, № 9) – 298, 302.
- Василий** (Василько, XII век), сын Ярополка Изяславича, внук Изяслава Мстиславича – 291.
- Василий** (1241–1276), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича, кн. Костромской с 1246, вел. кн. Владимирский с 1272 – 407.
- Василий** (Василь, XI–XII вв.), предполагаемый автор третьей редакции Повести временных лет – 18, 25–26.
- Василько** Маричинич (ум. 1136), сын Леона Дигеневича и дочери Владимира Мономаха Марии – 272.
- Васильковичи**, сыновья Василия (Василько) Константиновича – 406.
- Васильковичи**, сыновья Василия (Василько) Ростиславича – 249.
- Владимир** (ум. 1170), сын Андрея Доброго, кн. Дорогобужский с 1146 (см. табл. 4, № 19) – 293, 298–299, 305, 308, 315.
- Владимир** (Владимирко, 1104–1152), сын Владимира (Володаря) Ростиславича, кн. Перемышльский с 1129, кн. Галицкий с 1141 – 277, 286, 288–291, 293–298.
- Владимир** (Дмитрий, 1194–1227), сын Всеволода Большое Гнездо, кн. Переяславский с 1213 – 308, 351, 365, 367–368, 374–375, 379, 384, 387.

- Владимир Мономах** (1053–1125), сын Всеволода Ярославича, кн. Черниговский с 1078, кн. Переяславский с 1094, вел. кн. Киевский с 1113. Автор Поучения (помещено в летописи под 1096 годом). Его дед по матери – византийский имп. Константин IX Мономах (см. табл. 4, № 3) – 12–13, 19–21, 23, 25, 29, 33, 37, 41, 54–55, 171, 198–199, 201–204, 210–212, 216–219, 221, 240–249, 253–265, 267, 270, 272–273, 275, 318, 327, 346–349, 351, 353–354, 366, 373, 379, 382, 426–429, 432–434, 436–438.
- Владимир** (XII век), сын Глеба Ростиславича, кн. Рязанский с 1180 – 334.
- Владимир** (ум. 1188), сын Глеба Юрьевича, кн. Переяславский – 312, 330–331, 333, 339, 342–343, 347.
- Владимир** (ум. 1151), сын Давыда Святославича, кн. Черниговский (см. табл. 2, № 3) – 277–283, 285, 287–290, 292, 293–294.
- Владимир** (ум. 1212), сын Игоря Святославича, кн. Новгородско-Северский, кн. Галицкий (1205–1208) – 363–365,
- Владимир** (Дмитрий, 1214–1249), сын Константина Всеволодовича, кн. Углицкий (см. табл. 5, № 31) – 375, 379, 387–388, 392, 396, 398, 402, 406, 408–409.
- Владимир** (Мачешич, ум. 1171), сын Мстислава Великого, кн. Дорогобужский, кн. Владимирско-Волынский, вел. кн. Киевский (см. табл. 4, № 14) – 302–303, 308.
- Владимир** (Володарь, ум. 1124), сын Ростислава Владимировича, кн. Перемышльский (см. табл. 1, № 42) – 202, 241, 248–251, 254, 258, 264–265, 434.
- Владимир** (род. 1187), сын Рюрика Ростиславича, кн. Переяславский с 1206, кн. Смоленский – 358, 365, 385, 390–394.
- Владимир** (ум. 1201), сын Святослава Всеволодовича, кн. Черниговский (см. табл. 2, № 19) – 325, 330, 334, 355.
- Владимир** (ум. 1015), внебрачный сын Святослава Игоревича, кн. Новгородский, вел. кн. Киевский с 978 или 980 года. Ввел христианство на Руси (см. табл. 1, № 5) – 6, 22,

- 46–47, 49–52, 66, 100, 103, 108–111, 113–117, 128, 130–135, 138–140, 149, 160, 165, 167, 209, 269–270, 311, 326, 416, 443.
- Владимир** (ум. 1238), сын Юрия Всеволодовича (см. табл. 5, № 27) – 397–399.
- Владимир** (ум. 1205), сын Юрия Ростиславича, правнук Ярослава Святославича, кн. Муромский – 335, 344, 346–347, 354, 355, 358–359.
- Владимир** (1020–1052), сын Ярослава Мудрого, кн. Новгородский с 1036 (см. табл. 1, № 20) – 53, 160, 164, 166–167, 171, 333, 444.
- Владимирковичи** (Владимировичи), сыновья Владимира (Владимирка) Володаревича – 289, 304.
- Владимиркович**, см. Ярослав Осмомысл
- Владимировичи**, сыновья Владимира Мономаха (см. табл. 4, № 3) – 271–272, 274, 276, 355.
- Владислав I Герман** (1040–1102), польский кн. с 1079 – 250.
- Владислав II Изгнанник** (1105–1159), польский кн. (1138–1146), сын Болеслава III – 277.
- Всеволод**, сын Владимира Святославича, кн. Владимирско-Волынский (см. табл. 1, № 17) – 111, 142.
- Всеволод** (ум. 1206), сын Глеба Ростиславича, кн. Пронский – 333–334, 339, 343, 347, 367.
- Всеволод** (Всеволодко, ум. 1141), сын Давыда Игоревича, кн. Городенский – 268, 276.
- Всеволод** (Иоанн, 1210–1238), сын Константина Всеволодовича, кн. Ярославский (см. табл. 5, № 32) – 372, 374, 379, 384–388, 390, 392, 396, 398–400, 402.
- Всеволод** (ум. 1138), сын Мстислава Великого, кн. Новгородский (1117–1132 и 1132–1136), кн. Переяславский (1132), кн. Вышегородский (1136), кн. Псковский с 1137 (см. табл. 4, № 17) – 24, 269, 270–273.
- Всеволод** (XIII в.), сын Мстислава Старого, кн. Новгородский, кн. Псковский, кн. Смоленский – 407.

- Всеволод** (ум. 1146), сын Олега Гориславича, кн. Черниговский с 1127, вел. кн. Киевский с 1139 (см. табл. 2, № 8) – 267–268, 274–280, 346.
- Всеволод Чермный** (ум. 1212), сын Святослава Всеволодовича, кн. Черниговский, вел. кн. Киевский (см. табл. 2, № 20) – 363–366, 369, 371.
- Всеволод** (ум. 1196), сын Святослава Олеговича, кн. Курский (см. табл. 2, № 15) – 340.
- Всеволод Большое Гнездо** (1154–1212), сын Юрия Долгорукого, вел. кн. Владимирский с 1176. Свое прозвище получил потому, что имел 12 детей: 8 сыновей и 4 дочери (см. табл. 5, № 7) – 315–317, 321, 324–336, 339–340, 342, 345–358, 361–364, 366–376, 378–379, 381–385, 387, 404–405, 408, 414.
- Всеволод** (Дмитрий, 1213–1238), сын Юрия Всеволодовича, кн. Новгородский (см. табл. 5, № 25) – 374, 381–382, 385, 390, 397–398, 401.
- Всеволод** (XII в.), сын Ярослава Изяславича, кн. Луцкий – 268.
- Всеволод** (1030–1093), сын Ярослава Мудрого, кн. Переяславский с 1054, кн. Черниговский с 1077, вел. кн. Киевский с 1078 (см. табл. 1, № 23) – 24–25, 29, 32–33, 38, 54, 163, 171–173, 175–176, 178–181, 186–187, 198–204, 208–212, 221, 239, 241, 246, 255, 259–260, 262, 265, 432, 434, 436.
- Всеволодович**, см. Святослав Всеволодович.
- Всеслав** (ум. 1101 или 1109), сын Брячислава Изяславича, кн. Полоцкий с 1044 (см. табл. 3, № 3) – 148, 167, 172–173, 175–176, 178–181, 187, 194, 229, 254.
- Всеслав** (XII в.), сын Василия Рогволодовича, кн. Витебский – 324, 345.
- Всеслава**, дочь Всеволода Большое Гнездо, жена Ростислава Ярославича – 346, 361.
- Всеславичи**, сыновья Всеслава Брячиславича (см. табл. 3, № 3) – 259, 269.

- Вышеслав**, сын Владимира Святославича, кн. Новгородский (см. табл. 1, № 9) – 111, 142.
- Вячеслав** (1083–1154), сын Владимира Мономаха, кн. Смоленский с 1113, кн. Туровский с 1125 (см. табл. 4, № 7) – 259, 268, 271, 274, 276–277, 279, 286–288, 291, 293–296, 298, 300–302, 434.
- Вячеслав** (ум. 1104), сын Ярополка Изяславича (см. табл. 1, № 49) – 256.
- Вячеслав** (1036–1057), сын Ярослава Мудрого, кн. Смоленский с 1054 (см. табл. 1, № 28) – 164, 171–172.
- Вячеслав** (XII в.), сын Ярослава Святополковича, кн. Клецкий – 240, 258, 268.
- Гаврила**, см. Святослав Всеволодович.
- Георгий Амартол**, византийский хронист второй половины IX века – 64.
- Георгий**, см. Юрий Всеволодович.
- Георгий** (Юрий, XII век), сын Ярослава Святополковича, кн. Туровский – 286, 288, 302.
- Глеб** (ум. 1278), сын Василия (Василька) Константиновича, кн. Белозерский – 409–410, 412–414.
- Глеб** (ум. 1219), сын Владимира Глебовича, кн. Рязанский – 367–368, 377, 381.
- Глеб** (ум. 1015), сын Владимира Святославича, кн. Муромский. Был убит по приказу Святополка Окаянного (см. табл. 1, № 11) – 26–29, 36, 122, 142, 153–154, 157, 186, 203, 213, 254, 263, 266, 275, 305, 321, 343, 345, 349, 351, 355, 378, 394, 403, 406, 411, 416, 436–437.
- Глеб** (ум. 1119), сын Всеслава Брючиславича, кн. Минский с 1101 (см. табл. 3, № 7) – 231, 258, 264.
- Глеб** (ум. 1195), сын Георгия (Юрия) Ярославича, кн. Туровский – 339.
- Глеб** (ум. 1138), сын Олега Гориславича, кн. Курский – 274.
- Глеб** (ум. 1177), сын Ростислава Ярославича, внук Ярослава Святославича, кн. Рязанский – 322, 327, 330, 331, 351.

Глеб (XII–XIII вв.), сын Святослава Всеволодовича – 333, 339.

Глеб (ум. 1078), сын Святослава Ярославича, кн. Тмутороканский, кн. Новгородский (см. табл. 1, № 34) – 33, 173, 185, 190, 198, 228, 230.

Глеб (ум. 1172), сын Юрия Долгорукого, кн. Переяславский с 1155, вел. кн. Киевский с 1169 (см. табл. 5, № 11) – 260, 283–284, 291, 295–296, 299–303, 308–309, 311–313, 316.

Глебовичи, сыновья Глеба Ростиславича – 343, 345.

Горислава, см. Рогнеда

Давыд (ум. 1129), сын Всеслава Брячиславича, кн. Полоцкий (см. табл. 3, № 8) – 258, 269.

Давыд (ум. 1112), сын Игоря Ярославича, кн. Дорогобужский с 1084 и с 1100, кн. Владимирско-Волынский (1086–1100) (см. табл. 1, № 39) – 202, 241, 245, 253–254, 262, 432.

Давыд (ум. 1198), сын Ростислава Мстиславича, кн. Вышегородский, кн. Смоленский с 1180 (см. табл. 4, № 22) – 308, 317, 345, 352–353.

Давыд (ум. 1123), сын Святослава Ярославича, кн. Смоленский с 1093, кн. Черниговский с 1097 (см. табл. 1, № 36) – 218, 231, 238, 241–254, 256, 260–262, 264, 427–429, 436–437.

Давыд (ум. 1228), сын Юрия Ростиславича, правнук Ярослава Святославича, кн. Муромский с 1204 – 344, 346, 366–368, 387.

Давидовичи, сыновья Давыда Святославича (см. табл. 2, № 1) – 271, 281, 283, 289.

Даниил (Данила, 1261–1303), сын Александра Невского, кн. Московский (см. табл. 6, № 5) – 413, 421, 423.

Даниил (1201–1264), сын Романа Мстиславича, кн. Галицкий (1211–1212 и 1238), кн. Владимирско-Волынский с 1221 (см. табл. 4, № 27) – 362, 409.

Даниил (Данило, ум. 1256), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича – 406.

Дир (ум. 882), киевский кн. – 68–69, 440–442.

Дмитрий (ум. 1295), сын Александра Невского, кн. Переяславский, вел. кн. Владимирский (см. табл. 6, № 3) – 421.

Дмитрий (1253–1294), сын Бориса Васильевича (Васильковича), кн. Ростовский – 411.

Дмитрий Старший (ум. 1383), сын Константина Васильевича, правнук Андрея Ярославича, кн. Суздальский с 1356, вел. кн. Нижегородско-Суздальский с 1365 – 424.

Дмитрий Грозные Очи (1299–1326), сын Михаила Ярославича (Афанасьевича), вел. кн. Тверской с 1319 – 422–423.

Дмитрий (ум. 1269), сын Святослава (Гаврилы) Всеволодовича – 411.

Дмитрий, см. Владимир (Дмитрий) Всеволодович.

Евпраксия (в католичестве – Адельгейда, ум. 1109), дочь Всеволода Ярославича, жена германского имп. Генриха IV (см. табл. 4, № 2) – 259–260.

Евфимия (ум. 1138), дочь Владимира Мономаха, жена венгерского короля Коломана II (Кальмана) – 273, 432.

Елена, ясыня, жена Ярополка Владимировича – 278, 358.

Иаков Мних, русский писатель XI века, автор «Памяти и похвалы Владимиру» – 30, 37, 189–190.

Игорь (ум. 1195), сын Глеба Ростиславича, кн. Рязанский с 1180 – 331, 334, 351.

Игорь (ум. 1147), сын Олега Гориславича, кн. Новгородско-Северский, вел. кн. Киевский (см. табл. 2, № 10) – 276–280, 283.

Игорь (ум. 1202), сын Святослава Олеговича, кн. Новгородско-Северский с 1178, кн. Черниговский с 1198 (см. табл. 2, № 16) – 308, 340, 342–344, 346, 355.

Игорь Старый (ум. 945), вел. кн. Киевский с 912 года. Летопись считает его сыном Рюрика (см. табл. 1 № 1) – 23, 66, 69, 73, 83–86, 90–92, 94, 441–443.

- Игорь** (ум. 1060), сын Ярослава Мудрого, кн. Владимирско-Волынский с 1054, кн. Смоленский с 1057 (см. табл. 1, № 27) – 171–172, 256.
- Избыгнев** (ум. 1111), внебрачный сын польского кн. Владислава I Германа – 259.
- Изяслав** (ум. 1165), сын Андрея Боголюбского (см. табл. 5, № 23) – 306–308.
- Изяслав** (ум. 1217), сын Владимира Глебовича, кн. Рязанский – 368, 371, 377.
- Изяслав** (XIII в.), сын Владимира Игоревича, кн. Новгородско-Северский – 394.
- Изяслав** (ум. 1096), сын Владимира Мономаха, кн. Курский, кн. Муромский с 1095 (см. табл. 4, № 10) – 218, 228–229, 238–239, 241.
- Изяслав** (ум. 1001), сын Владимира Святославича, кн. Полоцкий (см. табл. 1, № 15) – 111, 142, 148, 443.
- Изяслав** (ум. 1183), сын Глеба Юрьевича – 334–336.
- Изяслав** (XII век), сын Давыда Ростиславича – 339.
- Изяслав** (ум. 1161), сын Давыда Святославича, кн. Черниговский с 1151, вел. кн. Киевский (1154–1158) (см. табл. 2, № 7) – 277–279, 280–281, 285–286, 293–295, 297, 300–306.
- Изяслав** (ум. 1154), сын Мстислава Великого, кн. Владимирско-Волынский с 1135, кн. Переяславский с 1142, вел. кн. Киевский с 1146 (см. табл. 4, № 18) – 35, 37, 51, 267–271, 274, 277, 279–281, 283–300.
- Изяслав** (ум. 1127), сын Святополка Изяславича (см. табл. 1, № 46) – 268.
- Изяслав** (1024–1078), сын Ярослава Мудрого, кн. Туровский, вел. кн. Киевский (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078). Жена – сестра польского кн. Казимира I Восстановителя (см. табл. 1, № 22) – 29–30, 33, 54, 162, 168–172, 175–176, 178–180, 186–187, 194, 198–200, 216.
- Изяславичи Полоцкие**, потомки Изяслава Владимировича Полоцкого (см. табл. 3) – 25.

- Изяславичи** (Изяславы), сыновья Изяслава Мстиславича – 199.
- Иларион**, священник придворной церкви Ярослава Мудрого в Берестове, первый киевский митрополит из русских с 1051 года. Автор Слова о законе и благодати – 27–28, 37, 42, 50, 52, 167–168.
- Ингвар** (XII–XIII вв.), сын Игоря Глебовича, кн. Рязанский с 1195 – 367, 377, 381.
- Ингвар** (XII–XIII вв.), сын Ярослава Изяславича, внук Изяслава Мстиславича, кн. Дорогобужский, кн. Луцкий – 356.
- Иоанн I Цимисхий**, византийский имп. (969–976) – 106.
- Иоанн II Комнин**, византийский имп. (1118–1143) – 21, 264.
- Иоанн** (Иван, 1198–1239), сын Всеволода Большое Гнездо, кн. Стародубский с 1238 (см. табл. 5, № 17) – 353, 359, 365.
- Иоанн** (Иван, ум. 1303), сын Дмитрия Александровича, кн. Переяславский – 421, 423.
- Казимир I Восстановитель** (1016–1058), польский кн. С 1034 – 166–167.
- Кий**, основатель Киева – 5, 53, 61–62, 68, 438, 440.
- Киприан** (ум. 1406), русский митрополит в 1381–1382 и с 1390 – 21.
- Кир**, см. Михаил Всеволодович.
- Кирилл** (Константин) **Философ** (ум. 869), просветитель славян. Кирилла и его брата Мефодия считают основоположниками славянской письменности – 48, 71–72, 352.
- Климент Римский** (ум. 97), четвертый римский папа, один из первых христианских мучеников – 46, 48–49, 138, 370.
- Климент Смолятич**, киевский митрополит (1146–1154), писатель. Отстаивал независимость Русской церкви от Византии – 35, 280.
- Коломан** (Кальман) I Книжник, венгерский король (1095–1116) – 251.
- Константин I Великий** (см. комментарий к с. 359) – 66, 97.

Константин VII Багрянородный (Порфирородный, 905–959), с 911 – соправитель отца, византийского имп. Льва VI, с 913 – самодержец, с 920 – соправитель Романа I Лакапина и его сыновей, с 945 – самодержец. Автор исторических сочинений – 76, 83, 97, 174.

Константин VIII, византийский имп. (976–1028), брат и соправитель Василия II Болгаробойцы – 106, 132, 134.

Константин IX Мономах, византийский имп. (1042–1055) – 166, 444.

Константин, сын и соправитель византийского имп. Романа I Лакапина в 924–944 – 86.

Константин (1254–1307), сын Бориса Васильевича (Васильковича), кн. Ростовский – 411.

Константин (1185–1218), сын Всеволода Большое Гнездо, кн. Новгородский (1206–1207), кн. Ростовский с 1207, вел. кн. Владимирский с 1216 (см. табл. 5, № 20) – 340, 348, 353–355, 357–360, 365–368, 370–379, 381–383, 386.

Константин (ум. 1307), сын Романа Олеговича, внук Олега Красного, кн. Рязанский – 423.

Константин (ум. 1255), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича, кн. Галича Костромского и Дмитрова – 406–408, 411.

Константиновичи, сыновья Константина Всеволодовича (см. табл. 5, № 20) – 388, 392, 396.

Лаврентий, монах одного из нижегородских монастырей, руководитель группы переписчиков Лаврентьевской летописи (1377) – 11–12, 424.

Лев VI Мудрый, византийский имп. (886–912) – 70, 74–76, 80, 83, 97, 174.

Леон Дигенич (Девгеневиц, Диогеневиц, ум. 1116), сын византийского имп. Романа IV Диогена (1068–1071), зять Владимира Мономаха – 21, 263.

Мария (Марица), дочь Владимира Мономаха, жена Леона Дигенича – 280.

- Мария-Добронега**, дочь Владимира Святославича, жена польского кн. Казимира I Восстановителя – 166.
- Мефодий** (820–885), просветитель славян – 51, 71–72, 221, 328.
- Михаил III**, византийский имп. (856–867) – 440.
- Михаил** (Кир, ум. 1217), сын Всеволода Глебовича, зять Всеволода Чермного, кн. Пронский – 368, 371, 377.
- Михаил** (ум. 1246), сын Всеволода Чермного, кн. Черниговский с 1223, кн. Новгородский (1225, 1229), кн. Галицкий с 1235, вел. кн. Киевский (1238–1239) (см. табл. 2, № 26) – 385, 387, 392, 394, 408.
- Михаил** (Михалко, ум. 1129), сын Вячеслава Владимировича, кн. Туровский (см. табл. 4, № 13) – 270.
- Михаил** (Михалко, ум. 1176), сын Юрия Долгорукого, вел. кн. Владимирский (см. табл. 5, № 8) – 312–315, 322–328, 330, 355.
- Михаил** (Михайло) Храбрый (ум. 1248), сын Ярослава (Федора) Всеволодовича, кн. Московский с 1247 – 409.
- Михаил** (Михайло, 1271–1318), сын Ярослава (Афанасия) Ярославича, вел. кн. Тверской с 1285, вел. кн. Владимирский (1305– 1317) – 406, 420–423.
- Мстислав** (ум. 1173) сын Андрея Боголюбского (см. табл. 5, № 22) – 308–309, 314, 316–317.
- Мстислав Великий** (1076–1132), сын Владимира Мономаха, кн. Новгородский (1088–1093, 1095–1117), кн. Ростовский и Смоленский (1093–1095), кн. Переяславский с 1117, вел. кн. Киевский с 1125 (см. табл. 4, № 9) – 21, 24, 53–55, 218, 239–241, 255–256, 259, 262–263, 266–270, 432, 434.
- Мстислав** (XII–XIII вв.), сын Владимира Мстиславича, кн. Дорогобужский (см. табл. 4, № 21) – 339, 356.
- Мстислав Храбрый** (ум. 1036), сын Владимира Святославича, кн. Тмутороканский, кн. Черниговский с 1024 (см. табл. 1, № 10) – 111–112, 142, 162–163.
- Мстислав** (ум. 1230), сын Давыда Ростиславича, кн. Смоленский с 1219 – 334, 343, 345, 352–353.

- Мстислав** (ум. 1170), сын Изяслава Мстиславича, кн. Переяславский (1151–1154), кн. Владимирско-Волынский с 1156, вел. кн. Киевский (1167–1169, 1170) (см. табл. 4, № 25) – 280, 283, 287, 289–290, 292, 295–296, 298–306, 308–309, 315.
- Мстислав** (ум. 1069), сын Изяслава Ярославича (см. табл. 1, № 31) – 180.
- Мстислав Удалой** (ум. 1228), сын Мстислава Ростиславича Храброго, кн. Новгородский (1210–1215, 1216–1218), кн. Галицкий с 1219, кн. Торчешский с 1227 – 366, 371, 376, 382–383, 394.
- Мстислав** (XIII в.), сын Мстислава Святославича Черниговского, внук Святослава (Святославца) Всеволодовича – 394.
- Мстислав Старый** (Борис, ум. 1223), сын Романа Ростиславича, кн. Псковский, кн. Смоленский с 1198, вел. кн. Киевский с 1215 – 339, 363–364, 366, 383.
- Мстислав Храбрый** (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича, кн. Смоленский с 1175, кн. Новгородский с 1178 (см. табл. 4, № 24) – 306, 308, 314, 317, 322–327.
- Мстислав Безокий** (ум. 1179), сын Ростислава Юрьевича, кн. Новгородский с 1160, кн. Ростовский (1174–1176) (см. табл. 5, № 14) – 324, 328–331, 333.
- Мстислав** (ум. 1099), побочный сын Святополка Изяславича, кн. Владимирско-Волынский (см. табл. 1, № 44) – 251–253.
- Мстислав** (ум. 1223), сын Святослава Всеволодовича, кн. Черниговский (см. табл. 2, № 21) – 383.
- Мстислав** (ум. 1238), сын Юрия Всеволодовича (см. табл. 5, № 26) – 397–399.
- Мстислав** (XII в.), сын Юрия Долгорукого, кн. Новгородский (см. табл. 5, № 4) – 290–291, 303–304, 306.
- Мстислав Немый** (ум. 1226), сын Ярослава Изяславича, кн. Луцкий – 339.
- Мстислав** (ум. 1114), внук Игоря Ярославича, правнук Ярослава Мудрого – 256.

Мстиславичи, сыновья Мстислава Великого (см. табл. 4, № 9) – 274, 325.

Нестор (XI–XII вв.), монах Киево-Печерского монастыря, писатель-агиограф. Ему необоснованно приписывают авторство первой редакции Повести временных лет. Автор сочинений: Чтения о Борисе и Глебе, Житие Феодосия, игумена Печерского – 17–19, 22, 26–28, 30–33, 36–37, 43.

Никон Великий (ум. 1088), игумен Киево-Печерского монастыря с 1074 года., предполагаемый автор «Киево-Печерского свода 1073 г.» – одного из источников Повести временных лет – 30, 33, 193, 196, 204.

Олег (XII–XIII вв.), сын Владимира Глебовича, кн. Рязанский – 367–369.

Олег Вещий (ум. 912), кн. Новгородский с 879, кн. Киевский с 882 года. Объединил Новгород и Киев – 23, 63, 66, 69–70, 73–76, 80–81, 83, 85, 441–443.

Олег Красный (ум. 1258), сын Ингвара Игоревича, кн. Рязанский – 410, 412.

Олег (ум. 977), сын Святослава Игоревича, кн. Древлянский (см. табл. 1, № 4) – 100, 103, 107–108, 167.

Олег (ум. 1180), сын Святослава Олеговича, кн. Новгородско-Северский (см. табл. 2, № 14) – 308, 318, 330.

Олег Гориславич (ум. 1115), сын Святослава Ярославича, кн. Владимирско-Волынский (1073–1076), кн. Тмутороканский с 1083, кн. Черниговский с 1094, кн. Новгородско-Северский с 1097 года. Инициатор многих княжеских усобиц, отсюда его прозвище (см. табл. 1, № 37) – 198–200, 202, 216–219, 229–231, 238–241, 245–246, 253–254, 256, 258–260, 263, 346, 436–438.

Олег (XIII век), кн. Курский – 385, 419, 434.

Олексинич (Алексей), сын византийского имп. Ионна II Комнина – 258.

- Ольга** (ум. 969), жена Игоря Старого, мать Святослава, киевская княгиня (945–964). В 959 году крестилась в Константинополе (см. табл. 1, № 2) – 19, 25, 51, 73, 86, 92–103, 133, 442.
- Ольга** (в монашестве Евфросиния, ум. 1183), дочь Юрия Долгорукого, жена Ярослава Осмомысла – 334.
- Ольговичи**, потомки Олега Гориславича (см. табл. 2, № 2) – 35, 271–272–273, 280, 283, 284–285, 289, 292–294, 318, 340, 352, 355–358, 362–363, 365–367, 370–371.
- Остромир**, новгородский княжеский посадник с 1054 года. С его именем связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности – Остромирово Евангелие (1056/57) – 173.
- Петр Симеонович**, болгарский царь (927–970) – 85.
- Позвизд**, сын Владимира Святославича (см. таб. 1, № 14) – 142.
- Поликарп** (XIII в.), монах Киево-Печерского монастыря. См. также Симон – 15, 31, 33–34, 309.
- Предслава**, дочь Владимира Святославича – 153, 157.
- Предслава**, дочь Святополка Изяславича, жена венгерского короля Лодислава – 258.
- Рогволод** (ум. 980), кн. Полоцкий – 108–109.
- Рогволод**, см Борис Всеславич.
- Рогволод** (XII век), сын Бориса Всеславича, кн. Полоцкий – 269–270, 277.
- Рогнеда** (Горислава, ум. 1000), дочь Рогволода Полоцкого, первая жена Владимира Святославича – 108–109, 111, 148.
- Роман I Лакапин** (ум. 948), византийский имп. (920–944), тесть и соправитель Константина VII Багрянородного – 83–86, 91.
- Роман** (ум. 1119), сын Владимира Мономаха, кн. Владимирско-Волынский с 1119 (см. табл. 4, № 12) – 264, 434, 442.

- Роман** (XII–XIII вв.) сын Глеба Ростиславича, кн. Рязанский с 1180 – 331, 333–334, 343–344, 346.
- Роман** (ум. 1217), сын Игоря Глебовича, кн. Рязанский – 366–369, 377.
- Роман** (XIII век), сын Михаила Всеволодовича, внук Всеволода Черного, кн. Брянский – 410, 420, 422.
- Роман** (Романко, ум. 1205), сын Мстислава Изяславича, кн. Новгородский (1168–1169), кн. Владимирско-Волынский с 1170 и одновременно с 1199 – кн. Галицкий (см. табл. 4, № 26) – 352, 355–358, 362.
- Роман** (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича, кн. Смоленский, кн. Новгородский, вел. кн. Киевский с 1172 – 299, 308, 314, 317–318.
- Роман** (ум. 1079), сын Святослава Ярославича, кн. Тмутороканский с 1073 (см. табл. 1, № 38) – 198, 202.
- Романовичи**, сыновья Романа Мстиславича – 363, 365.
- Ростислав** (ум. 1066), сын Владимира Ярославича, кн. Тмутороканский с 1064 (см. табл. 1, № 29) – 20, 53, 173, 175.
- Ростислав** (1070–1093), сын Всеволода Ярославича, кн. Переяславский с 1093 (см. табл. 4, № 4) – 181, 203–204, 210–212.
- Ростислав** (ум. 1120), сын Давыда Святославича (см. табл. 2, № 4) – 262.
- Ростислав** (ум. 1167), сын Мстислава Великого, кн. Смоленский с 1127, вел. кн. Киевский (1154 и с 1159) (см. табл. 4, № 16) – 55, 268, 270, 274, 280, 283, 293, 297, 300–303, 305–306, 308, 394.
- Ростислав** (XIII век), сын Мстислава (Бориса) Старого – 346.
- Ростислав** (ум. 1218), сын Рюрика Ростиславича, кн. Торчешский, вел. кн. Киевский с 1205 – 245, 252, 256–257, 346, 348, 358, 363–364, 375.
- Ростислав** (ум. 1217), сын Святослава Глебовича, кн. Рязанский – 377.

- Ростислав** (ум. 1151), сын Юрия Долгорукого, кн. Новгородский, кн. Переяславский (см. табл. 5, № 5) – 273, 276–277, 284, 286–291, 326.
- Ростислав** (ум. 1214), сын Ярослава Всеволодовича Черниговского, кн. Сновский (см. табл. 2, № 22) – 346, 356.
- Ростиславичи**, сыновья Ростислава Владимировича (см. табл. 1, № 29) – 202, 229, 241.
- Ростиславичи**, сыновья Ростислава Мстиславича (см. табл. 4, № 16) – 317.
- Ростиславичи**, сыновья Ростислава Юрьевича (см. табл. 5, № 5) – 322–324.
- Рюрик** (ум. 879), варяг. Согласно летописи, в 862 году был приглашен княжить в Северо-Западную Русь – 5, 53, 67–69, 441.
- Рюрик** (ум. 1092), сын Ростислава Владимировича, кн. Перемышльский с 1084 (см. табл. 1, № 43) – 20, 203, 339.
- Рюрик** (ум. 1215), сын Ростислава Мстиславича, кн. Черниговский, вел. кн. Киевский (см. табл. 4, № 23) – 209, 305, 308, 317, 352, 355–358, 362–366, 369–370, 372, 375.
- Сбыслава**, дочь Святополка Изяславича, жена польского кн. Болеслава III Кривоустого – 256.
- Святополк** (1050–1113), сын Изяслава Ярославича, кн. Полоцкий (1069–1071), кн. Новгородский с 1078, кн. Туровский с 1088, вел. кн. Киевский с 1093 (см. табл. 1, № 32) – 17, 24–25, 33, 41, 180–181, 198, 204, 210–213, 216–220, 228, 230–231, 241–245, 247–248, 250–262, 426–427, 429, 433–434.
- Святополк** (ум. 1154), сын Мстислава Великого, кн. Новгородский, кн. Владимирско-Волынский (см. табл. 4, № 15) – 271, 275–277, 285, 290, 294, 296, 299.
- Святополк Окаянный** (ум. 1019), сын Ярополка Святославича, приемный сын Владимира Святославича, кн. Туровский. В борьбе за княжеский престол убил своих сводных братьев: Бориса, Глеба и Святослава (см. табл. 1, № 16) – 29, 46, 66, 110–111, 142, 149–154, 156–160, 377.

- Святополчичи**, сыновья Святополка Мстиславича – 365.
- Святослав** (ум. 1166), сын Владимира Давыдовича, кн. Вщижский (см. табл. 2, № 11) – 306.
- Святослав** (ум. 1015), сын Владимира Святославича, кн. Древлянский. Убит по приказу Святополка Окаянного (см. табл. 1, № 7) – 142, 156.
- Святослав** (ум. 1114), сын Владимира Мономаха, кн. Смоленский (см. табл. 4, № 6) – 217, 263, 434.
- Святослав** (Святославец, ум. 1194), сын Всеволода Олеговича, кн. Туровский (1142), кн. Владимирско-Волынский (1142–1146), кн. Черниговский с 1164, вел. кн. Киевский с 1177 (см. табл. 2, № 12) – 276–277, 279–281, 285, 292, 300–301, 305–306, 309, 318, 322, 330, 333–334, 336, 339–342, 346, 348, 352.
- Святослав** (Гаврила, 1196–1252), сын Всеволода Большое Гнездо, кн. Новгородский, кн. Суздальский с 1238, вел. кн. Владимирский с 1246 (см. табл. 5, № 19) – 352, 354, 365, 370–371, 381, 385–388, 392, 397–398, 402, 404–406, 408, 408–410.
- Святослав** (XII–XIII вв.), сын Глеба Ростиславича, кн. Рязанский – 343–346, 367.
- Святослав** (Святоша, ум. 1142), сын Давыда Святославича, кн. Черниговский (см. табл. 2, № 6) – 259, 262.
- Святослав** (942–972), сын Игоря Старого, вел. кн. Киевский (см. табл. 1, № 3) – 20, 54, 66, 86, 92, 94–96, 99–108, 442.
- Святослав** (ум. 1164), сын Олега Гориславича, кн. Новгородский (1136–1138, 1139), кн. Белгородский с 1141, кн. Черноговский с 1154 (см. табл. 2, № 9) – 275, 281, 285, 292, 296–298, 301–302, 305–306.
- Святослав** (XII в.), сын Олега Святославича, кн. Рыльский – 334, 340.
- Святослав** (ум. 1170), сын Ростислава Мстиславича, кн. Новгородский – 301, 304–306.
- Святослав** (ум. 1217), сын Святослава Глебовича, кн. Рязанский – 377.

- Святослав** (1027–1076), сын Ярослава Мудрого, кн. Черниговский с 1054, вел. кн. Киевский с 1073 (см. табл. 1, № 24) – 33, 37, 163, 171–173, 175–176, 178–181, 183, 186–187, 190, 194, 198, 202, 228, 291–292, 438.
- Сильвестр** (ум. 1123), игумен Выдубицкого Михайловского монастыря под Киевом, 1118–1123 – переяславский епископ. Автор первой редакции Повести временных лет – 17, 25–27, 38–41, 43, 45, 261, 264.
- Симеон Болгарский** (ум. 927), болгарский кн. с 893, царь – с 919 – 73, 83–85, .
- Симон**, владимирский епископ (1214–1226). Его переписка с Поликарпом легла в основу «Киево-Печерского патерика» – 15, 31–36, 361, 375–376, 381, 384–385, 392.
- Станислав**, сын Владимира Святославича, кн. Смоленский (см. табл. 1, № 18) – 142.
- Стефан**, сын и соправитель византийского имп. Романа I Лакапина в 924–944 – 86–87.
- Судислав** (ум. 1063), сын Владимира Святославича, кн. Псковский (см. табл. 1, № 13) – 142, 164, 172–173.
- Татищев В. Н.** (1686–1750), русский государственный деятель, историк. Автор «Истории Российской с самых древнейших времен» – 7, 14, 21, 41.
- Теодорих I Великий Веронский**, король остготов (493–526). Основатель Остготского королевства в Северной Италии – 314.
- Феодор** (ум. 1294), сын Романа Олеговича, внук Олега Красного, кн. Рязанский – 421.
- Феодор Черный** (ум. 1300), сын Ростислава Мстиславича, внук Мстислава Давыдовича, кн. Ярославский – 420–422.
- Феодор**, см. Ярослав Всеволодович.
- Феодор** (1219–1233), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича – 381, 397.

Феодосий Печерский, один из основателей Киево-Печерского монастыря, его игумен с 1062 по 1074 – 26–30, 32, 35, 37–39, 43, 45, 51, 170–171, 186–198, 205–208, 220, 260–261.

Феопемпт, первый известный Киевский митрополит с 1039 – 166.

Фотий, Константинопольский патриарх (858–867, 877–886) – 68, 440.

Хоздрой (Хосров II Первиз), персидский царь (590–628) – 62.

Юрий (Георгий, XII–XIII вв.), сын Андрея Боголюбского, кн. Новгородский (см. табл. 5, № 21) – 317.

Юрий Долгорукий (ум. 1157), сын Владимира Мономаха, кн. Суздальский с 1125, вел. кн. Киевский с 1155 (см. табл. 4, № 5) – 15, 33, 35, 231, 260, 271–272, 276–277, 280, 284–305, 308, 316, 318, 322, 327–329, 333, 335, 339, 347–348, 351, 354, 373, 379, 384, 392.

Юрий (Георгий, 1189–1238), сын Всеволода Большое Гнездо, вел. кн. Владимирский (1212–1216, 1218–1238). Основатель Нижнего Новгорода (см. табл. 5, № 16) – 349, 354–355, 359, 361, 365, 367–368, 371–372, 374–388, 390, 392–393, 396–398, 400, 402, 404–405.

Юрий (ум. 1237), сын Игоря Глебовича, кн. Рязанский – 367.

Юрий (ум. 1174), сын Ярослава Святославича, кн. Муромский – 307–308, 318.

Юрьевичи, сыновья Юрия Долгорукого (см. табл. 5) – 323.

Ян Вышатиц (ум. 1106), киевский воевода, один из информаторов летописца – 38–39, 166, 181–184, 204, 207, 212, 259, 313.

Янка (ум. 1112), дочь Всеволода Ярославича. В основанном ею Андреевском монастыре в Киеве открыла первую из-

- вестную в истории Руси школу для девочек – 54, 204, 262, 278, 432.
- Ярополк** (ум. 1139), сын Владимира Мономаха, кн. Переяславский с 1114, вел. кн. Киевский с 1132 (см. табл. 4, № 8) – 256, 258–259, 262–264, 266–267, 269–274, 278, 434.
- Ярополк** (ум. 1086), сын Изяслава Ярославича, кн. Туровский, кн. Вышегородский, кн. Владимирско-Волинский с 1078 (см. табл. 1, № 33) – 51, 181, 198, 200–203, 229–230, 242, 245.
- Ярополк** (XII век), сын Романа Ростиславича, кн. Смоленский (1172–1175) – 317, 324–327, 332.
- Ярополк** (ум. 1196), сын Ростислава Юрьевича, кн. Суздальский (см. табл. 5, № 15) – 271, 317, 322–325, 334.
- Ярополк** (ум. 980), сын Святослава Игоревича, вел. кн. Киевский с 972 (см. табл. 1, № 6) – 66, 100, 103, 107–111, 167.
- Ярополчичи**, сыновья Ярополка Изяславича (см. табл. 1, № 33) – 251.
- Ярослав Осмомысл** (ум. 1187), сын Владимира (Владимирка) Володаревича, кн. Галицкий с 1153 – 346–347.
- Ярослав** (XII–XIII вв.), сын Владимира Мстиславича, кн. Новгородский – 343–344, 352–353, 363, 365.
- Ярослав Мудрый** (ум. 1054), сын Владимира Святославича, кн. Ростовский, кн. Новгородский, вел. кн. Киевский с 1019 (см. табл. 1, № 12) – 14, 20, 24–25, 29, 32, 46, 49, 52, 66, 70, 111, 142, 148–149, 153, 156–168, 171–173, 202, 221, 274, 443–444.
- Ярослав** (ум. 1200), сын Всеволода Олеговича, кн. Черниговский (см. табл. 2, № 13) – 346, 353–354.
- Ярослав** (Феодор, 1190–1246), сын Всеволода Большое Гнездо, кн. Переяславский (1200–1206), кн. Новгородский, вел. кн. Владимирский с 1238 (см. табл. 5, № 18) – 349–350, 354–355, 357, 363–365, 367–368, 370–371, 374, 376, 380–382, 384–389, 392–394, 396, 398, 404–408, 410–414, 416.

- Ярослав** (XII век), сын Изяслава Мстиславича, кн. Туровский с 1146, кн. Новгородский до 1154, кн. Луцкий – 280, 299, 302–303, 305, 318.
- Ярослав Красный** (ум. 1199), сын Мстислава Юрьевича, кн. Волоколамский, кн. Переяславский (см. табл. 5, № 13) – 328, 333.
- Ярослав** (Ярославец, ум. 1123), сын Святополка Изяславича, кн. Владимирско-Волынский с 1100 (см. табл. 1, № 47) – 231, 251–255, 262–264, 427, 432.
- Ярослав** (ум. 1129), сын Святослава Ярославича, кн. Черниговский с 1097, кн. Муромский с 1127 (см. табл. 1, № 35) – 239–241, 267–268, 270.
- Ярослав** (ум. 1166), сын Юрия Долгорукого (см. табл. 5, № 12) – 307–308.
- Ярослав** (ум. 1102), сын Ярополка Изяславича, кн. Брестский (см. табл. 1, № 48) – 254–256, 258.
- Ярослав** (Афанасий, 1230–1272), сын Ярослава (Феодора) Всеволодовича, вел. кн. Тверской с 1247 – 406, 411–412.
- Ярославичи**, потомки Ярослава Мудрого (см. табл. 1, № 12) – 53, 186, 270, 422.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку	57
Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку	262
Приложения	
Продолжение «Повести временных лет» по Ипатьевской летописи	425
Начальная часть младшего извода Новгородской Первой летописи	438
Из Софийской первой летописи	443
Комментарии	445
Список литературы	504
Родословные таблицы основных русских князей X–середины XIV вв.	506
Именной указатель	512

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 17.09.2013 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 22,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10071-8

9 785426 100718

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
- Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
- Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
- Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
- Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
- Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
- Повесть Временных Лет, 544 с.
- Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
- Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
- Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шоссе, д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)